АНДРЕЙ ВАСИЛЬЧЕНКО

МИСТИКА «СС»

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЧЕНКО

МИСТИКА СС

Москва
«Яуза»
2005

ББК 63.3(0)62
В 19

Оформление серии художника *С. Груздева*

Васильченко А.

В 19 Мистика СС. — М.: Яуза, 2005. — 448 с., ил. — (Оккультная власть).

ISBN 5-87849-170-2

Привлекая ранее неизвестные отечественному читателю документы, кинохроники и фотоматериалы, автор книги Андрей Васильченко скрупулезно восстанавливает мистическую доктрину СС — «охранных отрядов» нацистской партии. Особое внимание в книге уделяется тайным учениям, поборником которых являлся Генрих Гиммлер, а также «эсэсовским святыням» и ритуалам, отправляемым в «Черном ордене». Руководство СС планировало создать на территории Германии собственное теократическое государство. Сложенная из множества исторических фактов картина способна вызвать удивление даже у искушенного читателя.

ББК 63.3(0)62

ISBN 5-87849-170-2

Самым красивым и очаровательным в мире ярославским девушкам посвящается: Лене Ш., достойной кисти Боттичелли, Ане П. — самому веселому и милому ангелу, Ире К. — большой любительнице цветов и маленьких букашечек. Татьяне К — звездочке ярославской журналистики, а также многим другим, оказывавшим незримую моральную поддержку.

Введение

Престарелый колдун Перун Маркович Неунывай-Дубино из отдела Воинствующего Атеизма взял отпуск для очередного перевоплощения. В отделе Вечной Молодости после долгой и продолжительной болезни скончалась модель бессмертного человека.

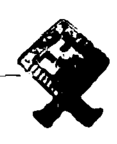
Братья Стругацкие.
«Понедельник начинается в субботу»

31 марта 1944 года имперский врач СС Эрнст Гравитц передал в руки адъютанту рейхсфюрера СС, оберштурмбаннфюреру Брандту в высшей мере странное письмо, которое надлежало показать лично Генриху Гиммлеру. Приведу его текст ниже:

«Касательно мухоподобной ведьмы Насаф, разносящей эпидемии.

Дорогой товарищ Брандт!

Относительно процитированного Вами отрывка из учения Мюллера о ведьме Насаф, распространяющей эпидемии, я могу сообщить следующее.



От господина профессора Райнера Мюллера (директора Гигиенического института при Кёльнском университете) я узнал, что учение *Заратустры* предполагает существование демоницы Насаф, которая в виде мухи садится на трупы, вызывая их разложение. Более мелкие подробности ему не известны. Он также не может сделать каких-то новых литературных ссылок по этой теме, так как его библиотека до сих пор хранится в бомбоубежище.

Но ему известно, что Вельзевул во многом идентичен древнему богу Экрона, который повелевал мухами. В Библии (в книге Царств) говорится об экронском боге Ваал-Зебубе, поклонение которому совершалось, когда в Израиле царствовал Ахазия.

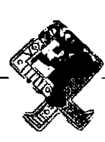
Я предполагаю, что в религиозной и исторической литературе можно найти кое-что по этому вопросу. Но в настоящий момент подобную справку невозможно составить, так как в Берлине закрыты все библиотеки и книгохранилища.

С наилучшими пожеланиями, *Гравитц.*

Хайль Гитлер!»

Как видно уже из самого текста письма, оно являлось ответом на какой-то запрос. Действительно, такой запрос был. Его направил 8 октября 1943 года адъютант Гиммлера на адрес главного эсэсовского врача. В этом запросе содержалась следующая строчка: «Райнер Мюллер (Кёльн), один из самых известных бактериологов, пишет в своей «Истории о причинах возникновения эпидемий», что крестьяне верили в существование ведьмы Насаф, которая была способна обращаться в муху. Она была некой персонификацией заразы, которая могла проникнуть в тело любого человека».

Но почему Генрих Гиммлер проявил столь повышенный интерес к профессору Райнеру Мюллеру? Для этого было два повода: отравляющие вещества и расовая гигиена. В свое время в 1935 году Мюллер написал учебник по общей гигиене. В этом учебном пособии была отдельная часть «Земля и вода», в которой содержалась глава «Отходы». В этой главе имелся раздел «Трупы», в котором зна-



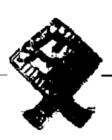
чился пункт «Разновидности захоронения». Так вот, кроме прочих видов погребения трупов подробно описывалась кремация. Более того, там говорилось, что крематории не в состоянии справиться с сожжением трупов при массовых эпидемиях или крупных сражениях. В качестве примера приводилась ситуация 1921 года, когда в Петрограде из-за недостатка дерева вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Не менее подробно рассматривались и другие способы «утилизации» трупов: бальзамирование, скидывание в воду, растворение в глиняных чанах нитратом аммония и «воздушное погребение».

В части, повествовавшей о «воздушном погребении», описывались похоронные обычаи персов. Это племя в свое время жило на территории нынешнего Ирана, но со временем под давлением мусульман было вынуждено переселиться на Кавказ и в Индию. Именно у персов практиковалось «воздушное погребение» в «башнях молчания». Кроме этого, Мюллер делал ссылки на Плиния, который сообщал, что в Трое возводили специальные саркофаги (само это слово значило «плотоядное животное»). Тело умершего помещали в саркофаг и оставляли на 40 дней. После прохождения этого срока от трупа не оставалось ничего, кроме зубов и костей. Но так как эти подобия «гробов» размещались на столбах и не были герметичными, личинки трупных мух уничтожали мягкие ткани мертвого тела быстрее, чем за 40 дней. Еще Карл Линей писал, что павшая лошадь уничтожается личинками навозных мух быстрее, нежели львами. У многих первобытных народов также практиковалось «воздушное погребение». Тела размещались на деревьях, где они должны были служить пищей для насекомых и птиц. В Центральной Азии трупы обычно клали на открытое место, дабы они пожирались собаками и волками. Подобную сцену Гиммлер мог наблюдать в кадрах фильма «Тайны Тибета», где трупы трех женщин обгладывала дюжина коршунов. Некое подобие «башен молчания» существует и в Бомбее. Там размещаются мертвые тела, которые не

должны осквернять сакральные элементы: землю, воду и огонь. Трупы фактически моментально съедаются стервятниками, которые постоянно там кружатся.

Мы не знаем, какой конкретный случай стал поводом для того, чтобы в разгар войны Гиммлер распорядился заняться исследованиями о Насаф. Возможными видятся два сценария, о которых мы уже упоминали выше: с одной стороны, поиск быстрых и оптимальных путей утилизации трупов, с другой стороны, поиск в древних источниках упоминаний об отравляющих веществах. Вполне возможно, что к октябрю 1943 года большое количество трупов превратилось в серьезную проблему для руководства СС, а потому не исключено, что эта книга должна была помочь справиться с такой задачей. Так что нет ничего удивительного, что эсэсовское руководство обратило внимание на учебник одного из самых крупных германских специалистов в области гигиены. В книге Райнера Мюллера в качестве «помощников» утилизации трупов выступали собаки, волки, хищные птицы и насекомые. Собаки сразу же отпадали, так как являлись домашними животными. Волки и хищные птицы были в Германии достаточно редким явлением. К тому же их содержание не могло покрыть затрат на утилизацию мертвых тел. Оставались только насекомые. Наиболее хорошо для этого подходили личинки мух, которые не просто могли уничтожить трупы, но не способствовали возникновению эпидемий. Так возникает первая версия, почему руководство заинтересовалось персидскими обрядами погребения, в особенности ролью мух. На эту мысль могла навести и другая работа Райнера Мюллера «Медицинская микробиология» (1939), где он конкретно указывает на мухоподобную ведьму Насаф. Впрочем, эта тема так и не получила дальнейшего развития ни с началом войны, ни когда СС начали усиленно заниматься этим вопросом в середине 40-х годов.

А может быть, интерес к Насаф стал простым стечением обстоятельств? Гравитц убедительно ссылался на Библию, в которой



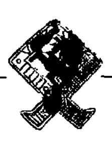
упоминался Вельзевул (Ваал-Зебуб), являвшийся повелителем мух. Почти во всех монотеистических религиях это существо являлось обозначением Сатаны — предводителя нечистых духов. Не исключено, что еврейские источники просто позаимствовали из персидской мифологии сюжет о Насаф, которая рассматривалась как дух, распространявший нечистоты.

Но все-таки удивительно, что при решении вопроса об уничтожении трупов эсэсовское руководство в основном занималось обсуждением сюжета о демонице Насаф. В этот «исследовательский» процесс был вовлечен даже главный имперский врач СС — Гравитц. Если бы речь шла об исследовании религиозно-философских аспектов проблемы, то, скорее всего, Гиммлер подключил бы к изысканиям кого-нибудь другого, но никак не врача. Но, как известно, Гравитц был одним из разработчиков газовых камер, где предполагалось проводить массовое умерщвление при помощи газа «Циклон Б». В данном случае оказалось, что мистический по своей сути сюжет имел вполне утилитарное значение. Демоница Насаф была всего лишь «технологией», которая должна была помочь быстро уничтожить следы жутких преступлений. Но иногда мне, как историку, приходилось сталкиваться с документами, которым не находилось никакого рационального объяснения. В большинстве своем все они выходили из недр СС, возглавляемых Генрихом Гиммлером.

Об оккультизме Третьего рейха в последнее время в России выпущено немало книг, и вряд ли имелась необходимость писать еще одну, если бы большинство прошлых изданий не походили друг на друга, как сиамские близнецы. Оно не удивительно, ведь большая часть из них являлась компиляцией из давно появившихся на русском языке «Оккультных корней нацизма» (Н. Г. Кларк), «Утра магов» (Л. Повель и Ж. Бержье) и «Копья судьбы» (Т. Равнескрофт). Как ни крути, но от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Вряд ли можно было написать что-то новое, опираясь на факты и

сведения не то чтобы устаревшие, но уже давно превратившиеся в классику. Не стоит забывать, что ряд книг просто изобилует фактическими ошибками и какими-то болезненными домыслами. В одной из книг останки Генриха I («Птицелова») таинственным образом переместились из замковой церкви города Кведлинбург в «черный Камелот Гиммлера», замок Вевельсбург. В другой — создателями легендарной организации «Наследие предков» («Аненербе») стали Фридрих Хильшер и Карл Хаусхофер, по сути не имевшие к СС никакого отношения. В третьей — исторические персонажи оказались там, где никогда в жизни не бывали. В четвертой — ритуальное имя личного мага рейхсфюрера СС из Вайстора превратилось в Вейстхора. В пятой — «Германен Орден» превратился в «Орден Германян» (армянские нацисты?).

Иной читатель может отмахнуться — мол, ерунда и мелочи. Может быть, и мелочи. Но хочу напомнить о существовании такой игры — пазлы, где из крошечных фрагментов собирается какая-то картина. Стоит ошибиться пару раз, и весь облик прямо на глазах начинает меняться. Ладно, если играющие знают, что в итоге должно получиться. А если нет? Так и в данном случае. Ошибка в одном месте, небрежность в другом — и на свет появляется нечто нелепое, не имеющее никакого отношения к действительности. И это не просто аллегория. В одной из книг, посвященных оккультно-нацистской тематике, я прочитал чудовищное по своей сути предложение. В нем говорилось, что в 1941 году писатель и эсэсовский исследователь Отто Ран поехал на Ближний Восток, дабы поднять там антиколониальное восстание, направленное против англичан. Автору этого пассажа, чье имя я опущу, видимо, было невдомек, что Отто Ран покончил с собой в 1939 году, а потому не мог принимать три года спустя участие в экспедиции. Так же было, видимо, невдомек, что в 1941 году эсэсовские структуры хотели спровоцировать антианглийские выступления отнюдь не на Ближнем Востоке, а в Тибете и в Афганистане (мелочь, всего — несколько



тысяч километров, но ведь лежат-то в Азии). Автору, видимо, было неизвестно, что это предприятие должен был возглавлять тибетолог Эрнст Шефер. Вот так несостоявшаяся экспедиция Эрнста Шефера в Афганистан и на Тибет превратилась в антиколониальное восстание на Ближнем Востоке, организованное призраком Отто Рана. А ведь кто-то, незнакомый с документами и оригинальной литературой, может поверить в этот бред. Как-то мне пришлось просидеть в Интернете несколько дней, доказывая жителям очень ближнего зарубежья, наивно считающим себя специалистами по «Аненербе», что личный маг рейхсфюрера СС Карл Мария Виллигут никогда не состоял в «Наследии предков». Равно как там никогда не состоял и Отто Ран, занимавшийся поисками Грааля. Безуспешно. В ответ я услышал только один аргумент: «А где они могли состоять, как не в Аненербе?». Вот результат неточностей и мелких ошибок. Некоторым уже не требуется историческая правда, им не хочется знать о существовании персонального штаба рейхсфюрера СС и Главного управления СС по вопросам расы и поселений, где числились указанные персонажи. Нет ничего страшнее воинствующего профанизма, ибо он свято убежден в своей правоте.

Вообще, за перо по столь специфической теме меня заставили взяться два обстоятельства. Во-первых, после выхода моей книги, посвященной «Наследию предков», на меня посыпались упреки в том, что я снимаю оккультный налет с нацистского режима. На самом деле я не делал ничего подобного — просто попытался проиллюстрировать знаменитую пословицу, что «трудно искать черную кошку в темной комнате, тем более, если ее там нет». Мне хотелось сказать, что не стоит приписывать Аненербе то, чем оно никогда не занималось. Между тем мистики и оккультизма в Третьем рейхе было предостаточно. Поэтому, с одной стороны, эта книга как бы является ответом на во многом несправедливые упреки, высказанные различными людьми.

С другой стороны, литература, издаваемая в последнее время по оккультно-нацистской тематике, разочаровывала меня отсутствием свежих фактов. Авторы явно не желали знакомиться с документами. Да и с концептуальной точки зрения их книги были малооригинальными. Весь нацистский оккультизм умещался в примитивную схему: *общество Гвидо фон Листа — «Германский орден» — «Орден новых тамплиеров» — общество «Туле» — гитлеровская партия — СС — «Наследие предков»*. Может быть, эта схема и была хороша лет тридцать назад, но сейчас ею можно изумить разве что школьников, которые ничего не знают по данной проблеме. Я бы не стал писать книгу, если бы собирался только перечислить какие-то новые факты, которые удалось найти в различных источниках. Я намерен сложить из пазлов свою картину, которая отличается от традиционной модели. В душе я надеюсь, что она поможет многим изменить свои взгляды относительно нацистского оккультизма.

Глава первая

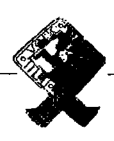
Альфред Шулер и мистика света крови

И стройный человек в одежде синей
Шел молча первым и смотрел вперед.
Ел, не жуя, дорогу шаг его,
Тяжелой ношей из каскада складок
Свисали крепко стиснутые руки,
Почти совсем забыв о легкой лире,
Которая врастала в левый локоть,
Как роза в сук оливковый врастает,
Раздваивались чувства на ходу
Взор, словно пес, бежал вперед стремглав,
Бежал и возвращался, чтобы снова
Бежать и ждать на ближнем повороте, —
А слух, как запах, мешкал позади.

Райнер Мария Рильке
«Орфей, Евридика Гермес»

Имя Альфреда Шулера почти не известно отечественному читателю. Но именно его, а не Гвидо фон Листа, не Йорга Ланца фон Либенфельса дотошные исследователи называют «первым гитлеровским пророком».

Когда и где произошла эта встреча, точно не известно. Но она во многом предопределила весь ход мировой истории XX века. Кто-то утверждал, что Адольф Гитлер познакомился с Альфредом Шулером в 1922 году в доме издателя Брукмана, где будущий фюрер слушал доклад великого мистика. Но эта версия оказалась несостоятельной, так как на самом деле будущий фюрер познакомился с



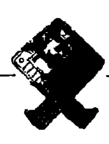
Брукманом, одним из крупнейших антисемитских издателей, только в 1924 году, год спустя после смерти Шулера.

Впрочем, это ничего не меняет. Есть сведения, что Гитлер познакомился с Шулером благодаря графу фон Ревентлову, старшему брату известной во всех эзотерических салонах Мюнхена Франциски фон Ревентлов. Это кажется очень правдоподобным, так как в то время Гитлер очень интересовался вопросами религии. Именно граф Ревентлов познакомил Гитлера с национальным героем, генералом Людендорфом. Именно Ревентлов в 1933 году учредил вместе с бывшим евангелическим священником Якобом Вильгельмом Гауером «Немецкое религиозное движение», которое должно было охватить все немецкие религиозные общины и стать костяком новой Имперской церкви. Однако критики этой теории заявляют, что Франциска (Фани) очень рано рассорилась со своей семьей, а потому вряд ли она могла вести частые разговоры со своим старшим братом.

Другим не менее вероятным «каналом» знакомства Гитлера с Шулером являлся медик Вильгельм Цайс. Он был дружен с Шулером еще на рубеже столетий, а позже поддерживал постоянную переписку с Гитлером, в которой он давал диктатору «космические предупреждения». Один из очевидцев вспоминал, как встречался с Цайсом на квартире «астролога и специалиста по тайным наукам» В. Моуфанга, проживавшего в Гейдельберге. Это происходило сразу же после Второй мировой войны. Эта встреча была, по сути, семинаром, на котором Цайс знакомил студентов с тезисами Шулера. Позже тот же очевидец встретился с Цайсом в его родном городе, где он установил специфический крест — символ идей Шулера. «Цайс рассказал, как его, молодого студента, отыскал Шулер, приобщил к внутреннему созерцанию космистов, после чего тот бросил обучение медицине в университете. Позже он признался, что находился в постоянной переписке с Шулером и обладал кипой бесценных автографов Шулера. То, что мне сейчас вспоминается, это большая, чуть покосившаяся фотография Шулера, висевшая на стене. Мимоходом

Цайс заметил, что где-то в ящиках лежала переписка с Гитлером, в которой он высказывал свои космические предупреждения». К сожалению, бумаги Цайса были утрачены в 50-е годы, и потому до сих пор очень сложно предположить, где и как Гитлер познакомился с Альфредом Шулером. Так кем же был человек, которого провозглашают «гитлеровским пророком»?

Альфред Шулер родился 22 ноября 1865 года в Майнце. Его отец женился на матери Альфреда только два года спустя после рождения сына, а потому некоторое время ребенок считался незаконнорожденным и носил фамилию Риз. Его родители были католиками, а отец занимал очень высокий пост в судебной системе. Свои гимназические годы Альфред провел в саарском городке Цвейбрюккен. В гимназии, где учился Альфред, углубленно изучали латынь. Именно по этому предмету он был оставлен на второй год. Его знание латыни не удовлетворяло учителей. До конца обучения ему ежегодно приходилось проходить переэкзаменовки. Первый парадокс, которых мы найдем еще немало. Современники считали реинкарнацией истинного римлянина человека, который с трудом справлялся с латынью. Один из его сподвижников Людвиг Клагес как-то напишет: «В Шулере нас, современников, привлекало наверняка беспрецедентное, а в рамках «всемирной истории» крайне редкое явление — несомненное возвращение священного трепета от уже ранее прожитой жизни или новое воплощение неугасших искр далекого прошлого». Позднее сам Шулер назовет это состояние «вторичным рождением». Незадолго до окончания гимназии умирает отец Альфреда. Теперь мать и сын живут на небольшую государственную пенсию. После окончания гимназии семья Шулера жила в Мюнхене, в скромной квартире в доме 69 по Луизен-штрассе. Почти сразу же Альфред поступил в Мюнхенский университет Максимилиана Людвига, где сначала изучал юриспруденцию, а затем историю, историю искусств, а также археологию. Он с удовольствием слушал лекции светил науки — профессоров Траубе, Фуртвенглера, Генриха Брунна. Но завершить свое академическое образование ему не было суж-

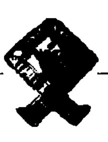


дено. В 1893 году молодой Шулер знакомится с философами Людвигом Клагесом и Карлом Вольфскелем. Год спустя он отправляется в Рим, где знакомится с поэтом Людвигом Дерлетом, который позже станет рупором агрессивного католицизма. Где-то в 1897 году Людвиг Клагес приводит Альфреда в кафе Штефана Георга. Четыре недели спустя уже на квартире Георга новичок излагает фрагменты своих идей. Чтобы оценить мистико-эзотерическое настроение подобных встреч и какое впечатление произвел Шулер, обратимся к описанию, которое дал Клагес.

«Кроме меня, присутствовали Георг, Вольфскель и его (Шулера) мать. Представлялось все так: помогала и обслуживала приглашенных Шулером его старенькая мать. В самой хорошей, но не очень вместительной комнате достаточно скромная продолговатая доска, которую накрывают роскошными яствами. Свет свечей и римского трехфитильного светильника. Перед ними на металлическом цоколе копия «Адоранта»[1]. За ней лавр и другая зелень. Вокруг каждой тарелки венок из благоухающих цветов; чувствуется аромат ладана. После трапезы он (Шулер) начинает зачитывать наиболее сильные фрагменты, постепенно усиливая могущественный пафос. Это создает, я подразумеваю, магическое поле, сплачивающее все родственное, изгоняющее и отталкивающее все чуждое. Старая мать оседает; Вольфскель невосприимчив в психическом и духовном плане. Он пытается подключиться и раствориться со всеми. Его жена сидит безучастно, так как для нее это «слишком возвышенно». Георг еле-еле справляется с растущим возбуждением. Бледнея, он встает за его стул. Кажется, он не понимает, что происходит. Духовное напряжение становится невыносимым. Никто не слышит точно, что возвещает Шулер. Однако из грохота его голоса растет вулкан, который выбрасывает раскаленную лаву, а из жара лавы растут багровые картины, отдаляющие сознание и лишающие его. Когда это оканчивается, точнее, как это оканчивается, остается неосознан-

---

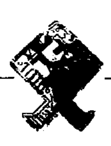
[1] Изваяние фигуры с простертыми к небу руками.



ным, *что это* было. Этого не знает никто. В это время Шулер держит в руке подготовленный букет: по одному лоскуту от венков, которые он разорвал, чтобы подарить гостям на прощание. Внезапно я оказываюсь вместе с Георгом на ночной улице. Только там я беру себя в руки: «Это безумие! Я не вынесу этого. Что Вы сделали, чтобы заманить меня туда? Это безумие! Верните меня обратно! Верните меня обратно в трактир к честным гражданам, где совершенно обычные люди курят сигары и пьют пиво! Я не вынесу этого!»

В мюнхенско-швабингском кружке «космистов», кроме самого Шулера, постоянно состояли Клагес, Дерлет, Георг, Вольскель, а позже и графиня фон Ревентлов. В разное время в нем бывали самые различные люди, например, «солнечный мальчик» Родерик Хух, который назвал Шулера «тайной душой космоса». Члены этого кружка, как правило, встречались в доме Вольфскеля. Возможно, причиной этого была обильная финансовая поддержка, которую получал Вольфскель от своего отца. Великолепное по стилистике, самоироничное изложение этого периода своей жизни дала отвергнутая всеми аристократами графиня фон Ревентлов в своем романе «Записки дам и господ». Родерик Хух, восхищавший многих своей молодостью и красотой, писал о немецкой богеме тех лет: «В действительности Швабинг был пестрой колыбелью изменявшегося мира. Космисты сплотились вокруг Клагеса и Шулера, нигилисты — вокруг Ленина (тогда тоже жителя Швабинга). Это хороший пример двух источников реновации жизни на совершенно противоположной базе, которые, однако, сходились в одном — воле к уничтожению материалистического мещанского порядка того времени».

В конце XIX века Шулер начинает писать диссертацию о значении свастики. Но она так и осталась незаконченной. В 1900 году разошлись пути Шулера и Клагеса. В 1901 году Шулер ссорится с Дерлетом. Затем возникает конфликт с Вольфскелем и Георгом. Позже Шулер не раз встречался с Вольфскелем. Впрочем, последний постепенно терял уважение к своему бывшему товарищу. Разрыв



же с Клагесом оказался окончательным. Шулер чувствовал себя окруженным тайным еврейским заговором. Об этом говорят его короткие заметки: «Двусмысленно-недвусмысленные фигуры таинственных сцен: темный раввин — ужасная галицийская еврейка — еврейский «мистик», очевидно, уполномоченный тайного ордена. Зависимость «Блеттер» [печатного органа, в котором публиковался Георг] от еврейского централа становится очевидной... Тайное руководство обнаружено, и руководителя зовут Вольфскель». Когда Вольфскель решил открыть некий еврейский «светильник крови», то этого оказалось достаточно, чтобы Клагес окончательно разорвал с ним отношения. Родерик Хух так описывал проблему распада кружка космистов: «Оба космиста — Шулер и Клагес — могли первое время спокойно общаться с Вольфскелем и другими чистокровными евреями, так как они искали не расу, а душу, сияющую духовную субстанцию. Вольфскеля они осудили только тогда, когда он захотел открыть сионистский «светильник крови», а значит, в их представлении, собирался изменить космическую душу». Клагес просто возненавидел Штефана Георга за его связи с различными юношами: «...педагогический Эрос направлен исключительно к еврейским юношам... и едва ли требуется исключительная проницательность, чтобы увидеть, что бог, в которого он верит и которого он воплотил в 15-летнем юнце по имени Кронфельд, ничто другое, как — Яхве!»

В 1912 году умерла мать Альфреда Шулера. Теперь у него не осталось средств к существованию. Он решил жить на средства своих покровителей. Позже он читал доклады перед состоятельной публикой, интересовавшейся оккультными и эзотерическими вопросами. За год до своей смерти Шулер читал доклады в доме издателя Гуго Брукмана и его жены Эльбы. Не пройдет двух лет, как завсегдатаем в их доме станет Адольф Гитлер. Обычно свое выступление Шулер заканчивал прочтением стихотворения: «Мы снова приходим, мы не мертвы». Среди восторженных поклонников, которых он нашел в доме Брукмана, был всемирно известный поэт Райнер

Мария Рильке. В 1925 году, глубоко впечатленный, он писал: «Представьте себе, что человек интуитивно переносится в древний императорский Рим, пытается дать объяснение миру, в котором представлял мертвых как ныне существующих, а царство мертвых как единственно непознанное бытие, а отведенную нам короткую жизнь представлял как некое исключение из этого. Все это подкреплено исключительной эрудицией, такими перепадами внутренних убеждений и переживаний, что смысл незапамятных мифов становится понятным, в русле его речей, казалось, столкнулись смысл и своенравие странного чудака, неся его по течению».

Альфред Шулер скончался 8 августа 1923 года во время операции на кишечнике, пораженном раком. Своим наследником он назначил последнего спутника жизни — молодого садовника Йозефа Майера.

С психоаналитической точки зрения Шулер никогда не оставался большой загадкой. Крайняя привязанность к матери, с которой он жил до ее смерти в одной квартире. Просьба похоронить его после смерти в соседней могиле. Все это указывает на классический эдиповый комплекс, по-видимому, с вытекающим оттуда неизбежным гомосексуализмом. Некоторые исследователи ассоциировали его с гомосексуалистами, но не расшифровывали свой анализ. Иные даже указывали на педофилические наклонности. В своих изображениях Древнего Рима Шулер уделял много места «домам мальчиков», впрочем, как и «домам девочек». Это могло указать на то, что его фантазии отличались от классического гомосексуализма. Впрочем, до сих пор неясно, имел ли действительно Шулер гомосексуальные контакты. Нередко описания сексуальных контактов он мог приводить как желаемый вариант во время погружения в историю.

Многие высказывания Шулера говорят о высокой степени самоосмысления. В своем предисловии к «Тиберию» он резюмировал: «Умственное одиночество и заглушенная безнадежность в пределах сильно подавляемой половой страсти... При этой попытке конструирования автопсихических состояний на гомосексуальной почве

инстинктивное чутье привело меня в глубь творчества назарейцев[1]... Повсюду переход к непосредственно придвигающейся реальности». Шулер также вел речь о своей «страсти» к офицеру Карлу М. Но при этом он подчеркивал, что «смелая и опасная реальность подобных отношений» вовсе не должна была автоматически основываться на взаимности. Впрочем, в те времена «опасность» такой «страсти» была преувеличена. Через одно из издательств Шулер установил контакты с Генри Папюсом, который в 1896 году под псевдонимом «Господин Ико» опубликовал брошюру «Случай Оскара Уайльда и проблема гомосексуализма». В ней он требовал отмены § 175 Уголовного кодекса Германии, который предусматривал преследование гомосексуалистов Альфред Шулер вел переписку с Генри Папюсом почти 15 лет. В 1902 году Шулер наряду с врачом Магнусом Хиршфельдом и другими видными деятелями Мюнхена стал учредителем Научно-гуманитарного комитета. Комитет был основан, чтобы бороться за отмену § 175, объяснить общественности, что собой являет гомосексуализм, и наладить сотрудничество с полицией по делу о вымогательстве и шантаже.

Сведения о гомосексуальных пристрастиях Шулера позже породили множество всевозможных спекуляций. В частности, некоторые авторы утверждали, что Гитлер и Шулер познакомились еще до Первой мировой войны, когда Адольф посетил одно из выступлений Шулера в Мюнхене и между ними возникла сексуальная связь. Любовная связь между Гитлером и Шулером, конечно, полная ерунда. Но некоторые очевидцы утверждают, что Гитлер действительно присутствовал на одном из публичных выступлений Шулера, где был просто околдован его непривычным национализмом и мистическим антисемитизмом.

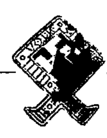
Почти постоянно Шулер был подвержен депрессиям, которые были вызваны его уединенностью и безнадежностью. У него появляются параноидальные черты. В частности, он заявлял, что его ду-

---

[1] Немецкие художники-романтики XIX века.

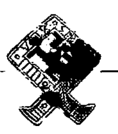
ховные устремления парализовал некто, перешедший через «черную реку». Он считал, что его семья пала жертвой сумрачных сил. Смерть его отца была связана с «убийственным запахом», его дом и имущество были разрушены. На его семью «как бы во сне нападают», ее изничтожают, словно издеваясь над ним. Сам он признавался, что никогда не боялся, но теперь его не покидает страх перед смертью. Его дела шли не очень хорошо. Он полагал, что его жизнь «была выпита алчным вампиром». Анализируя подобные высказывания, психоаналитик Кальтенбрунер сделал вывод: «Эта манихейская навязчивая идея о гнусном покушении Молоха на душу, кровь и жизнь прошла через весь *гнозис* Шулера».

Почти все изображения, в которых Шулер описывал конкретные сексуальные ситуации, ясно указывают на его мазохистские склонности. С другой стороны, о его садистском отношении говорит описанная им сцена, когда прирученные им ученики отрубали головы голубям. Так, Шулер писал в замечаниях к «Голубям Триаса»: « 30 сентября. Голуби Триаса являются в контурах детских воспоминаний о молодом кузнеце, крепким кулаком сносящим голову белого голубя... Маленькая ярко-красная лужа и замечание молодого 17-летнего убийцы Клеменса. Он с удовольствием свернул сизую головку, и теперь она свободно болтается на шее. В то же время я, полный горячей жадности от его свежей силы и жестокости, повелел убить еще трех голубей. И прямо на моих глазах он всадил ноготь большого пальца в затылок этим существам. Я наблюдал, как красный голубь в агонии расставался с жизнью». Затем слушателям были представлены рассказы о ритуальных убийствах и ужасы процессов над ведьмами. Темы, которые были предопределены не столько познавательным интересом, сколько его личным садизмом. Молодому рабочему Шулер советовал сжечь фабрику: «Не забудьте также школы, сиротские дома и приюты для глухонемых. Последние должны сгореть со своим содержанием. И ласкайте свой пенис, когда мышата, ворующее зерно общества, будут плясать в пламени». Шулер не просто классифицировал глухонемых как социаль-



ных паразитов, он призывал их сжечь. Но здесь он следовал вовсе не за социал-дарвинистскими посылами: сгорающие люди должны дать сексуальное возбуждение юношам. Шулер планировал также освободить великого Ницше от его безумия. Для этого планировалось провести особый обряд, когда вокруг философа должны были танцевать обнаженные юноши с браслетами на руках. При подобном лечении сексуальное возбуждение играло такую же важную роль, как созерцание болезней и жестокости. Какие сцены жестокости задумал Шулер, остается неизвестным. Но не исключено, что это могла быть некрофилическая оргия. Клагес утверждал, что Шулер видел в культе смерти некую эротическую мистерию. В доказательство этого Клагес приводил рассказ о том, как Шулер анализировал одно литературное произведение, в котором двое влюбленных ночью при свете луны впервые целовались на свежей могиле своей родственницы. Умершая родственница как бы вдохнула в них этот эротический порыв.

Как не покажется странным, но подобные взгляды нашли свое воплощение в Третьем рейхе. Речь здесь надо вести не о Гитлере, а о рейхсфюрере СС Генрихе Гиммлере. Он не раз высказывал мнение о том, что в древности у германских народов существовал обряд отдавать девочек на выданье в село, где они проходили инициацию, совокупляясь с сельскими юношами на могилах предков. Кроме этого, многие очевидцы говорили, что он лично присутствовал при наказаниях и казнях женщин-заключенных, а позже начал проецировать медицинские эксперименты в область сексуальных отношений. В этом вопросе он выглядел как весьма последовательный ученик Шулера. Хотя почему бы и нет. Они жили в одно время, на одной и той же немецкой земле. Шулер искал в то время себе высоких покровителей, а отец Генриха Гиммлера был воспитателем принца из королевского баварского дома Витгельсбахов. Хотя это только догадка.



* * *

Альфреда Шулера нередко называли *гностиком*. Что же скрывалось за этим понятием? Мистическое познание (*гнозис*) должно было дать ответ только на один очень старый вопрос — откуда берется зло — unde malum? Католики, каковыми были родители Шулера, не могли дать на него ясный ответ. Если все же Бог является Всемогущим и Всеблагим, то как он может допускать вмешательство в земную жизнь врага рода человеческого — Сатаны? И если он Всемогущ, то почему он просто не избавится от зла? Значит, он тоже ответственен за него? Аргумент о свободе как подарке Бога человеку, которая в итоге является условием для ошибочного пути в восприятии зла, сводит эту проблему к вопросам о качестве такой свободы, природе зла и его возникновении. До сих пор верующие не получили убедительных ответов на подобные вопросы. Именно в этом вопросе находилась ахиллесова пята христианской церкви.

Одновременно с формированием христианства в первые века нашей эры в античном мире стало формироваться учение, которое считало, что давало веский ответ на подобные вопросы. Это учение назвали гностицизм. Оно было достаточно пестрым и базировалось на еврейской (учение об Апокалипсисе), на греческой (учение Платона и стоиков), персидской (зороастризм) и даже индийской и египетской мистике. Дюжины религиозных групп строили различные системы с разнообразными богами, спасителями, представителями зла и также множеством добрых духов. Все это они снабжали собственной терминологией. Во многом эти группы и группочки отличались друг от друга, однако их объединяло одно — дуалистическая суть их учения. В дуализме имеются два божества, два царства: царство мрака и царство света со светлым божеством во главе. В гностическом «Тайном учении от Иоанна», апокрифическом сказании 4 века, этот светлый Бог описывался следующим образом: «Он — беспредельный свет, святая, истинная чистота. Он — Неописуемый, Совершенный и Бессмертный... Вообще невозможно, чтобы кто-то

понимал его. Он не является никем из существующих, но есть предмет, который превосходен. Не как если бы он был превосходен сам по себе, но его сущность даже не имеет доли вечности. Для него не существует времени... Перед ним не было никого, так как он существует только в самим собой востребованном совершенстве света, только им постижимом истинном свете. Беспредельная величина, вечный жертвователь вечности, свет, светлый жертвователь, жизнь, жертвователь жизни... Сказано нам — свет, который постижим только ему, который окружает его, который является источником жизни, светом полной чистоты, источником духа, живой водой».

В некоторых версиях гностической космогонии царство мрака наступало на царство света, что и приводило к злополучному смешиванию миров. Именно злое божество создавало землю, светлый же бог имел с ней мало общего. Светлый бог воплотил часть себя в материальном, сотворенном злым божеством мире, где свет оказался заключенным в душах живущих людей. Плененный в тюрьме материального тела божественный свет (душа человека) не знает о своей божественности и своем пребывании в телесной темнице. Она как бы одурманена, как бы спит. В манихейских исповедальных книгах говорилось, что душа родилась «в этом доме ужасов, этом замке смерти, в этой отравленной фигуре, воплощенной в костлявом теле».

В «Тайном учении от Иоанна» также описывалось возникновение материи и взятие души в телесный плен: злые архонты сделали новое творение из земли и воды, из огня и ветра, а значит, из материи мрака и желания и протестующего духа, что стало нашими оковами. Эту пещеру сотворенного тела они преподнесли человеку, наложив на него оковы забвения. Так человек стал смертным.

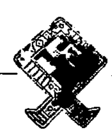
Но душу, которая забыла свое божественное происхождение, можно разбудить, привести ее к воспоминаниям. Это было доступно потомкам царства света, которые могут узнать о своей светлой божественной основе и вести истинное познание — по-гречески

«гнозис». Такие разбуженные люди почти сразу же играли роль пророков или священников.

Например, в «Тайном учении от Иоанна» Иисус Христос сообщал: «Я ведь являюсь богатством света. Я — мышление изобилия света. Однако я шел в величии мрака, и я выдерживал это до тех пор, пока я не покинул тюрьму... Это тюрьма тела. И я говорю: «Тот, кто слышит, проснется от глубокого сна»... Однако я сказал тебе все эти вещи, чтобы ты записал их и передал в сокрытом виде, так как эта тайна не для колеблющихся». Среди тайн, которые были переданы, значились и таковые: «Проклят каждый, кто передаст эти тайны ради еды, пития, одежды или других вещей».

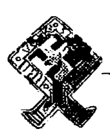
Наряду со строгим дуализмом, который предусматривал двух одинаково сильных божеств: светлого и темного, — всегда существовал более умеренный вариант Здесь наличествует только одна павшая светлая сущность, которой и приписывается ответственность за соединение материи и души. Зло здесь строго не отделено от добра, но является павшей частью светлого.

Следовательно, одна из основных мыслей *гнозиса* сводится к тому, что современный мир представляет собой некое переходное состояние, возникшее из-за какой-то ошибки, и в определенный момент все будет исправлено благодаря вмешательству божественного света. И хотя *гностики* часто называют Иисуса Христа Спасителем, но все же они не являются не только христианской конфессией, но даже христианской сектой. Конечно, христианство повлияло на *гностиков*, но вовсе не породило их. Корни гностицизма уходят слишком глубоко в древность. Самые первые следы можно найти в Иране. Примерно за 600 лет до нашей эры здесь распространял свое учение пророк *Зорастр* (*Заратустра*), создатель дуалистического Маздаизма — парсистизма. От названия последнего, кстати, и произошло название Персия. В этом учении доброе сверхбожество Ахурамазда (дословный перевод «Господь Премудрый») позволило создать темному божеству Анхра-Майнью (Ахриману) царство мрака. В определенной степени эти два божества были уравновешены:



Ахурамазда создает шестнадцать стран добра, столько же стран зла создает Анхра-Майнью. В противовес чистым «ахурийским» животным Анхра-Майнью создает драконов, змей и прочую нечисть. В настоящий момент персы оказались рассеяны по востоку и Индии, где они скрывались от мусульманского преследования.

Если так можно выразиться, на пятки Заратустре наступал другой перс, Мани, живший в 216 — 277 годах нашей эры. Он создал свое учение уже на основании существовавших религий. Переводя свои книги и тексты на иностранные языки, он надеялся создать некую мировую религию. Он был намерен объединять учения Заратустры, Будды и Христа. Его религиозное построение имело строго дуалистическую основу. В ней наличествовали два равносильных божества. К созданной им религии некоторое время вполне лояльно относились в империи Сасанидов. Но затем Мани был арестован. После длительного заключения он был казнен 26 февраля 277 года. Причина этого крылась в том, что зорастрийские священники увидели серьезную опасность в манихейском учении. Труп Мани был изувечен и выставлен на всеобщее обозрение. Почти тысячу лет с III по XIII век манихейство распространялось по Азии, Северной Африке и Европе. В VII веке центр манихейской религии переместился в Вавилон. В VIII — IX веках манихейство было официальной религией в государстве Уйгуров, располагавшемся на территории нынешней Турции. Учение Мани проникло даже в Китай, где просуществовало до XVII века! *Гностически* настроенные группы мусульман сохранились среди турецких алавитов Вот цитата из их «Книги теней»: «Когда появляется зародыш, то на него спускается хороший дух; это светлый дух веры, который создан Светлым богом. Теперь он заключен в теле... Он огорчен и плачет... Он созерцает тело, которое является тюрьмой для духа верующих... Он покинет это тело, когда наступит познание». На настоящий момент из 67,8 миллиона турок около 15 миллионов являются последователями алавитидской веры. Гностицизм существует до сих пор. Он дошел до нас в виде теософии, розенкрейцеров, антропософии. Кстати, создатель по-

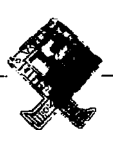


следней, Рудольф Штайнер, даже выпускал журнал «Люцифер-Гнозис». Гностицизм оказал влияние на творчество многих писателей и философов: Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Германа Гессе, Томаса Манна, Карла Густава Юнга, Мартина Хайдеггера и т.д.

Гностицизм разбивал все человечество на три группы, в зависимости от содержания в них света. В самом низу этой иерархии находились хюлики (от hyle, по-гречески материя). Их сущность следует уже из самого названия — пустая материя. Далее следуют физики. Они имеют, как уже отражено в их названии, душу и могут при определенных обстоятельствах «пробудиться». Выше могут быть только пневматики, состоящие из пневмы (божественного духа), которая изначально происходит от изобилия света — плеромы. Они представляют собой светлую вершину человечества. В одном из поздних *гностических* кодексов мы можем прочитать: «До конца мира будут жить три вида человека и их потомки: пневматический, психический и земной. Им соответствуют три загробных жизни: первый бессмертен. Второй проведет 1000 лет. О третьем в святой книге написано, что он будет изведен. Так, имеется три вида крестин: духовные, пламенные, и крещение водой». В другом месте мы можем прочесть о трехчастном делении человечества: «Пневматический вид как свет от света и как пневма от пневмы ждет полное спасение». «Психический вид как свет от огня медлит осознать». Он стоит «в середине» и должен сам определиться относительно добра. «Хюлический тип враждебен в любом отношении, так как он темен и препятствует подъему света... Он воплощенная ненависть к Господу» и обречен на забвение.

Если человечество однажды было разделено на три части, то далеко не всем было свойственно разделять элитарное положение носителей света. Ограниченные темные хюлики в своих собственных закрытых кругах заботились о своей божественности, которая благодаря миссионерской деятельности должна была подготовить новый подъем к свету. Следовательно, «превосходство» гностиков должно находиться в тени, не быть явным. Причем не всегда закры-

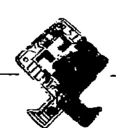
тость этих кругов избиралась добровольно. После того как христианство в Римской империи стало легальным, в государстве шла активная борьба различных конкурирующих религиозных систем, в том числе в борьбе принимали участие и гностики. Многие христиане и даже священники были сторонниками гностического пророка Мани, как бы поставляя боеприпасы для этой теологической войны. В молодые годы даже Блаженный Августин был приверженцем этої линии! Но вновь и вновь наш взгляд обращается на гностицизм в связи с событиями более поздними. В раннем Средневековье он получил очень широкое распространение в Северной Италии, рейнской Германии и Южной Франции. Новая вера прибыла в Западную Европу торговыми путями из Болгарии. Возникшее в Болгарии в X веке, это учение получило название богомильства, а последователи именовались богомилами. В определенной мере они наследовали еретическое учение павликан, которое было очень широко распространено в Восточной Римской Империи. Привившись в Западной Европе, это гностическое направление называлось по-разному. В немецких землях католические священники идентифицировали его с манихейством. Во Франции новых гностиков назвали альбигоїцами (от города Альби), вальденсами (от имени лионского купца Пьера Вальод, который, как гласят легенды, роздал свое имущество и провозгласил бедность жизненным идеалом). Сами же себя они называли катарами, то есть чистыми. В начале XII века возникла реальная угроза, что католичество будет вытеснено не только с Юга Франции, но из Фландрии, Шампани и некоторых германских земель. Церковная и светская власть решили объединить свои усилия. Был провозглашен крестовый поход против еретиков. В 1209 году армия численностью в 50 тысяч человек вторглась в графство Лангедок. Началась страшная резня. Например, в городе Безье на площади перед церковью святого Назария было собрано 20 тысяч человек, которых начали избивать крестоносцы. Именно оттуда пошла известная легенда. Узнав, что вместе с катарами в толпе затесались католики, крестоносцы обратились к еписко-



пу: «Как отличить еретиков от правоверных католиков?» Последовал жесткий ответ: «Убивайте всех, господь отличит своих». Этот крестовый поход закончился несколько десятилетий спустя. Последним оплотом катаров стал замок Монсегюр, который считался священным. В марте 1244 года после 10 месяцев осады замок пал. После падения Монсегюра в живых осталось около 400 человек. Из них 200 были «совершенными» (parfaits) — священниками катаров. Все они были сожжены на кострах инквизиции. После этого гностические традиции были перенесены в залы тайных обществ.

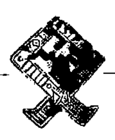
Многие воспринявшие гностицизм видели возрождение духовного света в другом теле после смерти. Но новое тело было лишь новой тюрьмой для духа. Пневматики были призваны сломить этот зловещий круговорот постоянного томления души в темнице тела и приблизить царство света, установить его на земле и воссоединиться с божественным светом.

Когда речь идет о свете как божественном проявлении, то, как правило, говорилось о метафизическом, невидимом свете. Только отдельные гностические системы, например созданная Мани, рассматривали физический свет — от солнца, звезд или луны — так же, как метафизическое понятие. Мани считал, что солнце и луна возникли после распятия злого архонта. Эти светила были призваны при помощи света ослаблять его мощь. То есть солнце и луна были созданы из очищенного, истинного света. Как же протекало возвращение света в царство доброго божества? Это описывалось так: «Чтобы возвратить свет обратно домой, привлекалась третья сторона. Она позволяла очищенному свету при помощи трех колес (огня, воды и ветра) через «колонну величия» (Млечный Путь) достигать лунного корабля света, на котором при полнолунии, когда он полностью является светом, отправляется к солнцу, а оттуда к новому Эону». В манихейской проповеди это описывалось так: «Я могу перед собой открыть двери к колонне (величия)... Я могу переправиться на корабле света и обрести спокойствие».



В некоторых гностических системах духовный свет мог находиться даже в животных и растениях. В одних случаях это вело к вегетарианству, которое должно было помочь не мешать душам, «пойманным» в тела животных. В других случаях это, напротив, приводило к ритуальному обжорству, дабы аккумулировать пойманный свет в собственном теле. Таким образом, при помощи растений и животных предполагалось обеспечить собственную «поездку» в спасительное царство света.

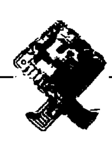
В качестве примера научно обоснованной гностической системы могут служить *сетианцы*. Их вера была основана на так называемом «Египетском Евангелии». Это произведение датируется концом II века нашей эры. Согласно их представлениям, на Высшей Плероме — аналоге неба — находится невидимый дух. Здесь эта высшая сущность наложила пять печатей. На Нижней Плероме находится Просветленный — Фостер Элелет (Несущий Свет = Люцифер), который жаждал распространить свое влияние на материальный мир. Хюлическая София и построивший мир демиург Саклас затем создают человека. В этом случае в основе гностицизма лежит не злая интервенция мрака в материальный мир, не божественная ошибка во время его творения. Отцом обычных людей является Адам, людей просветленных — Сет. Эти святые *гностики* живут в Содоме. «Сет влил свое семя в отдельных специально отобранных для этого людей». Исследователи предполагают, что «Египетское Евангелие» было названо так именно потому, чтобы привлечь внимание религиозных египтян. Подчеркнуто египетский характер этого учения был выбран для того, чтобы гностический Сет составил конкуренцию египетскому богу Сету. Иная интерпретация событий в Содоме и Гоморре противопоставляет египетскому Сету, у которого наблюдались некоторые гомосексуальные склонности, нового гностического Сета, пришедшего из иудаизма. Но и заимствования из иудаизма были только частичными. Так, например, заклейменные позором в Ветхом Завете содомиты у сетианцев, напротив, интерпретировались как избранный род. Здесь, как и вообще часто



при создании философских или религиозных систем, происходит искажение, инверсия: в изначальных текстах некоторые фрагменты либо искажаются, либо вовсе трактуются наоборот. Погрязший в грехах Содом Ветхого Завета в «Египетском Евангелии» был превращен в место сбора святых сетианцев. Или еще пример инверсии. Чтобы спасти сетианцев от Сатаны, Сет прибыл им на помощь в виде Иисуса. Христос является снова в сетианской космогонии как божественное пламя в Нижней Плероме, но он совершенно другое явление, нежели Иисус, в которого воплотился Сет. Столь запутанное изобилие упомянутых здесь персонажей указывает на чрезвычайную сложность сетианской мифологии.

Почти все мировые религии обнаруживают в себе некие *гностические* мотивы. Например, христианская мистика мастера Экхарта предусматривает, что в сути человека заложена *scintilla animae* (искра души), которая стремится к воссоединению с богом. Архитектура готических соборов возвращает нас к французскому аббату Сугеру из Сен-Дениса. Этот аббат подробно знакомился с произведениями пятого века, в частности с «Теологией мистики» Дионисия Псевдо-Ареопагита. Именно в этом произведении было найдено вдохновение для создания готического стиля церквей аббатства Сен-Денис. В «Теологии мистики» утверждалось, что Бог — это свет. После прочтения этой мысли активный парижский аббат стал увеличивать окна церквей, дабы Бог мог попасть в храм. Более того, оконные проемы строились так, чтобы свет струился на аналой. В итоге гностическая мысль Дионисия Псевдо-Ареопагита сыграла решающую роль в возникновении готической архитектуры.

Одним из главных различий христианства и гностицизма была андрогинная, двуполая природа *гностических* божеств. Впрочем, частично имелось нечто общее в области таинств: многие из гностических групп придавали христианскому крещению особое значение. Но, с другой стороны, манихеи и катары отказывались от крещения в материальной воде. Вместо традиционного крещения катары осуществляли ритуал consolamentum — крещение духом



посредством наложения рук. Или еще пример: некоторые гностики перед смертью для заключительной победы души над телом и воссоединения ее со светом практиковали елеосвящение, или соборование.

Бог Ветхого Завета Старого и троичный христианский Бог излучали свет, но для *гностиков* они не были идентичными. Они не признавали, что христиане и ветхозаветные иудеи поклонялись одному и тому же божеству. Ветхозаветный Бог иудеев, создавший землю, материю, мог ассоциироваться у гностиков только со злым божеством, ответственным за бедствия сего мира. Следуя этой логике, *гностики* нередко ставили знак равенства между Яхве и Сатаной. В итоге иудеи и евреи вообще рассматривались многими гностическими системами как дьяволопоклонники Неудивительно, что евреев почти автоматически зачисляли к хюликам. Именно в этой предпосылке кроются давнишние антисемитские и антииудейские традиции гностицизма. Сам же Христос рассматривался *гностиками* как борец против еврейского божества. Согласно христианскому теологу Иренею, сирийский *гностик* Саторнил, живший во II веке нашей эры, учил, что Христос явился для уничтожения бога евреев.

Гностицизм во многом — это классическая религия кризисов: люди ставили вопрос о происхождении зла только тогда, когда дела у них шли из рук вон плохо. Гнозис можно считать некой протестной религией, которая обращается к интеллектуальной элите, делая упор прежде всего на политические и хозяйственные сложности.

* * *

Но вернемся к Альфреду Шулеру. Почему же Шулера назвали последним немецким катаром? Напомню, Альфред Шулер родился в 1865 году в Майнце, месте, которое еще в начале XII века было заселено катарами. До наших дней дошли остатки их кладбища. Мо-

нах Экберт Шонау, будучи еще молодым каноником, в 1140 году оказался в этих местах. Здесь он впервые познакомился с катарами, которые были очень распространены в рейнской области Германии. Местные катары, подобно католикам, пытались вести свою миссионерскую деятельность. Позже Экберт Шонау использовал приобретенные им в Майнце знания для того, чтобы писать речи, обличающие альбигойскую ересь. Во время процессов и массовых казней он отмечал: «Они шли на мучительную смерть от огня не просто бесстрашно, но даже с какой-то радостью». Шулер с детства интересовался настоящим сюжетом, хотя его родители и не были коренными жителями этих мест.

Его интерес укрепился, когда он познакомился с литературой, посвященной тайным наукам, которая в изобилии издавалась в XIX веке. Пожалуй, решающую роль здесь сыграли книги Генри Папюса, который, кстати, обращался в письмах к Шулеру не иначе как «господин и мастер». Сам Папюс был человеком, который проявлял к катарам и гностицизму далеко не праздное любопытство. В 1907 году он основал «*Гностическую* католическую церковь», которая появилась после раскола Неоальбигойской церкви, учрежденной в 1890 году в Париже его помощником Жюлем Дуанэлем.

Переписка Шулера с Папюсом началась в 1899 году и длилась почти полтора десятилетия. Влияние Папюса на Шулера было несомненным. В одной из статей Шулера можно было прочитать о всезнающем мастере с обликом змеи, который продолжал трактование Библии. В опубликованной ранее «Зеленой тетради» Папюса можно было найти такой отрывок: «Человек осознавал источники всего плодородия и ел со своей женой прекрасные плоды и с благословения мастера отдыхал на них. Они вступили из жизни грез в осознанную и самостоятельную жизнь детей света. Они почитали память мастера в облике змеи». О подобном почтении мы могли узнать у некоторых средневековых философов. Кроме этого, в иных произведениях Шулера находятся места, в которых он позитивно отзывается о змеях:

О, позвольте по новой пожертвовать нас
сладкому змеиному богу,
место Эроса будит священный озноб.

Или другой фрагмент:

У того мага в черной мантии,
что стоял у колонны со змеями на груди?

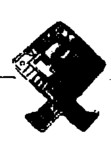
Или вот еще одно из возможных заимствований. Выдержка из высказываний Шулера о музыке: «Даже музыка, которая сопровождает званые обеды, здесь восстановлена в первоначальном исходе. Она звенит в сладком благозвучии как вибрирующая ось, натянутая между этим и потусторонним миром. Это исходный пункт всей музыки». А вот что писал Папюс в своей «Зеленой тетради»: «Струны, которые натянуты как ось между этим и потусторонним, всегда вибрируют в сладком благозвучии». Из «Зеленой тетради» Папюса Шулер позаимствовал и формулировку о «большой Телесме».

Несомненно, что поначалу Шулер черпал свои знания о гнозисе и гностицизме главным образом из тетрадей Генри Папюса. Но со временем его познания расширялись. Один очевидец вспоминал, что как-то рылся в архиве Шулера. «Он содержал большой список оккультных работ, который был либо составлен самим Шулером, либо, по меньшей мере, откуда-то переписан. Основные части этого материала касались высокопоставленных масонов и теософии. В нем упоминалась мысль Е. П Блаватской о «семи формах сознания». Упоминался французский неогностик Элифас Леви, немецкий теософ Франц Хартманн и оккультист Карл Кизеветтер». Несмотря на интерес к оккультной тематике, Альфред Шулер очень негативно и даже враждебно относился к масонству Достаточно одной цитаты: «Масон как протокозел иудаизма».

Шулер проявлял интерес и к тамплиерам, которые из-за поклонения бородатой голове, именуемой Бафометом, были сожжены на костре. Он объявлял рыцарей-храмовников скрытыми гностиками. Вполне возможно, что у них имелись связи с катарами и исламскими гностиками. Возрождение тамплиерского учения официально про-

изошло в конце XIX века, когда Карл Келлер и Франц Хартманн основали в 1895 году оккультный «Орден восточных тамплиеров». В 1905 году его руководство перешло к Теодору Ройссу, а позже к англичанину Алисетру Кроули. Во многом ритуалы «Ордена восточных тамплиеров» были восприняты уже упоминавшейся «Гностической католической церковью». Что касается ориентации Шулера на французских тамплиеров, то именно она послужила предпосылкой для экспорта этого учения в Германию. Традиционно считалось, что гностическая традиция передавалась по следующей линии: *катары — тамплиеры — розенкрейцеры — масоны*. Но во многом подобное предание являлось профаническим. По-настоящему цепочка передачи гностических традиций от поздней античности к произведениям Шулера осталась сокрытой, тайной. Шулера считали последним немецким катаром, так как именно он ясно воспринял в своих произведениях традицию французских гностиков и альбигойцев, да к тому же, в отличие от многочисленных представителей неогностицизма, он действительно верил в то, чему учил. Людвиг Клагес, которому Шулер жаловался, что его высасывает какой-то вампир, повсюду рекламировал влияние катаров на произведения своего друга.

Тот же Клагес сообщал следующее о подготовке к серии докладов о сущности Рима, «вечного города»: «Я превратил мое участие в добычу материала (например, о стоиках) и повторное изучение каждого доклада». В своих выступлениях Шулер непосредственно обращался к гностическому «Египетскому Евангелию». «Я заканчиваю это рассмотрение несколькими местами из так называемого «Египетского Евангелия», которое, перемещенное в этот круг идей, приобретает новое значение. Иисуса спросили, когда придет его царство, он ответил: «Когда два станет одним, а внешнее (то есть смесь субстанций в теле) будет как внутренним (смесью субстанций в свете), но будет ни мужским, ни женским». После этого последовала ссылка на три вида бесполости, приведенные в Евангелии от Матфея: «Он же сказал им: не все вмещает слово сие, но кому дано; ибо



есть скопцы, которые из чрева материнского родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сами себя сделали скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит».

В своем докладе «Дома жизни» Шулер привел в качестве доказательства проникновения христианства в дворцы римских императоров граффити, на котором изображался распятый мужчина с головой осла. Подпись к рисунку гласила: «Алексаменос молится своему богу». Клагес указывал, что речь идет о смешанной сущности, которая почиталась христианской сектой *гностиков,* приравнивала Христа к египетскому Сету. Здесь говорится уже о знакомых нам сетианцах.

Но пока вернемся к некоторым фактам биографии Шулера. Как мы помним, он познакомился с Дерлетом в 1894 году. Это был человек, который не только проповедывал агрессивный, почти орденский католицизм, но и был прекрасно знаком с другими религиозными течениями. Впервые гностическое влияние он ощутил после знакомства с сэром Жозефом Пеледаном, гроссмейстером Ордена Розенкрейцеров и Храма Грааля. Несколько позже Дерлет, подобно Шулеру, познакомился с Генри Папюсом. Именно Дерлет подсказал Шулеру одну интересную мысль.

В своем докладе «Термы, игры, солнечный ребенок и цезаризм» Шулер указывал на возможность пролития крови для овладения светом противника. Он очень рекомендовал изучить тему «Кровавых ритуальных убийств» в трудах баварского философа Баадера. Франц Бенедикт фон Баадер (1765 — 1841) родился и умер в Мюнхене, где совместно с Якобом Бёме изучал теософию. В своем окружении он считался гностиком, хотя на самом деле всю жизнь оставался католиком. Именно Баадер был одним из тех мостиков, которые вели к немецкому идеализму.

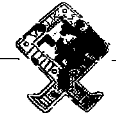
Подводя некоторые итоги, можно смело утверждать, что Шулер соприкоснулся с гностиками и французскими катарами только благодаря контактам с Генри Папюсом. Подобное же можно ска-

зать и о Дерлете. Клагес, который сам интересовался гностиками, принимал участие в подготовке самого знаменитого доклада Шулера «О сущности вечного города». Кроме этого, он занимался изучением различных теософов, которых Шулер цитировал в своих произведениях.

Но все выше перечисленное — это только, так сказать, внешние признаки того, что Шулер был гностиком и катаром. Но подобные признаки должны быть подтверждены некими внутренними убеждениями, которые проще всего найти в произведениях Шулера. Не надо ходить далеко. Остановимся на том же докладе «О сущности вечного города», одной из задач которого являлось гностическое просвещение публики: «Мои речи «О сущности вечного города» полны психического содержания. Они обращены к душе, а не интеллекту. Они несут психические колебания и пытаются найти внутренние источники света у слушателей. Они — эротические поклонники, их намерение совокупиться и родить свет, то есть совершить религиозное действие». Шулер должен был оплодотворить слушателей своими словами, которые призваны были пробудить в них внутренний свет. Он действительно обращался к душе, а не рассудку.

Некоторые из своих докладов Шулер заканчивал словами: «Пришло время имени, облаченному в плоть, открыть тайну лампы и помчаться на упряжке Гелиоса над свежими трещинами дымящейся пашни, приближая душевное зарево». Понятие «лампы» относится к древней гностической традиции и встречается уже в оригинальных манихейских трактатах.

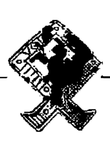
Шулер считал, что символами света могут быть не только определенные драгоценные камни, но и курица. «Белая курица является символом телесматического светильника души. Это курица души... куриная мистерия». Понятие телесма (от греческого «фелейн» — завершение) впервые встречается у легендарного мага Гермеса Трисмегистаса. Он употребил его в своей книге «Таблица Смарагда», на которую опирались многие средневековые *гностики*. Сама книга до сих пор остается загадкой. Нет никаких указаний ни на время, ни



на место ее появления. Возможно, она была написана самими гностиками в VI — VIII веках нашей эры Завеса таинственности над ней — это всего лишь предосторожность, дабы их не уличили в обмане. Так или иначе, но *гностическая* традиция представляет Гермеса, самого старого из всех философов, автором этого документа. Имеется два представления о Гермесе. Некоторые делают его египтянином; но, провозглашая его современником Платона, они нарушают всю хронологию. Другие утверждают, что он — король греков, который находился в Константинополе, но это запутывает ситуацию еще больше, чем первое утверждение.

Сама таблица утверждала, что во внутреннем мраке вещей сокрыто определенное излучение мирового духа, основными инструментами которого являются солнце и луна; а сам он существует в неком влажном паре. Эта мощная сила включена во все земные вещи именно она является создателем совершенства вещей и всего мира. Эта сила является определенным переваривающим, совершенствующим все вещи фактором, в котором нашли взаимодействие небо и земное расположение вещей Эта сила — квинтэссенция всех вещей, отнятое мраком сокровищ миро, очищенное от всего земного осквернения. «Таблица Смарагда» является ничем иным, как изложением учения об этой превосходной сущности, которую называли Эликсир жизни (Elixir vitae), пятой эссенцией Именно от этого словосочетания произошло нынешнее понятие квинтэссенция. И здесь мы непосредственно соприкасаемся с алхимией. Дело в том, что пятой эссенцией в алхимии называлась особая сущность, которая существовала наряду с землей, огнем, воздухом и водой. Отвлекаясь от высоких материй, хотелось бы привести еще одно свидетельство проникновения гностицизма в нашу современную жизнь. Вспомните фильм Люка Бессона «Пятый элемент»..

Но если все живые существа происходят из источника света, являются ли они одинаковыми в телесматическом свете? Как эти представления отразились на политических взглядах Шулера? Лучше всего о политических воззрениях Шулера знал Клагес: «... он не был



ни радикальным противником марксизма, ни врагом имущих; он только хотел правильно употребить деньги последних. Он никогда не ощущал бедности и появлялся в обществе с естественной честью мужчины, который, кажется, не знал ничего о будничных трудностях». Но тем не менее у Шулера находится формула, данная молодому рабочему, которая не лишена определенного революционного потенциала: «Советую ли я повышать заработную плату? Сокращать рабочий день? Фабрики, охваченные огнем!» И мы опять видим у Шулера навязчивую идею о сожжении. При этом он не отказывался от своих религиозно-гностических представлений. «В общественной жизни нет ни владельцев, ни собственности, так как владение светильником является общим. Все живут во всем. Именно поэтому доисторическому времени абсолютно чуждо понятие собственности. В Средневековье стыдились владения и, как бы оправдываясь, называли его «солнечный лен»... Так как каждое целое является чувством солидарности, само собой разумеется, надо правильно понимать это слово. Признаки старой расы сохранил единственный первобытный народ современности — русские. Основываясь на телесматических колебаниях, они пытаются снести карточный домик эволюции». Удивительно, что мюнхенский эзотерик Шулер в качестве примера свидетеля телесматических колебаний приводит русский народ. Здесь невольно напрашивается связь с Папюсом, который некоторое время находился при дворе Николая II. Но это вовсе не значит, что Шулер благодаря своему гностически-мотивированному эгалитаризму примкнул к левому политическому лагерю. Напротив, Французскую революцию, социал-демократию и анархию он классифицировал как «выход наружу нижних загноившихся масс». Единственная проблема, которую он связывал с Французской революцией, это была оценка расправы с аристократами, особыми носителями света. В «Дворянстве труда» он писал: «Гильотина этой позорной расы трещит на благородных позвоночниках. Последнее извращенно-половое преступление против света и души».

Вообще Шулер мечтал заменить традиционную школу с ее аналитическо-абстрактными предметами на интернаты с раздельным обучением мальчиков и девочек. Разумеется, в них не должно быть целевой установки на формирование мужественности, так как все свелось исключительно к функциям мужчины, которые предъявлял прогресс, но вредно сказалось бы на магическом аспекте. Шулер видел в современной ему школе только матрицу для мозгов, которая пагубно воздействовала на психические возможности. Вместо этого он выступал за юношеские дома, в которых во время периода полового созревания чувственная деятельность превратилась бы в таинственную, свидетельствующую о свете мистерию: «Центр внимания арийских юношеских домов, несмотря на удаленность во времени, очень узнаваем как по внешней, так и по внутренней структуре — чувственно-трансцендентные мистерии самой ранней любви» Там юноша на основе его чрезвычайно высокого светлого потенциала стал бы «завершением в себе». Его больше нельзя было бы рассматривать как неполноценного человека. Молодежь по причине ее «радости освещения» становилась самоцелью. Конечно, из этой достаточно пространной теории очень сложно было бы вывести конкретную педагогическую теорию, но определенные черты взглядов Шулера мы опять же находим у национал-социалистов. Взять хотя бы популярный в конце 20-х годов лозунг: «Национал-социализм мобилизует молодежную волю». Там, как в мечтах Шулера, не было совместного обучения, школьная программа не была ориентирована на перегрузку знаниями. А разве элитарные учебные заведения (Напалас, Школы Адольфа Гитлера) не были построены по образцу юношеских домов?..

Определение света и божественности у Шулера можно найти в стихотворной форме. Так, например, в одном стихотворении он обращается к предполагаемой родине своих предков:

Из конца пути свет
между древесиной и металлургическим заводом
освещает самое последнее божественное бытие

Другая строфа может интерпретироваться как перемещение космической борьбы между светом и тьмой:

Живут — двое из Вселенной, отмежевавшиеся от общего,
бессмертные, которые знакомы как враги:
туманные искры вспарывают ночь,
произведенные на свет волею случая.

Шулер также обращался к классическим метафорам гностицизма, каковыми являются, например, жемчужина в раковине, образ души, закованной в теле.

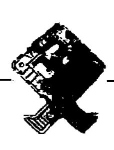
Я — свет, пропитанный ночью..
Я — жемчужина, наполнившая раковину
Я — опьянение, омолаживающее этот мир.
Я — жизнь.

Начало строфы «я являюсь кем-то» можно найти не только в стихотворении Георга «Я один и меня двое», но и в различных античных гностических текстах. Эта формулировка, присущая богам и пророкам, присутствует у Шулера и в другом месте:

Мой вихрь пожара страстно жаждет вашей крови
Ваших красных хлебных ручьев из сердец.
Меня не спеша выпивает светлая жизнь.

Во время одного из своих погружений в прошлое Шулер видел «за воротами истории» светлое райское государство. Современность виделась ему в характерной для гностицизма манере — пустота, мрак, холод и мучение. Так как же выглядело будущее? Человека ожидало «наступающее царство света». Но как достигнуть его? Это было возможно только после избавления от телесного покрова света. Здесь мы видим классическое богатство мысли гностицизма: тело препятствует вступлению в царство света и должно быть оставлено как надоевший костюм. Или, по-другому, просветленного человека окружают эфирные одежды — покров каждого живущего.

У Шулера мы находим также часто встречаемый в гностических системах взгляд о спасителе в облике «солнечного ребенка»: «Я до-

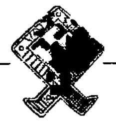


пускаю, что время от времени сущность жизни выступает в виде ребенка, который иногда поднимается из большого прилива народов, тогда должен наступать перелом жизни, касающийся всего человечества таинственный мировой переворот, восход солнца для новой жизни». Однако как действуют эти всегда пассивные солнечные дети, которые на всю жизнь остаются детьми? «Поляризация «солнечного ребенка» перемещает наружу более активную сущность, которая словно окружает его, которая, так сказать, образует внутренних придворных солнечного ребенка». После этого окруженный сиянием, которое Шулер назвал «розовым Кольцом», «солнечный ребенок» рассылал на все стороны мощные потоки своей силы, которая напоминала по форме солнечное колесо (свастику). Шулер вел здесь речь о сверхчеловеческой форме, которую он никак не мог забыть, сравнивая ее с последним взглядом на Содом. И здесь мы видим традиционное для сетианцев представление о Содоме как царстве, созданном из семени великого *гностика* Сета.

Шулер видел светлого носителя, «солнечного ребенка», и в Иисусе: «В то же время передо мной возникают образы нового приключенческого романа: пустыня верхнего Египта. Время действия: теряющее силу язычество. Окончательная победа бесполого, наполненного солнечной эссенцией Иисуса». Шулер изображает Иисуса как бесполого, в некоторых версиях как оскопленного, так как «солнечный ребенок» обладал андрогинной природой.

В какой же связи находились «солнечный ребенок» и центр света? Согласно идеям Шулера, «солнечный ребенок» был идентичен богу с пламенным семенем, создавшим ядро Вселенной. Следовательно, центр света и «солнечный ребенок» едины; центр света может также рассматриваться как бог, который производит «солнечного ребенка».

У Шулера мы видим также представления различных гностиков о том, что души людей собирались на Луне, чтобы затем быть доставленными на Млечный Путь. Собранием на Луне душ (света) объяснялось возрастание Луны. Затем души людей воссоединялись с



центральным метафизическим светом. Шулер использует эти гностические мотивы в своих произведениях: «Затем их взгляд нырял в полный диск луны на переполненном звездами небе. Казалось, что от чистой священной страсти их души отправятся туда». На то, что дальше происходило на Луне, намекает одна формулировка: «лунный свет капал жемчужинами на тропинку, вымощенную кирпичами». Жемчужина, как мы помним, считалась у гностиков стандартной метафорой души. То есть в определенной степени души умерших могли в виде света возвращаться обратно на землю. Кстати, о Луне: заместитель фюрера, Рудольф Гесс, после Нюрнбергского трибунала, который приговорил его к пожизненному заключению, держал на стене своей камеры карту Луны. Это было вызвано вовсе не его любовью к астрономии. Он верил, что именно оттуда, с Луны, придет его спасение, последний батальон СС. Это было не просто совпадением. Общеизвестно, что Гесс был увлечен средневековой мистикой. Вальтер Шелленберг написал о нем в своих мемуарах: «Он часто цитировал целые абзацы из книг прорицателей, таких как Нострадамус и прочих, имена которых я не помню». Другие утверждали, что Гесс был одержим мистическим умерщвлением плоти — одна из практических составляющих гностицизма. Нет никаких сведений, что Рудольф Гесс был знаком с Альфредом Шулером, но будущий помощник Гитлера, проживавший в Баварии, увлекавшийся мистикой и гностицизмом, скорее всего, был не просто знаком с идеями Шулера, но и присутствовал на его публичных выступлениях.

Несмотря на некоторые эгалитарные заявления, Шулеру было присуще традиционное элитарное гностическое мышление. Перед началом своего доклада о вечном городе он как-то заявил своим гостям, что не придает никакой ценности большим человеческим массам. Не менее последовательно он воспринял идею о трехчастном делении человечества. Материалистических хюликов он назвал экзотериками. Вследствие своей материалистичности он считал их крайне поверхностными. Классического физика он именовал «религиозным дилетантом», он был в равной степени зависим и от знаний,

и от церкви. Пневматики — совершенно другой тип людей. В силу своего природного стремления они склонны к внутренним переживаниям. Именно эти люди находятся в центре всех его мыслей. Именно они являются ключом к расшифровке всех событий. Переживание для Шулера — это познание собственного света, собственной божественности. Это знание, связанное с восприятием дуалистического деления мира, с его борьбой между светом и мраком, которое объясняет исторические события, бывшие следствием борьбы двух начал. Шулер далеко не случайно употребил в отношении пневматиков формулировку «в силу своего природного стремления». В его понимании класс пневматиков имел вполне конкретное биологическое выражение, хотя и не ограничивается представителями одного или нескольких этносов.

Однако если истинное познание доступно от природы далеко не каждому, то и тайный язык должен был стать уделом лишь гностической элиты Шулер не раз заявлял, что изъял бы из тайного языка слова «Телесма» и «телесматический»

Шулер попытался даже придать гностическую трактовку такому естественнонаучному понятию, как электрон. «Подумайте о вибрирующем комплексе света, состоящем из бесчисленного количества активных и пассивных электронов, вспыхивающих от взаимного трения. Это флюиды неутомимого движения, которые являются основной субстанцией Вселенной. Эти флюиды создают нимб, ореол творческой силы, который окружает нас и всё сущее... Как я предполагаю, эта субстанция идентична «большой Телесме» и изображается аналогичным способом. Ее спасающая преображенная сила располагается в крови». Как видим, для Шулера понятия: электрон, флюид, Телесма и кровь — были почти идентичными. Это можно увидеть в описании герметической литургии, которую практиковал Шулер. «После того, как они произнесли слова молитвы, они целовали друг друга и шли, чтобы есть священную (очищенную) еду, не содержавшую никакой крови». Не удивительно, что многие гностики были вегетарианцами. Для них кровь была местонахождением

божественной души. Они опасались, что при приеме пищи свет души будет рассеян, ядро души или «семя ангела» могло разделиться и стало бы еще больше переплетенным с материей тела. «Когда волна крови делается просветленной, то я называю ее существующей жизнью. Это обозначение пришло ко мне вместе с моими переживаниями». Следовательно, Шулеру самому казалось, как просветленная кровь, некий кровавый светильник переполняли его. «Обладание светом — это наше участие в абсолютной жизни... С другой стороны, складывается впечатление, что такой свет связан с течениями из Вселенной, в которых он должен быть распространен Находящиеся в свете испытывают эти потоки как пришедший из космоса холодный озноб. Но, соединяясь с эссенцией (сущностью) крови, они приобретают радостное тепло». Следовательно, во Вселенной имеется центр света, из которого на человека снисходят эти «флюиды» и «потоки» Шулер описывал это так: «Я называю субстанцию, хлынувшую из Вселенной, — космической. Эрос Космогонос кажется мне поздним символом такого происхождения». Теперь мы можем понять, почему мюнхенских философов, сплотившихся вокруг Шулера, называли космистами. Очевидно, Шулер видел в богах символическое воплощение реальных процессов. Во всех гностических системах общим является космическое содержание. Является ли происхождение природы неповторимым? Шулер ощущал «озноб», например, когда «внезапная идея как светящаяся искра воодушевляла на творческое действие. Это телесматическая сила потревожила личность». Тот же самый доклад «О сути вечного города» только внешне касался античной метрополии. На самом деле Шулер вещал о судьбе Телесмы в земных событиях.

А вот еще одно показательное место в произведениях Шулера. В «Триптихе Эроса» он достаточно быстро нашел причину строгой христианской морали — еврейский «сифилис»: «Христианская дегенерация. С ее чумной моралью. С ее стыдом. С ее еврейским сифилисом».

Странно, но в конце XIX века сифилис считался «французской болезнью», а вовсе не еврейской. Не эта ли мысль Шулера породила некоторые пассажи Гитлера в «Майн кампф»? «Борьба против сифилиса требует борьбы против проституции, против предрассудков, против старых укоренившихся привычек, против многих старых представлений, устаревших взглядов и, прежде всего, против лживого святошества, укоренившегося в определенных слоях общества». Гитлер также провозглашал сифилис еврейской болезнью. Многие исследователи считали, что это было следствием того, что в юные годы Гитлера заразила этой болезнью еврейская проститутка. Версия более чем надуманная. Есть более простое объяснение — идеи Альфреда Шулера.

Но вернемся к душе человека в гностическом представлении. Переселение души было составной частью гностической веры. Обремененная душа путешествует после смерти от тела к телу, пока не познает свою светлую, божественную сущность. Только после этого она сможет освободиться от оков очередной телесной тюрьмы. Гностики предусматривали как непосредственное переселение душ, так и ее унаследованную «пересылку». В зависимости от той или иной гностической системы предпосылкой для воссоединения со светом являлось либо осознание душой собственной божественности, либо исключительно благочестивый образ жизни. Некоторые системы говорили о существовании промежуточного неба или Новой земли, которая располагалась на пути к высшему небу. Души, попавшие сюда, могли вернуться обратно на грешную землю в новое тело. Катары пошли еще дальше. В своей религиозной системе они установили, что может происходить переселение душ животных, что связано с так называемой теплой кровью. Конкретные упоминания касались лошадей и ящериц. Упоминания о связи души и крови мы можем найти и в Библии в «Книге Левита» (17,11-14): «Потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает. Потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть

крови, и пришелец, живущий между вами, не должен есть крови. Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землею. Ибо душа *всякого* тела есть *кровь* его, она душа его». Катары объясняли также связь души и тела человека: «Душа человека не является ничем иным, как чистой кровью». После смерти душа принудительно покидает тело человека. Но воплощается ли она в новом теле или просто остается бестелесной? Катары объясняли это так. После смерти душа, покинувшая тело, начинает истязаться воздушными демонами, а потому она ищет защиту в новой телесной оболочке. Только чистые (катары) могли тут же воссоединиться со светом. Ни один из катаров не должен был после смерти возродиться в телесном облике.

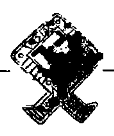
В условиях того, что душа человека могла возродиться в зверином теле, было предусмотрено особое отношение к животным. Но находим ли мы уважительное отношение к животным у Шулера? Для него всемирная история развивалась во главе с мужчиной — движущей силой эволюции. В процессе своего развития мужчина был обуреваем борьбой противоположностей. Шулер не мог смириться «с уничтожением какого-либо вида фауны и флоры», которое стало результатом несбалансированного бытия мужчины и грозило превратить землю в лунную пустыню, так как мужчинами в основном двигали корыстолюбие и убийственная страсть. Клагес был свидетелем специфического отношения Шулера к миру животных. Он описывал маленькую квартиру, в которой жил Шулер со своей матерью, как фантастическое жилье. По нему бродил породистый черный кот Мориц, который чувствовал себя хозяином этой территории. Любовь Шулера к животным распространялась не столько вширь, сколько вглубь. В глазах животного Шулер видел собственную душу, а потому строил отношения с ним как с возлюбленной. Именно этим объяснялись долгие беседы... с котом Морицем. Из животной пищи Шулер ел только рыбу. Катары в свою бытность от-

казывались от убийства и потребления мяса мертвых животных, так как те были, подобно людям, носителями света. Но это не распространялось на рыб, которые были порождены не светом, а водой.

Но вернемся обратно к переселению душ. Сегодня многие люди, в том числе и христиане, находившиеся в состоянии клинической смерти, описывают светлый тоннель. Христианская церковь во многом разделяла такое мнение. Именно по длинному тоннелю, состоявшему из света, души христиан попадали в Царство Небесное. Такое воззрение нередко иллюстрируют картины Иеронима Босха. Например, одно из его творений, написанное около 1500 года, которое находилось во дворце венецианского дожа в Венеции, «Подъем в небесный рай». На картине можно увидеть ангелов, которые сопровождают души людей на небо по некому подобию огромного светлого тоннеля. До сих пор не понятно: был ли Босх тайным катаром и гностиком или же его картины были продиктованы исключительно христианским учением.

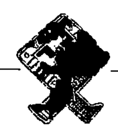
Какую же позицию занимал Шулер в вопросах переселения душ? Клагес рассказывал, что Шулер считал жизнь «открытой» только при условии взаимосвязи между миром живущих и умерших. Жизнь была бы «закрытой», если бы подобная связь была оборвана, «запечатана». Однажды Шулер заявил: «Только мертвые являются квинтэссенцией жизни. Только перешагнувшие порог смерти, чтобы испытать телесму и ядро света, а затем возвращаются обратно, чтобы призвать живущих к свету жизни. Однако [вновь] родиться они могут там, где наступила смерть, а потому... юная, освобожденная жизнь приносит даже мертвым дрожь блаженства. Это открытая жизнь. Закрытая жизнь воспрещает возвращаться мертвым, она запечатывает потусторонний мир, превращает небо в закрытую сущность». Этот свет молодости казался Шулеру главным принципом реинкарнации.

В старости в теле одновременно с утратой половой функции растет светоносный продукт. Именно он подготавливает «возвращение души домой». Для Шулера это было неким способом наслед-



ственных воспоминаний: «Кто жил в телесме, тот знает, что в воспоминаниях он может увидеть самые древние времена... Это моя теория о переселении душ и о возрождении». Сам себя Шулер определял всего лишь как «слабо горящую лампу». Но этого ему вполне хватало, чтобы погружаться в прошлое и повествовать о нем своим гостям. Переселение душ могло бы показаться незначительным сюжетом в учении Шулера, если бы не одна фигура, с которой нам предстоит сталкиваться на протяжении всей книги — рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Только учение Шулера может пролить свет, почему глава «Черного ордена» считал себя новым воплощением, реинкарнацией короля Генриха I («Генриха-Птицелова»). Это было не просто тайной мечтой или фантазией, а вполне оформившимся убеждением, которое привело к появлению в Третьем рейхе особого культа «Генриха-Птицелова».

Или вот другая тема, на первый взгляд не имеющая никакого отношения к национал-социализму. Гермафродит. Клагес не раз описывал попытки Шулера постигнуть античное понятие о гермафродите. В античном бесполом или двуполом ураническом, первобытно-изначальном существе Шулер видел отражение сущности просветленного человека. Немецкие романтики XIX века излагали свои смелые мечты об утраченной «андрогинности» первобытного мира. Это подтолкнуло Шулера к мысли о происхождении исчезнувшего человека. Благо, что в гностической литературе имелось достаточно «сведений» по этому вопросу. Кроме обозначения андрогинной сути высшего божества, имелись вполне определенные упоминания о гермафродите: «Когда Проноя увидела ангела, то она полюбила его. Однако он ненавидел ее, так как она была во мраке: она хотела обнимать его, но не могла сделать это. Когда она не смогла удовлетворять свою любовь, она излила свет на землю. В тот же день этот ангел [предшественник первобытного человека] был назван «светлым Адамом». Он стал «светлым человеком крови»... Из этой первой крови возник Эрос, который был и мужчиной, и женщиной... Когда все боги и их ангелы увидели Эроса, то они полюби-



ли его. Когда он возник среди них, то зажег в них свет. Как от одной лампы зажигается свет во многих лампах... так на земле возникло первое желание». Или другой отрывок: «Когда София бросила каплю света, то та стекла в воду. Тотчас человеку стало очевидно, что есть и мужчина, и женщина. Та капля сначала сформировалась в женское тело. Она приняла облик матери, которая породила андрогинного человека, которого греки называют гермафродитом. Евреи же называют его мать Евой, что значит жизнь».

Шулер в своем докладе о «солнечных детях» приводит своеобразную экзегезу древних египетских мифов о том, как боги оплодотворяли сами себя или производили на свет андрогинных детей без отца. Шулер считал, что в любом сюжете, где повествовалось о рождении ребенка без отца, речь шла о появлении на свет гермафродита.

Телесматическая эссенция, согласно взглядам Шулера, не была чем-то единым. Она делилась на пассивную женскую часть и мужскую активную. Свет появлялся в результате «взаимного соития» этих частей. Шулер называл этот процесс «вечной свадьбой». А потому, чтобы человек мог полностью просветлиться, в нем должны были быть представлены и мужская и женская субстанции. «Мужская сущность и женская сущность по отдельности мертвы». Однако разделение полов все-таки произошло, что привело к исчезновению космической ячейки. Вину за это Шулер перекладывал на мужчин, «агентов эволюции»: именно мужчина как творческое начало изгоняет из своего сердца бога.

В тексте одного из своих докладов Шулер писал: «Ни мужчина, ни женщина. Все породил один. Никто из существующих не порождал свет. Никто не повелевает светом... Из него жизнь катится золотыми спиралями. Широкой вращающейся свастикой». Несколько десятилетий спустя после написания этих строк под знаком свастики будут производиться новые гермафродиты. Сначала лишат пола (стерилизуют) наследственно больных людей, затем «расово неполноценных». Этим действиям, какими бы они чудовищными ни были,

находится вполне логичное объяснение. Но никто не в состоянии ответить, почему нацистский режим стерилизовал преступников, проходивших по некоторым уголовным статьям. В целях перевоспитания? А может, для пробуждения внутреннего света?..

Гностики вообще уделяли особое внимание размножению, так как именно оно служило пленению душ в земном теле. Неудивительно, что у гностиков существовало множество половых ограничений. У катаров, например, половое сношение считалось дьявольским процессом, а в беременной женщине находился бес. Поэтому катары запрещали даже в случае крайней необходимости прикасаться к беременным — это было строго-настрого запрещено. Но здесь речь шла вовсе не о дискриминации женщин и враждебном к ним отношении. Среди альбигойских «совершенных» были даже женщины. В представлении катаров сатана создал и мужчину, и женщину, а потому в определенной степени они были равны. В итоге верующим катарам и сексуальные извращения, и половые отношения между супругами преподносились как одинаково тяжкие проступки. Попытка катарского епископа Филиппа провести реформу и провозгласить, что сексуальные отношения даже для «совершенных» не являлись прегрешением, закончилась полным провалом.

Как мы помним, Шулер верил в существование двух состояний жизни: «открытой» и «закрытой». Признаками «открытой» жизни являлись: чувство удовлетворения, переполненности, пассивность, наслаждение настоящим моментом, остановка времени, чувство абсолютного бытия. В этом описании «открытой» жизни мы видим слово «пассивность». Нечто подобное мы могли бы найти в книге манихейских псалмов: «Дайте вашим рукам спокойствие... Суетливость, царящая на земле, только причиняет вред». Подобные наставления давались чуть ли не для всех повседневных видов деятельности. В манихейской исповедальной книге можно обнаружить принципы ненасильственности: «Если из-за меня люди сражались, или арестовывались, или были вынуждены переносить оскорбле-

ния и унижения, если применил к четвероногим животным силу, ударил их или только запланировал сделать зло дичи, птицам, земным или водяным животным или... — я у всех прошу прощения».

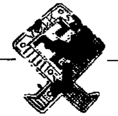
«Закрытая» жизнь, по Шулеру, определялась следующими характерными чертами: активностью, закалкой, нуждой, упорной работой, жаждой деятельности, воспитанием в работе, исполнением долга. Этим временем руководило стремление к каким-то достижениям, направленным в будущее. Оно было переполнено беспокойством. Тогда ценились не столько полнота жизни или красота личности, сколько работоспособность и далеко идущие цели. «Закрытая» жизнь была направлена наружу, чему соответствовало чрезмерное размножение. Внутренняя жизнь ощущается как аскетизм, как избавление от телесного покрова во имя достижения цели. В данной ситуации стремление к размножению Шулер считал «порывом к материализации». «Закрытая» неким «черным магом» жизнь вращается лишь вокруг сексуального размножения, биологического воспроизводства будущих поколений.

Но, с другой стороны, «черному магу» противопоставлены «производители света», которые жертвуют себя человечеству. По мере того как набирал силу порыв к биологическому размножению, терялась возможность «внутреннего зачатия людей». Духовная жизнь в этих условиях была направлена исключительно на блокирование биологического влечения: кастрация, искусственная феминизация, католическая церковь с ее обетом безбрачия — целибатом. Далее Шулер указывал на связь между католическими монастырями и традиционным римским «юношей с длинными струящимися локонами» и «царством света христианских ангелов». Он вел речь прежде всего об эзотерическом значении «молодой крови», но ни в коем случае не о развратных намерениях в отношении бесчисленных мальчиков и девочек, окружавших римских императоров. Они являлись для него некими донорами силы света: «С одной стороны, мы имеем мальчиков, с другой стороны, девочек, а между ними деспот, выка-

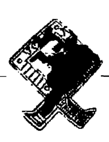
чивающий из них свет». Особая юная жизнь именовалась Шулером не иначе как Грааль — источник света.

Появление на исторической сцене Лютера значило для Шулера наступление новой исторической эпохи. Виттенбергский скандал фактически подписывает приговор светоносному христианству. Верх одерживают темный человек (материалист) и биологическое влечение. Человек превращается в машину не только в рамках своей профессии. На место духовной свадьбы с ее светлым и святым браком духовенство ставит морализаторство, а само оно превращается в неких врачей. Вандализм достигает своего пика. Все, что отклоняется от общепринятой нормы, тут же попадает в учебники по психиатрии. Свет становится безумием. Гомосексуализм, в древности считавшийся индивидуальным средством для пробуждения света, изгоняется из культуры и искусства. Шулер вновь обратился к теме однополых отношений. Теперь они имели для него ценность, так как не содействовали размножению и заключению еще одной души в тело.

Вопреки широко распространенному мнению, Шулер ни в коем случае не был душевнобольным фантазером. Наоборот, по сравнению со многими из своих современников проявлял склонность к поразительно четкому анализу древности и современности. Историческая картина, созданная Шулером, рассматривала «доисторический» период как эпоху, когда весь физический мир был проникнут светом. Эту эпоху можно было назвать райской. Ей противопоставлялись периоды истории, которые характеризовались «откачиванием» света. Шулер выдвинул гипотезу, в которой предположил, что периоды изобилия света сменяются эпохами его вытеснения, «как ночь сменяет день, как увядание приходит на смену цветению». Однако подробности подобных взлетов и падений нельзя найти ни в одном гностическом произведении. Сам же Шулер ссылался на учение Эмпедокла, который различал во времени два периода: полный любви (афродистический) и переполненный ненавистью. Но как Шулер представлял себе детали космического центра света, кото-



рый ассоциировал с плеромой и царством изобилия света у катаров? «Снаружи перед калиткой истории находится центр мощнейшего света, в который стремятся в одинаковой мере все люди». Оказавшись по другую сторону «калитки», люди попадают под воздействие другой силы, движущей историю, — прогресса. Но на самом деле естественнонаучный прогресс является лишь одним из «агентов» силы, которая действительно противодействует свету. Господство той или иной силы предопределяет наступление «открытой» или «закрытой» жизни. Именно эти понятия в основном характеризуют сменяющие друг друга исторические эпохи. «Я обозначаю время озарения как открытую жизнь, время помрачения как закрытую жизнь». Между тем темный век прогресса как бы выступает в роли катализатора новой вспышки, когда свет должен проявиться в еще более чистой форме. Подобные модели очищения были вовсе не чужды гностикам. Некоторые гностические группы настаивали на поедании светоносных блюд, например арбузов, с целью аккумуляции света перед новой вспышкой. Символом новой светлой, «открытой» жизни Шулер сделал свастику. Именно он впервые ввел ее в широкий обиход в Германии. Однако гитлеровская свастика несколько отличалась от символа, который употреблял Шулер. Последняя вращалась в другую сторону и имела на конце каждого из изогнутых лучей три точки. Вероятно, Шулер принял французскую манеру изображения гамматического креста. Сама свастика встречалась в десятках древних культур, начиная от Индии и заканчивая Римом. Но нигде мы не могли найти три точки на ее лучах. Зато эти три пресловутые точки встречаются в манихейской живописи по шелку, найденной в оазисе Турф. Эти изображения датируются VII веком. В манихейской традиции крест с тремя точками на каждом конце назывался «крестом света». Позже подобные изображения можно было обнаружить на катарских барельефах. «Крест света» до сих пор изображен на флаге французской провинции Лангедок, являвшейся центром катарской религии. Шулер не раз говаривал, что «огромные цепи звезд обвивают центр света». Именно эта фраза может



объяснить значение трех точек. Шулер трансформировал манихейский «крест света» в особый знак — свастику (вращающийся центр света), несущую по три точки (цепи звезд) на каждом из своих лучей. В этом символе он совместил свои гностические и космические представления.

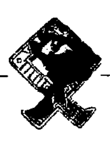
Современный Шулеру мир виделся ему как самая низшая точка в развитии человечества. Он говорил о «колебаниях черного колеса над земным шаром». Но с другой стороны, он не терял надежды, что даже в источниках чумы можно найти здоровые симптомы. Растущая дрожь от приближающегося света говорила о нарождающемся гермафродите. Впрочем, его оптимизм не был таким лучезарным, когда Шулер ставил вопрос о конце истории. Среди катаров циркулировали самые различные версии конца света. Было представление о сгорании земли. В другой версии она распадалась на элементы первоначального хаоса. Другие верующие полагали, что в один момент настанет предел спасенных душ, так сказать, будет исчерпан лимит. Те, кто не сможет к этому моменту воссоединиться со светом, навсегда останутся на земле, пребывая в бессмысленном круговороте жизни. Сама же земля превратится в ад. К тому же к пребыванию на адской земле будут приговорены все иудеи. В гностической системе Шулера они являлись самим порождением тьмы. Шулер всегда презрительно относился к евреям. За их жизнью он видел действия Кроноса, бога времени: «Этой расой управляет ужасный Кронос, который всегда разрушал Вселенную. Когда же, наконец, дети Зевса устранят эту гадость?» Шулер умер в 1923 году и не смог увидеть, как последователи его ученика Гитлера последовали этому совету.

Как мы помним, Шулер всегда определял местонахождение света в человеке в его крови. Говоря о римских амфитеатрах, он повествовал вовсе не о том, как во время гладиаторских боев противники пытались уничтожить друг друга. Он говорил о попытке влить в свою кровь еще одну частицу света. Именно для того и нужно было кровопролитие. «Вследствие чего лишаются души? Местонахожде-

ние души, пламенного флюида — это человеческая кровь. Именно поэтому [гладиаторы] пытались вскрыть противнику желудочек сердца. Они открывали пламенный светильник и становились сопричастными к этому кроваво-убийственному светильнику».

Антисемитизм Шулера, так восхитивший юного Гитлера, всегда носил специфический характер. Его неприязнь к евреям никогда не носила расово-национальный характер. Его произведение «Человек Триас. Язвы Иуды» ясно указывает на исключительно религиозно обоснованный антииудаизм. В определенной мере Шулер шел в традиции христианского антисемитизма, возлагая на евреев вину за смерть Христа. Но в его трактовке они распяли андрогинную сущность, великий источник света. Вторую стадию «еврейской эпидемии» Шулер увязывал с началом реформации. В своих выступлениях он не раз назвал Лютера евреем. «Внутри высохшей язвы иудаизма возникли: моральная полиция и пасторское государство». «Наследие нового создания ячейки света» (так Шулер назвал Ренессанс) было отравлено евреями. В конце XIX века Шулер почувствовал приближение нового андрогина. Раймонд Фурнесс в своей книге «Дети Заратустры» вполне определенно говорил, что «Шулеру был чужд тогдашний иррациональный пангерманизм. Его «антисемитизм» хотя и был непростителен, но он тем не менее принадлежал совсем другой категории, нежели гитлеровская ненависть к евреям». Герд-Клаус Кальтенбруннер в своей статье «Альфред Шулер: между Рильке и Гитлером» также подчеркивал, что Шулер не воспринимал расовый антисемитизм. Вольфганг Фроммель в книге «Альфред Шулер. Следы языческого гнозиса» приводил высказывание еврея Карла Вольфскеля: «Антисемитизм Шулера — это типично гностическая установка... Он хотел спасти европейскую историю и «открытую» жизнь от разрушительной еврейской рациональности и морализаторства, как он полагал, навязанных Яхве. Но был абсолютно чужд вульгарному погромному антисемитизму».

Хотя такое мнение разделяли далеко не все. Например, Вилли Гаас в своей статье «Литературные родоначальники мюнхенского



антисемитизма» возлагал именно на Шулера ответственность за геноцид евреев в Третьем рейхе. «Тот, кто занимается изучением истоков антисемитизма во время пребывания Гитлера в Мюнхене, не должен забывать странный эпизод, который произошел в эзотерико-поэтических кругах Германии и элитарном салоне дома Брукмана, крупного книгоиздателя, который начал с самого низменного и вульгарного антисемитизма, что в итоге закончилось уничтожением немецких евреев. Под этим эпизодом мы подразумеваем дружбу Штефана Георга с Альфредом Шулером...» Этому высказыванию вторили и другие исследователи: «Национал-социализм — это посев Шулера, который взошел и привел к грехопадению Германии».

Сам Шулер отзывался о евреях как о «сдохшей козлоподобной падали». Козлоподобным, как правило, представляли Сатану, а потому демонизация евреев казалась Шулеру логичным шагом в борьбе между светом и тьмой. Впрочем, несмотря на подобные высказывания, в частной жизни у Шулера никогда не возникало никаких проблем с евреями. Он не возражал, чтобы они присутствовали среди слушателей, хотя очень часто бурно и невыдержанно реагировал на своих чисто немецких последователей.

* * *

Итак, национал-социализм и Альфред Шулер. На первый взгляд кажется, что между ними нет ничего общего. Но это только при поверхностном взгляде. Почему же тогда серьезные исследователи среди прочих «нацистских пророков» — Отто Рана, Карла Марии Виллигута, Юлиуса Эволы, Гвидо фон Листа, Йорга Ланца фон Либенфельса, Рудольфа Зеботтендорфа — особо выделяют фигуру Альфреда Шулера, помещая ее на первое место в этом списке? На первое место не только по хронологии, но и по значению.

Тема влияния гностицизма на национал-социализм еще ждет своего исследователя. Потребуется, пожалуй, не один год, чтобы осуществить междисциплинарный исследовательский проект, в ко-

тором бы самым подробным образом были изучены все следы гностических идей, оказавших влияние на национал-социализм в период его становления и развития. Но даже поверхностного взгляда на нацистскую элиту достаточно, чтобы убедиться в том, что гностические элементы глубоко проникли в национал-социалистическое движение. При этом не стоит забывать, что гностицизм был всего лишь одним из фрагментов в идеологической мозаике нацизма. Он соседствовал со многими другими факторами, которые превратили германский национал-социализм в некий феномен, легко узнаваемое историческое явление. Здесь можно назвать и социал-дарвинизм, и социально-исторические процессы, происходившие во всем мире, и конкретные условия внутренней и внешней политики Германии первой трети XX века, и психологию масс, и даже биографии отдельных из нацистских бонз.

Однако нельзя не отметить, что первые попытки срастить европейское гностическое наследие с расистскими установками были предприняты далеко за пределами Германии. Рано или поздно нам бы пришлось столкнуться с гражданкой США русского происхождения — Еленой Блаватской (1831 — 1891). Именно она в своей «Тайной доктрине» разработала систему коренных рас. В свое время на нее произвел неизгладимое впечатление вполне безобидный фантастический роман Эдварда Бульвер-Литтона «Грядущая раса». В своей «Тайной доктрине» Блаватская упоминает эту художественную утопию чаще других произведений. Именно этот роман подтолкнул основоположницу теософии к мысли о создании новой расы: «Оккультная философия учит, что именно сейчас, как раз на наших глазах, происходит создание новой расы и новая раса готовится, чтобы уже втайне родиться в Америке». Центральным стержнем ее произведений являлся обзор происхождения человека. Впервые на немецком языке работы Блаватской были опубликованы в 1903 году. В них рассказывалось о существовании пяти «коренных рас», которые разделились на некоторые подрасовые виды: «Первая раса не имела никакой собственной истории. То же можно

сказать и о второй расе. Поэтому, прежде чем начать историческое описание нашей собственной пятой расы, мы должны уделить тщательное внимание лемурам и атлантам». В доктрине Блаватской определенную роль играли и арийцы: «Мы находим последних атлантов, смешавшихся с арийским компонентом 11 тысяч лет до нашей эры. На это указывает огромный охват территории расой, последовавшей за ними». Египтяне, греки и римляне объявлялись Блаватской остатками атланто-арийцев. Блаватская разделяла расы на «высоко интеллектуальные» и «низшие расы, от которых еще осталось несколько схожих явлений — как быстро вымирающие австралийские аборигены». Именно Блаватская впервые совместила миф об Атлантиде с расовой теорией. Именно она впервые смешала спиритуализм и расизм. Можно говорить о мощном мистическом импульсе в развитии расизма. Именно Блаватская придала ему новое звучание. Использование исторических мифов вызвало к жизни «расовую мистерию».

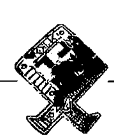
Собственно говоря, что являет собой расизм? Различия людей по их цвету кожи? Или нынешнее понимание расизма не сводится только к физическим признакам? Патрик фон Мюлен дал, наверное, самое исчерпывающее понятие расизма Расизм определяется как групповой конфликт, в котором индивидууму приписывается действительное или предполагаемое происхождение, а также на основе действительной или предполагаемой наследственности придаются неизменно действующие физические и психические свойства и групповые признаки.

Развивая эту тему, мы неизменно должны были столкнуться с Рудольфом Штайнером, который, сначала являясь теософом, затем разработал собственное учение, названное антропософией. В 1920 году Штайнер опубликовал в берлинском «Теософском издательстве» небольшую книжку, которая называлась «Наши атлантические предки». В ней он собирался изложить тайные знания «Хроники Акаша». Этот мифический документ, который нельзя было найти ни в одной библиотеке, упоминала в «Тайной доктрине» и Елена Блават-

ская. Так вот, эта хроника определялась теософами как «существующая универсальная душа, матрица Вселенной, магическая мистерия, из которой рождено все». Очень несложно узнать в этих словах уже знакомый гностический мотив: из универсальной души рождается все существующее в мире. Так что же сообщает нам Штайнер, ссылаясь на этот таинственный источник? «Предки атлантов жили на исчезнувшей части света, основной участок которой лежал к югу от нынешней Азии. В теософских работах его называют Лемурией. После того как Лемурия прошла через различные стадии развития, она пребывала в упадке. Ее население стало хиреть. Потомков [этой расы] можно встретить и сейчас в определенных частях света. среди так называемых диких народов... Пока основная масса атлантов пребывала в упадке, некоторые из них произвели так называемых арийцев, к которым принадлежит наша современная человеческая культура. Лемуры, атланты, арийцы являются, согласно тайным наукам, коренными расами человечества». «Посланцы других богов помогали Ману [творцу коренных рас] вывести отдельные ветви жизни и работать над развитием новой расы». «И только из последних двух Ману действительно смог создать зародыш новой расы. Затем он удалился, чтобы усовершенствовать ее, в то время как другие смешивались с остальным человечеством. От упомянутого небольшого числа людей, которые в последний момент собрались вокруг Ману, происходит все, что до нынешних дней создается истинными зародышами прогресса пятой расы. Однако во всем развитии этой пятой коренной расы можно найти две характерные черты. Одна черта обычно присуща людям, которые воодушевлены высокими идеями, которые рассматривают себя в качестве детей мирового божественного царства. Другая — проявляется у тех, которые думают только о личных интересах и собственной корысти». Отметим, что здесь велась речь не о трансцендентных сущностях или давно исчезнувших народах и этносах. Штайнер говорил о существующих людях: диких потомках лемуров, носителях культуры — арийцах, расе людей, которая носила в себе зародыши прогресса. Обе груп-

пы людей, которые выводились из теософской расовой системы, не сгинули в прошлом, а продолжали существовать и по сей день. По крайней мере, так утверждал Штайнер. В данной ситуации Штайнер видоизменил гностическую схему деления человечества. Он сделал ее дуалистической, разделил людей на две группы. С одной стороны, воодушевленные люди «мирового божественного царства», а с другой стороны — стяжатели прибыли и корысти, которых можно интерпретировать как воплощение материи. Здесь на основе настоящего или предполагаемого различного происхождения мы видим приписывание человеческим группам особых физических (захиревшая раса) и психических (воодушевленные люди) свойств. Если взять приведенное выше определение расизма, то мы обнаружим, что построения Рудольфа Штайнера были типично расистскими. Харальд Штром в своей книге «Гнозис и национал-социализм» комментирует эти мысли Штайнера: «Многие из идей Штайнера были сомнительными, но не опасными, по крайней мере, пока толпа его приверженцев не воспринимала их как бесспорную истину».

Но от теософии отделились не только антропософия Штайнера, но и ариософия, самым знаменитым представителем которой был австриец Адольф Ланц (более известный под именем Йорга Ланца фон Либенфельса). Он тоже охотно использовал наследие мадам Блаватской. Несостоявшийся монах, он достаточно рано проявил интерес к гностическим доктринам, перенеся их на языческие тексты, например скандинавскую Эдду. В одной из своих статей он писал: «Там [в Эдде] рассказывалось, как Ригр (= Тринг, бог неба) породил от трех различных матерей три различные человеческие расы. Эдда произвела от него расу животных слуг, Эмма, находившаяся на более высоком уровне, — расу крепких крестьян. От Мотир произошли белокурые герои и знать... В обоих мифах [Старшей и Младшей Эдде] основное содержание сведено к следующему: смешивание богов или полубогов с низкой первобытной сущностью». И снова знакомая нам гностическая традиция о трехчастном деле-



нии человечества. Но на этот раз деление происходит по расовому принципу, а вовсе не по духовному состоянию людей. Внутренний свет высшей расы был трансформирован во внешние физические признаки: голубые глаза, светлые кудри. Более того, следуя гностической традиции, Ланц требовал стерилизовать всех людей «низшей расы» и выслать их на Мадагаскар. Более того, он предлагал поработить их и использовать как вьючных животных. В некоторых пассажах он настаивал на их сожжении, что послужило бы жертвой богам во имя приближения расовой чистоты старого человечества. С этой точки зрения крематории концентрационных лагерей представали как некие алтари. Подобно нацистам, Ланц не собирался ограничиваться территорией Германии, его планы выходили далеко за ее границы. «Но это должно продолжаться лишь до тех пор, пока не возникнет новый электрон, новый Грааль, новый род священников... Великие князья, сильные воины, богоугодные священнослужители возникнут из древней священной земли германских богов, которую содомитские обезьяны вновь заковывают в цепи». Свои творения Ланц публиковал в небольшом журнале «Остара», который назвал по имени светлой языческой богини. Во время пребывания в Вене Гитлер регулярно покупал этот журнал в газетных ларьках. Когда ему не удалось купить отдельные номера, он выписал их по почте непосредственно у Ланца. Тут можно процитировать одно из писем Ланца, датированное 1932 годом: «Знай, что Гитлер — это один из наших учеников. Ты еще испытаешь, как он, а стало быть, и мы, победит и разожжет движение, которое заставит содрогнуться мир». Вильфрид Дайм, автор книги «Человек, который давал идеи Гитлеру», проанализировал журналы, выпускаемые Ланцем, и пришел к выводу, что в них очень часто встречались несколько искаженные цитаты из Альфреда Шулера, а в некоторых местах даже делал их эпиграфом: «Надо отметить, что за собственной идеологией Ланца скрывалось не просто извращенное христианство, а даже определенное старохристианское еретическое учение, которое уходило корнями к языческим богам. Это был гностицизм... У Ланца

дух стал белокурой расой, а материя расой чандалов (неприкасаемых). Здесь мы вновь встречаемся со старым искушением Запада, со странным гностицизмом».

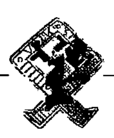
Новая религиозно-политическая мода не обошла стороной и одного из предшественников национал-социализма, Хьюстона Стюарта Чемберлена. В своей работе «Основы XIX века», опубликованной в 1899 году, он интерпретировал борьбу между гностицизмом и христианством как войну евреев против индогерманцев. Он писал: «Те два основных столпа, на которых христианские теологи первых столетий создали новую религию, были еврейской исторической верой и индоевропейской символической и метафизической мифологией... В христианстве эти чужие друг другу элементы спаялись воедино, что стало результатом беспрерывной борьбы, которая шла на протяжении первых столетий. Самый очевидный вывод, что эта борьба за доминирование шла между индоевропейскими и еврейскими религиозными инстинктами. Она возникает сразу же после смерти Христа между иудео-христианами и христианами-язычниками. Она вновь пробудилась во время Реформации и длится по сей день, правда, ведется она не в облаках или на полях сражений, а под землей. Неожиданно еврейская религия и еврейское мессианство встали в один ряд с мистической мифологией эллинского упадка. Они не только не сливаются, но в основных пунктах противоречат друг другу. Возьмем хотя бы представления о Боге: с одной стороны — единый Яхве, с другой — древнеарийское триединство. Или представление о Мессии. С одной стороны — ожидание героя из колена Давида, который завоюет евреям мировое господство. С другой стороны — облаченный в тело Логос, который продолжает метафизические умозрения, которыми греческие философы занимались за 500 лет до Рождества Христова». Чемберлен последовательно упорядочивал свою систему в неком семантическом порядке: в одном поле — евреи, иудео-христиане, мировое господство, а в другом — индогерманцы, индоевропейцы, символическая и метафизическая мифология и греческое языческое познание. Примечательно, что в

этой книге глава, посвященная религии, открывается цитатой из персидского пророка Заратустры. Нам уже известно, как Шулер и Ланц инфицировали Гитлера вирусом гностицизма. Подобной участи не миновали и другие «коричневые бонзы», вспомним хотя бы Рудольфа Гесса. Но ярче всего признаки гностической эпидемии проявились у Альфреда Розенберга. В своей книге «Миф XX века» Розенберг заявлял, что слова Ахурамазды, сказанные Заратустре: «Только один раз в году видно, как заходят и восходят звезды, луна и солнце, а жители считают год днем», надо трактовать как далекое воспоминание о северной родине персидского бога. Именно там, на крайнем Севере, располагалась, по мнению Розенберга, Атлантида, из которой «лучами расходились отряды воинов как первых свидетелей все вновь и вновь воплощающейся нордической тяги к дальним странствиям с целью завоеваний и организации новой жизни». И далеко не случайно в «Мифе XX века» чуть ли не самым главным действующим лицом является «блаженный мастер» Экхарт — приор-доминиканец, который в течение своей многолетней жизни проповедовал о несозданном и несоздаваемом свете души.

Но вернемся к Розенбергу. В 1934 году он был назначен Гитлером особым уполномоченным по вопросам общего и мировоззренческого обучения и воспитания в НСДАП. Должность, если честно сказать, крайне не очень завидная. Розенберг был, по сути дела, министром без портфеля. Его влияние в аппарате нацистской партии было незначительным. Но, несмотря на это, не стоит недооценивать его значение, ведь Розенберг был редактором официального печатного органа НСДАП — «Фёлькише беобахтер». Кроме этого, его «Миф XX века» к 1944 году был издан тиражом более 1 миллиона экземпляров. Фактически это была вторая по значимости (после «Майн кампф») книга Третьего рейха. Сам Розенберг в 1937 году так отзывался о своей личной роли в национал-социалистическом движении: «Моя персона была воплощена в имперской программе: мое «частное мнение» должно было объяснить принципы всей революции, осуществленной фюрером» Розенберг, подобно своему тезке

Шулеру, частенько бывал в доме издателя Брукмана. Подобно Шулеру, Розенберг проявлял неподдельный интерес к катарам. «История альбигойцев, вальденсов, катаров, манихеев... описывает, наряду с историей мучеников свободного исследования и изображением героев нордической философии, поднимающуюся картину гигантской борьбы за ценности характера, т. е. за те интеллектуально-духовные предпосылки, без осуществления которых не было бы западной, не было бы народной цивилизации. Тот, кто сегодня посмотрит на демократизированную, неверно управляемую хитрыми адвокатами, ограбленную еврейскими банкирами, духовно богатую и тем не менее истощаемую прошлым Францию, тот едва ли сможет представить себе, что эта страна с севера до самого юга находилась в центре героических боев, которые в течение половины столетия создавали образы храбрейшего типа и которые в свою очередь разжигались героически настроенными мужчинами. Кто из «образованных» знает сегодня действительно что-либо о готической Тулузе, развалины которой и теперь могут многое рассказать о гордом человечестве? Кто знает великие господствующие кланы этого города, которые в кровавых войнах были уничтожены, истреблены? Кто пережил историю графа Фуа, замок которого сегодня превратился в жалкую груду камней, деревни которого стоят опустошенные, земли которого заселяются только бедными жителями?» Розенберг непосредственно связывал европейских еретиков с вестготами. Действительно, во время великого переселения народов германская ветвь вестготов оказалась в Южной Франции, оплоте катаризма. Более того, географический центр этих «иммигрантов» лежал в районе Тулузы. Автор «Мифа XIX века» яростно нападал на католицизм, который организовал внутренние крестовые походы. «Но то, что в этой борьбе погибло, что вызвало изменение расового типа и характера, именно это и не было рассмотрено настоящими историками. Уничтожение расовой сущности в Южной Франции». «Но сегодня просыпается новая вера, миф крови, вера в защиту вместе с кровью вообще божественной сущности людей.

Олицетворяющая светлое знание (!) вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие. Если мы заглянем в самое далекое прошлое и в самое последнее настоящее, перед нашим взором развернется следующее многообразие: арийская Индия подарила миру метафизику, глубина которой не достигнута и сегодня; арийская Персия сочинила нам религиозный миф, сила которого подпитывает нас и сегодня». «Нордическое духовное наследство заключалось, в самом деле, в осознании не только богоподобия человеческой души, но и ее равенства Богу Индийское учение о равенстве Атмана с брахманом «Бытие это вселенная, потому что он сам» — было первым признанием этого. Персидское учение о совместной борьбе человека и светлого Ахурамазды показало нам строгую точку зрения нордических иранцев». Главный идеолог Третьего рейха пошел по пути Шулера и в «Мифе XX века» объявил, что божественный свет располагается в человеческой крови. Различие состояло только в том, что Розенберг видел «божественную сущность крови», зависимой не от человеческих «классов», а от человеческих рас. В подтверждение этого он фактически идентифицировал вестготов с катарами. В заключительной главе «Мифа XX века» Розенберг вообще прибегает к терминологии Шулера: «Вокруг центра народной и расовой чести должны сплотиться личности, вокруг того таинственного центра, который издавна оплодотворял ритм германского бытия и становления, когда Германия обращалась к нему. Это то благородство, та свобода мистической души, сознающей честь, невиданно широким потоком принесшей себя в жертву, перейдя границы Германии и не требуя никакого «заместительства». Отдельная душа умирала за свободу и честь своего собственного возвышения, за свою народность. Эта жертва одна может определять ритм будущей жизни немецкого народа, культивировать новый тип немца. При строгом сознательном отборе теми, кто его изучил и жил им. Этот старо-новый миф приводит в движение и обогащает уже миллионы человеческих душ. Сегодня тысячью языками он говорит, что мы не «кончи-



лись в 1800 году», а с возросшим сознанием и взволнованной волей впервые хотим стать самими собой как целый народ — единый с самим собой, чего добивался мастер Экхарт. Миф для сотен тысяч душ является не чем-то, что отмечают в качестве курьеза с ученым зазнайством в каталогах, а новым пробуждением, образующим ячейки духовного центра».

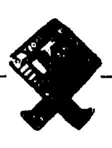
Также вспомним, что Шулер в начале всего располагал мировую космическую культуру, которая породила человека из света, «ячейки эссенции» В итоге жизнь, порожденная из света, сама продуцировала свет. Реформация, по Шулеру, «отравила» свет, который пробудился во время Возрождения. Розенберг словно продолжал фразу Шулера и заявлял, что национал-социализм был символом поворота к свету, к возрождению новой «клетки» «В его мистическом символе происходит новое построение клеток души германского народа». Разумеется, в центр этого процесса он ставил чисто биологический аспект. «Отдельная душа умерла... для народности», для «центра народной и расовой чести». Упомянутый им центр являлся телом народа, роль души была фактически сведена до минимума.

Как мы заметили, Розенберг в первую очередь прибегает к расово-биологическим аргументам и лишь затем к чисто религиозным. В данной ситуации не могло быть и речи об изначальном понимании гностицизма. В итоге Розенберга можно рассматривать как одного из создателей вторичного гностицизма, его секуляризованного варианта. Во время становления гностицизма существовало две модели мистического взаимодействия: небо-земля и земля-преисподняя. В национал-социалистическом варианте возникла новая модель гностицизма: земля-земля. Сугубо метафизическое понятие плерома ассоциировалось с абсолютно реальным праисторическим государством, в котором господствовали расово чистые атланты — арийцы — протогерманцы. Свет крови обретал здесь вполне четкие очертания. Искра души, находившаяся в крови, становилась реальной биологической наследной субстанцией. Утрата изначального

райского, доисторического состояния произошла из-за смешения с низшими расами, которые не являлись носителями света. И чем дальше происходило смешение, тем меньше становилось света в крови. В то время как «настоящие» гностики для того, чтобы воссоединиться со светом, ожидали смерти, национал-социалисты решили прибегнуть к позитивной и негативной евгенике. Чтобы избежать нового нашествия мрака, надо было всего лишь уничтожить его носителей. Только при этом условии чистота света могла сохраняться вечно.

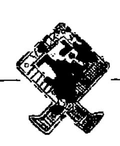
Новая мода на гностицизм быстро охватила весь фёлькише-националистический лагерь. Иероним Эккехард в своей статье «Дуализм и гнозис в фёлькише движении» делал следующий вывод: «Дуализм как расовая двойственность, как двойственность духа в борьбе между собственной и чужой душой, как тайное гностическое знание, поднимающееся из глубин души, крови божественных искр света, спущенных на сдерживающую материю, будет возрождаться вновь и вновь. И снова будут возникать тайные организации и союзы, единственно претендующие на правильное понимание мировой действительности».

Интерес к катарам и гностицизму не ограничивался Гитлером, Гессом и Розенбергом. Пожалуй, самым известным исследователем катарского вопроса был эсэсовец Отто Ран, но здесь мы не будем уделять ему особо много внимания, так как нам предстоит столкнуться с ним во второй главе. Подчеркну лишь, что именно с появлением Отто Рана в СС охранные отряды превратились в некого хранителя оккультной доктрины. Собственно, и Ран не был уникумом. В СС вопросами гностицизма занималось несколько структур. В Федеральном архиве ФРГ сохранилась переписка офицеров СС. Так вот, в ней есть несколько писем, из которых становится ясно, что в 1943 году руководство эсэсовского института «Наследие предков» («Аненербе») установило контакты с дивизией Ваффен-СС «Принц Ойген». В самом этом факте нет ничего удивительного, если бы не повод для подобных контактов. Речь шла о получении «Наследием



предков» контроля над могилами богомилов (балканских предшественников катаров), которые находились на территории Герцеговины. Само руководство «Аненербе» фактически ставило знак равенства между богомилами и готами, к которым проявляло весьма повышенный интерес. Имперский руководитель «Наследия предков», Вольфрам Зиверс, писал по этому поводу: «Богомилы и их могилы в Боснии, Герцеговине, Черногории и Северной Албании являются предметом изучения уже около 60 лет. Фотографии установленных погребений богомилов большей частью уже опубликованы. Связь между сектой богомилов и готами очевидна. Религия богомилов появлялась повсюду, где однажды возникали поселения готов». «Наследие предков» намеревалось провести собственные исследования богомильских захоронений, которые планировалось осуществить под руководством доктора Райсвитца, «очень подходящего человека, который уже на протяжении 20 лет занимался изучением богомилов». На это письмо ответил один из сотрудников личного штаба рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера: «Рейхсфюрер СС подчеркнул, что имеются сведения о связи между богомилами и катарами». Как следует из переписки, Гиммлер проявил очень живой интерес к богомилам. Только этим можно было бы объяснить, что в последующем по его инициативе в «Народном художественном издательстве» было отпечатано 100 тысяч (!) открыток с изображением уже упоминавшихся захоронений. Интересна подпись на этих открытках: «Могилы немецких героев — могилы солдат из Ваффен-СС наряду с хорватскими погребениями VII — IX веков, на которых изображены руны и свастики». Генриху Гиммлеру показалось, что подобной инициативы недостаточно, и он потребовал, чтобы эти открытки были напечатаны на самой лучшей бумаге. В сентябре 1944 года рейхсфюреру СС показали пять вариантов этих открыток.

Когда мы изучаем гностические следы в нацистской идеологии, то никак нельзя отстраняться от специфических нацистских культов. О свастике даже не приходится говорить. Она применялась практически повсюду. Когда Шулер впервые ввел ее в употребле-



ние, он даже предположить не мог, что этот символ приживется фактически во всех теософских и ариософских группах, положив начало новому культу. Символика мистического света не исчерпывалась изображением свастики. Возьмем хотя бы «собор света», созданный Альбертом Шпеером в 1937 году на Нюрнбергском съезде нацистской партии. «Собор» был создан при помощи 150 прожекторов, которые выбрасывали мощный свет на восемь километров в небо. Под куполом из его лучей уместилась почти четверть миллиона людей. Редактор одной из ежедневных газет писал об этом событии как о «часе благоговения нацистского движения»: «Над полем возник готический собор из света. Это мечта или реальность? К бескрайним лучам света взлетают слова клятвенной песни. Это поют ученики ордена. Это гигантское благоговение дает всем собравшимся здесь новые силы. В этот час благоговения море света защищает нас от темноты, находящейся снаружи». Очевидец этого события Ина Зайдель даже сочинила стихи:

Этот собор, построенный из ясного огня,
Не меньше, чем замок из стали и камня,
Не он ли должен быть святыней
Дорогой для нас, вечной Германии,
Являя собой новую картину смысла?

Как видим, гностицизм и национал-социализм оказались отнюдь не чуждыми друг другу понятиями. Даже после смерти Шулера, последнего немецкого катара, эта религия продолжала привлекать к себе внимание нацистов. Но теперь это было связано с именем Отто Рана

Глава вторая

Отто Ран и поиски Грааля

> Герой Парцифаль промолвил так:
> «Душу мою застилает мрак.
> Вот здесь я стою перед вами
> И выразить не могу словами,
> Какой измучен я тоской...
> Не нужно радости мне людской,
> И я назад к вам не приду,
> Пока Грааль вновь не найду...»
>
> *Вольфрам фон Эшенбах.*
> *Парцифаль*

Тематика книг, написанных Отто Раном, до сих пор привлекает внимание многочисленных читателей. В свое время они произвели эффект разорвавшейся бомбы. Только за факт написания книги «Крестовый поход против Грааля» Ран был приглашен служить в Личный штаб рейхсфюрера СС, где и прослужил вплоть до своего самоубийства в 1939 году. Его жизнь, а в особенности его околонаучные исследования, служба в СС и самоубийство до сих пор порождают множество самых невероятных слухов. Впрочем, во Франции он больше известен не как эсэсовец, а как автор книги «Окцитианское Возрождение». Кстати, его творчество во Франции куда более известно, нежели в самой Германии. В чем же причина такой популярности? Дело в том, что во время изучения знаменитой средневековой пьесы Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» он провел достаточно убедительные параллели между названиями населенных пунктов, именами собственными, упомянутыми в поэтической пье-

се, и конкретными местами и персонажами французской истории. Сенсацией стало то, что Ран идентифицировал «Замок Грааля» из «Парцифаля» с воспетым Рихардом Вагнером замком Монсвальт и замком на Юге Франции Монсегюром. Логика была проста: мифический Монсвальт — переводился как «спасительная гора», а реальный Монсегюр — «надежная, безопасная гора». Ран считал, что это были обозначения одного и того же места. Следующим шагом стало намерение доказать, что Монсвальт и «Замок Грааля» были одним и тем же местом. Преследуя такую нелегкую цель, Отто Ран решил прибегнуть к методике Генриха Шлимана, который, опираясь только на эпосы Гомера, нашел и раскопал легендарную Трою.

Так почему же Святой Грааль должен был находиться в Монсегюре, последнем оплоте катаров? Ран приводил несколько исторических фактов. Известно, что во время осады Монсегюра из замка удалось вырваться двум группам катаров. Первый раз это произошло на Рождество 1243 года. Тогда Монсегюр тайно покинули двое предводителей катаров — «совершенных». В ночь на 16 марта 1244 года из Монсегюра удалось скрыться еще четырем высокопоставленным катарам. Эти события не давали покоя на протяжении нескольких столетий романтикам и любителям приключений. Зачем высокопоставленным катарам покидать осажденный замок? Естественно, для того, чтобы спрятать свои несметные сокровища, которые так и не нашли крестоносцы. Ран подробно проследил путь этого бегства. С керосиновой лампой он облазил все окрестные пещеры Сабарте (по имени церкви Святого Сабарте, где, по преданию, Богоматерь предсказала Карлу Великому победу над сарацинами), где могли скрыться беглецы, и пришел к выводу, что катары вывезли вовсе не бесчисленные богатства. Они спасали куда более ценную вещь — Святой Грааль. Сама книга Рана, написанная большей частью под впечатлением от пережитого, должна была ответить на вопрос: «Что такое Грааль?»

Грааль был почти неизменным мотивом в средневековой поэзии. В разных произведениях он представал в самых различных

формах. Первоначально сага о Граале описывала его как чашу, которую использовал Христос во время последнего причастия, Тайной Вечери. Затем в нее была налита кровь Христа, распятого на кресте. Дохристианские источники содержали несколько изображений котла, в котором возрождались мертвые. Ран придерживался другой трактовки. Подобно Вольфраму фон Эшенбаху, он говорил о камне, выпавшем из короны Люцифера. Казалось бы, между этими версиями нет ничего общего. Одна представляла Грааль как чисто языческий символ, другая изображала его как христианскую мистерию, как евхаристический сосуд. Вольфрам фон Эшенбах не воспринял ни одну из этих версий. Наряду с этими кельтскими языческими и эзотерическо-христианскими представлениями существовала еще одна версия об истории Грааля, представленная алхимиками.

Но во всех вариантах истории о Граале был один общий момент: эта святыня никогда не отделялась от ее поисков. Казалось, будто бы Грааль являлся людям многократно, с одной стороны, как зеркало наших страстей, с другой стороны — как совершенно реальный, даже исторический предмет. Католический Рим никогда официально не поддерживал идею о существовании Грааля, впрочем, никогда и не опровергал. Начиная с первых упоминаний, духовенство хранило молчание об этом символе, который для Рана по своей сути являлся признаком одной из ересей. Речь шла о знакомых нам катарах.

Еще раз взглянем на тех, кому Ран посвящал свои произведения. Как помним, катары были приверженцами одной из христианской ересей, которая по своей сути имела мало общего с христианством. Как уже говорилось в первой главе, название «катары» произошло от греческого слова «чистый». Это официальная версия, но далеко не единственная. Например, слово «катаррос» могло употребляться в контексте очищения желудка слабительным средством, т. е. опорожнения. Или вот другая версия. Она позаимствована из декларации Аладуса, которая приводилась в книге «Катары и Грааль». Эти

мология слова катары, согласно написанной в 1200 году Алленом де Лиллем «Де фида католика», происходит либо от фразы «coulant par leurs vices» («то, что стекло с их пророков»), либо вообще от «катус» («catus»), так как по преданию катары целовали кошек. Католики добавляли такую деталь, что целовали кошек именно в зад.

В средневековом немецком языке ругательство «холодный» (katter) применялось к людям, водившимся с кошками и нечистой силой. Интересно, что само слово «катар» было впервые упомянуто в 1163 году рейнским монахом Экбертом фон Шонау. Тем самым человеком, с заметками и книгами которого знакомился Альфред Шулер. Поначалу это обозначение бытовало только в Германии, так как во Фландрии их называли «пифлесами» (от piphles — «народ бога»), а во Франции — тисседрадами (от tisserands — «ткачи»).

Но постепенно немецкое словечко «катар» дошло до Рима и стало появляться во всех документах как обозначение еретика. Сами же катары называли себя просто «христианами» или «добрыми христианами» или «хорошими людьми». Иногда встречалось упоминание о «друзьях Бога», что, судя по всему, было калькой с болгарских богомилов — «любящих Бога».

Не будем вновь повторять все гностические перипетии катарской религии, ее дуалистические и манихейские корни. Подчеркнем, что в основных своих чертах катаризм был апокалипсической религией, а потому опирался исключительно на Новый Завет и Откровение Иоанна Богослова. Единственная практикуемая среди катаров молитва — это «Отче наш», да и читать ее имели право только «перфекты», «совершенные». Впрочем, для катаров имели значение и некоторые апокрифы. Все другие христианские тексты, догмы и таинства католической церкви напрочь отрицались. Для катаров Христос вовсе не был Богом, только Его посланцем, являясь единственным источником откровения.

Католическая церковь не смогла ничего противопоставить этим «еретикам» и их культуре. Ситуация выходила из-под контроля. Обстановка во Франции просто ужасала папский престол. В итоге папа

Иннокентий III решился на применение силы. Он отрешил от власти Раймонда VI, графа Тулузы, того самого графства, где царила фактическая свобода вероисповедания. Но Раймонд не собирался отрекаться от власти. В результате в 1208 году раздался новый папский призыв. Он был необычен, так как призывал к крестовому походу против европейцев, к тому же христиан, хотя и инакомыслящих. Как уже говорилось, крестовый поход превратился в форменную резню.

В 1232 году новый папа Григорий IX решил упорядочить преследование катаров и поручил это Святой инквизиции. Катарам оставалось только скрываться в небольших городах и селах. Но инквизиция доставала их и там. Последним оплотом катаризма стал замок Монсегюр. Именно вокруг этого замка и вращался сюжет книги Отто Рана «Крестовый поход против Грааля». Когда Ран бродил по пещерам Сабарте, которые, как он полагал, были последним путем «совершенных», ему встретился старый пастух, который рассказал следующую легенду: «Когда стены Монсегюра еще стояли, в них катары, чистые, охраняли Святой Грааль. И был Монсегюр в великой опасности. Воинство Люцифера подступило к его стенам. Они хотели захватить Грааль, чтобы укрепить его опять в короне князя тьмы, откуда он выпал, когда восставшие ангелы были сброшены с небес. И когда бой был почти проигран, слетела с неба белая голубка, и Фавор распахнулся. Эскламонда, защитница Грааля, бросила святыню в недра горы, и она затворилась. Так был спасен Грааль. А когда черти овладели крепостью, то поняли, что опоздали. В ярости схватили они катаров и сожгли под городскими стенами...» Теперь у Рана не было сомнений, что Святой Грааль некоторое время находился в Монсегюре, откуда был тайно вывезен.

Когда осенью 1933 года книга Отто Рана «Крестовый поход против Грааля» увидела свет, то на нее почти тут же в прессе, контролируемой нацистами, было напечатано четырнадцать рецензий. По тем временам очень большое количество. Вот некоторые из них.

«Таг» (« День»), Берлин: «Если направиться на юго-восток от Тулузы, в Пиренеи, то можно попасть в совершенно дикий и безлюдный горный лабиринт. Это графство Фуа, это горы, которые приведут вас в Андорру, это древние таинственные замки Монсегюр и Мирамонт, это долина Сабарте. И это огромные пещеры. Пещеры из сверкающей извести и мрамора, из сталактитов и сталагмитов. Пещеры, которые ведут в глубь гор, чтобы внезапно натолкнуться там где-нибудь на свет. Это пещеры с расселинами, органами, соборами и алтарями, созданными из камня. Это колдовские пещеры, в которых лежат греческие вазы и кельтские бронзовые украшения, финикийское стекло и орудия каменного века. На стенах пещер нацарапаны символы пропавших божеств, мировое дерево и солнечная ладья, и в то же время можно найти христограммы, написанные греческими и латинскими буквами, гностическая рыба и голубь. До сих пор никто не занимался историей этих пещер. Но теперь немцам представлен результат их многолетнего исследования. В целом эти результаты позволяют раскрыть тайну Грааля. То, что изложил в своей книге Отто Ран, настолько обосновано и правдоподобно, что миф о Граале впервые обретает исторические очертания».

«Знания нации»: «Ран приводит подробные доказательства моральной чистоты катаров, которые не возлагали на себя никакого другого долга, кроме как чистую любовь к богу, которую они ставили выше власти королей и Римского папы. Книга читается как увлекательный роман. Однако куда больше любых надуманных произведений потрясает, что она повествует об ужасной действительности. Она потрясает из-за трагедии великого стиля, так как вместе с ним безрассудством и злобой были разрушены самые благородные идеалы человечества. Грааль как драгоценная святыня катаров пропала навсегда; но он продолжает существовать в сердце каждого человека как самая ценная религиозная святыня».

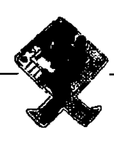
«Вохе» («Неделя»), Берлин: «Минуло 700 лет, как романский катаризм с его провозвестниками был погребен в пещерах, как Рим и его инквизиция расправились с этими наследниками Христа, кото-

рые наполнили собой благороднейшее время и вдохновили множество шедевров. Прекрасное произведение Отто Рана убедительно воскресило те прошедшие времена. Особой заслугой автора является то, что при всей своей научности его книга адресована широкому кругу читателей. В книге мы можем проследить за переживаниями автора от посещения вершин Табора, путешествий по хрустальным залам и мраморным криптам еретических пещер. Мы можем ощутить чистый дух ушедшего времени и его веру, чьи следы Отто Ран нашел в символах, рисунках, именах и костях».

Франц Карл Эндрес: «...Что являет собой Грааль? Это не чаша из Тайной Вечери и не имеет ничего общего с церковным христианством. Грааль — это камень мудрости, который Вольфрам Эшенбах называл камнем, пришедшим с неба. К этому можно прибавить арабские воззрения на камень мудрости, которые в определенной степени опираются на древнеарийскую религию света. Это мы можем еще обнаружить в мифе о походе аргонавтов за золотым руном. В саге об аргонавтах можно увидеть начертание символа мирового древа (которое у германских народов получило название Иггрასиля) и парящей в воздухе чаши... Церковь успешно поработала над тем, чтобы уничтожить всю литературу о катарах, чтобы не осталось и следа от чистого христианства, чтобы даже сказание о Граале сохранилось в искаженном виде. Насколько мог быть прекрасен «Парцифаль» Вагнера, если бы он только повествовал об истинном Граале!»

В «Национал-социалистической учительской газете» имперский министр по делам образования и религии Ганс Шемм писал: «Читайте эту в высшей степени интересную книгу, так как все остальные кажутся совершенно неудачными».

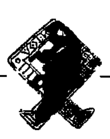
Было бы наивно полагать, что книга Отто Рана была оценена только в Третьем рейхе. Обсуждение идей, изложенных в ней, продолжилось после 1945 года и длится, по сути, до настоящего момента. Если говорить о многочисленных публицистических упоминаниях книги Рана, то можно указать на статью Генри Миллера, опубли-



кованную 23 ноября 1962 года в еженедельнике «Цайт». В ней автор заявлял следующее: «Есть несколько немецких авторов, которым я многим обязан. Некоторые из них — это специалисты в совершенно различных областях знаний. Это такие люди, как Освальд Шпенглер (которого сегодня я рассматриваю лишь как литератора), психоаналитик Отто Ранк, автор романов Людвиг Левисзон, теолог Рейнхольд Нибур, Штефан Цвейг, Франц Верфель, Шлиманн и Отто Ран, который написал «Крестовый поход против Грааля».

Несколько десятилетий спустя авторы Эльмар Грубер и Хольгер Керстен в своей книге «Пра-Иисус. Буддийские источники христианства» ссылались на Отто Рана: «Многочисленные аналогии и соответствия с Индией можно найти даже в кельтской и кельто-иберийской мифологии, в которых, например, присутствовали идеи о возрождении, вегетарианском питании, культе дерева и солнцеворот (свастика) — символ, который до сих пор можно найти на косяках дверей в баскских деревенских домах. В марсельском музее Борели есть две сидячие каменные фигуры, датируемые 2-м веком до нашей эры. Видимо, это идолы какого-то религиозного культа. Нашли их по соседству в небольших пещерках, выдолбленных в гладких стенах. У этих статуй нет голов. По мнению ученых, они олицетворяют собой кельто-иберийские божества. Однако эти изваяния непостижимо напоминают ранние буддийские шедевры. А именно скульптуры Бодхисатвы с типичными для этих произведений атрибутами: изображение в позе лотоса, веревкой брахмана через плечо и венками как особыми регалиями, надетыми на шею и плечи. Положение рук марсельских статуй очень напоминает жесты Будды. В то время как одна рука указывала на землю, другая рука как бы замирала в благодарственном жесте перед грудью».

Подобная мысль была почерпнута из Отто Рана, и авторы ссылаются на одно из мест «Крестового похода»: «Недавно на Юге Франции в иберском захоронении первого тысячелетия до нашей эры была найдена голова Будды. Вероятно, она принадлежала иберийскому или кельто-иберийскому Абеллио, который всегда изобра-



жался со скрещенными ногами, как типично для Будды. Кроме того, на всех дошедших до нас пиренейских статуях и алтарях Абеллиона мы находим свастику, религиозный символ буддизма».

«Крестовый поход против Грааля» не был единственным произведением Отто Рана. Впрочем, его вторая книга «При дворе Люцифера» не вызвала столь широкого отклика. Первоначально Ран запланировал написать работу об инквизиторе Конраде Марбургском. В ее окончательном варианте, который увидел свет, содержались путевые заметки о посещении различных памятников. Каждая глава являла собой некую законченную мысль. В итоге подобно мозаике, выложенной из различных разноцветных камней, Ран представил читателю живую историю еретического движения и судьбу Грааля. Новая книга очень сильно отличалась по своему стилю от появившегося в 1933 году «Крестового похода против Грааля». Наглядно эти различия можно проследить, если обратиться к самому понятию Люцифера. В «Крестовом походе против Грааля» Отто Ран упоминал эту силу во вполне христианском контексте, делая ее идентичной злу. Во второй книге этот персонаж уже трактуется как «носитель света», а потому Ран считал, что ассоциировать Люцифера со злом, по меньшей мере, несправедливо.

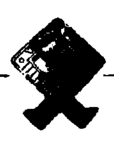
Надо отметить, что книги Рана произвели большое впечатление на главу СС Генриха Гиммлера, который проявлял повышенный интерес к вопросам истории. Поэтому нет ничего удивительного, что в марте 1936 года Ран стал сотрудником СС, занимал должность референта в главном управлении охранных отрядов. Сотрудничество Рана с нацистами до сих пор является весьма благодатной почвой для самых различных домыслов и спекуляций. Часть из них непосредственно связана с Вевельсбургом, замком, который располагался в окрестностях города Падеборн. Именно в этом замке руководство СС задумало создать некое подобие идеологического центра СС, «Черного ордена», подчинявшегося Гиммлеру. Многочисленные документы наглядно показывают, насколько серьезно и вдумчиво

относились к этой идее создатели плана по формированию новой аристократии «тысячелетнего Рейха».

В различных проектах первоначальная, треугольная форма замка была всегда основой для создания огромного копьевидного строения. В этом можно увидеть очевидную символику Грааля. Вполне возможно, что Вевельсбург символизировал собой наконечник копья Лонгина, с которого, как в христианской мифологии, в чашу Грааля капала мистическая кровь.

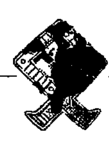
В центре этого наконечника копья располагалась глубокая, выдолбленная в скале сферическая крипта, вокруг которой — двенадцать базальтовых постаментов. Архитектура замка не была богатой, но была продуманной до самых мелких деталей. Истинное назначение многих из них так и осталось неизвестным, что еще больше подливало масла в огонь — замок Вевельсбург всегда давал повод для различных домыслов и мифов. Так как на эти вопросы так и не удалось пролить свет, то в специальной литературе Вевельсбург все чаще и чаще стал упоминаться как «орденский замок Грааля». Стоит также добавить и то, что Отто Ран действительно одно время работал в Вевельсбурге. Именно этот факт позволил многим утверждать, что исследователь искал Грааль для своих новых хозяев. Попытаемся сами разобраться в этом вопросе, для чего обратимся к биографии Отто Рана.

Когда в марте 1939 года почти сразу же после празднования своего 35-летнего юбилея Отто Вильгельм Ран совершил самоубийство, он оставил историкам в наследство не только свои книги, но и свою короткую, очень запутанную, загадочную жизнь. После его смерти многочисленные легенды превратили Отто Рана едва ли не в самого таинственного писателя Германии. До сих пор не очень ясно, какую роль играл Отто Ран в СС и нацистской партии. После войны мифы вокруг Рана не только не были развенчаны, но, напротив, приумножены благодаря охотникам за сенсациями. Серьезные исследователи обходили этот сюжет стороной.



Отто Ран был первым ребенком Карла и Клары Ран (в девичестве Гамбургер). Отто родился 18 февраля 1904 года в четыре часа пополудни в Михельштадте-Оденвальде, городке, где родилась его мать. Сведения о детстве Отто Рана достаточно скудные и в основном сводятся к скупому описанию, которое дал сам Ран в одной из своих книг. Его родители были очень набожными евангелистами. Отец Отто служил чиновником в суде и мечтал, что сын станет юристом. До начала Первой мировой войны Отто Ран вместе с родителями жил в небольшом немецком городке Бинген-на-Одере, где посещал гуманитарную гимназию. Военные невзгоды заставили семью Ранов перебраться в университетский город Гиссен. Отто стал посещать там гимназию ландграфа Людвига, где познакомился с бароном фон Галлом, заместителем директора гимназии, который преподавал Закон Божий. Именно этот человек впервые рассказал мальчику о катарах. Рассказ фактически предопределил всю судьбу Отто. Живое описание средневековых событий вдохновило мальчика. Некоторые из исследователей утверждали, что барон фон Галл был видным деятелем в теософских обществах. Но это не соответствовало действительности. Фон Галл был консервативным человеком и отрицал такие экзотические направления, как спиритуализм или теософия. Жизнь его была чересчур размеренной и нарушилась только один раз, в 1944 году, когда подслеповатый преподаватель вывесил в день рождения фюрера на свой дом кайзеровский черно-бело-красный флаг, а не красное полотнище с черной свастикой.

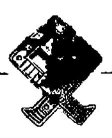
Но вернемся к Отто Рану. Повинуясь желанию отца, Отто после сдачи экзаменов на аттестат зрелости стал изучать юриспруденцию. Свою учебу он начал в Гиссене, а затем продолжил во Фрайбурге и Гейдельберге. Именно в Гиссене Ран познакомился с молодым поэтом и писателем Альбертом Генрихом Раушем. Новый друг стал для молодого Отто образцом для подражания. Альберт Рауш, известный своим богемным образом жизни, никогда не скрывал своих гомосексуальных наклонностей. Некоторые знакомые отмечали, что Рауш был искушенным совратителем своих юных друзей. До сих



пор неизвестно точно, пристрастился ли Отто к однополой любви или нет. На этот счет не сохранилось никаких свидетельств современников, ни документов. Имеются только косвенные доказательства, которые в настоящее время никто не может ни подтвердить, ни опровергнуть. Скорее всего, если Ран и был гомосексуалистом, то этот факт замалчивался. По некоторым сведениям, мать Отто сообщила его жене эту «семейную тайну» лишь незадолго до своей смерти.

В 1925 году Ран временно прервал свое обучение. Причина этого поступка кроется в отсутствии необходимых финансов у его семьи. Хотя не стоит думать, что Ран был бедняком, его родители были достаточно зажиточными людьми. По своему собственному признанию, в это время Отто хотел освоить какую-нибудь практическую профессию и потому решил учиться издательскому делу. Но из переписки с Альбертом Раушем следует, что Отто в это время являлся не столько учеником, сколько коммивояжером у различных книжных издательств. Поездки по всей Германии оказались очень познавательными и принесли Отто несомненную пользу. Эта свободная, почти бродяжническая жизнь способствовала творчеству. После трех лет разъездов по Германии Ран решил вернуться в университет. В письме Альберту Раушу он писал, что на этот раз твердо намерен получить ученую степень. В том же письме он упомянул о своей новой любви — 19-летнем Раймонде Перрире из Женевы. Этот швейцарец, говоривший на французском языке, жил в доме родителей Отто, где изучал немецкий. Юноша происходил из приличной, богатой семьи — его дядя Брет Перрир был почетным канцлером Женевы. Отто Ран в течение многих лет поддерживал связи с Раймондом Перриром.

Зимой 1928 — 1929 года Отто Ран меняет свои научные пристрастия. Он больше не хочет изучать юриспруденцию и переходит на филологический факультет. Именно здесь он пишет свои первые произведения. Они даже были опубликованы в издательстве «Урбан». Хозяин издательства Фогельзанг шутливо называл молодого



литератора «учеником Гундольфа». Гундольф — это псевдоним Фридриха Гундельфингера, преподавателя Отто в Гейдельбергском университете. Факт, может быть, на первый взгляд и незначительный, если бы не было известно, что Фридрих Гундельфингер входил в кружок Штефана Георга, был знаком с Альфредом Шулером, от которого заразился яростным антисемитизмом. Его литературные произведения были проникнуты глухой ненавистью к евреям. Это не были дешевые агитки. Если верить дневникам Геббельса, то тот стал антисемитом именно после прочтения в 1920 году книги Гундольфа «Евреи».

Несмотря на некоторые успехи, учеба на новом месте у Отто не заладилась. Уже в июле 1929 года он сообщал Раушу, что вынашивает новый план — направиться в Париж. Но в Париж он не попал — в то время он живет в Швейцарии в семье своего «друга» Раймонда.

Четыре недели спустя, после того как на нью-йоркской финансовой бирже произошел сенсационный обвал, с которого начался мировой экономический кризис, Ран писал: «После восьми месяцев в Гейдельберге и двух в Женеве я снова нахожусь с моим великолепным другом Раймондом Перриром в Берлине». Неизвестно, что привело этих молодых людей обратно в Германию, в Берлин. Вероятно, дикий, необузданный Берлин, превратившийся в 20-е годы в некую «Мекку для гомосексуалистов», манил их куда больше, чем благопристойные нравы Швейцарии. В то время немецкая столица переживала чуть ли не голубой бум. Только в Берлине насчитывалось около сотни кафе для гомосексуалистов.

Об этом периоде жизни Рана поведал другой швейцарец, Пауль Алексис Ладаме, который в то время учился в Берлине: «В том 1930 году перед одной из лавок сапожника можно было увидеть очередь. Там висел плакат: «Требуется мальчик на побегушках. С велосипедом. Желательно высшее образование». Но Ран не был мальчиком на побегушках. Я, во всяком случае, не верю в это. Он был безработным и кем только не подрабатывал: внештатным учителем в народной школе, репетитором, переводчиком, корректором, про-

давцом, упаковщиком, статистом на съемках, но чаще всего билетером в кинотеатре. В художественной среде, в которую мы были тогда вхожи, вращались такие люди, как Эрих Мария Ремарк, Фриц Ланг, Георг-Вильгельм Пабст, Макс Райнхард, Ганс Рихтер. Я предпочитал живопись и кино, а Ран — литературу и театр... Я подрабатывал, исполняя второстепенные роли в «Трехгрошовой опере» и «Четырех из пехоты». Ран же в то время писал диалоги или рецензии на французские романы».

В 1930 году Ран вновь оказывается в Швейцарии, откуда пишет письмо своему старому другу Альберту Раушу. В этом письме он сообщал, что с начала года нашел работу сценариста. Но сценарист, видимо, из него не получился, так как в декабре 1930 года он уже работал преподавателем в одной из женевских школ. Эту нелегкую борьбу за существование Ран достаточно подробно описал в своей эсэсовской автобиографии, подчеркнув, что в то время заинтересовался работами Кальвина, Руссо и Вольтера.

Дела в Швейцарии шли неважно. Позже он так описывал свой «женевский период»: «Оттуда я унес плохие воспоминания. Я плохо устроился, дурно питался. Я получал месячную зарплату, которой едва ли хватало на неделю. В моей комнатушке не было ни раковины, ни ванной. Но именно там я начал писать несколько статей. Самая значимая из них должна была быть посвящена Великому Инквизитору моей страны. Тогда, в этой крайней нужде, я решил сделать все возможное, чтобы добиться успеха. Представьте себе, в течение трех месяцев я вновь и вновь переделывал статью о Великом Инквизиторе. Но каждый раз получалась только одна-единственная внятная машинописная копия. Я отослал мою работу более чем пятидесяти газетам и специализированным журналам. Но я получил только один отзыв — и тот был отрицательным. Это было агентство, заинтересовавшееся моими новыми работами, которые я бы мог предоставить».

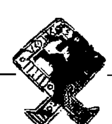
В итоге Рану все-таки пришлось перебраться в Париж. Во французской столице Отто познакомился со многими литераторами и ча-

стными исследователями. Сделал он это независимо от Альберта Рауша, хотя тот бывал в Париже даже чаще, чем в Германии. Накануне захвата власти нацистами Рауш устроился в Париже на постоянную работу. Он стал пресс-секретарем и заведующим отделом печати местного отделения «Международного Красного Креста».

Для Рана особое значение имело знакомство с тулузским поэтом и эзотериком Морисом Мегре. Не исключено, что именно Мегре подвинул Рана увязать воедино еретическое движение катаров и символику Грааля. Дело в том, что в стихах, сказках и романах Мегре можно найти столь характерное для Рана смешение легенды, мифов и исторических фактов. Эту мысль подтверждал старый знакомый Отто — Пауль Ладаме. Ладаме вспоминал, что как-то во время завтрака Мегре высказал мысль, что «таинственный «Никетас»[1], прежде чем вернуться на Восток, прежде чем покинуть этот мир, должен был оставить Слово, письменный документ, излагающий его учение. Рукопись должна была храниться вместе с сокровищами катаров в замке Монсегюр. Она могла быть скрыта под землей в гротах пещеры Орнольяк». Ран очень живо прореагировал на эту идею. Он возбужденно заговорил: «Я разделяю Ваши взгляды. Искать надо именно там. Пещеры Орнольяка наверняка скрывают сокровища».

Именно эта беседа стала ключом к идее Рана, когда он увязал вместе легенды о Граале и судьбу катаров. Хотя сам он считал несколько по-иному. Он утверждал, что эта мысль пришла к нему совершенно случайно. Действительно, не мудрено, что он запамятовал об этой беседе, которая дала ему рабочий тезис для будущей книги, ведь в то время он был одержим совершенно другими планами. В феврале 1931 года Ран направляет Раушу очередное письмо, в котором бурно описывает перспективу собственного дела. Ран намерен создать собственное издательство, которое будет специализироваться на выпуске немецкой и французской литературы. Но

[1]Видимо, речь идет о богомильском епископе Никите, который, по одной из версий, скрылся в Южной Франции.

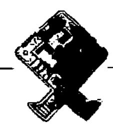


этим планам не было суждено сбыться. К тому же в это время он переживает личную драму — Раймонда забирают в армию, а самому Рану отказано в очередном визите в Швейцарию.

Возможно, оказавшись на пике страданий, Ран решил посвятить свое свободное время изучению мучений катаров. Это, казалось бы, пустое занятие превратилось для Отто в смысл всей его жизни, в идею, которой он был одержим до самой смерти. В этом начинании ему очень помогла графиня Пюжоль-Мюрат, происходившая с Юга Франции. Она была одной из многочисленных знакомых Мориса Мегре. Графиня слыла в светских кругах большой поклонницей спиритизма. Кроме этого, она поддерживала тесные контакты с «Полярисом», эзотерической группировкой, в которой проповедовалось нордическое мировоззрение и идеи «ледяной космогонии», выдвинутые Гансом Гёрбигером.

Накануне Второй мировой войны французский писатель Пьер Жеро написал книгу, посвященную тайным орденам и сектам, базировавшимся в Париже. Так вот, о «Полярисе» он поведал следующее. Руководитель этой организации использовал псевдоним «Зам Ботива». «В то время он был очень известен в оккультных кругах. Он достиг этого благодаря тому, что якобы нашел волшебный посох каббалиста и философа эпохи Возрождения Пико дела Миронадола». Именно этот предмет помогал средневековому мистику добывать золото. Вместе с этим «Зам Ботива» намеревался разыскать сокровища катаров. «С этой целью он добился расположения одной очень экстравагантной дамы, состоящей в Гностической церкви. В ней текла кровь потомков известной альбигойской еретической папессы Эсклармонды де Фуа. Имя этой таинственной дамы хранилось в строжайшей секретности. Но ее можно идентифицировать с графиней Пюжоль-Мюрат».

Графиня очень любезно встретила Отто Рана и всячески помогала ему. Она активно поддерживала изыскания молодого немца, видимо, считая себя новым воплощением катарской Эсклармонды де Фуа. Она предоставила Рану для поездок по стране не только рос-



кошный автомобиль, но и личного шофера Йозефа Видегера. Чтобы путешественники чувствовали себя более комфортно, им была безвозмездно выделена достаточно крупная сумма. Подобная импровизированная экспедиция стартовала в августе 1930 года. Именно тогда Ран впервые увидел места, которые позже описал в своей книге «При дворе Люцифера»: Арьеж, замок Памьер, графство Фуа, развалины Монсегюра, солнце в Каркассоне. Именно во время этой поездки Ран знакомится с Деодантом Роше, ярым приверженцем антропософских идей Рудольфа Штайнера.

Сам Деодант Роше ни в своих мемуарах, ни в других публикациях никогда не упоминал Отто Рана. Могло показаться, что он с ним не знаком или забыл эту случайную встречу. Но сохранилось одно его письмо, датированное 1932 годом. В нем этот француз писал: «От господина Люка, президента апелляционного суда По, я получил вступительную речь, в которой воспроизведены высказывания «очень талантливого немца — Отто Рана», в частности рассказ пастуха из Таборских гор об Эскламонде. Однако сам Отто Ран поведал мне, что этот рассказ услышал от графини Пюжоль-Мюрат. Это указывает на некоторую чудаковатость Отто Рана. Как думаете, рассказ пастуха и легенда об Эсклармонде действительно существуют? Мне кажется, что Эсклармонда, улетающая в Гималаи, — это выдумка «Поляриса».

Так, значит, встреча в Роше не была случайностью? Как мы видим, за Отто Раном следили люди (или структура?), недовольные деятельностью «Поляриса». Причем следили не просто так. В определенный момент его попытались дискредитировать. Поручено это было тому самому человеку, которому адресовал свое письмо Деодант Роше. Его звали Йозеф Мандемент. Именно Мандемент попробовал представить Рана историческим фальсификатором, когда тот подводил мелком контуры наскального рисунка. На самом деле в то время это был самый распространенный метод для фотосъемки полуисчезнувших неконтрастных изображений. Дело чуть не дошло до драки.

Но куда важнее встречи с Деодантом Роше было знакомство с Антонином Гадалем. Они сразу же подружились. Они понимали друг друга с полуслова, и Гадаль стал своеобразным покровителем Отто Рана. Именно ему была первоначально посвящена книга «Крестовый поход против Грааля». А в ее заключительной части мы можем даже найти следующие строки: «Господин Гадаль не только любезно предоставил мне, иностранцу, возможность без помех проводить все представляющиеся мне целесообразными работы в пещерах, расположенных у подножия памятника, но и предоставил неограниченный доступ в свою необъятную библиотеку и свой частный архив».

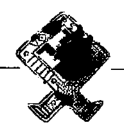
Слово «архив» было, конечно, преувеличением. Дело в том, что с 1925 по 1930 год Гадаль собирал самые различные материалы, которые заносил в папку под названием «На пути к Святому Граалю». Со временем папка превратилась в некое подобие рукописи. Этот манускрипт стал настоящим открытием для Отто Рана. Но самое удивительное состояло в том, что Ран был первым, кто прочитал этот материал. Гадаль очень строго берег свои материалы от чужих глаз.

Нельзя сказать, что именно Гадаль сформировал идеи Отто Рана о том, что катары являлись хранителем Святого Грааля. Они приходили к нему из различных источников, с разных сторон. Кроме оккультного подтекста, не стоило забывать, что Ран был протестантом. А стало быть, катары виделись ему некими предшественниками Лютеранской реформации. Да и, судя по всему, ему самому как потомку еретиков очень хотелось, чтобы крепость Монсегюр была «Замком Грааля», описанным Вольфрамом фон Эшенбахом в «Парцифале».

Рене Нелли, который перевел на французский язык «При дворе Люцифера», выражал такую же точку зрения: «По моему мнению, странной идеей о том, что Монсегюр являлся легендарным замком Грааля, немецкого писателя, скорее всего, заразили Артур Коссоу и графиня Пюжоль-Мюрат. Они оба придерживались таких воззрений. Я не уверен, что Артур Коссоу был оккультистом, но графиня

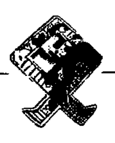
точно интересовалась «тайными науками». Она принимала послания от духов и утверждала, что поддерживала связь с Эсклармондой, которую считала своей прародительницей. В какое-то время она интересовалась сектой «Полярис», которую в 1930 году создал Зам Ботива. Эта организация продолжала «бореальную» традицию и разделяла миф об Ультима Туле, «далекой Туле». Отто Ран приводил в своей книге («Крестовый поход против Грааля») воспоминания об этой старой даме, скончавшейся в 1935 году. Его высказывания свидетельствуют о глубочайшей симпатии, которая граничила с некой платонической влюбленностью. Артур Коссоу был «очень пожилым» частным исследователем, которого Ран вывел под именем М. Ривеса. До того, как был разрушен замок Лавеланет, я сам был у него частым гостем. У себя он хранил ценнейшую коллекцию вещей, найденных в Монсегюре. Часть из них была сделана из обожженной глины, часть из камня. Он также всерьез занимался окцитанской поэзией. На мой взгляд, он был первым, кто предложил гипотезу, что трубадуры были скрытыми катарами и что под воспеванием «дамы» они подразумевали почитание божественной мудрости (Софии) и катарской церкви. Именно эта теория воодушевила Отто Рана, а позже, вернувшись обратно во Францию, вызвала изрядный фурор».

3 марта 1932 года тулузская газета «Депеш» напечатала такую заметку: «Наступает новая золотая лихорадка? Вблизи г. Массат немец руководит раскопками, которые осуществляются силами группы «Полярис». Наши читатели могут вспомнить, как прошлым летом мы сообщали о прибытии в парижскую резиденцию «Поляриса» (авеню Рапп) массы представителей иностранных теософских обществ. Эта организация пользуется гигантской популярностью за границей, прежде всего в Англии. Но что «Полярис» делал прошлым летом в Арьеже? Как мы предположили еще тогда, речь, скорее всего, пойдет о раскопках замка Монсегюр. Наверняка их целью является поиск альбигойских сокровищ, которые, вероятно, еще в XIII веке были спрятаны в местных подземельях и пещерах. В «Поля-



рисе» же утверждают, что намереваются найти катарскую реликвию, которая известна больше как «Евангелие Святого Варфоломея», чьи списки якобы находятся в Британском музее. В целом замечено, что «Полярис» преследует ту же цель, что и инженер Арно, который буквально несколько недель назад заявил одному из наших сотрудников о предстоящих сенсационных находках. Как было заявлено, он игнорирует предпринятые прошлым летом поиски «Поляриса», и вообще он не придает этому обществу никакого значения. Но делает он это, кажется, по личным мотивам. Пропав на долгое время, «Полярис» совершенно неожиданно объявился в Арьеже. Несомненно, его привлек балаган, который устроила пресса вокруг раскопок Арно. В настоящее время члены этой организации остановились в Усса-Орнольяке, дабы вновь исследовать все прилегающие к городку пещеры. Руководителем этого предприятия является некий Рамс, иностранец, который, по некоторым сообщениям, приехал из Германии. Возникает вопрос: к чему приведут эти исследования? Еще более интересно, кто из сторон: французский инженер Арно в Монсегюре или «Полярис» с господином Рамсом в Орнольяке — первой найдет катарские сокровища и рукописи. Можно заключать пари».

Эта заметка возмутила Рана. Не прошло и четырех дней с момента ее появления, как та же газета опубликовала в разделе «Письма читателей» ответ Отто Рана. «Дорогой коллега, — обращался Ран к журналисту, — допустим, что при посещении Германии вы открыли для себя тему, которая требует серьезного научного и литературного осмысления. Дальше мы предположим, что местное население оказало Вам теплый и любезный прием, что Ваши надежды на сближение двух народов сбываются, что Вы нашли близких друзей среди бывших солдат и офицеров, которые еще недавно воевали против Вашего Отечества. А теперь можно представить, что Ваш немецкий коллега опубликовал несколько строк, в которых назвал Вас «золотоискателем» и даже поставил под сомнение Вашу национальность. Что бы Вы подумали? Что бы Вы сделали? Мой дорогой



коллега, этот случай с точностью до наоборот произошел со мной в вашей прекрасной стране. А Вы являетесь тем самым человеком, который опубликовал эти строчки. Я не имею чести знать Вас, а потому прощаю искажение моей фамилии. Разрешите представиться, меня зовут Отто Ран, а не Рамс! Кстати, чтобы находить спрятанное золото, необходимы лопаты, кирки и прочие подобные инструменты. Но для этого надо быть «исследователем», а еще лучше «теософосом». Я же работаю простым писателем, дорогой коллега! Писатель — это тот, кто зарабатывает себе на жизнь эпистолой. А потому, дорогой коллега, я прошу Вас, чтобы Вы в течение ближайших двух недель убедились, что я не занимаюсь поиском «сокровищ катаров» и не одержим «золотой лихорадкой», что Вы мне приписываете по какой-то ошибке. Отто Ран. Вилла «Лес Шармилес». Арьеж».

Но вопреки своему письму Ран не был просто писателем, который вдохновлялся имеющимися фактами. В этом отношении он напоминал священника Наполеона Пейрата, который написал в XIX веке 5-томную «Историю альбигойцев». Это монументальное творение почти сразу же стало некой исторической «библией» Южной Франции. Излагая канву исторических событий, этот священник весьма своеобразно вставлял в нее всевозможные мифы и сказания, предания о подземных ходах в Монсегюре. Эти тоннели должны были скрывать в себе духовные и материальные сокровища катаров. В предисловии к своему труду Пейрат писал: «В качестве беспристрастных свидетелей я привлекал не столько книги, музеи и беспамятные народы, сколько пещеры, леса, землю и небо». Ран решил идти таким же интуитивным путем, что с одной стороны делало его книгу научно уязвимой, но с другой стороны очень привлекательной. Он пытался найти некие внутренние переживания, которые должны были приоткрыть ему завесу истории.

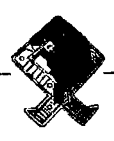
Имеет смысл сказать несколько слов об упомянутом нами выше инженере Арно. В документах он описывался как образованный и даже изысканный человек. Свои раскопки в Монсегюре он начал в

1930 году. Примечательно, что этот проект финансировался из средств «Теософского общества». В одном из интервью «Депеш» он заявил: «Сокровища являются для меня несколько другой вещью, нежели деньги или золото. Это библиотека, состоявшая из самых ценных рукописей о догмах и учении катаров. Катары, ученики Платона, могли, например, владеть несколькими уникальными копиями давно исчезнувших произведений».

Один из современников так описывал Рана: «Для него окраска истории и качества рассказчика значили больше, чем сама истина. Он был еще ребенком, голова которого была полна историй и легенд, малопонятной мифологией. Ребенком, который слушает рассказываемые ему истории и проявляет детское удивление. Когда по его просьбе я дополнительно изучал важнейшие этапы битв Карла Великого в Ломбардии и при Ла Унарде, то он меня не спрашивал: «А есть ли вообще доказательства того, что Карл Великий там присутствовал?» Или: «Позволяет ли найденное оружие сделать вывод, что эта битва все-таки состоялась?» Нет, наоборот, он спрашивал: «А Карл Великий?», подобно тому, как дети спрашивают: «А что сделали индейцы?»

В ноябре 1931 года Отто Ран снял комнату в одном из французских городов. Наряду с путешествиями и исследовательскими поездками Ран пытается утвердиться в жизни как бизнесмен. Неопытный в финансовых вопросах, Отто Ран арендует на три года отель «Мароннирес», который стоял на шоссе, ведущем из Тулузы в Андорру. Это было живописное местечко. Вокруг отеля росли каштаны. Несмотря на то что гостиничный бизнес переживал не лучшие времена, Отто Ран не сразу отказался от мечты, что в его отеле гостями будут Марлен Дитрих и Жозефина Бакер.

В это время случилось много странных событий. Монсегюр и катары словно магнитом стали притягивать различных исследователей. В июле 1932 года к Антонину Гадалю приезжает Андре Глории. В течение 20 дней они изучают, фотографируют и зарисовывают ставшие почти легендарными пещеры. За это время они умудри-



лись ни разу не столкнуться с Отто Раном. В начале сентября 1932 года Ран встретился со своим старым берлинским знакомым Паулем Ладаме, который специально прибыл к нему во Францию. Отто произвел на него странное впечатление: «Ран принял меня словно в семейном пенсионе, а следующим утром повел к «пещерам катаров». Он был нервозным, обеспокоенным и каким-то поспешным. Он хотел показать мне все, что возможно, и убедить в серьезности своей работы. Но он ни словом не обмолвился о своих финансовых затруднениях, с которыми ему приходилось постоянно сталкиваться. Он был полностью погружен в свою книгу о катарах. Он восторженно говорил о своих изысканиях, убежденный, что совершил одно из самых важнейших исторических открытий. Он верил, что после публикации «Крестового похода против Грааля» он станет знаменитым и богатым, а его книга будет тотчас переведена на все языки мира и признана литературной критикой».

Но поводов для оптимизма пока было маловато. 6 октября 1932 года суд по коммерческим делам графства Фуа объявил предприятие Рана банкротом. Когда Ран направился в Париж, полиция объявила его в розыск. Не успел он оправиться от коммерческого краха, как его объявили немецким шпионом и руководителем международной тайной организации, центр которой располагался в злополучном отеле. Иностранцы, как всегда, становятся первыми жертвами шпиономании, царящей в обществе. Ран был вынужден бежать из страны. Много позже он попытается вновь вернуться во Францию, но путь ему будет закрыт. Ему больше не суждено увидеть места, где он проводил свои исследования.

Писательница Изабелла Сэнди позже так поэтически опишет пребывание Отто Рана в Южной Франции: «Меж двумя войнами в небе над Арьежем пронесся метеор. Он рассек небосвод, как алмаз режет стекло, и исчез навсегда. Он носил человеческое имя — Отто Ран. Кем он был? Мы не знаем этого... Откуда он прибыл? Из Германии. В качестве его родины называли Тироль. У него были густые волосы с золотым отливом, которые обрамляли его голову как кры-

лья. Глаза были подобны антрациту — туманные и пепельно-серые. В них блистали молнии, причину появления которых мы не знали. Он со своими мистериями, которые должны были сопровождать его до самой смерти, провожать в потусторонний мир, вел себя немного по-детски».

Та же Изабелла Сэнди пересказывала следующую беседу Отто Рана с одной женщиной, чье имя осталось неизвестным:

« — Приходят другие предвестники, но мы не должны забывать слова моего земляка Новалиса: третья инкарнация осуществится не в человеке, а в целом народе...

— Я не понимаю, — воскликнула хозяйка дома, — Отто, говорите яснее!

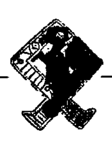
— Я и так говорю понятно.

У двери он бросил последние слова:

— Я не могу покинуть немецкую землю. Она словно пристала к моим шагам. Она богата и плодородна, но в нее надо кинуть семя, которого она так ждет. Истинная Родина человечества в глубине самого человека. И лишь затем приходит география».

Осенью 1933 года, то есть два года спустя после того, как Отто Ран изучал долины и пещеры Пиренеев, его книга «Крестовый поход против Грааля» вышла во фрайбургском издательстве «Урбан». Оставшийся неизвестным владелец этого издательства так изображал свою первую встречу с Отто Раном: «Однажды он появился на пороге нашего издательства. Без пальто, только в берете, как будто он мог спасти от непогоды. Его воодушевленный рассказ о крестовом походе подействовал на нас, и мы решили заключить с ним договор, дав ему возможность в течение года дописать книгу во Фрайбурге».

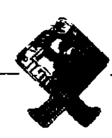
Казалось, дела Отто Рана пошли в гору. В преддверии выхода книги отрывки из нее зачитывались на «Юго-Западном Немецком радио», базировавшимся во Франкфурте-на-Майне. В этом начинании ему поспособствовал Альберт Рауш, который в то время писал доклады для франкфуртского радио. Именно в это время Ран, об-



щительный и элегантный, заводит новые знакомства. В круг его общения попадает Свен Шахт, племянник Ялмара Шахта, владельца «Юго-Западного Немецкого радио», позже ставшего президентом Имперского банка. На радио Ран знакомится с Дитмаром Лауерманном, участником молодежной организации «Серый корпус». Этот человек писал молодежные пьесы для радио. Там же Отто встречает Манфреда Кейсерлинга, сына известного немецкого философа, который сводит молодого исследователя со своим отцом. Среди новых приятелей Рана мы можем заметить и студента-медика Ганса Гребе, который редактировал присланные на радио рукописи. К этому юноше Ран обращается с просьбой помочь написать ему книгу о Конраде Марбургском. В итоге оба молодых человека решают совершить поездку в Вильнсдорф. Именно в этом местечке Конрад Марбургский уничтожил в 1233 году «еретическую школу», а «мятежников» направил на костер.

Ран и Гребе большую часть пути до места своей «экспедиции» добираются на поезде, а остаток — на велосипедах (велосипеды им любезно предоставил брат Гребе). Оказавшись на месте, Ран усиленно ищет следы от костров, на которых сжигались еретики. В итоге он находит небольшое местечко, которое называется Брендхен, что с немецкого переводилось приблизительно как «сожженьице». На этом «экспедиция» закончилась. Вернувшись домой, Ран дарит Гансу Гребе экземпляр своей книги, который был подписан автором 2 сентября 1933 года. Значит, свою «экспедицию» в Вильнсдорф Ран предпринял в августе 1933 года.

На обратном пути оба молодых человека случайно встречают Альберта Рауша и попадают на праздник в семью виноделов Кольхасов, живших в Ербахе-Эльтвиле. Хозяин дома, Йоахим Кольхас, и Альберт Рауш познакомились в рядах молодежного почвеннического движения «Перелетные птицы», очень популярного в среде немецкой молодежи в 20-е годы XX века. Интересно, что к «Перелетным птицам» примыкал и Ганс Гребе, который был даже знаком с



«дядей Вилли» (Вильгельмом Янсеном), руководителем этого молодежного движения.

Эти контакты между Кольхасом, Гребе, Раушем, «дядей Вилли» и Отто Раном свидетельствуют о достаточно сильной гомо-эротичной традиции внутри «Перелетных птиц». Когда нацисты, пришедшие к власти, обвинили ряд видных деятелей молодежных движений в гомосексуализме, то мне это показалось лишь способом дискредитировать конкурентов Гитлерюгенда. Но, видимо, дыма без огня не бывает. Об этом говорит хотя бы один факт. В 1912 году студент философского факультета Ганс Блюхер написал книгу «Немецкое движение «Перелетных птиц» как эротический феномен». Книга вызвала громкий скандал. В ней повествовалось, в частности, о «дружеской любви», царившей в «Перелетных птицах». Кстати, сама биография «дяди Вилли» является яркой иллюстрацией к этому вопросу. В 1908 году он лишился своего поста руководителя «Перелетных птиц», а два года спустя и вовсе исключен из организации по причине крайне странных отношений со своими юными подопечными. Впрочем, это сюжет для совершенно другой книги.

В своих воспоминаниях Йоахим Кольхас писал, что писатель Сибург сообщал ему об Отто Ране, что тот был первым, кто начал «правильно» изучать историю катаров. «Лишь после него некоторые французы стали мыслить в этом направлении. Как-то Кольхас заявил Вольфгангу Фроммелю, одному из руководителей «Юго-Западного Немецкого радио»: «Вы слишком часто оспариваете результаты, которых удалось достигнуть Отто Рану». Судя по этой фразе, он не сомневался в способностях молодого товарища. Примечательно, что сам Фроммель увязывал миф о Граале исключительно с аргонавтами, которые занимались поисками Золотого Руна, о чем позже Отто Ран упомянул в своей второй книге.

13 октября 1933 года Альберт Рауш написал письмо Отто Рану. Из его содержания следовало, что старые товарищи поменялись местами. Теперь Ран покровительствовал Раушу. Он помогал ему с подготовкой новых радионовелл. И именно Ран организовал лите-

ратурное обсуждение только что появившейся на свет книги Рауша «Мать мудрости». Сам Рауш не захотел оставаться в долгу. 10 декабря 1933 года в «Базельском вестнике» он публикует статью «Крест и Грааль». В ней подробно передает идеи Рана, изложенные в «Крестовом походе против Грааля». Эта статья вовсе не была жестом вежливости, так как в ней встречаются достаточно объективные, а иногда даже критические мысли. Слова Рауша до сих пор не потеряли своего значения. Позволю себе привести отрывки из нее.

«Когда Ран начинал работу над своей исключительной книгой, он следовал за своим чутьем. Вещи, исследованием которых он занимался, сами шли ему навстречу, так как он постигал их смысл неосознанно, или, точнее, подсознательно, так как, по непостижимым причинам, он был призван стать их толкователем. Не суть важно, является ли его трактовка бесспорной во всех мелочах. Это не играет роли. Важно лишь то, что была найдена сама интерпретация, которая оказалась в состоянии выявить связи между отдельными вещами. Связи, уходящие в глубь тысячелетий. Связи, которые может отрицать только бестолковый, потерявший всякое чутье рационалист.

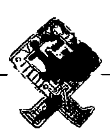
Когда в прошлом столетии великий базельский ученый Бахофен явил общественности свои блестящие идеи относительно религии, то цеховая наука отказывала ему в признании, высмеивая как дилетанта. Но сегодня мы знаем, что его учение о матриархате, о смене форм верований является одним из самых крупнейших свершений в сфере исторической науки...

Что есть Грааль? Грааль — это страна света и чистоты. Грааль — это самая глубокая мечта человеческой души, которая тоскует в земном заточении о безупречном совершенстве. Символ Грааля — это сияющий чистым блеском камень или чаша... Символ Грааля — это Золотое Руно, священное божественное сокровище... В царстве Грааля существует истинная любовь, не имеющая ничего общего с чувственным влечением людей. Эту истинную любовь можно приравнять к платоновскому Эросу. Оба эти понятия лежат по ту сторо-

ну интеллектуального осмысления. Они могут быть только угаданы и живут в избранных».

На книгу сразу же обратили внимание. В 1935 году уже упоминавшийся нами философ Герман Кейсерлинг написал статью «Путь к завершению», которая была опубликована в ежегодном альманахе «Школа мудрости». В ней, в частности, говорилось: «Теперь у нас имеется книга, которая доступно и весьма солидно показывает всю трагедию задушенной в зародыше великой европейской культуры. Это работа Отто Рана «Крестовый поход против Грааля». С удивлением обнаруживаешь, что общие христианские понятия о добре, а именно традиция Грааля была напрочь отвергнута римским католичеством и стала уделом сект. Особенно поразительно данное Раном живописание духовного фанатизма, который превращает человека в бестию. В остальном это первая приличная общедоступная книга о причинах возникновения миннезанга, о ранней истории европейского рыцарства, об источниках вдохновения многих древних сказаний. Красочные описания замка Грааля (действительно еще существующего) и романтических пещер, в которых столетиями скрывались еретики, несомненно, побудят многих посетить Южные Пиренеи».

Вернемся к самому Отто Рану. В 1933 году он переселяется в столицу Германии, которая уже превратилась в Третий рейх. Там он вступает в «Имперский союз немецких писателей», одну из многочисленных нацистских организаций, где знакомится с Адольфом Фризе. В одном из интервью Фризе так описал это знакомство: «Первый раз мы встретились в середине февраля 1934 года. Кажется, в воскресенье во второй половине дня. Кто-то свел меня с ним. По-моему, это была Грета фон У. (Урбаницки). Я еще вижу эту компанию. Я, журналистка, жительница Вены лет сорока, Р. (Ран) и еще какое-то лицо. Мы пили чай в Кайзер-Халле. Это был отель «Гранд» на Вильгельм-штрассе. Там устанавливались самые разнообразные контакты. Для Р. (Рана) это было очень важно. Он сам, наверное, ду-



мал так же. Он полагал, что его первая книга будет у всех на устах. Но лично я даже не слышал о ней... Но в конце концов этот зал и был трамплином в большой мир». Как видим, Отто Ран мало походил по своему стилю на известного литератора.

Но постепенно к нему приходила известность. Сначала его статья «Что я пережил в пиренейских пещерах» появилась в крупнейшем немецком издании — «Берлинском иллюстрированном журнале». Несколько позже имперское радио сделало передачу под таким же названием. 24 июня 1934 года Ран завершил новое послесловие к «Крестовому походу против Грааля», предназначенное лишь для французского издания его книги.

В то время он писал сам о себе: «Ввиду того, что я бывал во Франции и писал в своей книге о связях между романским и немецким миннезангом, меня тут же заподозрили во франкофильстве. Со дня на день меня могут заподозрить в «пособничестве врагу». «Он дружен с французской писательницей, агентом Даладье, которая осмелилась писать в Берлине книгу о Третьем рейхе! Осторожно!» — шептались одни. «Переписка сего парижского издателя настолько обширна, что не может быть безвредной», — кляузничали другие. «Как французские газеты осмелились хвалить до сих пор неизвестного немецкого автора, хотя франко-немецкие связи оставляют желать лучшего», — слышались возмущения третьих. «Как возможно, чтобы писатели фашистской Италии подняли шумиху вокруг молодого немца, который долгое время жил во Франции? Это не может быть случайностью!» — сетовали четвертые. А когда Берлинское управление прессы, в которое я был рекомендован отделением министерства пропаганды (кое мне еще должно весь гонорар за книгу), опубликовало статью, вышедшую из-под моего пера, в вечерней «либеральной» газете, то я, как говорят, «низко пал». Озлобленный, я покинул Берлин. Ныне я пребываю на моей родине в Гейдельберге, в спокойствии вернувшись к трудам».

В это время Отто Ран пишет статью «Генрих Миннеке», одновременно продолжая работать над биографией Конрада Марбургского.

В ней появляются новые акценты. Ран натыкается на небольшую работу профессора Генке, в которой имелись упоминания о том, что катары почитали свергнутого с неба Люцифера.

В этот момент Рану и пригодился знакомый Адольф Фризе. Тот случайно увидел его работу «Генрих Миннеке», которая произвела на него большое впечатление. Фризе увидел в молодом писателе недюжинный талант. Всегда предпочитая личный контакт с автором, Фризе пишет Рану письмо через газету, где была опубликована его статья. Каково же было удивление Фризе, когда ответ ему пришел из Женевы. А на следующий день он получает телеграмму из Милана! В ней Ран сообщал о времени своего прибытия. Именно в это время по Германии прокатывается кровавая акция — «ночь длинных ножей». Фризе пытается перестраховаться. Он предостерегает Рана от скорейшего возвращения. Это еще раз указывает на гомосексуализм Отто. Именно после «ночи длинных ножей» быть гомосексуалистом не просто неудобно, а опасно. Ран в ответ спешит заверить, что в политическом смысле является «чистой табличкой», но тем не менее решает отложить свое возвращение в Германию. На какое-то время он теряется из виду.

В поле зрения Адольфа Фризе Ран попал уже в апреле 1935 года. В глаза бросалось, что Ран много курил. На вопросы он отвечал пространно, выражая неопределенную надежду, что в будущем сможет продолжить поиски Грааля в пиренейских горах, для чего даже планировал привлечь каталонских дворян.

Скорее всего, эти планы и остались бы планами, если бы не «Его Величество Случай». На Отто Рана обратил внимание 70-летний эсэсовский офицер Карл Мария Виллигут, который с 1934 года был больше известен под служебным псевдонимом Вайстор[1]. Как это произошло, рассказала Габриела Винклер-Дехенд, девушка, которая была «названной» дочерью Виллигута и его помощницей.

---

[1]Судьба Карла Марии Виллигута (Вайстора) рассматривается в главе «Тайное предание Карла Виллигута».

Ее рассказ был опубликован в 1989 году в книге Владимира Линденберга «Ритуалы и ступени посвящения»: «В то время мне в руки попала книга Отто Рана «Крестовый поход против Грааля». Я прочитала ее, затаив дыхание, а затем передала старому господину. Он мне тут же неожиданно поручил разыскать Рана и связаться с ним. На это я ответила, что после выхода его книги ему не только был запрещен въезд во Францию, но автор бессрочно покинул издательство, в котором он работал. По сути, он оказался без денег на улице. Старый господин при удобном случае рассказал о нем Гиммлеру, а тот распорядился, чтобы Рана немедленно доставили в Берлин. Когда он оказался там, то, к моему счастью, мы могли безмятежно беседовать часами напролет. Из этих бесед родилась наша дружба. Отто Ран получил в свое распоряжение квартиру и все, в чем он нуждался».

С этого времени Ран работает референтом под началом Виллигута в одном из отделов Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Досконально неизвестно, чем он там занимался. Хотя до нас дошли некоторые фрагменты работ и выдержки из экспертиз, которые он проводил по поручению Виллигута.

Полковник Виллигут ввел «странного пришельца» Рана в высшее общество Вместе они посещают замок Молхов, располагавшийся на одноименном озере, где очень любили отдыхать офицеры Люфтваффе и представители берлинского бомонда и где царила непринужденная атмосфера. Ран, который всегда быстро находил контакт с людьми, знакомился в замке с крупными политическими деятелями. Габриела Винклер-Дехенд писала об этом времени: «Однажды он предложил мне пригласить на ужин Григола Робакидзе. Робакидзе был русским эмигрантом и жил в Берлине. Он был таким же беспечным, как и мы, хотя и был пророком и посвященным, человеком, от которого исходило просто магическое излучение... Мы, молодые люди, приготовили ужин для уважаемого друга Рана с такой любовью и тщательностью, что Робакидзе приступал к каждому новому блюду, словно начинал ритуал. Если бы не мои усилия, то, может быть, за весь вечер он не проронил бы ни сло-

ва. К нашей великой радости, после еды он, не переставая, делился своими грузинскими воспоминаниями».

А вот некоторые выдержки из дневника Адольфа Фризе: «Получил приглашение от Р. (Рана). Откуда он знает, где я живу и как меня можно найти? В начале недели он появился в форме эсэсовского унтер-офицера. Он, видимо, торопился предстать в ней[1]. Последовал визит в квартиру Рана в районе городского зоопарка. Для Рана бывшая квартира привратника была апартаментами, раем, роскошным жилищем». В это время Фризе отметил, что в Ране произошли серьезные изменения. Он стал самовлюбленным, не стремясь избавиться от этого дурного качества. Он с нескрываемой гордостью продемонстрировал Фризе молодого человека, который разбирал бумаги на столе: «Мой секретарь».

Пролить свет на вопрос «как Ран попал в СС» поможет одно письмо.

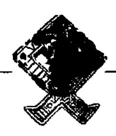
«27 сентября 1935 года
оберфюреру СС К. М. Вайстору. Берлин-Грюнвальд

Совершенно секретно!

Уважаемый господин полковник, Вам известно, что все последнее время я живу исключительно моими работами и составляю картотеку. Кроме этого, хочу довести до Вас, что столкнулся с непредвиденной неприятностью. Речь идет об убеждении, которое только укреплялось по ходу моей многолетней работы. Оно состоит в том, что мы недостаточно общались друг с другом. Я бы мог на время отложить все дела, дабы обсудить с Вами мои находки. Накануне выхода моей книги «Монсвальт и Голгофа» я прошу Вас обсудить лично с рейхсфюрером СС (и только с ним, и ни с кем другим) предложения, которые я изложу ниже.

---

[1]Судьба Карла Марии Виллигута (Вайстора) рассматривается в главе «Тайное предание Карла Виллигута».



Чтобы успешно завершить мою работу, мне необходимо проверить локализацию некоторых мест и населенных пунктов. Я прошу предоставить мне возможность совершить 10 — 14-дневную поездку в Оденвальд, Вестервальд и Залирланд. Или же в течение года направить в эту поездку обершарфюрера СС Фольгманна. Что для меня было бы даже предпочтительнее.

Для начала я должен изучить руины Вильденберга близ Аморбаха (см. Кунис. Немецкий замок Грааля). Это должно состояться, когда там будут проходить раскопки. С руководителем раскопок я уже состою в переписке. Затем я хотел бы осмотреть пещеру Висбадена. Оттуда я намерен направиться в Спрокенбург (см. Рехорн. Вестервальд с 91. Руины древнейшей истории. Сказания говорят, что здесь родился император Нерон. Спорк = крана = можжевельник). Оттуда я совершил бы поездку в Друттерштайн , в «Штаймель» (Штайнмаль или Штайнмахал), в Хелленборн, в Виддерштайн. Также я хотел увидеть величественные каменные сооружения Дорнбурга (Торбурга — замка Тора), Роспе (предполагаемое место рождения Генриха фон Офтердингена), Вильнсдорф (резиденция немецких катаров, разрушенная Конрадом Марбургским), Ванбах (производная от ванов) и Асбах (производная от асов). (Кстати, здесь была найдена великолепно оформленная золотая монета с греческой надписью — Лизимах Базилей — Лизимах был полководцем Александра Великого). После Асбаха я намерен изучить места, которые выберете лично Вы и рейхсфюрер СС.

Я буду совершенно свободен после свадьбы господина Лахнера и могу совершать любые поездки. Не могли бы Вы поспособствовать организации этой экспедиции, по итогам которой я, естественно, составлю подробнейший отчет. А может, Вы нашли бы возможность лично обсудить перспективы этой поездки? После того как я договорюсь с господином Лахнером, то мог бы лично навестить Вас в 8 часов вечера сего дня.

Хайль Гитлер!

Ваш Отто Ран».

Просьба Рана была тут же удовлетворена. Эта экспедиция состоялась. Уже 19 октября 1935 года Ран направил Гиммлеру отчет и просил о личной встрече. 3 ноября Гиммлер сделал в своем служебном журнале заметку относительно исследовательской поездки Рана: «Отчет вернуть обратно. Присвоить категорию секретности». К сожалению, письмо, написанное при весьма таинственных обстоятельствах, не позволяет точно проследить контакты Рана в СС. Почти все упомянутые в письме места были позаимствованы из книги Карла Рехорна «Вестервальд», которая была издана в 1912 году. В письме имелось только три исключения: Вильденберг, Виддерштайн и Вильнсдорф. У Рехорна было даже позаимствовано описание золотой монеты, которое Ран позже использовал в своей книге «При дворе Люцифера». Сам же Карл Рехорн видел в Вестервальде крупнейший древний культурный центр: «Асбах предстает перед нами как центр четвертого круга поляризации мифологических лучей. Научная трактовка названия этого места не оставляет никаких сомнений — оно происходит от «асов». Действительно, это место с древности почиталось как святое». Далее Карл Рехорн пытался доказать факт пребывания римлян в Вестервальде. По его мнению, самым важным открытием в этом месте было наличие эллиптической насыпи. Кто являлся ее строителями, до сих пор неизвестно.

Еще одно загадочное место в письме Рана, когда он пишет о местах, которые ему надлежит посетить по личному указанию Виллигута и Гиммлера после изучения Асбаха. Скорее всего, речь шла об окрестностях капеллы Юттенбах, которая была построена на месте жертвенника у Лойтештайна на Буххольцских болотах. Предание говорило, что черт, обманутый местным священником, запустил этой скалой в язычников. Это сказание почти идентично упоминавшемуся в рукописях «Ливенштайну», который в 948 году по непонятным причинам взорвался, разлетевшись на мелкие кусочки.

Если внимательно взглянуть на письмо Рана, то в глаза сразу же бросается несколько поверхностных «оговорок». Например, он говорит «Кунис. Немецкий замок Грааля», хотя правильное название

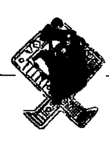
этой работы звучит следующим образом: «Кунис «Вильденберг. Замок Грааля в Оденвальде». Кроме этого, Ран употреблял давно вышедшие из оборота названия населенных пунктов: «Хелленборн» вместо «Источника Марии», «Друттерштайн» вместо «Великого Вольфенштайна» — располагавшиеся поблизости от курорта Бад-Мариенбург. Видимо, делалось это для того, чтобы придать себе больший вес и убедить Гиммлера в необходимости проведения этой разведывательной экспедиции.

Письмо содержит также очень проблематичные толкования некоторых названий. Например, превращение Штаймеля в Штайнмахал кажется более чем сомнительным. Или другой пример: висбаденская пещера, которая получила название «Пещера просветления». Она была замечена «романтиками» XIX века и не имела никакого отношения к доисторической эпохе. Но Ран очень настойчиво озвучивал другую версию. «Пещера просветления» принадлежала «диким женщинам» — норнам, которые были провидицами.

Или другая оплошность. Городок Роспе никогда не являлся родиной Генриха фон Офтердингена. Хотя и сам Ран говорит лишь о предполагаемом месте рождения. В этой связи первые строчки письма, которые повествуют о многолетней работе, должны были подтолкнуть эсэсовское руководство взять Рана под свое крыло, освободив от опеки издателей, которые требовали все новых и новых книг.

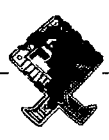
В феврале 1936 года Отто Ран пишет сообщение о французе Гастоне де Менгеле, работы которого он должен был переводить в отделе Виллигута-Вайстора. Участником группы, которая занималась этой проблемой, был также математик, штурмбаннфюрер СС Френцольф Шмидт. Этот человек был ранее известен тем, что являлся автором ряда оккультных книг, посвященных исследованию лучей с ариософской точки зрения.

Шмидт не был профессором, хотя любил приписывать себе эту научную должность. В свое время он опубликовал такие работы, как «Новый метод лечения лучами», «Лечение, омоложение и про-



дление жизни», «Новое учение о лучах», а также книгу, критикующую систему мира, предложенную Коперником, — «Это не звезды». Кроме этого, Шмидт выступил издателем произведения с крайне длинным названием — «Первое подлинное Божественное Откровение. Аттал-антическая Древняя библия. Золотая книга человечества». Френцольф Шмидт издавал также в 20-х годах журнал «Психо», в котором пытался восстановить «нефальсифицированные» тексты Евангелий. Внимание руководства СС Шмидт привлек благодаря своим статьям в журнале «Собственный путь» и «Новогерманской газете», которые издавал исследователь рунической письменности Фридрих Бернхард Марби. Именно он познакомил Шмидта с Виллигутом.

Гастон де Менгель, труды которого одно время изучал отдел Виллигута, был частным исследователем, постигавшим мистические практики на основании разнообразных дохристианских, индийских, персидских и китайских манускриптов. Его перу принадлежала статья «Символизм триединства», которую в 1932 году опубликовал бюллетень «Поляриса». Да-да, той самой организации, с которой Отто Ран столкнулся в Южной Франции. После того как Менгель лично познакомился с Виллигутом, тот направил Гиммлеру отчет под грифом «Секретно». В нем говорилось: «В высшей степени таинственном письме, отправленном мне 23 июня 1937 года из Хельсинки, Гастон де Менгель сделал мне странное уведомление. Например, он пишет следующее: «Ось, которая лежит северо-восточнее Парижа, оказывает очень сильное влияние. Однако эта ось не проходит ни мимо Берлина, ни мимо Хельсинки. Из сечения данной оси я смог определить исходный пункт Силы. Он находится в Мурме (Лапландия), около 35 градусов восточной долготы, 68 градусов северной широты в окрестностях российского Ловозера. Я также определил место большого Черного Центра. Он лежит в пределах большого треугольника, который образовывается Кобдо, Урумтши и Бакулом в Западной Монголии». Я привожу отрывки из этого письма, так как Гастон де Менгель спрашивает меня, что я



знаю об этом. Я счел эту информацию достойной особого внимания. По моей версии, после того как русские договорятся с Францией и Англией, там могут создаваться летные базы. Если это соображение покажется ценным, то его изучением может заняться СД».

Таинственные уведомления Менгеля были переданы в «Наследие предков». Но сохранившиеся документы свидетельствовали, что в «Аненербе» не придали этому письму никакого значения. Еще более спорным кажется факт, что подобными «прозрениями» стала бы заниматься эсэсовская служба безопасности — СД. Гора копий документов, доставшихся от Менгеля, была отправлена в Вевельсбург. Неизвестно и то, как к Менгелю относился и сам Отто Ран. Многие из сотрудников «Наследия предков», пережившие войну, весьма негативно отзывались о Виллигуте-Вайсторе. Так, например, первый президент «Аненербе», Герман Вирт, давал ему самые уничижительные характеристики. Тематика исследований наводила многих неразборчивых исследователей на мысль, что Отто Ран сотрудничал с «Аненербе». Но очень грубая ошибка — Ран никогда не был сотрудником «Наследия предков».

Профессор Альфред Шмидт, не участвовавший в экспедиции Рана, состоявшейся осенью 1935 года, писал 21 октября 1935 года Габриеле Винклер-Дехенд: «Сегодня от Отто пришло первое письмо. В нем содержались добрые вести об успехах его поездки и находках, которые он сделал. Я с трепетом жду его духовных открытий, которые он совершит, так как обладает способностью видеть вещи, которые остальные просто не замечают. Но на это способны люди, которые водятся с гномами и другими жителями пещер».

Профессор Альфред Шмидт, швейцарец по происхождению, переехал из Базеля в Берлин, чтобы построить в Германии крупное физико-химическое предприятие, где бы он смог реализовывать свои наработки. Для этого он получил большой земельный участок в предместьях Берлина. Дитмар Лауерманн, член «Серого корпуса», писал о профессоре Шмидте: «В молодые годы он играл значительную роль в швейцарском и немецком молодежном движении.

В Швейцарии он основывал организацию «Кольцо», которая базировалась в Базеле и Цюрихе. Позже стал основателем «Серого корпуса», который действовал в основном на территории Южной Германии. Как и большинство молодежных союзов того времени, «Серый корпус» был запрещен национал-социалистами».

По другим, неподтвержденным сведениям, Шмидт был вынужден покинуть Базель из-за сексуального скандала. В качестве косвенного подтверждения этого можно привести тот факт, что его берлинская квартира, в том числе роскошная спальня, была украшена скульптурами обнаженных мужчин и картинами с очевидным гомоэротичным подтекстом. В новой Германии этой гениальной и во многом непостижимой личности пришлось нелегко. Его постоянно подозревали в шпионаже. В какой-то момент он оказался в изоляции — официальные структуры запретили ему любые контакты. Дело дошло до того, что Габриела Винклер-Дехенд просила передать ученому рождественскую открытку не кого-то, а обергруппенфюрера Вольфа.

Как-то в гостях у профессора Шмидта Отто Ран познакомился с другим швейцарцем — доктором медицинских наук Францем Ридвегом. Молодой доктор был обручен с дочерью военного министра, генерала Бломберга, позже он стал сотрудником «Наследия предков» и работал в отделе «Германское научное действие». Тот же Ридвег считал, что и химик, и бывший деятель молодежного движения были гомосексуалистами. Впрочем, некоторые утверждали, что и сам Ридвег не был чужд однополой любви.

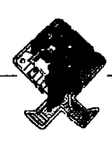
Но вернемся к Отто Рану. Дитмар Лауерманн писал об этом периоде его жизни: «Совершенно точно — Ран никогда не был нацистом! Он противостоял изнутри этой политической системе, даже после того, как Гиммлер начал его возвышать. Он оказался на перепутье, но вряд ли он мог выбирать. Это может понять только тот, кто жил в те времена. Я поражаюсь его мужеству, когда он официально оказался исключенным из СС. Конечно, для этого имелась и другая причина — его гомосексуализм».

12 марта 1936 года Отто Ран официально вступает в СС. Он заполняет необходимые документы, а шесть дней спустя пишет следующую объяснительную: «Перед приходом к власти (нацистов) я работал за границей. После моего многолетнего отсутствия в Германии я стал разделять политические цели и мировоззрение НСДАП. Моя книга и статьи имеют значение для национал-социалистического духовного наследия, о чем говорит мое приглашение в Личный штаб рейхсфюрера СС».

После своего попадания в Личный штаб рейхсфюрера СС Отто Ран в основном занимался построением генеалогического древа Генриха Гиммлера. Сам Гиммлер имел изрядные трудности с выполнением своего же приказа о том, что каждый эсэсовец должен был проследить свою родословную, начиная с 1750 года. Одним из главных условий для принятия в СС было отсутствие в этой родословной евреев. Затруднения же Гиммлера были вызваны тем, что часть его предков жила на территории Швейцарии. Отто Ран и его друг Раймонд Перрире оказались как нельзя кстати. Они, снабженные дипломатическими паспортами, смогли найти в Швейцарии все необходимые документы. После успешного выполнения этого задания Отто Ран заработал особое расположение Генриха Гиммлера. В качестве «премии» в июле 1936 года он получил поездку на Север Исландии (убедительная просьба не путать эту поездку с планируемой экспедицией Аненербе, целью которой также являлась Исландия). В этой экспедиции Ран присутствовал уже как член учебной комиссии при руководстве СС.

Габриела Винклер-Дехенд писала об этом: «Я жаждала и должна была принять участие в этой поездке (Отто был солидарен со мной). Но моя кандидатура не была утверждена Генрихом Гиммлером, который считал, что женщинам не место в экспедиции».

Эта группа не имела какого-то конкретного задания. Экспедиция больше напоминала экскурсию — ее участники должны были проникнуться духом Эдды и нордического мира. Среди пассажиров корабля, который вез эсэсовцев, оказалось два знатока Исландии: Па-



уль Буркерт и Ганс-Петер Коудрес. Ран подружился с ними с первых же дней поездки. Позже он вместе с Коудресом работал над проектом библиотеки в замке Вевельсбург. Один из друзей вспоминал, что знакомство с Раном завязалось, когда тот воскликнул: «Я хочу увидеть там деревья». Эта фраза, если учесть скудную растительность на острове, показалась им забавной. Впрочем, другие участники поездки совсем не обращали внимания на Рана и относились к нему с легким пренебрежением. В книге «При дворе Люцифера» Ран написал о них такую строчку: «Мне нечего было искать среди них». Как-то историк Армин Молер сказал об Отто Ране: «Люди, подобные Рану, почти всегда являются «художниками», для которых единственным доводом, вполне ощутимым, являются их мечты. По пути в Исландию Отто Ран не увидел «художников», а потому интерес для него представляла монументальная и грозная природа».

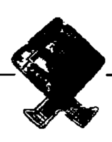
Пауль Ладаме, который в качестве швейцарского корреспондента посетил в августе 1936 года Олимпийские летние игры в Берлине, написал для французского предисловия «При дворе Люцифера» следующие слова «Я гулял по Курфюрстендамм. Синее небо было расцвечено флагами всех стран, перемешанными со свастиками. Флаги хлопали на сильном ветру, который дул со стороны Балтийского моря. На углу Йоахимшталер-штрассе меня догнал Отто Ран. О, ужас! Он был облачен в черную форму и красную повязку со свастикой. На его рукаве красовалась нашивка «Лейбштандарт Адольф Гитлер». На нем были сапоги, черная фуражка с блестящим козырьком (хотя, насколько я помню, Отто обычно ходил с непокрытой головой), а на боку висел кинжал. Даже прежде чем поприветствовать его, я воскликнул: «Мой дорогой Отто, что ты делаешь в этой униформе?» Он остановился, оглянулся по сторонам, а затем промолвил бледными, едва открытыми губами: « Мой дорогой Пауль, как-нибудь поймешь».

В том же году Ран получил приглашение на обед в фешенебельный берлинский ресторан, где собиралась эсэсовская верхушка: Гиммлер, Гейдрих, Вольф, Бест. Приглашение было устно передано

Францем Ридвегом. Его получили даже Адольф Фризе и Раймонд Перрире, который специально прибыл для участия в этом событии из Женевы. Этот «званый обед» был неким знаком признательности, который выражал Гиммлер за то, что ему помогли установить швейцарских предков. Кстати, именно во время этого обеда Франц Ридвег получил от Гиммлера предложение вступить в СС, получить чин гауптштурмфюрера и стать полковым врачом в эсэсовской дивизии «Германия». Именно вступление Ридвега в СС доставило Рану несколько крупных неприятностей.

А пока Ран был переведен работать в замок Вевельсбург, где продолжал составлять генеалогическое древо рейхсфюрера СС. Именно там молодой исследователь установил, что между семьями Ранов и Гиммлеров существовало очень отдаленное родство. Но Ран пренебрег выяснением собственной родословной. Однако в январе 1937 года ему, как служащему СС, настойчиво намекают, что наличие родословной обязательно для каждого эсэсовца. Ран клятвенно обещает, что предоставит ее в течение ближайших 8 недель. И, несмотря на недостающие бумаги, в том же месяце он получает чин обершарфюрера (сержанта-техника) СС.

В апреле 1937 года увидела свет его вторая книга «При дворе Люцифера». Она вышла в одном лейпцигском издательстве. Ран весьма нерегулярно работал над этой книгой. На экземпляре, подаренном Габриеле Винклер-Дехенд, он написал «Книга, которая задумывалась как произведение о Конраде Марбургском». Ее Ран написал, в основном пребывая в гостях у родственников в Хомберге. Как-то там появилась молодая подруга его матери — мадам Антаунета Ривес, приехавшая из Тулузы. Этот визит стал поводом для самых невероятных сплетен, витавших среди соседей. В этот городок прибыл и новый издатель Рана Альберт фон Халлер. Один из знакомых так описывал их общение: «Ран — странный человек. Халлер прочитал его книгу «Крестовый поход против Грааля». Он нашел ее интересной, но безобразной со статистической точки зрения. Однако тема заинтересовала его. Поэтому он потребовал у Рана продолже-



ние «При дворе Люцифера». Халлер хотел опубликовать его в собственном издательстве... Так и произошло. Разумеется, рукопись Рана была из рук вон плоха — интересное содержание, но дрянная стилистика. Халлер встретился с Раном в деревушке, которая располагалась чуть севернее Гиссена. В течение десяти дней они обсуждали рукопись. Халлер предложил заголовок. К счастью, он не знал, что рукопись создавалась под патронажем Гиммлера».

После выхода этой книги Гиммлер тут же заказал 100 экземпляров. Причем десять из них были оплетены свиной кожей и напечатаны изысканным шрифтом на пергаменте. Такие роскошные издания должны были стать дорогим подарком для высокопоставленных нацистских бонз, а самый первый экземпляр должен был быть преподнесен Гитлеру в его день рождения. Этот факт как бы служил подтверждением того, что в апреле 1937 года не было даже малейших подозрений насчет гомосексуализма Рана. Гиммлер был очень осторожным человеком и не решился бы преподнести в подарок фюреру книгу автора с подмоченной репутацией. Напротив, весной 1937 года Ран получил повышение и стал унтерштурмфюрером (младшим лейтенантом) СС.

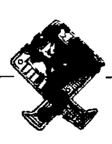
25 апреля 1937 года официальный партийный печатный орган нацистов газета «Фёлькише беобахтер» («Народный обозреватель») напечатала рецензию на новую книгу Отто Рана: «Многие могут испугаться заголовка «При дворе Люцифера», так как самые прекрасные слова, исполненные глубокого смысла — Носитель света, — оказались тысячекратно искаженными и превращенными в порождение ада. Но Отто Ран не боится вернуть словам их изначальный смысл... Он поместил в книге множество мрачных мифов. Но что есть корень мифа? Тоска и темнота! Ночь! Однако тот, кто наделен терпением, сможет увидеть, как встает солнце, светлый носитель!»

Но не все разделяли подобный оптимизм. Летом 1937 года Отто Ран при посредничестве Габриелы Винклер-Дехенд знакомится с ученым Хайнцем Пемёллером. Он вспоминал: «К сожалению, между господином Раном и моей женой вспыхнул конфликт, который ос-

ложнил наше взаимопонимание. Наши отношения так и остались желать лучшего, но я был заинтересован в нем с деловой точки зрения. Даже если его методика, насколько я мог судить, не была мне близка в силу своей бессистемности... Ран грешил тем, что постоянно путал гипотезу и доказательства. Он, например, выдвигал гипотезу, что понятие «Грааль» имело большое значение для катаров. Но в подтверждение этого он не приводил никаких доказательств, только голые предположения. В итоге его теория превращалась в недоказанную гипотезу. Не было даже доказательств того, что катары вообще слышали слово «Грааль». Привязка к «Парцифалю» Вольфрама Эшенбаха мне казалась очень спорной, как минимум бездоказательной». Но даже при таком критическом отношении Пемёллер почерпнул от Рана очень многое. Настолько много, что после войны направился в Южную Францию в надежде найти пропавшего в Пиренеях Отто Рана, в смерть которого он не мог поверить.

20 августа 1937 года Отто Ран вновь появляется в Хомберге, где он был приглашен на свадьбу одной своей знакомой. На свадьбе он затевает ссору с лейтенантом вермахта Хорстом Бухрукером. Поводом, видимо, послужило недостаточное внимание к Рану, одетому в новую эсэсовскую униформу, и то, что его поместили в самый конец списка приглашенных на свадьбу. Хорст Бухрукер позже вспоминал: «Он иронизировал над вермахтом и тем, что я не состоял в нацистской партии. Он вылил на меня свою желчь, видимо, потому, что тоже был в униформе. Мы оба выпили, но так как я был физически крепче, то он оказался пьянее. Он стал громко ругаться, преимущественно направляя угрозы в мой адрес. Он произвел на меня крайне неприятное впечатление. Наверное, он чувствовал себя в нашем кругу не очень уютно. Пожалуй, он даже имел связи наверху. Но об этом я не могу судить — мне так показалось».

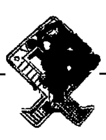
Многие замечали, что Ран стал меняться. Хотя до сих пор считали его привлекательным, но вместе с тем очень нервным и обидчивым человеком. Дыма без огня не бывает. К этим характеристикам



Альберт фон Халлер после знакомства с Раном добавил еще одну черту — стремление жить на широкую ногу. Несмотря на службу в СС, Ран постоянно нуждался в деньгах и постоянно пытался взять займы у своих издателей. Но Халлер не мог сделать этого, так как не был владельцем издательства. Когда поступил первый отказ — Ран придумал очень хитрый прием. Он пригласил Халлера в одно очень известное кафе, где собрались литераторы. Когда Халлер прибыл туда, то застал Рана и еще двух офицеров СС, которые были облачены в парадную униформу. Издатель смутился. Ран, заметив это, решил сразу взять быка за рога. Он заявил, что нуждается в деньгах, а Халлер должен дать ему 1000 рейхсмарок. Присутствовавшие эсэсовские офицеры подтвердили опешившему Халлеру, что он как истинный немец должен предоставить эту сумму, так как речь шла о вопросе национальной важности, в котором был заинтересован лично рейхсфюрер СС. Возмущенный Халлер встал и вышел, намеренный больше никогда не общаться с Раном.

Адольф Фризе описывал, насколько опасную и рискованную жизнь в эти дни вел Отто Ран: «Вечером и ночью он видел в барах и ресторанах важных птиц, которые пьянствовали в компании таких же женщин; внутренний голос подсказывал ему, что он как совесть ордена от имени своего шефа и покровителя не должен тушеваться перед этими людьми, являя разительную противоположность. Подобные пары только пачкали нашу униформу. А она обязывала быть образцами для подражания. Нередко он гордился, что ему надо было взывать к долгу, чести, лояльности, которые были для него действительно высшими ценностями. Но, с другой стороны, он нередко демонстрировал, что он дорос до морали высокопоставленных людей, от которых он был оторван».

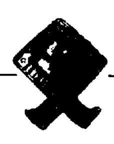
В августе 1937 года в партийном суде НСДАП разбиралось дело Карла Малера, который обвинялся в недостойном поведении. В ходе расследования серьезные обвинения были выдвинуты также и в адрес Отто Рана. Под недостойным поведением понималось безудержное потребление алкоголя и возможные гомосексуаль-



ные связи. В отношении своего пьянства Ран признал вину и дал торжественное обещание вообще не употреблять алкоголь в течение ближайших двух лет. Ему грозило не очень серьезное наказание — четыре месяца исправительных работ. Но тут показания дал ничего не подозревающий старый знакомый Отто Рана студент-медик Ганс Гребе, который рассказал, что как-то случайно встретил Рана. Ганс Гребе в тот момент как раз прибыл из Берлина во Франкфурт-на-Майне и увидел на платформе Отто, который собирался на другой путь. Ничего криминального в этом сообщении не было, если бы Ганс не заметил, что на Ране была эсэсовская униформа и фуражка без каких-либо знаков отличия. На вопрос, что Отто делал там в таком виде, он ответил: «Я был у Розенберга и собирался заняться разработкой немецкой религии». Дело не удалось замять, и с 1 сентября по 31 декабря 1937 года Отто Ран пробыл в концентрационном лагере Дахау в качестве охранника.

После этого дисциплинарного взыскания, которое фактически свелось к начальной военной и физической подготовке, Отто Ран на пару со своим другом Раймондом Перрире направился кататься на лыжах в Верхнюю Баварию. Воспользовавшись случаем, они навестили Лауерманна. Там Ран снял небольшой деревенский домик, где и прожил достаточно долгое время. Пять месяцев спустя Ран напишет Генриху Гиммлеру: «Я уверен, что господин Перрире был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы изложили более глубокое видение СС, нежели это могу сделать я. Впрочем, Раймонд Перрире уже познакомился с несколькими офицерами подразделения СС «Мертвая голова» из Верхней Баварии. Несмотря на языковые трудности, им удалось достигнуть полного взаимопонимания, не в последнюю очередь потому, что они являлись моими товарищами по Дахау».

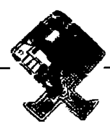
Несмотря на некоторые задержки, Отто Ран все-таки предоставил свою родословную до 1750 года, как это требовалось для всех офицеров СС. В его наследственном паспорте указывалось, что он являлся наследником семейств Рёмеров и Ранов. Затягивание дела с



получением наследственного паспорта можно было объяснить тем, что Ран боялся, будто бы девичья фамилия его матери — Гамбургер — имеет еврейское звучание.

В январе 1938 года, отпраздновав Новый год в Верхней Баварии, Отто Ран направился на север страны. Сначала он остановился в Дортмунде. В те дни местная газета «Красная земля» писала об этом визите: «Вступительное словом произнес культурный обозреватель «Союза Дитриха Экарта» Курт Эггерс, после чего Ран поприветствовал присутствующих товарищей и коротко поведал о проблеме Люцифера. Ран убедительным и императивным языком опровергает образ Люцифера. Ран зачитывал отрывки из своей новой книги «При дворе Люцифера», которая написана по итогам поездок и исследований, проведенных в Южной Франции. Там он шел по следам Грааля и альбигойцев, чистых и истинных еретиков. Он также прослеживал центры возникновения этого плодотворного антиримского воззрения в Германии. Доклад содержал очень трудный материал и требовал не только внимательности, но и владения научными дисциплинами; но и докладчик, и аудитория были едины, и ни одно слово не пропало даром. Образ Люцифера, которого Ран изображал как носителя света, оказал огромнейшее влияние. Можно было бы различить две части вечера. Первая, в ходе которой Ран рассказывал об исследованиях Грааля и Люцифера. И вторая, когда докладчик с примерами на руках на основании своего нового учения весьма убедительно переоценивал исторические явления, личности и события. Он показал опасность подводных камней национализма старой закалки. Опасность, которая была вызвана отсутствием согласия с природой... Курт Эггерс завершил вечер словами: «Люцифер, несправедливо оболганный, приветствую тебя».

Положительное упоминание о Ране можно обнаружить и в ежемесячнике Людендорфа: «Мои предки были язычниками и еретиками. Во имя их оправдания я собираю камни, которые разбрасывал католический Рим». Эти строчки Отто Ран написал в своем путевом дневнике. Он объехал Германию, Южную Европу и Север. Во всех



местах, где бы ни бывал, он изучает борьбу за власть, которую вело христианство, прежде всего Рим. Этот путевой журнал — очень познавательная и интересно написанная книга. Если продолжить журнал во время путешествия на север, то было бы неплохо привлечь для этого книгу доктора Куммера «Закат Митдгарда», в которой, к сожалению, отсутствует список источников».

Весьма примечательно, что в этой статье в негативном контексте упомянут доктор Куммер. Бернхардт Куммер был одним из самых близких Розенбергу этнографов. В июле 1937 года редактор ряда журналов, издаваемых «Наследием предков», Плассманн организовал кампанию травли этого ученого, который имел неосторожность издавать свой собственный бюллетень «Северный голос». Травля продолжалась до тех пор, пока Куммер не закрыл свое издание и не перешел в начале 1938 года работать в официальное издание Аненербе, журнал «Германия». Это еще раз наглядно демонстрирует, что национал-социализм вовсе не был монолитным явлением. Не было единства и в так называемых «оккультных» изысканиях. Не стоило также забывать, что Гитлер вовсе не разделял идей Розенберга и Людендорфа, которые бредили идеей идеологической войны против Рима.

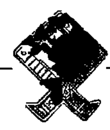
10 января 1938 года Ран направил шефу личного штаба рейхсфюрера СС Карлу Вольфу прошение о предоставлении отпуска и возможности провести его в Швейцарии. В письме он подчеркнул, что с 1 мая должен вернуться к активной служебной деятельности. В это время он ищет своих старых швейцарских друзей. А пока Ран жил в Мюнхене в доме 34 по Георген-штрассе. Можно сказать, что он попал в фешенебельный район. Окна его жилища выходили на Изар, а сам дом находился между двумя престижными улицами: Курфюрштен-штрассе и Фридрих-штрассе. Жизнь, казалось бы, течет размеренно и неторопливо.

Но в апреле 1938 года происходят странные события. В это время в личном деле Отто Рана появляется отметка, что он сделал критическое замечание относительно идеи Франца Ридвега вступить в

СС. Его намерение очень нелицеприятно критикуется в немецкоязычной прессе Швейцарии. Собственно говоря, непонятно, почему он ввязался в это дело, тем паче что его положение в СС было более чем шатким. Так или иначе, в июле он письменно изложил свои соображения и направил их своему руководству. Гиммлер поблагодарил Рана, однако дал понять, что примет свое решение только спустя некоторое время. После очередной волны критики в швейцарских газетах. Шеф канцелярии Гиммлера довел до сведения своего шефа высказывание Отто Рана, что хауптштурмфюрера СС Ридвега вообще надо исключить из «охранных отрядов». В ответ Гиммлер резко заметил, что даже и не думает избавляться от этого швейцарца. Вердикт короток: «Ридвег останется в СС».

С этого момента над головой Рана сгущаются тучи. На него оказывается давление. Говорят, что в это время его пытается шантажировать неизвестный капитан Люфтваффе, с которым Ран имел какие-то разногласия. Все письма, отправленные Отто в этот период в Личный штаб Гиммлера, полны неясного беспокойства. Адольф Фризе, встретивший его в это время, говорил об очевидной «переоценке своих способностей, граничившей с манией величия». Кому-то это казалось неким отвлекающим маневром. Ходили слухи о том, что Отто Ран обрабатывал 2000 страниц своей рукописи, посвященной Святому Себастьяну. Но эта цифра кажется маловероятной — сколько же времени ему потребовалось, чтобы написать 2000 страниц?

Ран допускает ошибку за ошибкой. Вначале на суде он говорит о том, что собирался работать с Розенбергом над созданием новой немецкой религии. Стоит напомнить, что Розенберг был одним из самых крупных противников Гиммлера в нацистской партии. Затем Ран ввязывается в аферу с Ридвегом. Наконец, памятуя, что Гиммлер благоволил женатым эсэсовцам, он решил разыграть карту со своим «бракосочетанием». Но это породило новые трудности. Гиммлер стал настаивать на скорой свадьбе. Но невеста значилась только на фото. В жизни ее не было.



Биографам Рана не сразу удалось определить, кто изображен на фотографии рядом с Раном. Там Отто запечатлен на балконе с молодой белокурой женщиной и пятилетним мальчуганом. «Невестой» оказалась некая Анна Дахс, после войны проживавшая в Швейцарии. История их помолвки оказалась фарсом. Анна никогда не была обручена с Раном. Они и знакомы-то были очень поверхностно. После первого неудачного замужества она жила со своим пятилетним сыном в Шварцвальде, где и познакомилась с Раном. Тот рассказал о своей книге и даже заглянул как-то в гости. Но, по словам этой женщины, он был подчеркнуто холоден в общении с ней и даже не пытался как-то сблизиться с молодой Анной. Ран оказался в очень щекотливом положении.

Нервы у Рана оказались, что называется, на пределе. Ко многим его неудачам стоит добавить бесконечные возмущенные письма от католиков и анонимные угрозы, которые, как полагал Ран, присылали иезуиты. Говорят, что точку в его судьбе поставили два события — «хрустальная ночь», еврейские погромы, прокатившиеся по всей Германии, и намерение эсэсовского начальства перевести его в концентрационный лагерь Бухенвальд. 22 февраля он пишет заявление с просьбой исключить его из СС.

Что произошло дальше, установить трудно. 11 мая 1939 года крестьянские дети, живущие близ баварской деревушки Айберг, нашли разложившийся труп мужчины. Вскоре останки идентифицировали — это был Отто Ран. Около останков было найдено два медицинских пузырька, в которых когда-то содержался яд. Время смерти было очень сложно установить, но эксперты предположили, что это произошло где-то 12—13 марта 1939 года. Полиция сразу же отбросила версии об убийстве. Было решено, что Ран покончил с собой. Причины этого поступка не понятны. Может быть, он боялся разоблачения своих гомосексуальных наклонностей. В любом случае, Рана почти тут же восстановили в СС.

Альберт фон Халлер рассказывал, что накануне своего исчезновения Ран забежал к нему: «Он был в чудовищном состоянии: нерв-

ный, сильно похудевший, глаза безумные. Ран бросил: «Я пропал. Меня преследуют СС. Я обвинен в гомосексуализме». Он сказал мне об этом открыто. «Мне предоставили выбор. Либо — концлагерь, либо — самоубийство, геройская смерть в горах. Третьего не дано». Он собирался бежать во Францию, но, видимо, передумал».

Точки над всеми «и» поставила Габриела Винклер-Дехенд, которая сообщила о смерти Рана следующее: «Я знаю, что за ним была установлена слежка, с целью проверить, не является ли он гомосексуалистом. Когда Гиммлеру об этом сообщили в третий раз, он настоятельно рекомендовал отложить рассмотрение этого дела (хотя гомосексуализм в СС карался смертной казнью). Я полагаю, что Отто Ран именно после этого ходатайствовал об исключении из СС. Моими источниками был Ханс фон Лахнер, которому я сама помогла стать адъютантом при Вайсторе».

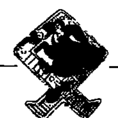
Глава третья

Тайное предание Карла Виллигута

Мед здесь стоит,
он сварен для Бальдра,
светлый напиток,
накрыт он щитом;
отчаяньем сыны
асов охвачены.
Больше ни слова
ты не услышишь.

Старшая Эдда. Сны Бальдра

Когда историки упоминают его имя, то обычно добавляют «личный маг рейхсфюрера СС» или «Распутин при дворе Гиммлера». Действительно, в свое время влияние полковника Карла Марии Виллигута было гигантским, хотя и не долгим. По личной рекомендации Гиммлера Виллигут за период своей службы в СС прошел путь от гауптштурмфюрера (капитана) до бригаденфюрера (бригадного генерала). Без преувеличения можно сказать, что Виллигут был личным наставником рейхсфюрера СС. Именно с ним Гиммлер консультировался по самому широкому кругу вопросов. Виллигут принимал участие в разработке эсэсовского кольца, которое носили члены «Черного ордена». Он участвовал в формировании концепции Вевельсбурга (ордена-замка СС) и работах по созданию многих церемоний, которые придали идеологии СС неповторимую ауру элитаризма. Но в то же время стоит заметить, что судьба этого человека



мало походила на биографии эсэсовских чинов, оказавшихся в окружении Гиммлера.

Карл Мария Виллигут родился 10 декабря 1866 года в Вене. Его отец был капитаном австрийского ландвера, который со временем оставил военную службу и поступил на службу в полицию. Как говорили очевидцы, Карл Виллигут-старший был очень грамотным и благонадежным служащим. Видимо, именно по этой причине ему в свое время было поручено расследование обстоятельств таинственной гибели наследника трона Австро-Венгерской империи кронпринца Рудольфа.

В возрасте 13 лет Карл Мария Виллигут пошел по стопам своих предков и поступил в имперскую кадетскую школу в Вене-Брейтензее. Подобно своему отцу и деду, он хотел во что бы то ни стало надеть офицерскую форму. Свою военную службу он начал в возрасте 18 лет, когда поступил в 97-й австрийский пехотный полк, расквартированный в Герцеговине. Его военную карьеру нельзя назвать стремительной, — 20 лет он дослужился лишь до чина майора. Да и самого Карла Марию Виллигута нельзя было назвать типичным служакой. Он не был чужд некого эстетствования. За время своей службы он написал немалое количество стихов, в которых рьяно выражал свою преданность Австрии и короне. В какой-то момент он вступил вслед за своим жизнелюбивым отцом в общество «Шлараффия». Эта организация, созданная в 1859 году в Праге, занималась изучением древней символики и архаичных церемоний. Став активным членом «Шлараффии», Карл Мария Виллигут писал мистические стихи и трактаты. В частности, он написал работы о зейфридских рунах и мистических скалах Рабенштайна, лежавших на австро-моравской границе. Видимо, неуверенный в своих дарованиях, Виллигут-младший долгое время не решался подписывать стихи и трактаты собственным именем. Авторство приписывалось некому барону Лобезану, чья подпись включала в себя символическое изображение совы — символа общества «Шлараффия».

В октябре 1914 года он как офицер штаба 30-го пехотного полка принимал участие в боевых действиях против русской армии в Карпатах по всему северо-восточному флангу империи. После этой изнурительной кампании, во время которой он и участвовал в боях, и совершал длительные ночные марши, Виллигут был наконец-то произведен в полковники и переведен в Грац для того, чтобы организовать подкрепление для 14-го и 19-го пехотных полков. Затем он был отправлен на итальянский фронт, где между июнем 1915 года и следующей весной сменил ряд постов. Как следовало из документов Венского военного архива, Виллигут проявил себя храбрым офицером и высоко ценился своим начальством и товарищами. Обстоятельство немаловажное. Заострим на нем внимание, так как эти свидетельства нам еще пригодятся. В годы войны Виллигут был награжден за храбрость и отмечен старшими офицерами. Фельдмаршал Даниель характеризовал его как человека с «безукоризненным характером... крайне опытного, добросовестного офицера». Эту оценку разделяли и другие высшие офицеры.

В мае 1918 года Виллигут был отозван с фронта и назначен командующим лагеря для выздоравливающих в Лемберге. Именно в этом лагере произошли события, во многом предопределившие всю дальнейшую судьбу Карла Марии Виллигута. В июне 1918 года эту офицерскую миссию посетили епископ Поповски, генерал иезуитов Ледоховски и кардинал Рати (будущий папа Пий XI). Воспользовавшись удобным случаем, Виллигут поведал церковным сановникам о происхождении своей фамилии и семейном предании, хранившимся в строжайшей тайне. В этот момент Карл как хранитель древнейшей традиции допустил непростительную ошибку. Иезуитский генерал, заслышав слова Виллигута, поморщился и прошептал на ухо папскому легату: «Famiglia malatetta» («Проклятое семейство»). Виллигут услышал эти слова. И тут с выдержанным и дисциплинированным немолодым уже офицером произошла странная метаморфоза. Его обуяло неистовство. В ярости он кричал католическим священникам: «Да, я родом из проклятой семьи!!!»

Именно после этого странного события с Виллигутом стали случаться припадки. Или, напротив, он без всякой на то причины мог впадать в глубочайшее уныние.

Тем временем рухнули Австро-Венгерская и Германская империи. Оказавшись в составе фрайкора (добровольческого корпуса) «Оберланд», Виллигут с оружием в руках сражался против коммунистов и сепаратистов. Выйдя на покой, он хотел заняться политической журналистикой. Но в этот момент нервы у него сдали окончательно. Виллигута пришлось поместить в психиатрическую клинику. Карл Мария Виллигут был признан недееспособным. Примечательно то, что во время проведения психиатрической экспертизы Виллигут стал проводить странные параллели между современными ему политическими событиями и какими-то чудными происшествиями, увязывая их воедино очень странным образом.

1 января 1919 года «сумасшедшего полковника» было решено оставить в покое. Виллигута направляют в предместье Зальцбурга. Именно с этого момента Виллигута в рядах националистических и пангерманских организаций стали почитать как «тайного немецкого короля». То, что некоторые националисты стали именовать Виллигута именно таким образом, очень легко объясняется, если принять во внимание бедствия того времени, в частности крушение монархии и традиционных социальных институтов. Но это вовсе не объясняет, почему к Виллигуту стали проявлять повышенный интерес во всех немецких эзотерических кругах. Впрочем, можно предположить, что в человеческом сознании всегда существовала мысль о наличии некого невидимого архитектора всех происходящих событий, великого спасителя от всех тягот и невзгод. В этих условиях «странность» Виллигута была как раз тем качеством, которое манило и притягивало других людей. Так что пребывание Виллигута в психиатрической клинике только укрепляло впечатление, что он действительно являлся «тайным германским королем»! Интерес же эзотериков ограничивался исключительно психическими способностями полковника. При этом они почти не проявляли никакого ин-

тереса к его юношеским духовным исканиям. Потому не стоит думать, что Виллигута кто-то реально собирался возводить на немецкий престол. Об этом политическом шаге даже не шло речи.

В 20-е годы XX века значительные персоны венского общества стали уделять Виллигуту очень большое внимание. Происходило это с подачи двух людей: баронессы Талер, кузины Виллигута, которая возглавляла один из эзотерических кружков, и Йорга Ланца фон Либенфельса, главы «Ордена новых тамплиеров». Последний в 1920 году отдал приказ одному из своих подчиненных связаться с полковником Виллигутом. Поручение было выполнено безотлагательно. Посланцы «Ордена новых тамплиеров» три раза посещали Виллигута, все еще жившего в округе Зальцбурга. Один из них — Теодорих Цепль — провел в гостях у полковника аж семь недель! Более подробные сведения об этих визитах содержались в архивах «Ордена новых тамплиеров», которые были конфискованы и засекречены нацистами. К сожалению, эти документы были «утеряны» в 1945 году. Без этих документов вряд ли возможно точное воспроизведение «тайного предания об аса-уана», которое нередко в эзотерических кругах называли «южным христианством».

Прежде чем дальше продолжить рассказ о судьбе Виллигута, необходимо сказать, что он в свое время опубликовал небольшую книгу о замке Вевельсбург, которому было суждено стать «мировоззренческим центром СС». Именно с этого момента началось его восхождение к чину бригадефюрера СС. Но самое странное состоит в том, что подобные задачи Гиммлер поставил перед Виллигутом задолго до вступления полковника в СС. А вот еще странный момент: книга Виллигута, посвященная Вевельсбургу, увидела свет 16 мая 1937 года. Так начался закат звезды «гиммлеровского Распутина». Мы уже говорили, что Виллигут сделал стремительную карьеру в СС: за какие-то три года он поднялся на самую верхушку «Черного ордена». Казалось бы, такой быстротечный взлет должен был быть как-то объяснен. Но этого не было. Имя Виллигута вообще не упоминалось ни в служебных изданиях СС, ни в общегерманских сред-

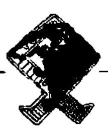
ствах массовой информации. Все это указывало на то, что Гиммлера и Виллигута связывали не просто служебные отношения, а нечто большее. Эту догадку подтверждало обращение, с которым немолодой полковник обращался к Гиммлеру: «Мой рейсхфюрер, мой высокопоставленный друг!» Но вернемся обратно в 20-е годы.

Собственно свою «общественную» деятельность Виллигут начал сразу же после своего освобождения из психиатрической клиники. Под различными именами он поддерживал тесные связи со многими видными людьми. Кроме уже упоминавшихся нами адептов «Ордена новых тамплиеров», в его окружении можно было заметить партайгеноссе Фриду Доренберг, одну из самых видных женщин-нацисток, именитого политика Вернера фон Бюлова, руководителей «Общества Эдды» — Рудольфа Горслебена, Рихарда Андреса, Фридриха Шиллера. Поддерживал Виллигут контакты и с солидными военными из Инсбрюка — Эмилем Рюдигером и Тельгером. В этом списке, который можно было продолжать еще очень долго, интерес для нас представляют две персоны: Фрида Доренберг и Фридрих Шиллер. Именно они познакомили Виллигута с нацистской идеологией, а позже организовали встречу с Генрихом Гиммлером.

Если говорить о взаимоотношениях Виллигута и Гиммлера, то повторюсь, сказав, что они выходили далеко за рамки служебных контактов. Более того, сам статус Виллигута, который носил в СС ритуальное имя Вайстор[1], был более чем странным (словечко, которое будет частенько встречаться в этой главе). В СС фактически никто не подозревал о существовании бригадефюрера Вайстора. О нем было известно лишь некоторым высокопоставленным сотрудникам Главного управления СС. Кстати, именно они окрестили Виллигута «Распутиным Гиммлера». Но даже они не знали, чем он занимался. Официально считалось, что Вайстор был подключен к разработке мировоззрения «крови и почвы», взятой СС на идеологи-

---

[1] Судьба Карла Марии Виллигута (Вайстора) рассматривается в главе «Тайное предание Карла Виллигута»



ческое вооружение. Но, судя по прозвищу, многие догадывались, какое влияние имел Виллигут на рейхсфюрера СС. В то время ходили многочисленные слухи о том, что в подвалах гестапо уничтожалась оккультная литература. Факт, не соответствующий действительности. Нацисты действительно сжигали литературу, но делали это публично. У каждой исторической эпохи свои забавы. Также не стоит отвергать тот факт, что многие обладатели богатых оккультных библиотек почти сразу же после прихода Гитлера к власти оказались в концентрационных лагерях. Но руководство СС вовсе не собиралось уничтожать книги по мистике, астрологии и алхимии. Их тщательно отбирали и складировали. Поговаривали, что в годы Второй мировой войны это редкое книгохранилище было перевезено на нескольких грузовиках через протектораты Моравия и Богемия, где они были сгружены в пражском замке Карлштайн.

Итак, Виллигут официально занимался разработкой идеологии «крови и почвы». Если бы это соответствовало действительности, то могло бы стать одним из самых громких открытий, касающихся истории Третьего рейха. Почему? Дело в том, что под арийцами и сверхлюдьми Виллигут подразумевал нечто совершенно иное, нежели было предписано расовыми законами нацистской Германии. Вайстор видел в арийцах те духовные сущности, которые пришли на Землю тысячелетия назад с Луны. Тогда они могли осознанно, по собственному желанию возвращаться на свою далекую родину. Арийцы, о которых говорила национал-социалистическая идеология, были для него в лучшем случае «кандидатами» на это высокое звание. Истинными арийцами они могли стать лишь после того, как смогли бы вернуть давно утраченные способности.

17 июня 1928 года Виллигут ознакомил Вернера фон Бюлова с одним из своих пророчеств, которые называл «хагалритами». Это «пророчество» во многом напоминало сагу «Кембра», которая датировалась 4—5 веками нашей эры и описывала богатство утраченных древнеарийских воззрений. В ней рассказывалось о кимбрах (цимбрах) — народе Вилиготов, проживавших в свое время на террито-

рии нынешних Тироля и Баварии. Последние остатки этого немецкого языкового анклава вели борьбу за свое существование в провинциях Северной Италии — Вероне и Виценте. Многие из кимбров были латинизированы.

Что же говорилось в пророчестве Виллигута? Род Кемберов (кимбров, цимбров) был наследником древних сущностей *аса*, а само слово «кимры» переводилось не иначе как «проростки аса». Их называли еще детьми света (очевидное влияние гностицизма?). Перелом в судьбе детей света произошел, когда они стали заключать браки с детьми камня. Результатом стало то, что дети света полностью очеловечились и стали приземленными, материальными. Другая «хагалрита» рассказывала о развитии отдельных детей света и последующем их распространении среди человечества. Их очеловечивание проходило в несколько этапов:

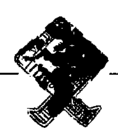
1. Пери — однополые духовные сущности, позже называемые ангелами.
2. Кимры — двуполые существа — гермафродиты, которые обладали телами летающих ангелов. Мужчины рождались от мужчин, женщины — от женщин. Рождение происходило от внутреннего оплодотворения. Вырождение привело к появлению амазонок.
3. Асы (аса) — с этой ступени начинается оттеснение рода Хальга (Один, Вили и Ве) волевыми асами, которые могли передвигаться между Землей и Луной. Эти три рода сыграли решающую роль в развитии человечества. Они давали людям все больше и больше. В итоге они стали восприниматься и почитаться как боги. Из этих устремлений возник вотанизм.
4. Нордланд — род белой расы.
5. Арийцы стали развиваться после одной из вселенских катастроф. В итоге асы (аса) были вытеснены людьми.

Для того чтобы понять, о чем же говорил Виллигут, нам надо обратиться к «Ирмин-саге».

«Ирмин-сагой» называлась «тайная традиция» рода Улиготис, которая повествовала о семи эпохах в истории человечества. Это предание, хранимое в секрете, было изначально изложено на семи дубовых досках. Написано оно было, если верить Виллигуту, протоарийским линейным письмом и снабжено несколькими рисунками. В семье Виллигутов эти скрижали передавались строго от отца к старшему сыну. Но в 1848 году во время пожара в немецкой части города Буда, который позже слился с городом Пештом (Будапешт), дом Виллигутов сгорел. В огне погибли не только таблицы «Ирмин-саги», но и другие драгоценные семейные документы и реликвии. С этого момента «тайное предание» внутри семьи передавалось исключительно устным путем. Впервые это предание было представлено общественности, когда Карл Мария Виллигут написал для Главного управления СС брошюру «Представление о развитии человечества». В этой небольшой работе он не только излагал основную канву семейного предания, но и попытался сравнить ее с другими легендами, которые рассказывали о вселенских катастрофах, уничтожавших в свое время почти все человечество.

Но в эсэсовских документах отражено оказалось далеко не все. В них, в частности, не говорилось об «озарениях», которые с 18 лет снисходили на будущего носителя тайного знания. Эти озарения приводили к появлению так называемых «хагалрит» — небольших пророческих изречений, написанных неким подобием рун. Как утверждал сам Виллигут, «механизмом» для запуска этих пророческих сентенций являлась его родовая память, которая якобы позволяла ему читать и понимать все существующие в мире руны, иероглифы, пиктограммы и наскальные рисунки.

Как отмечал ближайший сподвижник Вайстора, его ученик и биограф Рудольф Мунд: «Заблуждается тот, кто полагает, что это предание, эта традиция прошла сквозь тысячелетия до наших дней незамутненной». То есть очевидно, что в руководстве СС не сомневались в факте существования «тайного предания», хотя и относились к нему с некоторым скепсисом. Но в принципе даже сам Вилли-



гут отмечал, что его представления были некой мозаикой, в которой не хватало некоторых фрагментов и деталей. Подобно Герману Вирту, создавшему «Наследие предков» (Аненербе), Виллигут намеревался восстановить изначальную проторелигию.

Остановимся на некоторых моментах тайного предания более подробно. Для этого обратимся к брошюре «Представление о развитии человечества».

1-я эпоха в истории человечества. В это время шла неустанная борьба стихий. В частности, противостояние воды и эфира привело к появлению так называемых ***неназываемых*** «существ, порожденных Имиром[1], которые позже были названы ангелами». Подобная идея нашла свое дальнейшее развитие в СС. Об этом говорит один из документов, где написано о борьбе четырех «тонких материй»: эфира, флода, ода[2] и мета.

2-я эпоха в истории человечества. После первой великой космической катастрофы — падения Луны на Землю — наступил ледниковый период, который позволил возникнуть вокруг Земли некому воздушному поясу. Взаимодействие воды и воздуха привело к появлению так называемых двуполых ангелов, которые частью жили на земле, а частью в водной стихии. Но при этом никто из них не утратил возможности летать. Связи между «ангелами земли» и «ангелами воды» привели к появлению на свет первого гермафродита. Взаимодействие же всех четырех стихий привело к появлению новой высшей сущности — Бога.

3-я эпоха в истории человечества. Вторая эпоха, подобно первой, закончилась мировой катастрофой. На этот раз на Землю упало светило, и вся планета оказалась объята вселенским пожаром, кото-

---

[1]Имир — в скандинавской мифологии великан, олицетворение первозданной материи, который возник из хаоса мировой бездны благодаря смешению жара и холода, из его тела создан весь мир. Из его черепа сделан небесный свод, из тела — земля, из крови — море, из костей — горы, из волос — леса.

[2]*Более подробную информацию о «тонких материях», в частности силе Од и эфире, читайте в главе «Эсэсовские алхимики и медиумы»*

рый закончился новым ледниковым периодом. Пережившие последующий хаос (KA-OS) были вынуждены приспосабливаться к новым условиям жизни. После падения светила на Землю пришел новый вид ангелов. Между оставшимися в живых и «пришельцами» протекала ожесточенная борьба, отголоски которой Виллигут видел в мифе о борьбе титанов и гигантов. Этот процесс в очередной раз привел к физическому смешению существовавших видов. В результате появились однополые «айжариты», которые могли летать, а также жить в воде и на суше. Этот вид имел три глаза. Третье око располагалось у них в середине лба. Остатки же выжившего человечества превратились в цвергов, гномов и прочих низкорослых жителей пещер. В возникшем расовом хаосе также началось появление и других, ранее невиданных существ. Некоторые из видов скрещивались с животными. Так на свет появились сатиры, кентавры и прочие мифологические существа. В это мифологическое время шла неустанная борьба всех против всех. В эту смутную эпоху человечество отчасти приобрело «огненный характер», а отчасти стало уподобляться карликам-цвергам.

4-я эпоха человечества характеризовалась тем, что остатки третьего человечества переживали неслыханный культурный подъем. Их можно уподобить «интеллигенции» предыдущих эпох. После повсеместного приспособления к новым условиям жизни люди поднялись на небывало высокий уровень. Именно в это время в Европе появляются «просвещенные ирминены» (позже их название было трансформировано в Арманенов), создавшие уана-культуру (в Эдде изображенную как культуру Ванов).

Эта эпоха характеризовалась повышенным интересом к астрологии и тайным наукам. В эту эпоху существовали две основные человеческие расы: краснокожие и мавры. Но, кроме них, существовала еще одна немногочисленная, но тем не менее очень живучая раса людей с белыми волосами, светлой кожей и красными глазами — альбиносы. Именно альбиносы совместно с краснокожими изобрели сначала иероглифическое, а затем и руническое письмо. Все три

человеческие расы противостояли «зверолюдям», хотя случалось, что мавры скрещивались с последними.

К моменту заката этого человеческого вида у него исчез третий глаз. Только уану (ваны) могли использовать его ресурсы, что позволяло им быть более изобретательными, талантливыми и умными. Очередное падение Луны фактически уничтожило все человечество четвертой эпохи. Но на этот раз, в отличие от прошлых, более высоко развитая культура уанов смогла предсказать эту космическую катастрофу и подготовиться к ней. Это были как раз те люди, которые создали подземные ходы в толще гор. Скрывшись там, они смогли пережить ужасы крушения очередного спутника, очередной Луны. Именно они оставили в глубине пещер наскальные рисунки.

5-я эпоха человечества. Переходный период к новой форме человечества длился почти тысячу лет. Но, несмотря на подготовку к катастрофе, люди предыдущей эпохи выжили далеко не везде. Как правило, они продолжили свое существование там, где имелось достаточное количество разнополых пар. Дело в том, что, скрывшись под землей, людские общины не стремились к контактам между собой. Они не хотели появляться на поверхности земли и стремились во что бы то ни стало пережить крушение Луны.

Тем временем на поверхности земли появился новый человеческий вид. Его представители называли себя Аса (асы в эддической традиции). Они походили внешне на уану и были такими же долгожителями. «Когда земля вновь стала зеленой, а небо — голубым, то АСА стали угнетать УАНУ и похищать их женщин... Когда же солнце стало светить и пробиваться сквозь тучи, КА-ОС отступил. Звери и люди стали приумножаться, и людям больше не требовалось убивать друг друга, дабы добыть пропитание». Со временем аса перестали воевать против уану и создали Асгард. Дети, рожденные от брака аса и уану, направились в Атта-лант.

На этом месте надо прервать повествование о «тайной традиции» семейства Виллигутов. Рюдигер, один из учеников Вайстора, в

своей книге «История человечества в изучении отличительных черт Эдды» фактически повторял идеи Виллигута. Единственным отличием было то, что Рюдигер свел всю человеческую историю к искусству скальдов, в которых числительным образом было зашифровано утраченное знание о прошлом. Собственно говоря, ни у кого: ни у Виллигута, ни у его учеников, ни у эсэсовского руководства — не возникало сомнения в том, что изначально существовавшая религия была прервана. Что искажения с каждым веком приумножались, приводя к появлению новых «неистинных» ритуалов. Восстановить изначальную многовековую традицию можно было лишь при помощи синтеза. Но, с другой стороны, реставрации ядра древнейшей религии мешали отдельные «профанические персоны», которые отказывались от этой религии, называя ее «нефункциональной, неспособной помочь в построении новой философской школы или мистического Ордена». Эта небольшая строка, написанная Рудольфом Мундом, очевидно, указывала на то, что сторонники Виллигута не собрались всерьез воспринимать прочие ариософские доктрины, пропагандируемые в 20-е годы XX века многочисленными расистскими организациями.

После утраты в Буде «рунических скрижалей» пробел в человеческой истории пытался восполнить Йорг Ланц фон Либенфельс. Именно он хотел провести новый религиозный синтез. Здесь надо удержать читателей от традиционной ошибки, допускаемой в литературе об оккультных корнях нацизма. Не Либенфельс был учителем Виллигута, а как раз наоборот — немолодой полковник вдохнул в Либенфельса большинство его идей. Ведь по сути «Теозоология» и «Библиомистикон», написанные Йоргом Ланцем фон Либенфельсом, были не чем иным, как вольным пересказом «тайного предания» семейства Виллигутов.

Эпигоны Виллигута были уверены, что по всей земле можно было найти отзвуки ранее существовавшей общей религии. В качестве примера приводились мифы о катастрофах, имевшиеся в Античном мире, у хеттов, в Египте, в Южной Америке. Примечатель-

но, что, анализируя изначальную традицию и ее отдельные элементы, Виллигут ссылался не только на архаические мифы, но и на гностицизм!

Собственно, нечему удивляться. Если взять то же самое «тайное предание», то в нем можно увидеть, что люди второй эпохи назывались не иначе как «детьми света». И каждая новая волна пришельцев, каждая новая катастрофа приводила к изменению людей, делая их более материальными. Разве не об этом говорили многочисленные гностические школы? Даже теория Дарвина оказалась в стане союзников Виллигута, хотя и невольно. Виллигут не раз заявлял, что биологи и антропологи никогда не найдут переходное звено от обезьяны к нынешнему человеку, так как этим переходным звеном были зверолюди и карлики-цвеги.

А вот одна из идей ближайшего сподвижника Виллигута Гюнтера Кирххоффа Он выдвинул мысль о существовании доеврейского христианства! Иногда его называли языческим или варварским христианством. В качестве доказательства существования этого религиозного направления приводились не только многочисленные изображения, но и религиозные сюжеты о самопожертвовании Бога. Такие сюжеты встречались в германской, скандинавской и индийской мифологии. Но самое интересное, что добровольная жертва во многих случаях приносилась в виде распятия. В списке распятых богов значились Кришна, Заратустра, аргонавт Ясон, который в Малой Азии и Фракии почитался в качестве воскресающего Бога.

В предании семьи Виллигутов центральной фигурой был принесший себя в жертву «богочеловек» Бальдр Крестос. Интересно, что в данном контексте слово Крестос значило «благородный», «исключительный», «порядочный». Лишь после его латинизации оно стало звучать как Христос. Поменялось не только его звучание, но и его значение. Теперь оно означало «Спаситель», «искупитель», «избавитель». Но благородный и избавитель — это совсем не идентичные понятия. В скандинавской мифологии встречается понятие

«крестура», под которым понимается напиток, дающий исключительные способности. Виллигут же изображал крестуру как «абсолютный свет». Здесь мы можем увидеть очевидность сходства представлений Виллигута и Альфреда Шулера. Сходство не ограничивалось «световыми» понятиями, но извечным противостоянием двух сил, которое определяло все развитие мировой истории. У Виллигута этими силами были вотанизм и крестианство.

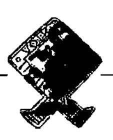
Поскольку эта борьба была центральной движущей силой истории (в представлении Виллигута), то остановимся на ней более подробно. Ключом к пониманию этих явлений является «хагалрита» № 6119, едва ли не важнейшее пророчество в наследии Вайстора. В этой «хагалрите» рассказывалось о брачных законах, установленных королем Фродисом. Согласно этим законам, «волевым аса» запрещалось воздействовать на человечество магическим путем. Вызвано это было вовсе не заботой о земных людях, а стремлением вернуть аса их утраченные способности, остановить дегенерацию, вызванную общением с людьми. Но истинные причины установления этих законов аса не открывались — Фродис и его мастера хранили молчание. Эта скрытность привела к недовольству, а позже стала причиной враждебного отношения к «реформам» Фродиса.

Религиозный фундамент для возникновения вотанизма был создан после того, как скончался Вотан, а Локи всячески способствовал обожествлению своего брата Вили. Все эти три брата (Один, Локи, Вили) были воплощением двух природ: телесной и эфирной. Сохранив в себе часть способностей кимров, братья обладали по сравнению с другими аса исключительными способностями. Дети, рожденные от этих братьев, были уже более приземленными («состоящими из плотных материй»), а потому мало походили на своих отцов. Внуки же и вовсе утратили все свои мистические качества. Законы Фродиса должны были остановить этот необратимый процесс. Очеловечиванию «детей света» должен был быть положен конец. Аса должны были вернуться в тело, состоящее из «тонких материй».

К моменту кончины Вотана различия между Вили и более молодыми ирминами стали настолько гигантскими, что молодежь стала почитать братьев как высшую сущность — Бога. Дело дошло до того, что Вотана и Вили стали воспринимать как единую личность. Почитание стало приобретать все более и более культовые формы, постепенно превращаясь в новую религию — вотанизм. Но эта религия несовместима с богопочитанием, присущим ирминизму. Инициатором такого религиозного переворота был Локи, младший из братьев, свободный от каких-либо моральных устоев. Это был один из тех «волевых аса», которые не собирались следовать брачным законам Фродиса. Он прекрасно понимал, что проявление качеств, которые были присущи только ему и его братьям, разрушит их власть. Именно по этой причине он целенаправленно развивал в себе и своих сторонниках умственные способности, которые могли помочь им в обогащении и превращении в сущности, не зависящие от устоев. По сути, Локи решил восстать против Бога и Божественного строя, царившего в обществе аса. Он увлек за собой многих, апеллируя к их чувству страха и неуверенности. На самом же деле он хотел утолить свою жажду власти.

Ирминистов и уану пугал Локи и его движение, но они не решались избавиться от него. Дело в том, что он поселил в душах «детей света» земные страсти и алчность. Особо искусно ему удалось опутать своими чарами брата Вили. Настолько умело, что Вили — высокоморальная и богобоязненная сущность — сам не заметил, как стал участвовать в «постыдных делах Локи». Младшему брату удалось сыграть на его слабости — властолюбии. И именно эта слабость перечеркнула все его положительные черты и достоинства.

Возникновение крестианства, согласно Виллигуту, выглядело следующим образом. В момент воцарения Вили (10,5 тысячи лет до нашей эры) на Земле родилась прекрасная и вечно юная Нана. Она родила непорочно зачатого Бальдра. По своему сложению сын Наны очень походил на древних отпрысков Ирмина. «Высокое рождение» позволяло ему быть причисленным к отпрыскам древнего



рода. Однако он развивался гораздо быстрее других «детей света», которые были более материальными и приземленными. Личные качества Бальдра указывали на его Божественное происхождение. Он был первым человеком, чье творческое начало могло контролироваться головным мозгом. По сути, он был первым, кто совершал осознанные поступки, а не руководствовался подсознанием. Не удивительно, что он выделялся на фоне других «детей света» и даже превосходил их. Это был новый, ранее никому не ведомый человеческий вид. Почти само совершенство.

Принимая во внимание свое происхождение, Бальдр мог стать вождем нового времени. До рождения Бальдра человечество представляло собой многочисленные группки, которые бесконечно кочевали. К тому же представители одних групп очень сильно отличались от представителей других. Как творческое и созидательное существо, Бальдр отказался от своего древнего права быть превосходным, властвовать над земным человечеством. Этим правом очень охотно пользовались другие «дети света», которых земные люди почитали как богов. В большинстве языческих мифов и саг боги изображались милостивыми, всегда готовыми помочь. Но на самом деле у них не было даже намека на подобные качества. Напротив! Навязав людям свои законы, «дети света» стали высокомерными. Они постоянно вели борьбу за власть. Но в один момент людям это опротивело. Они обратились с просьбой к Бальдру ограничить способности «детей света». Сам же Бальдр жил на земле в чужом теле. Его также не устраивали законы, навязанные земным людям. Именно Бальдр открыл людям, что те очень легкомысленно утратили свое древнее право самим решать свою судьбу. Кроме этого, он провозгласил, что отныне «дети света» сами должны подчиняться земным законам, которые распространялись и на простых людей.

Для «детей света» это известие стало ужасной новостью. Они опасались окончательно утерять последние из своих способностей, доставшиеся им от кимров. При исключительно длинной жизни,

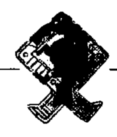
позаимствованной ими от пращуров, и брачных законах Фродиса «дети света» могли вновь стать существами, состоящими только из тонкой материи. Учитывая растущее влияние «темных аса», Бальдр решил обновить законы Фродиса и уравнять «детей света» и человечество. Не стоило забывать, что сопротивление законам Фродиса не прекращалось ни на момент с самого их возникновения. Запрет на использование своих древних способностей всколыхнул волну недовольства среди аса. Почти все они стали вотанистами. Несмотря на то что Бальдр смог преодолеть свое сверхчеловеческое духовное величие, в широких ирминистских кругах стали возникать многочисленные предрассудки. В частности, «дети света» были убеждены, что нововведения приведут к их окончательному исчезновению как вида. А сохранение старых законов оставляло возможность вернуть себе прошлое величие. В итоге начинает деформироваться и сам ирминизм. Постепенно складывается культ родной планеты — Луны. Он получает название арманизм, который вытесняет солнечный ирминизм. При этом под словом «ирминен» подразумевался определенный человеческий тип, а под словом «арманен» — особое жреческое сословие.

В городе Аркона, который располагался на тогда еще связанном с материком острове Рюген, был основан центр арманизма. Впрочем, это не мешало ему соседствовать с храмом солнечного бога. Кстати, Йорг Ланц фон Либенфельс в одной из своих работ, посвященной арийско-христианской проторелигии, рисовал Рюген и Балтийский регион как исходный пункт древнейшей священной традиции. Сразу же стоит отметить, что ирманизм и вотанизм в изложении Виллигута не имели ничего общего с историческими явлениями эпохи переселения народов и раннего Средневековья. В Эдде, дожившей до наших времен, эти культы вообще смешаны воедино. Существовала также версия, что в ходе исторического развития ирманизм и учение Бальдра Крестоса объединились в единый религиозный комплекс, который оказал влияние не только на так называе-

мое «южное христианство», но и на формирование тайных орденов и мистических братств.

Крестосом, в измененной форме Кристом, ирманисты называли своего старшего, главу культа. Имеет смысл сосредоточить внимание на этой версии. Виллигут утверждал, что план, который пытался осуществить Бальдр, назывался Крест-УР. В слове Крестос мы находим суффикс — ОС. По мнению Виллигута, он имел то же значение, что и суффикс — ЭЛЬ в древнееврейском языке (Михаэль, Израэль и т.д.). Так вот суффикс — ОС связывал все слова с Ирмином и Бальдром. С другой стороны, слово «крестура» значило «Божественное предсказание». Таким образом, можно предположить, что осуществление плана Крест-УР должно было вернуть «детей света» едва ли не революционным путем в их изначальное (УР) состояние. Получался некий парадокс. С одной стороны, Крестос намеревался низвести «детей света» «до уровня пыли», распространяя на них земные законы. Но, с другой стороны, он как бы гарантировал, что его действие и высочайший надзор позволят не только вернуть древние качества кимров, но и вновь воссоединиться со светом. Эпигоны Виллигута писали по этому поводу: «Реформы Бальдра действительно в некоторой мере унижали «детей света». Но они как бы являлись залогом их доверительных отношений с «милостивым солнцем». А это, в свою очередь, вновь делало «детей света» милостивыми правителями — свойство, которое они давно уже утеряли». В тайных науках подобный союз назывался «мистической свадьбой», а в искусстве скальдов — призывом к настоятельным стремлениям.

Но этому титаническому плану, опять же если верить Вайстору, не было суждено сбыться. В Госларе (Аруале), одном из крупнейших ирминистских городов, вспыхнул конфликт между непреклонными сторонниками «старого уклада» и Бальдром Крестосом, неумолимо проводящим в жизнь свои начинания. Конфликт вылился в вооруженную борьбу. Вотанисты взяли штурмом резиденцию Бальдра и пленили его. По приказу предводителя вотанистов (неза-



коннорожденного ребенка от инистого великана йотуна) Бальдра распяли. Но распятие проходило не на кресте, а неком подобии руны «ман». После распятия в него было выпущено множество стрел. Издевка состояла в том, что именно эта руна не открыла своего значения вотанистам. Именно поэтому они приписали себе факт ее познания. Вспоминается строчка из Эдды: «Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей». Впрочем, у Виллигута следовала несколько другая цитата: «Я знаю, что я висел на продуваемом студеными ветрами дереве девять холодных ночей, изумленный истиной».

Параллели с библейским сюжетом очевидны. Но есть и очень серьезные отличия. Иисус был готов к смерти, когда его водружали на крест. Бальдр же был распят «изумленным истиной». Изречение Виллигута, более известное под названием «Святой и Великий Господь Бог помоги», сообщало о том, что Бальдр применил руническое заклинание, которое, возможно, было открыто накануне распятья. Остается непонятным, кто был учителем Бальдра.

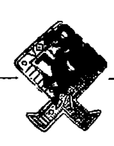
Для Виллигута все эти путаные и странноватые сюжеты были вовсе не отвлеченной мифологией. Он утверждал, что распятие Бальдра произошло вблизи Гослара, на месте, где располагались руины семинарии Св. Петра, чуть восточнее города Петерсберг. Это духовное заведение было разрушено в 1527 году, когда горожане вели ожесточенную борьбу против брауншвейгского герцога. Много лет спустя, в 1871 году, были обнаружены ведущие стены этого строения. Люди, проводившие раскопки, нашли также остатки нескольких колонн. Виллигут посетил это место, после чего заявил, что распятие произошло на месте третьей колонны. К великому сожалению последователей Вайстора, он не указал, с какой стороны надо вести отсчет, дабы установить точное место. Впрочем, расстояние между колоннами было настолько мало (один-полтора метра), что это не имело принципиального значения.

Эти «открытия» оказали влияние на весь немецкий оккультизм преднацистской эпохи. Первые попытки творчески интерпретиро-

вать наследие Виллигута предпринял Рудольф Горслебен. В своей книге «Апогей человечества» он сообщал, что в госларской ратуше нашел выцветшее изображение Христа, истязаемого у столба. Иисус был не только покрыт ранами от стрел, но над его головой светились три лилии. Герман Вирт, один из создателей «Аненербе», приводил интересное описание Богоматери (по его мнению, богини земли Ирты), у которой также над головой были изображены три лилии. Йорг Ланц фон Либенфельс как-то сказал о символе лилии: «Позже появилась геральдическая фигура лилии, которая стала знаком арманизма или древнеарийского священничества». Эту мысль он повторил в одной из своих работ: «Позже в геральдике она трансформировалась в горностая. В качестве такого он употреблялся как отличительный знак арманов, высших священников арийско-христианского культа».

Последний гроссмейстер «Ордена новых тамплиеров» Рудольф Мунд в своей книге «Распутин Гиммлера», посвященной судьбе Виллигута, привел один рассказ Вайстора. Тот якобы поведал, что Бальдру Крестосу, несмотря на множество причиненных ран, все-таки удалось сняться с креста. Опасаясь преследования, Бальдр направился в «ужасную пустыню Гоби». Путь его лежал через местечко Виттов, которое уже давно располагалось в «сфере интересов» культового центра древнеарийской религии Ретра. Именно там в ноябре 1927 года «Орден новых тамплиеров» создал собственное пресвитерство. В самой же пустыне Бальдр основал ирминистскую «школу мастеров». Ее ученики тщательно охраняли свое учение, создавая в Азии специальные закрытые области. Не потому ли Гиммлер проявил такой повышенный интерес к Тибету и экспедиции Эрнста Шефера?

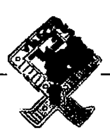
В этом повествовании о прошлом большую роль Виллигут отводил своим предкам. Виллиготис вели свой род и от уану, и от аса. Позже его предки управляли королевством в Бургенланде. Вот почему такое большое значение в своих воспоминаниях Виллигут уделял Штейнамангеру и Вене, сравнимых для него с Госларом. Когда в



Германии началось преследование язычников, роду Виллиготис удалось избежать плена франков и бежать в Россию. Там Виллиготис основали город Вильну, ставшую центром весьма протяженной готской империи, чье мирное существование, впрочем, постоянно нарушалось враждебными вторжениями христиан и русских. В итоге семья переехала в Венгрию в 1242 году, где смогла укрыться от бдительности католической церкви и ненависти вотанистов. На протяжении всей истории семья Виллигут сохраняла неколебимую веру в ирминизм. Среди других выдающихся членов его рода Виллигут вспоминает об Армине Черускере и Виттукинде, оба — героические фигуры ранней немецкой истории. Совершенно понятно, что эпические изложения предполагаемой генеалогии и семейной истории служили Виллигуту в качестве сцены, на которой он мог бы удачнее представить непреходящую значимость его собственных предков. Одному из адептов «Ордена новых тамплиеров» Виллигут загадочно поведал, что «его корона хранится в королевском дворце Госларе».

Казалось бы, что в идеи, высказываемые Виллигутом, было просто невозможно поверить. Но факт остается фактом. Вайстор просто околдовал Гиммлера и его окружение. Вальтер Дарре, один из создателей идеи «крови и почвы», писал в своем дневнике: «Ясно, что аграрный сектор возникнет в замке Нойбруг. После посещения Гослара полковник посвятил в свои планы и дал совет. Итак, в 1934 году, в Госларе — первый имперский съезд крестьян». Далее: «Посещение Вевельсбурга и Экстернштайна — водил Виллигут... Виллигут-Вайстор сделал наброски гербов». А вот одна из последних записей в дневнике Вальтера Дарре: «Для Гослара выделили денежную прибавку. Содействуем возвращению этому городу его древних прав. В Госларе немецкий народ вновь обретет мировоззрение «Одал».

Как видим, Виллигут очень сильно влиял на эсэсовскую политику. Не будет преувеличением сказать, что именно им была разработана большая часть эсэсовской ритуалики. До нас дошел документ, который описывает проведение одного из таких ритуалов:



«4 января 1937 г.

Сегодня, 4 января 1937 г., из своего дома в Шёрне, вблизи Роттах-Эгерн на Тегернзи, бригадный генерал СС Карл Вольф направил мне, своему Рейхсфюреру СС, нижеследующий рапорт:

«Рейхсфюрер СС! Данным рапортом сообщаю Вам, что 14 декабря 1936 г., в конце третьего года Тысячелетнего Райха моя жена Фрида Вольф, в девичестве фон Рёмхильд, родила нашего третьего ребенка, первенца мужского пола»

На это я отвечаю:

«Благодарю Вас! Ваш рапорт был заслушан мной в присутствии свидетелей, крестных отцов ребенка, а именно: меня лично. бригадного генерала СС Карла Марии Вайстора (Виллигута), генерал-майора СС Рейнхарда Гейдриха и капитана СС Карла Дибича. Ваш ребенок будет вписан в реестр новорожденных СС и занесен в орденскую книгу СС».

Сам ритуал выглядел следующим образом. Бригадный генерал СС Вольф передал ребенка матери. После этого Гиммлер отдал приказ Вайстору провести ритуал имянаречения. Виллигут обернул ребенка синей лентой жизни и произнес традиционные слова:

«Синяя лента верности вьется сквозь твою жизнь. Каждый Ариец, каждый осознающий себя Арийцем должен хранить верность! Эта синяя лента символически связывает рождение и брак, жизнь и смерть. И вот, сей ребенок связывается с моим глубоким желанием его превращения в настоящего арийского мальчика и стойкого арийского мужчину». После этого Виллигут взял чашу и произнес «Бог есть источник всей жизни! Из Бога проистекает твое знание, чувство долга, жизненная цель и весь смысл жизни. Каждый глоток из этой чаши служит подтверждением твоей связи с Богом». Вернув матери ребенка, он произносит новую ритуальную фразу: «Эта ложка будет питать тебя, пока ты не повзрослеешь. Твоя мать проявит свою любовь, питая тебя этой ложкой, и накажет, лишив тебя пищи, если ты нарушишь Заповеди Божьи». После этого ложка так-

же передавалась матери. В завершение Виллигут провозглашал: «Ты, дитя, будешь носить это кольцо, родовое кольцо семейства Вольф, как только проявишь себя достойным СС и своего рода. И вот, согласно воле твоих родителей и наказу Ордена СС, я нарекаю тебя: Торисман, Генрих, Карл, Рейнхард. Пусть родители и восприемники пестуют в ребенке отважное арийское сердце, согласно Воле Божьей. Тебе же, дорогое дитя, я желаю хранить себя и, повзрослев, в течение всей жизни с гордостью носить имя «Торисман» как свое первое имя».

А вот другой документ, который показывал, что Виллигут, не желая ограничиваться рамками СС, пытался оказывать влияние на религиозную ситуацию во всей Германии.

«Для установления «древней религии», которую никогда нельзя возродить при помощи эмпирических знаний и естественнонаучных открытий, необходимы следующие мероприятия, осуществляемые государством в разумной последовательности:

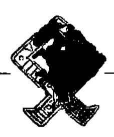
1. Строжайшая охрана исторических памятников из всех музеев (также в так называемых частных собраниях). Охрана произведений искусства любого рода (в особенности если они датированы периодом, начиная с первобытности, заканчивая XVII веком), строений, пещер, памятных скал, наскальной живописи, церквей, капелл, курганов, равно как и всех находок, изъятых из земли.
2. Охват всего церковного имущества, особое внимание на его статистический учет. Тогда может произойти уравнивание числа верующих в давно существующих протестантских и католических общинах. Полноправное заявление прав на часть «церковного имущества», которое было утрачено при смене религии в переходный период.
3. После принятия соответствующего декрета — повсеместное упразднение монастырских школ. При необходимости новые строения монастырей и церквей передаются округам, областям, гау, которые нуждаются в оных.

4. Получение профессии священника возможно лишь только после получения государственного образования, а потому невозможно ранее достижения возраста 24-х лет.
5. Роспуск всех мужских и женских монастырей возможен лишь после того, как будет установлен достаточный контроль над монастырями, откуда будут выброшены все ненемцы. Оставшиеся могут лишь служить идеалам красоты.
6. Даже когда эти заведения, перешедшие в государственное владение, будут содействовать только гуманитарным целям, работающие там люди будут находиться в них до самой смерти, не получая нового монашеского имени во Христе.
7. При попытке заниматься активной прозелитической деятельностью либо же при высказывании с церковной кафедры несогласия [с политикой существующей власти] необходимо изгонять духовных лиц из церкви.
8. Конфискация всего церковного имущества вне зависимости от конфессии, запрет на передачу наследства церковным структурам. Если же такие завещания все-таки встретятся, то они признаются недействительными, а имущество по ним сразу же отходит в пользу государства.
9. Государство любыми средствами должно обезвредить священников всех уровней.
10. Все религиозные объединения сами должны содержать своих функционеров, а сами религиозные организации должны финансироваться лишь за счет пожертвований.

Бригадефюрер СС *Карл Мария Вайстор*»

Как видно из этого документа, Виллигут собирался, ни больше ни меньше, способствовать созданию новой (читай «древней») религии. Но его падение было столь же стремительным, как и взлет. В феврале 1939 года адъютант Гиммлера информировал структуру, которую возглавлял Вайстор (отдел РАШ Главного управления СС

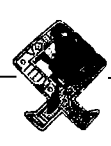
по вопросам расы и поселений), что она распущена, а ее шеф уволен на основании собственного прошения и по причине возраста и слабого здоровья. Несколько дней спустя Гиммлер попросил Виллигута вернуть эсэсовские кольцо, кинжал и шпагу, которые тот сентиментально хранил под личным замком, а ключ носил с собой. 28 августа 1939 года Карл Мария Виллигут был официально уволен из СС. Что же послужило причиной столь резкого изменения отношения со стороны Гиммлера к своему «наставнику»? Официальная версия гласила, что на стол к рейхсфюреру СС попали документы, в которых подробно рассказывалось о пребывании Виллигута в психиатрической лечебнице. С этой версией можно было бы согласиться, если бы не некоторые документы. Все они содержатся в Федеральном архиве Германии в г. Кобленце. Небольшая папка полностью посвящена расследованию, которое Гиммлер провел в связи с психическим здоровьем Виллигута. Тут и многочисленные допросы медицинского персонала клиники, и объяснительная, написанная лично Виллигутом. Но что странно, под ней нет подписи. А ведь общеизвестно, что Виллигут ставил свой автограф даже на крошечной записке, при этом всегда приписывал свой эсэсовский чин. В этом документе Виллигут говорил, что, прежде чем был доставлен в клинику, он был *арестован* австрийской полицией. Изумление у эсэсовских чинов, проводивших расследование, вызывала откровенная фальсификация психиатрической экспертизы. В ней, в частности, говорилось, что отклонения у Виллигута наблюдались с детства, хотя это была ложь. При экспертизе не учитывались отзывы военного начальства и его характеристики. Утверждалось, что поводом для принудительной госпитализации послужили жалобы жены Виллигута, которая поведала о постоянных угрозах расправы с ней и странных видениях мужа. Это самая примечательная ложь, подмеченная следователями. При допросе выяснилось, что супруга Виллигута с нескрываемым изумлением узнала о невменяемости своего мужа. Не правда ли, странная реакция для женщины, обратившейся с просьбой обуздать своего супруга. И самый интересный



факт — из психиатрической клиники Виллигут был отпущен в день св. Стефании, крупного католического праздника, когда принято проводить *тюремные* амнистии. Вряд ли серьезные врачи выпустили бы из клиники буйно помешанного в честь католического празднества. Складывалось впечатление, что Виллигут пал жертвой «судебной психиатрии», столь популярной в позднесоветские времена.

Но факт остается фактом — Гиммлер решил отделаться от Виллигута. СС продолжали наблюдать за Виллигутом и в отставке, хотя последние годы его жизни прошли в безвестности и скитаниях по военной Германии. Эльза Балтруш, сотрудник Личного штаба рейхсфюрера СС, была назначена попечительницей Виллигута, и они вместе поселились в Ауфкирхене. Это оказалось слишком далеко для Виллигута, привыкшего к берлинской жизни в гуще событий. В мае 1940 года они отправились в возлюбленный им Гослар. Едва они обосновались в Вердерхофе, как в городе было объявлено о всеобщем медицинском освидетельствовании. Пара перебралась в маленькую гостиницу СС на Вортерзее в Каринции и провела конец войны в Австрии. Затем английские войска выселили его и направили в лагерь св. Иоанна под Вельденом; в это время старик страдал от удара, результатом которого стали частичный паралич и потеря речи. Ему и его компаньонке было позволено вернуться в Зальцбург, в его фамильный дом, но несчастное прошлое делало очевидным для каждого невозможность такого шага. Виллигут хотел вернуться на избранную им родину — в Германию, так что пара направилась к семье Балтруш в Аролзен в декабре 1945 года. Путешествие оказалось слишком тяжелым для старого человека, и по прибытии он слег в больницу. 3 января 1946 года Карл Мария Виллигут умер, последний в своем таинственном роду.

Это повествование осталось бы незаконченным, если не рассказать еще об одном детище Карла Марии Виллигута. В Вестфалии, к югу от городка Падеборн, находится таинственный Вевельсбург, ко-



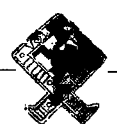
торый нередко называют «вестфальским замком Грааля». Это строение было заново открыто Виллигутом. Вайстор лично участвовал в реконструкции замка, руководя его перепланировкой. Он полагал, что здесь находится мистический «центр мира». Древнее вестфальское сказание о «битве у белой березы» гласило, что здесь в Вестфалии произойдет последняя великая битва между силами Запада и ордами Востока. Это сражение станет апокалипсическим событием, которое окончательно предопределит упадок Европы. Это сказание стало причиной повышенного интереса к этому древнему зданию. Во время перепланировки Вевельсбурга в его северной башне было создано два ритуальных помещения. На первом этаже пол залы был выложен мрамором, который создавал рисунок так называемого «Черного солнца» — колеса, где роль 12 спиц выполняли рунические светящиеся молнии. В полуподвале этой башни было построено купольное помещение (крипта) с каменным кругом в центре. Вевельсбург оказался связан не только с Виллигутом, но и с его протеже Отто Раном. После смерти последнего поговаривали, что тот все-таки нашел Грааль и доставил его в Вевельсбург. Не удивительно, что Святой Грааль как бы стал мистерией этого замка. Впрочем, Ран мог оказаться здесь и ни при чем. Еще во время планирования новых замковых построек новая структура Вевельсбурга весьма напоминала наконечник копья (старое здание), опущенное в чашу (новостройки). Наконечник копья и чаша были непременными атрибутами мифа о Святом Граале. Запланированные же новостройки как бы охватывали древний замок неким энергетическим полем, ярким сиянием.

Все мифы описывали, что от чаши Грааля исходила таинственная «аура», мистическое излучение. Именно эта сила должна была помогать обитателям замка и вдохновлять на «борьбу против зла». После войны среди местных жителей существовала легенда, весьма напоминавшая ту, которую рассказал во Франции Рану старый пастух. Она гласила, что, когда замок должен был пасть, Грааль был со-

крыт. В ультраправых и эзотерических кругах Германии до сих пор верят, что Грааль хранится где-то в окрестностях Вевельсбурга, как когда-то был спрятан поблизости от Монсегюра.

Последний магистр «Ордена новых тамплиеров» Рудольф Мунд описывал один феномен — жители деревушки у подножья Вевельсбурга очень сильно отличались от крестьян из соседних деревень. Он находил лишь одно объяснение этому явлению: в их сердцах жил Грааль. Или другой пример: наиболее чувствительные люди при попадании в крипту Вевельсбурга ощущают присутствие таинственной энергии. С недавних пор глухие решетчатые ворота закрывают крипту от взоров посетителей. Попасть туда можно только по специальному разрешению. Кто-то утверждает, что сделано это было для лучшего сохранения памятника. Но кто-то уверен, что истинная причина кроется в другом. Власти боятся озарений, которые могут снизойти на «трансцендентно восприимчивых» посетителей замка. Даже если в данном случае речь идет не о христианской святыне, чаше, присутствовавшей на Тайной Вечере, куда была набрана кровь Христа, то многие нацисты говорили о Граале «Черного солнца», который был в состоянии внутренне изменять людей благодаря своему излучению. Этот предмет как нельзя лучше характеризуется орнаментом на полу Вевельсбурга — колесом, из которого исходят молниеносные лучи. Их средоточие, центр мистического колеса и являлся символом Грааля.

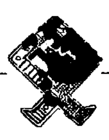
Мистерия Святого Грааля связана далеко не с одним-единственным эсэсовским культовым сооружением. Это целый комплекс, куда входят замки Вевельсбург и Кведлинбург, мегалиты Экстренштайна, имение Бёддекен, капелла Дрюггельтер и город Гослар. В имение Бёддекен, находящееся поблизости от Вевельсбурга, в апреле 1945 года было эвакуировано множество секретных материалов, в которых освещалась проблема нетрадиционных технологий. Кое-где можно найти упоминания, что в этом эсэсовском комплексе велись работы по преодолению времени, что могло бы стать залогом бессмертия и неограниченной власти. Были даже очевидцы, ко-



торые утверждали, что разработки нацистов в этом направлении были весьма успешными.

Если мы вновь обратимся к фигуре Виллигута, то обнаружим, что мистики, собравшиеся вокруг него, собирались активировать в себе исключительные способности, утраченные древними расами. Предание Виллигута не было пустыми словами, которые должны были вдохновлять и околдовывать Гиммлера. Это было инструкцией к действию. Именно с этой целью Виллигут посещал многочисленные захоронения и даже пытался вселить в себя души умерших Эрцприор «Ордена новых тамплиеров» на полном серьезе утверждал, что Вайстору удалось шагнуть за врата смерти. В 1946 году «личный маг» Гиммлера вовсе не скончался, как значилось в свидетельстве о смерти. Многие люди видели его гораздо позже. В качестве доказательства этой во многом безумной идеи приводились свидетельства независимых очевидцев. Вот одно из них: «Поздней осенью 1989 года я выехал в полночь из имения Бёддекен в сторону Вевельсбурга. Отъехав несколько сотен метров от населенного пункта, я попал в очень странную аварию. Мой автомобиль внезапно остановился и загорелся. До Вевельсбурга мне пришлось добираться пешком. На одном из перекрестков я увидел белую лошадь. На ней восседал мужчина, облаченный во все черное, и смотрел в сторону Вевельсбурга. Я спросил его, куда он направляется. Мужчина обернулся и промолвил: «В Тибет, в мое королевство!» Когда очевидцу показали альбом, посвященный истории Вевельсбурга, то тот сразу же увидел своего ночного собеседника. Им был Карл Мария Виллигут. Существование этой былички позволило очень многим сторонникам эсэсовской эзотерики говорить о возрождении Вайстора.

И эта была далеко не единственная история. Вот еще одна: «Вы не поверите, какую историю мне часто рассказывал дедушка. Они с бабушкой были беженцами и жили на окраине Вевельсбурга. Времена тогда были сложные, и однажды дед вместе с другими мужчинами направился в Бёддекен, чтобы нарвать там яблок. Когда они



рвали яблоки, то услышали топот копыт. Всадники ехали из Бёддекена. Все подумали, что это крестьяне сторожат свои яблони, а потому сразу же спрятались в ближайшей канаве. Они отчетливо слышали копыта проскакавшего мимо коня, но никто не увидел ни всадника, ни жеребца. Испуганные мужчины побежали назад. Было это где-то в 1955 году».

А вот еще одно сообщение: «У нас имеется монастырь Бёддекен, где сейчас расположен интернат, возле которого мой дядя жил долгое время. В этом здании и вокруг него происходят вещи, которым нет никакого рационального объяснения. И даже если сейчас идти лесами и лугами Бёддекена, то там можно заметить «что-то иное». Даже теперь, когда я это рассказываю, у меня мурашки по коже».

Странным образом на небольшом отрезке между Бёддекеном и Вевельсбургом многочисленные очевидцы рассказывали о таинственных феноменах. В эзотерических кругах Германии возникла версия, что в Бёддекене нацисты проводили эксперименты со временем и пространством, а паранормальные явления — всего лишь результат этих изысканий.

Некоторые очевидцы напрямую говорили о том, что эсэсовцы пытались создать «временной портал». Более того, сюда должны были завлекаться духи погибших солдат, где наиболее чувствительным людям надлежало вступать с ними в контакт. Феномены, связанные с именем Вайстора, уже после войны были изложены в книге «Евангелие Виллигута». Это очень редкое издание, оно никогда не выходило массовым тиражом и распространялось лишь среди «посвященных», давших обет молчания. В этой книге Виллигут изображается как «возродившийся мессия», а потому подробно описаны все случаи встречи с ним после 1946 года.

Но остановимся на имении Бёддекен, которое являлось, а возможно является до сих пор, центром тайных исследований. В этой связи нередки упоминания о подземных ходах. Именно это подразумевали люди, которые говорили о многочисленных ценных доку-

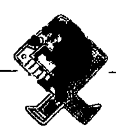
ментах, произведениях искусства и золотых изделиях, собранных со всей Европы, которые «исчезли» и не были найдены. Коллекция оружия, найденная в Бёддекене за фальшивой стеной, являлась лишь малой толикой из того, что доставлялось в конце войны в это имение. Это не раз наталкивало исследователей на мысль, что в данной усадьбе были еще тайные убежища, не найденные до сих пор, а возможно, даже километровый ход, существующий с древнейших времен, который связывал Бёддекен и Вевельсбург.

История Бёддекена возвращает нас в древние германские времена. Бёддекен вначале являлся монастырем, который был создан Майнольфусом. Отец этой легендарной личности в бытность вел ожесточенные войны против Карла Великого. Сам Майнольфус родился в нынешней «Долине спокойствия», что лежит недалеко от Бёддекена, под деревом, которое еще в древнее время считалось старейшим в Вестфалии, эдакий маврикийский дуб Германии. Но однажды в него ударила молния, и дерево сгорело. На его месте была построена капелла.

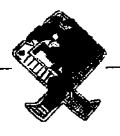
Это небольшое архитектурное сооружение имеет очень интересное строение — в нем есть специальное «лунное окошко». В полнолуние вся капелла буквально залита лунным светом. Вне всякого сомнения, в архитектуре капеллы было сокрыто тайное космическое знание древних германцев. Древняя германская религия была всегда тесно связана с культом звезд и астрономическими наблюдениями. Скорее всего, Майнольфус был посвящен своим отцом-язычником в тайны древних культов. После победы Карла Великого сын стал христианским священником и основал монастырь Бёддекен. Не исключено, что в монастыре он скрывал реликвии язычников, а возможно даже, что там, в подземельях, проводились тайные службы, которые превратили Бёддекен в глазах эсэсовцев в «ирминистскую святыню».

Но вернемся назад к Вевельсбургу. Есть одна интересная тенденция. В последние десятилетия в его окрестностях стали селиться люди, которые считали, что обладают «трансцендентными спо-

собностями». В итоге цены на жилье в этом сельском районе значительно выше, чем во многих городах Германии. Подобный «миграционный» процесс позволяет говорить о том, что Вевельсбург вновь пытаются превратить в «оккультный центр». Поговаривали, что в окрестностях замка приобрели дома спецслужбы самых различных стран. По слухам, особый интерес к замку проявляло ЦРУ. Эти и дальнейшие сведения оставляю на совести авторов статьи, появившейся в одном из немецких изданий. ЦРУ стало интересоваться Вевельсбургом с подачи президента Эйзенхауера, который в годы Второй мировой войны был главнокомандующим вооруженными силами США, воевавшими на континенте. Согласно той же статье, в Национальном архиве Вашингтона был найден документ, который был скрыт от общественности, и еще несколько десятков лет он будет иметь гриф «Совершенно секретно». Один пронырливый журналист смог его случайно прочитать и сделать короткие заметки. В случае, если подобный документ существует, он может вызвать громкую сенсацию. Но, к сожалению, ни подтвердить, ни опровергнуть этот факт не имеется возможности. В основных чертах содержание этой «мистической» бумаги сводится к следующему: США вступили во Вторую мировую войну главным образом лишь для того, чтобы захватить Вевельсбург, где, по их мнению, нацисты проводили разработки, которые могли сделать их непобедимыми. О подобной опасности США предупреждали многочисленные американские агенты, внедренные в масонские организации. Но после захвата замка американские войска не обнаружили там ничего, так как, видимо, немцы успели спрятать все свидетельства своих новых технологий. Подобные заявления очень напоминают газетную «утку», но, с другой стороны, они являются прекрасной иллюстрацией того, что общественность жаждет видеть в Вевельсбурге не просто эсэсовскую святыню, а место, покрытое завесой тайны.



Как уже упоминалось выше, к «культовому комплексу» СС также относилась капелла Дрюггельтер, которая располагалась немного южнее Вевельсбурга. Это сооружение стоит на небольшой возвышенности, окруженное маковым полем. Сама капелла была построена в XII веке крестоносцами, вернувшимися домой с Ближнего Востока. Интересна архитектура этой небольшой постройки — она имеет 12 углов. Ее внутреннее пространство оформлено 12 колоннами, что сразу же наводит на мысль о сходстве с «Залом Черного Солнца» в замке Вевельсбург. Кроме этого, в центре капеллы стоят четыре дополнительные колонны, которые как бы ограничивают центральную часть. Имеется версия, что огромный деревянный сундук, сохранившийся с тех времен, располагался по середине капеллы, и там должен был храниться Святой Грааль, который планировали отыскать рыцари. Подобная трактовка и без того странного убранства капеллы придает ей еще большую таинственность. Очевидно, что, как и в случае с Бёддекеном, капелла имела двойственное предназначение: днем здесь совершались обыкновенные богослужения, а ночью проходили собрания сторонников тайного культа. Множество колонн, которыми буквально нашпиговано крошечное здание, никак не подходило для осуществления обычных христианских церемоний, но идеально соответствовало потребностям тайных служений, где каждый из участников ритуала должен был занимать строго отведенное ему место. Непосредственным создателем капеллы называется граф Готтфрид II фон Арнсберг. О нем известно крайне мало. В 1217 году он принимал участие в крестовом походе, где, возможно, познакомился с тамплиерами, которые, скорее всего, участвовали в проектировании капеллы. Впрочем, возможно, что граф и до крестового похода являлся адептом «ирминистского культа», справляемого в монастыре Бёддекен. Точно установить сложно. Но даже подобная недосказанность наводит на мысль, что многие эсэсовские культовые сооружения ждут своего часа, чтобы пролить свет истины на их истинное предназначение.



Первое отступление

Древние мифы на службе нового рейха

Тропой темной, одинокой,
Где лишь духов блещет око,
Там, где ночью черный трон
Этим Идолом взнесен,
Я достиг недавно, сонный,
Граней Туле отдаленной,
И божественной, и странной.
Дикой области, взнесенной
Вне Пространств и вне Времен.

Эдгар Аллан По «Страна снов»

Они празднуют четыре великих праздника при вступлении Солнца в четыре поворотные точки мира, то есть в знаки Рака, Весов, Козерога и Овна. При этом они разыгрывают глубоко продуманные и прекрасные представления, вроде комедий. Празднуют они и каждое полнолуние, и новолуние, и день основания Города, и годовщины побед, и т. п. Празднества сопровождаются пением женского хора, звуками труб и тимпанов и пальбою из бомбард, а поэты воспевают славных полководцев и их победы.

Кампанелла «Город Солнца»

Как-то в разговоре со знакомыми обнаружил, что слово «ариец», «арийский» воспринимается исключительно как неологизм, который был выдуман нацистами для того, чтобы лучше характеризовать избранную расу «белокурых бестий». Действительно, когда-то миллионы людей верили фюреру, который пообещал им «тысячелетний рейх». В самом деле, миллионы немцев уверовали в свою исключительность, во имя которой были готовы уничтожить варварских «недолюдей», «угрожавших» их существованию. Но в те дни слово «ариец» не носило нынешнего маргинального оттенка. Его можно было услышать и в административных учреждениях, и в уни-

верситетах, куда путь был открыт только представителям высшей (арийской) расы. Об арийцах вещали газеты и школьные учебники. Еврейская собственность в Третьем рейхе подлежала «ариизации». Любой немец, претендующий на какую-то более-менее заметную роль, должен был предъявить «наследственный паспорт», который гарантировал его арийское происхождение.

Еще до возникновения Третьего рейха в «библии нацизма», «Моей борьбе», написанной Гитлером, говорилось о «божественной искре», упавшей в арийскую расу, что, по его мысли, давало ей право на мировое господство. Гитлер отнюдь не первый употребил слово «ариец». Оно стало употребляться столетием раньше и должно было характеризовать те страницы европейской истории, когда древняя мифология и магия играли в жизни людей огромную роль.

Но обо всем по порядку. В конце XVIII века лингвисты сделали неожиданное открытие. В различных языках, казалось бы, никак не связанных между собой (кельтском, германском, персидском, греческом, индийском), обнаружилось определенное сходство. Эту языковую общность назвали «индоевропейскими языками». На основании ее существования была выдвинута версия, что некогда был единый протоязык, носителем которого являлась крупная этническая группа. С этого момента стали возникать многочисленные спекуляции на предмет того, что носителем этого языка являлись некие «индогерманцы», которые распространили свою культуру по всей Евразии.

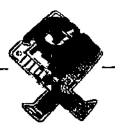
Фридрих Шлегель, немецкий ученый, который проявлял повышенный интерес к культурам Востока, нашел в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях. В них, в частности, говорилось о священной горе Меру, которая располагалась в районе северного полюса. Шлегель впервые заговорил о том, что индийская культура с большим почтением относилась к Северу, почитая его как наиболее сакральную часть света. Непонятно, было ли описание Севера просто метафорой или проявлением конкретных контактов северными культурами. В 1819 году Шлегель впервые употребил

слово «ариец», которое являлось синонимом этнической группы, в которую входили и германцы, и индийцы. Вообще-то об арийцах говорил еще Геродот, но Шлегель усилил корень «ари», который он провозгласил этимологически родственным со словом «честь». Вследствие этого возникло представление об аристократической расе господ. Сразу же стоит заметить, что сам Шлегель воздерживался от подобных высказываний. Он вообще полагал, что арийское племя скорее связано с азиатским регионом, нежели Северной Европой. Его ученик Христиан Лассен сделал вывод, который фактически навсегда закрепляет значение слова «ариец». Он противопоставил «комплексный талант арийцев» семитам, у которых отсутствовала гармоничность души, а иудейская религия была эгоистичной и замкнутой. Так впервые арийцы вошли в расовую теорию. Миф, сформированный Лассеном, быстро начинает распространяться по Европе. В 1827 году во французских ученых кругах уже говорили «о длительной борьбе между семитским и индогерманским мирами». Эрнест Ренан, известный исследователь иудаизма, говорил о том, что евреи после выполнения своей мировой функции (создания монотеизма) стали дегенерировать и мир отныне находился в руках арийцев.

Так началось смешение лингвистики и расовой антропологии. То, что начиналось как чисто лингвистическое изыскание, позже переросло в радикальные теории относительно принципиальных различий между народами и культурами. В 1853 году увидела свет книга французского графа Гобино «О неравенстве рас», которая еще больше углубила политическое значение слова «ариец». Для Гобино белая раса находилась на верхушке пьедестала, обладала не только монополией на силу, интеллект и понимание прекрасного, но и специфическим культурно-творческим потенциалом, которому могло угрожать расовое смешение. Работа графа Гобино не получила признания во Франции, зато вызвала большой резонанс в Германии. Одним из ярых поборников этой теории стал композитор Рихард Вагнер.

В 1899 году появилась книга англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена «Основы XIX века», который вкладывал в слово «ариец» антисемитское понимание. Чемберлен говорил о дефективности метафизики еврейской религии и культуры, видя в этом принципиальное отличие от арийского, индогерманского духа. У евреев, согласно «Основам XIX века», отсутствовала вера в высшие идеалы, но зато наличествовала материалистическая жажда обогащения. Бедность и скупость длительного беспорядочного существования евреев привели к тому, что в рамках этого народа стал формироваться национальный эгоизм, который дистанцировался от высших материй, отдавая предпочтение в своих религиозных обрядах чистому прагматизму. После того как Яхве сделал евреев избранными, они почувствовали право властвовать над всем миром и заразили индоевропейские народы вирусом материализма. Работы Чемберлена как бы послужили отправной точкой для построения теории национал-социализма, где ариец изображался благородным, смелым, сильным. О почтении к этому английскому писателю говорит хотя бы один факт. После того как он поселился в Германии, Гитлер не раз навещал его, уже дряхлого и смертельно больного.

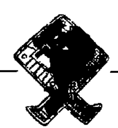
К формированию арийского мифа приложили свою руку и эзотерики, которые очень активно обсуждали проблемы взаимоотношений древних культур и рас. Лидером здесь, несомненно, являлась Елена Блаватская, которая в своей «Тайной доктрине» окружила понятие «ариец» многочисленными мифологическими спекуляциями. Арийцы виделись ей особенной расой, которая выступала наследницей давно погибших культур, возникших и развивавшихся на Крайнем Севере в Гиперборее и на материке Атлантида. От своих полубожественных предков арийцы получили высшие магические знания. Те же, в свою очередь, возводили циклопические постройки наподобие Стоунхенджа, обладали летательными аппаратами, но стали смешиваться с низшими расами, за что были наказаны природными катаклизмами и катастрофами. Отзвуки этой истории можно было найти в произведениях Платона и других античных ав-



торов. Несколько оставшихся в живых полубогов собрались вместе и создали «арийскую расу», которой были переданы остатки тайного знания. Священным символом арийцев, согласно Блаватской, сразу же стала свастика, которая одновременно являлась родовым знаком бога-громовержца Тора.

В то же время появляются книги Карла Пенка, Людвига Вильзера и Георга Биденкаппа, в которых говорится, что арийцы возникли на Крайнем Севере. Об Индии как колыбели арийской расы теперь уже не говорит никто. Родиной человечества провозглашается либо Скандинавия, либо территории, располагающиеся за Полярным кругом. Подобные исследования перекликаются с оккультными текстами Блаватской и создают миф о нордическом ариогерманце, который был окончательно сформирован Гвидо фон Листом и Йоргом Ланцем фон Либенфельсом. Именно у них позаимствовали свои идеи Гитлер и Гиммлер. В 1908 году фон Лист напишет, что «истинная страна, где возникла Эдда, лежит далеко на севере, в области, возлюбленной Аполлоном. Там, где никогда не заходило солнце». Он опирался на описание Гипербореи, приведенное у Геродота. Лист предполагал, что, возможно, земная ось когда-то изменила свой наклон. А до этого на Севере всегда было светло и тепло, там господствовал вечный день, там наличествовала тропическая флора и фауна. Но после изменения наклона земной оси климат стал меняться. Север стал покрываться ледниками, на смену вечному теплу пришел холод. Теснимые ледниками арийцы стали перемещаться на юг, унося с собой свои традиции.

Гвидо фон Лист, формируя арийский миф, очень вольно обходился с мифологическими сюжетами. Действительно, древние греки верили, что по ту сторону «северного ветра» (hyper-boreas) жил удивительный народ, который произошел от титанов и был бессмертным. Именно оттуда, из Гипербореи, прибыл солнечный бог Аполлон, но каждый год он возвращался к себе на родину, чтобы снова почерпнуть духовные силы. Для этих поездок даже существовала специальная колесница, запряженная лебедями, птицами, ко-



торых едва ли можно встретить на юге. Множество поэтов и писателей пытались локализовать Гиперборею в различных частях света, например на Балканах или в Скандинавии. Некоторые исследователи вообще говорили, что речь шла о мифическом, несуществующем государстве — некой духовной аллегории. Но фон Лист трактовал все в буквальном смысле: и «зиму великанов», и «сумерки богов», упоминавшиеся в Эдде. Для него эти мифические события были неоспоримым доказательством великих исторических бедствий, которые были вызваны континентальным катаклизмом. Но ведь описание «зимы великанов», после которой наступает языческий конец света, можно сравнивать с христианским Апокалипсисом, событием не прошедшим, а только еще грядущем. Но фёлькише-эзотерики предпочитали прямое понимание мифов. В них они хотели найти императивные доказательства духовного превосходства арийцев и их древнейшего происхождения.

Подобные спекуляции весьма охотно распространял журнал «Остара», издаваемый Йоргом Ланцем фон Либенфельсом. В 1911 году Либенфельс издал брошюру «Прародина и древняя история героической светловолосой расы». В ней он с удовольствием ссылается и на Блаватскую, и на Пенка, и на Вильзера, и на Гвидо фон Листа. Либенфельс провозглашал мегалитические каменные постройки и каменные круги следами миграции арийской расы, которая перемещалась из Северной Европы и оставляла наглядную демонстрацию своей солнечной религии. Ссылаясь на Эдду, он утверждал, что их путь лежал на Восток, где находился огромный первобытный мир, и на юг, где жили «темные сыновья Суртура» (Surtur = мифологический великан). Эти выдержки трактовались исключительно как доказательство духовного и физического превосходства арийцев над другими, низшими расами. Это не было превосходством посвященных, это было превосходство завоевателей.

Подобные мысли мы можем найти в книге индийца Локаменья Бала Гангадхара Тилака «Арктическая Родина в Ведах». Этот индийский ученый также указывал на Север как место зарождения арий-

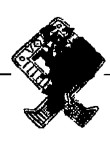
ской расы, ссылаясь при этом не на Эдду, а на индийские и персидские мифы. Он обратил внимание, что во многих священных индуистских текстах далекая прародина описывается как земля, где день и ночь равны шести месяцам (полярные день и ночь). В некоторых строках он находил описания, которые могут соответствовать только северному сиянию. Выдержки, в которых говорится о «мировой оси», о «вращении небосвода», трактовались им как доказательства того, что подобное восприятие, такие ощущения могли иметь только северные народы, так как очевидное движение звезд и небосвода вокруг оси можно наблюдать лишь на полюсе. Но Тилак вовсе не создавал арийский миф, он был всего лишь патриотом, который пытался расшатать английское колониальное могущество. Именно подобные работы стали базой для многочисленных спекуляций, появившихся в Германии в начале XX века. К 30-м годам сложилась целая школа расоведения, где Густав Некель или Гюнтер были непререкаемыми авторитетами.

Но арийский миф не мог существовать сам по себе, он должен был дополняться другими мифами. Начиная с 1913 года издательство «Дидерих» издавало в Йене 24-томное собрание северных саг и героических сказаний. Самая монументальная книжная серия носила странное название — «Туле». С тех пор слово «Туле» закрепилось в словаре правых радикалов. Это не просто политический пароль — это ключевое понятие в националистической мифологии. Этому предшествовал тихий шепот, который раздавался со страниц книг, изданных в Йене: «Туле — это не прошлое, Туле — это вечная германская душа». Несколько лет спустя после того, как увидела свет упомянутая выше книжная серия в Мюнхене, Рудольф фон Зеботтендорф создал Общество «Туле». Название было позаимствовано из древних греческих и римских текстов. В них говорилось, что в 330 году до нашей эры греческий мореплаватель и географ Пифий Марсельский отплыл в далекое путешествие с севера Шотландии. Во время своего путешествия он открыл уникальную культуру, которую назвал «Туле». Римский летописец Прокоп сообщал подробности о

Туле. Ее приверженцы поклонялись богам воды, земли и воздуха, приносили животные и человеческие жертвы. Для последних использовались военнопленные. Основной праздник в Туле приходился на зиму, когда после 35-дневной ночи вновь появлялось солнце.

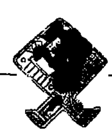
Многие предполагали, что эти сведения рассказывали об одной из первых германских культур. Но именно Зеботтендорф превратил эти куцые сообщения в импозантный миф, который околдовал немецких националистов. Подобно Ланцу Либенфельсу, он полагал, что мегалитические постройки прошлого свидетельствовали о высокоразвитой нордической культуре, которая возникла в глубокой древности. Не исключалось, что каменные круги использовались для астрономических наблюдений. Основным выводом его «исследований» было предположение, что в те времена в небесах «господствовало» созвездие Овна. А стало быть, это было «убедительным» доказательством того, что Туле являлась древнейшей в истории человечества культурой. Она обладала высокими техническими и духовными знаниями, тогда как над Индией и Египтом еще висела тьма невежества. Астрономические пометки со временем превратились в руны. Зеботтендорф находил следы немецкой культуры в древней Халдее, Палестине (пока туда не пришли евреи), троянских и микенских поселениях. Отпечаток древнего влияния германцев несли на себе Индия и Персия.

Зеботтендорф не отказывал себе в удовольствии процитировать и Библию, где говорилось о великанах и дальних народах, которыми евреев пугал Моисей. Для него это было еще одним свидетельством существования нордической расы господ. В собственном журнале «Руны» Рудольф фон Зеботтендорф самоуверенно провозглашал, что «колыбель наших божественных предков лежит далеко на севере, на гигантском острове. Там, куда плавают только рыбы, дабы нереститься, и летают птицы». Миф о Туле не только сохранился в Третьем рейхе, но и пустил глубокие корни. В 1933 году Герман Вирт, один из учредителей общества «Наследие предков», организовал в Берлине религиозно-историческую выставку под на-



званием «Святые податели. Из Туле в Галилею и обратно из Галилеи в Туле». Этот ученый считал культуру Туле первоисточником всей духовности человечества. Подобное заявление он иллюстрировал множеством рисунков, фотографий, изображением символов, моделями мегалитических построек. Все эти экспонаты должны были доказать рядовому немцу, что следы далекой древности дошли до нас в народной культуре и национальных обычаях. Рисунки, изображавшие скалы и каменные круги, подчеркивали значимость астрономических культов, тесно связанных со смертью и возрождением Солнца. Подобный годовой цикл был присущ всем первобытным народам, но Вирт делал его уделом лишь нордической расы, так как полагал, что южным народам не была очевидна разница между весной и осенью. Христианское учение, предполагавшее смерть и возрождение, было всего лишь отголоском культуры Туле, которая попала на Восток благодаря арийским мореходам. Именно они заложили в христианстве прототипы праздников Рождества и Пасхи. Но истинная цель нового германца состояла в том, чтобы вновь возродить к жизни давно ушедшую религию предков. Для этого стоило подробно изучать символику, руны и языческие обычаи. Сразу же после окончания выставки Вирт потребовал, чтобы ее материалы были включены в учебные программы школ и высших учебных заведений. Это должно было искоренить комплекс неполноценности относительно невзрачной эпохи первобытности в Германии.

Туле превратилось в некое заклинание, которое кочевало в Третьем рейхе из журнала в журнал. Проблема безопасности нации и борьбы за ее существование неизменно увязывалась с «духовной родиной нордической расы». На поверхность извлекались все мифы, предания и сказания, где хоть полусловом упоминалась нордическая прародина. Ее следы находили и в греческой мифологии («равнина радости»), и в средневековых гравюрах. Особое значение придавалось картине Бёклина «Мертвый остров». Дело в том, что Гитлер еще в юности восхищался этим произведением и писал с нее не очень умелые копии. В одной из статей журнала «Нордланд» при-

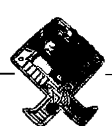


водились следующие слова: «Туле является нашей памятью о детских днях нашего народа, утраченным раем, в который, как писал Данте, никогда не суждено вернуться». Или другая цитата, на этот раз из Отто Рана: «Сейчас Туле лежит на дне Атлантического океана. Как поется в песне, только время от времени мы с трудом можем услышать приглушенный звон ее колоколов. Но Туле возродится, так как сегодня Германия является той страной, где живут внуки арийских предков. Живут и хранят его суть». Эти строки Ран написал, когда ехал вместе с эсэсовской экспедицией в Исландию. В те дни он отвлекся от своего увлечения катарами и полностью посвятил себя Туле. В своей книге «При дворе Люцифера» он обобщал сведения о Туле, начиная с первых упоминаний, оставленных Пифием Марсельским, который впервые употребил это слово более двух тысяч лет назад. Ран полагал, что Пифий во время своей поездки искал родину Аполлона и хотел подтвердить сказания о гиперборейцах. По пути в Исландию вместе с другими эсэсовцами Ран пытался умозрительно найти источник силы арийской расы. Но он был разочарован не только поведением своих коллег, но и самой Исландией. Это оказался каменистый, пустынный остров, который был напрочь лишен таинственного очарования. Исландия встретила эсэсовскую экспедицию весьма неприветливо. То, что Ран увидел на острове, разочаровало его еще больше. Нарядные женщины, грохочущий джаз, танцевальные площадки. Исландия мало походила на легендарное Туле, где Ран намеревался искать культовые места и святыни. Во время этого паломничества рухнули его надежды. Его окружала неприкрытая действительность. Вместо лесов и полей он видел модные магазины и рестораны. Вместо культовых построек и священных символов — редакции газет и киноафиши. Ран начал мучаться сомнениями, а действительно ли Исландия являлась легендарным Туле? Несмотря на все разочарования, Отто Ран попытался следовать четкой логике.

В то же время его коллега Эдмунд Кисс написал роман, который назвал «Туле». В нем автор рисовал совершенно фантастические

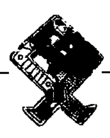
картины. Для Кисса Туле — это всего лишь осколок Атлантиды, которая, по его мнению, располагалась где-то поблизости от Гренландии. В свое время там господствовал мягкий климат — не слишком оригинальная мысль. Он описывал обильные урожаи и прекрасные климатические условия. Но, кроме этого, жители Туле обладали совершенными знаниями в области астрономии. При постройке своих титанических сооружений они также учитывали движение космических тел. Именно поэтому все арийские мегалитические постройки используют в качестве основной единицы измерения одну сорокамиллионную долю от периметра земного шара. Божество Туле, в отличие от еврейского, было для людей добрым помощником. Но его особой благосклонностью пользовалась северная раса. Подобная избранность не сделала нордическую расу надменной и самонадеянной. Жители Туле были мореплавателями, на их кораблях гордо развевался имперский флаг Атлантиды — синее полотнище с серебряной свастикой. Но в описании этой идиллии у Кисса все чаще и чаще встречаются агрессивные, «империалистические» нотки. После наступления ледника культура Туле рухнула. Нордической расе пришлось покинуть свою родину. Они переселились во все части мира. Там они дали начало новым империям, где местное население выступало в роли рабочих рук (читай — рабов). Так, светловолосые мигранты создали Египет, Элладу, Рим. Можно улыбнуться, когда слышишь эту нацистскую кичливую фантастику. По-моему, никто из ученых даже не удосужился критиковать ее. Но факт остается фактом, романы Кисса издавались в Третьем рейхе гигантскими тиражами. Это был своего рода масскульт, а значит, содержание этих романов воспринимали на полном серьезе. А стало быть, дети с «молоком матери» впитывали мысль о собственной исключительности.

Не меньшее значение для нацистов имел и миф об Атлантиде. Он тоже мог доказать моральное и техническое превосходство арийцев. В начале XX века вокруг Атлантиды творилась буквальная истерия. Все прилавки были завалены брошюрами, книгами и исследованиями по этой тематике. Даже Альфред Розенберг не обошел



стороной этот сюжет. В своем «Мифе XX века» он писал: «Исследователи земли рисуют нам материковые блоки между Северной Америкой и Европой, остатки которых мы и сейчас обнаруживаем в Гренландии и Исландии. Они говорят нам о том, что по другую сторону Крайнего Севера (Новая Земля) видны старые следы океана. Они лежат на 100 метров выше теперешних: это свидетельствует о вероятности того, что льды Северного Полюса сместились, что на месте нынешней Арктики царил более мягкий климат. И это все вместе позволяет представить старые сказания об Атлантиде в новом понимании. Совсем не исключено, **как** представляется, что на том месте, где сейчас бушуют волны Атлантического океана и плавают айсберги, над волнами возвышался цветущий материк, где творческая раса создавала великую, широко распространяющуюся культуру и посылала своих детей в качестве мореходов и воинов в мир. Но даже если эта гипотеза об Атлантиде несостоятельна, следует допустить существование северного культурного центра в истории первобытного общества».

Не меньшее внимание проблемам Атлантиды уделял и Генрих Гиммлер. Хотя его больше интересовала «теория мирового льда». Эта сумасбродная идея овладела умами многих нацистских бонз. Начало ей было положено австрийским инженером Гансом Гёрбигером, который в 1913 году издал 800-страничную книгу, излагавшую принципиально новый взгляд на вопросы возникновения Вселенной. Еще 13-летним подростком Гёрбигер любил тайком выносить ночью кровать в сад, ложиться на нее и смотреть на звездное небо. Млечный путь и призрачно мерцающие метеоры произвели неизгладимое впечатление на юного мечтателя. Много позже его посетило озарение. При прочтении Эдды он обратил внимание на фразу, где говорилось, что сотворение мира произошло при столкновении льда и огня. Его привлекла также другая строчка, повествовавшая о ледяных великанах, которые прибыли с гигантской звезды. Он пришел к выводу, что это не просто аллегория, что возникновение мира произошло из столкновения двух стихий, которое



вызвало космический взрыв небывалых размеров. Из расплавленных частичек льда складывались облака и спирали, которые после охлаждения превращались в звезды, планеты и их спутники. Сам человек произошел отнюдь не от обезьяны. Его первоосновой стала жизнеспособная протоплазма, которую принесли на Землю частицы льда. Эти частицы Гёрбигер называл «космическим семенем», которое «вселенский отец космос» излил на «мать землю». Первым возник человек европейского типа, который являлся началом и одновременно венцом творения. Кроме этого, Гёрбигер указывал на существование доисторических культур, которые были уничтожены стихийными бедствиями. Но от них остались некие следы. Многочисленные мифологические сюжеты относительно «огненного дождя» (Библия), «зимы великанов» (Эдда) были отголоском этих природных катаклизмов. Те же самые катаклизмы уничтожили Атлантиду, упоминаемую Платоном. Библейский персонаж Моисей, воспитанный в Египте, прекрасно знал об этих доисторических событиях, но решил умолчать о них. Между тем Гёрбигер указывал на ряд регионов, которые могли служить ключом к постижению тайн древней истории. В частности, он указывал на плоскогорья боливийских Анд, которые якобы хранили останки мировой империи атлантов. Особое внимание австриец уделял руинам древних городов, где задолго до расцвета Древнего Египта существовала развитая солнечная религия. Подобная гигантомания и новаторский подход позже пришлись по вкусу вождям Третьего рейха.

В 1937 году вышел специальный выпуск «Вестника высшего руководства СА», который был полностью посвящен вопросам «учения о мировом льде». В этом журнале Гёрбигер оценивался едва ли не как самый крупный ученый XX века, теория которого позволяла не только понять процесс мироздания, но и оценить многие мифы и сказания, например ту же самую Эдду. В вестнике мы могли найти статью уже знакомого нам Эдмунда Кисса, посвященную Тиахунако, древнейшему городу в Южной Америке. В то время Кисс входил в

состав личного штаба рейхсфюрера СС, где занимался тем, что подыскивал доказательства существования мирового льда и мировой империи атлантов. Тиахунако идеально подходил для этой цели. Кисс датировал возраст этого города 14 тысячами лет до нашей эры. Описывая эти живописные руины, он не стеснялся в сравнениях. Он указывал, что монументальные постройки однозначно указывали на то, что ее авторами являлись выходцы с севера. Кроме этого, он подчеркивал, что архитектура индейцев очень напоминала ему греческие здания дорийской эпохи. Наличие следов культа солнца еще раз подтверждало тезис о том, что этот город возвели арийцы. Скульптурные изваяния ясно указывали на это. Лица жителей города явно носили нордический характер.

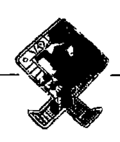
В 1940 году СС запланировали осуществить крупную экспедицию в этот «город-солнце». Эту инициативу поддержал Геринг. Возглавить предприятие должен был Эдмунд Кисс. Состав экспедиции был очень пестрым: археологи, ботаники, геологи, астрономы, кинооператор. Кроме посещения Тиахунако планировалось также изучить руины, находившиеся на дне озера Титикака. Для этого были спроектированы специальные глубоководные фотоаппараты, оптику для которых должны были произвести на цейссовских заводах по специальному заказу. Подготовка шла полным ходом, когда началась Вторая мировая война. Экспедицию было решено отложить до победы рейха. В итоге южноамериканская экспедиция СС так никогда и не состоялась.

С мифом об Атлантиде оказалось связано и другое высокогорное плато — Тибет. Гиммлер уже давно присматривался к этой области, иногда именуемой «крышей мира». Гёрбигер не раз указывал на связь между атлантами и Тибетом. В 1937 году Гиммлер пригласил к себе участников будущей экспедиции на Тибет, проходившей под формальным патронажем СС. В неопубликованных мемуарах участников экспедиции есть такой отрывок, который раскрывает специфические взгляды Гиммлера на историю и антропологию.

«Он (Гиммлер. — *А.В.*) хотел знать, можно ли встретить на Тибете человека со светлыми волосами и синими глазами. Я отверг такую возможность. Он поинтересовался, как я представляю себе возникновение человека. Я воспроизвел официальную точку зрения антропологов. Я говорил о питекантропе, хайдельбергском человеке, неандертальцах, сенсационных находках, сделанных иезуитом Тайльхардом де Шардином близ Пекина. Гиммлер спокойно выслушал. Затем он покачал головой: «Академическое образование, школьная премудрость, надменность университетских профессоров, которые сидят как понтифики за кафедрой. Однако они понятия не имеют о силах, которые движут нашим миром. Может, то, что вы рассказали, и касается низших рас, но нордический человек пришел с неба при последнем, третичном вторжении Луны».

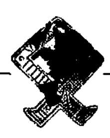
Гиммлер говорил тихо, словно священник. Камарилья молчала, был безмолвен и я. Я думал, что меня пошлют в языческий монастырь. Гиммлер добавил: «Вам еще многому надо научиться». И продолжал поучительно говорить о руническом письме, индоарийской лингвистике. Но самым настоятельным образом он рекомендовал ознакомиться с теорией Гёрбигера. Он указал, что фюрер давно занимается изучением теории о мировом льде. А затем добавил, что и сейчас имеются многочисленные остатки людей, живших до падения третичной Луны, — непосредственных наследников некогда бесследно пропавшей Атлантиды. «Как я полагаю, они находятся в Перу, на острове Пасхи и, может быть, в Тибете». Далее рейхсфюрер СС порекомендовал скептическому антропологу (скорее всего это был Эрнст Шефер) ознакомиться с книгой «Изумленный взор. Хроника нашей Земли в доисторические времена», которая была написана в соответствии с теорией мирового льда и якобы излагала «правильное» понимание мифа об Атлантиде.

Собеседник Гиммлера не смог сдержать улыбки, когда рейхсфюрер СС рассказал ему об этой книге. Впрочем, глава «Черного ордена» сделал вид, что не заметил ее. К следующей беседе он привлек Эдмунда Кисса, который должен был подыскать для тибет-



ской экспедиции специалиста по рунам, древней истории и религии. Эрнст Шефер не стал возражать, но сделал замечание, что поскольку его предприятие носит сугубо научный характер, то он не хотел бы видеть в ее составе «ученых», занимающихся мировым льдом. Гиммлер не стал спорить, а просто направил его к Карлу Марии Виллигуту, который жил в особняке на окраине Берлина. Вот как описывается эта встреча:

«В Далеме мы притормозили у высокой стены, которая огораживала виллу. Несколько эсэсовцев, охранявших вход, отсалютовали мне. Это было так внезапно, я спешил, а на меня сваливали еще новые дела. Хорошо, что ближайшая станция подземки лежала поблизости. Но я хотел знать, зачем меня привезли сюда! Молодая дама проводила меня в зимний сад, где стоял затхлый запах тропических растений. Даже в этот светлый солнечный день я чувствовал себя подавленным. Внезапно эту зловещую атмосферу разрядил знакомый сладковатый запах. Откуда я мог его знать? Точно! Китай и опиум! Мне казалось, что прошла вечность, пока не открылась дверь и в нее прошел прихрамывающий старик. Он обнял меня и поцеловал в обе щеки. Казалось, он только проснулся и смотрел на меня мутными глазами. Стояла такая тишина, что можно было услышать, как шуршит песок в часах. Долгое время мы сидели молча друг против друга, пока его руки не задрожали, а глаза не покрылись поволокой. Это был взгляд тибетского ламы. Он был в трансе. Затем он начал говорить странным гортанным голосом: «Сегодня ночью я позвонил моим друзьям в Абиссинию, в Америку, в Японию и на Тибет. Я созвонился со всеми, кто прибыл из другого мира, чтобы создать новое государство. Западноевропейский дух испорчен до самой основы. Перед нами стоит большая задача. Наступает новая эра. Это неизбежность космического закона. Один из ключей находится у далай-ламы и в Тибетских монастырях». Затем он начал перечислять названия монастырей и их «настоятелей», притом только те, которые я знал. Он черпал их из моего мозга? Телепатия? Я и



сейчас не могу дать ответ. Я знаю, что покидал это зловещее место бегом».

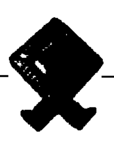
Любой миф всегда обращен в прошлое. Его сила проявляется лишь тогда, когда возникают определенные культы, которые охватывают массы людей. В Третьем рейхе культивировались не только присущие всем тоталитарным обществам псевдорелигиозные формы: обожествление вождя, который в массовом тоталитарном сознании приобретал очертания Мессии, ниспосланного самим Провидением спасителя; почитание силы, которая считалась едва ли не единственным способом разрешения всех проблем; слепая вера в исключительность собственного пути. В нацистской Германии постепенно складывалась собственная религиозная практика с подобающими ритуалами и символами. Все эти неотъемлемые элементы религиозного культа должны глубоко заложить в народное сознание мысль о превосходстве всего «арийско-германского». Монументальные сооружения этой эпохи были окружены специфической аурой, что делало их еще более похожими на какие-то нацистские храмы и капища. Их титанические размеры должны были наглядно показать величие и незыблемость арийского духа. Камень как нельзя лучше подходил для этих целей. В одном из немецких журналов в 1935 году писалось: «Каменная порода существовала еще тогда, когда на земле даже не появилась жизнь». Величественные постройки из камня как бы символизировали вечность, в которую вступил человек, воздействуя на эти глыбы.

Пожалуй, было сложно найти более подходящий для возвеличивания «тысячелетнего рейха» материал, нежели камень. Он нес в себе отпечаток глубокой древности, ауру незыблемых традиций, которых придерживались германские предки. Между ритуалами на каменных сооружениях первобытности, германских культовых местах и титаническими постройками Альберта Шпеера пролегала невидимая нить. Она как бы погружала немца в глубокую древность, демонстрируя ему величие собственной истории. Подобный путь как бы начинался у валунов ледникового периода и дольменов. Журнал

«Нордланд» писал: «Немецкий язычник, ты начинаешь путешествие туда, где царит безмолвие и уединенность, ты стоишь перед величественными остатками могил твоих предков. Раздается шепот, кто-то тихо и серьезно рассказывает тебе о твоих немецких отцах! Шепот приближается, и ты начинаешь понимать безмолвный язык давно ушедшей, но возродившейся в тебе жизни... В тебе всколыхиваются картины прошлого, видения легенд: ты вновь обретаешь их смысл!»

Подобные высказывания на страницах нацистской прессы не были чем-то редким. Они были повсеместными. Новая религиозность должна была постепенно вытеснить христианство. Впрочем, далеко не все немцы горели желанием отречься от христианских традиций. Первым оплотом новоиспеченной религии стали СС. Именно в ведомстве Генриха Гиммлера мегалиты почитались как «каменные святыни», места, где «живет вечность». В эсэсовском журнале «Черный корпус» приводились многочисленные иллюстрированные статьи, в которых утверждалось, что даже самые примитивные народы почитают своих предков возложением цветов и зажжением огней. В одной из таких статей писалось, что 6000 лет назад люди громоздили друг на друга многотонные глыбы, чтобы позже их потомки смогли узреть величие своих предков. «Вечная цепочка, по которой от отца к сыну сквозь тысячелетия передавалась кровь нордической расы, находит свое сильнейшее выражение именно в этих древних надгробиях. Мегалитические постройки севера на самом деле не являются ничем иным».

Гитлерюгенду было поручено нести «почетную вахту» близ этих монументов. Существовали даже специальные предписания, которые регламентировали поведение молодежи во время несения службы. Учитывая, что каменные мегалиты воспринимались эсэсовским руководством как святыни, молодежи надлежало чтить их. Не просто чтить, а ухаживать за ними, наводить порядок и чистоту вокруг каменных сооружений. Делалось все возможное, чтобы молодежь не воспринимала эту вахту как туристический поход. Поэтому



членам Гитлерюгенда не рекомендовалось брать с собой еду и фотографироваться ради забавы на фоне мегалитов.

Самое удивительное, что в настоящий момент наша историческая наука знает о дольменах, каменных кругах, мегалитах не больше, чем и сто лет назад. Они стали распространяться по Европе где-то 4 тысячи лет назад, то есть европейские мегалиты были старшими братьями египетских пирамид. Структура этих каменных построек, их месторасположение наводили на мысль о существовании особого религиозно-астрономического цикла. Английский Стоунхендж, ирландский Ньюгранж, дольмены в Скандинавии, сооружения в Испании, Португалии и на острове Мальта действительно можно было воспринимать как фрагменты единой, когда-то утраченной европейской религии. Самое удивительное, что подобная «каменная мода» распространялась по Европе с северо-запада на юго-восток. Германские мегалиты не имели ничего общего с ранней немецкой историей. С данной точки зрения можно было бы вообще вести речь об остатках древнеевропейской религии, которая ни в коем случае не была ни варварской, ни примитивной. И более того, отнюдь не локальной, а распространенной почти по всей Западной Европе. Но для нацистов это было лишь германским культурным достоянием, а почитание какой-нибудь гранитной глыбы превращалось едва ли не в ритуал обретения исконно германской сущности.

Нет ничего удивительного в том факте, что СС превратили поклонение мегалитам в свою монополию. Генрих Гиммлер всегда интересовался минералогией. Интерес же к мегалитам был вызван не просто научными, а исключительно мировоззренческими предпосылками. Недаром в недрах «Наследия предков» существовало несколько отделов, которые занимались изучением минералов и мегалитов. Имеются интересные документы, которые свидетельствуют, что руководство СС было намерено приобрести в «общественную собственность» некоторые из германских мегалитов. Особый интерес эсэсовцы проявляли к камням, на которых имелись высеченные изображения — петроглифы. Для людей из «Черного ордена» это

были не просто святыни, а культовые места, где в древности совершался обряд инициации. Впрочем, подобные мысли уже высказывались и раньше. Гвидо фон Лист весьма охотно прибегал к этимологическим интерпретациям, пытаясь найти тайный смысл за названиями некоторых дольменов и мегалитов. Таким же путем следовал и Рихард Андерс, один из руководителей «Ордена новых тамплиеров», который позже стал консультантом Генриха Гиммлера по эзотерическим вопросам. Например, он утверждал, что название мегалита «чертов камень» (Taeufelsstein), который находился близ Бад-Дюркгейма, на самом деле значило «камень освящения» (Taufstein). Название этого объекта было изменено с веками. Свой вывод он основывал на личных наблюдениях. На вершине камня имелось достаточно глубокое углубление, к которому вело некое подобие ступеней. Вывод немецкого мистика был прост — углубление использовалось в качестве ритуальной купели, а ступени были «лестницей посвящения», по которой поднимался юноша, проходящий инициацию. Таким образом, буквально в одночасье «чертов камень» превратился в эсэсовскую святыню, которая служила неотъемлемой частью «солнечных законов наших благородных предков». Самой же главной «каменной святыней» СС был комплекс Экстернштайн. Но поскольку эти колонны из песчаника, располагавшиеся близ городка Детмольд, играли в мистических представлениях «Черного ордена» гигантскую роль, мы поговорим о них ниже в отдельной главе. Идеи об исключительности каменных сооружении, созданных нордической расой, не являлись уделом эсэсовцев. Их пытались довести и до простых немцев. Пропагандистский фильм «Германцы против фараонов» является хорошим примером того, как нацистская пропаганда несла компоненты мифологического мировоззрения в широкое массовое сознание. При помощи загадочных словосочетаний «нордические владыки», «священники астрономического культа», «возрождение света» они погружали зрителей в загадочное, мистическое настроение.

Эсэсовское руководство уделяло большое внимание не только природным, историческим мегалитам, но и, так сказать, «новоделам». 21 июня 1935 года, на празднике летнего солнцестояния, Генрих Гиммлер присутствовал на открытии нового «культового сооружения». В местечке Заксенхайн (Саксонский сад) около города Ферден-на-Аллере силами СС небольшая лесная тропинка была обложена 4500 валунами. Это место имело особое значение для немецкой истории.

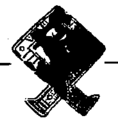
В VIII веке Карл Великий покорил саксонские племена. Великий стратег здесь явно просчитался. Он не понял души саксонского народа, не учел его страстной приверженности к свободе и верованиям предков. 782 год стал роковым для уже осуществившегося, казалось бы, плана Карла. Тайно прибывший из своего убежища в Дании саксонский король Видукинд собрал единомышленников — и ими оказалась почти вся порабощенная страна. Вспыхнуло восстание, разрушившее мгновенно все достижения франкских завоевателей. Саксы, принявшие новую веру, подверглись избиению. Храмы были разрушены. Языческая реакция вспыхнула и в соседней Фризии. Повстанцы дали карательной экспедиции сражение, превратившееся в побоище. Подобного разгрома Карлу испытывать еще не приходилось. Казалось, все плоды его многолетних ратных трудов и хитроумных замыслов уничтожены. О власти над Саксонией нечего больше и помышлять. Но месть Карла Великого была страшной и осталась в истории как некий уникальный пример беспощадности. Несмотря на неподходящее время года, он немедленно собрал армию, тут же появился у нижнего течения Везера, в месте, называемом Верденом, и оттуда вызвал к себе саксонских старейшин, которые должны были выдать виновников «мятежа». Трепещущие старейшины назвали 4500 своих земляков, которые, по приказу Карла, были приведены в Верден и в тот же день обезглавлены. Эта кровавая акция носила чисто политический характер. Она показывала населению страны, что его

ждет в случае дальнейшего неповиновения. Это был форменный геноцид.

В истории Германии место казни восставших саксов навсегда осталось символом несломленного духа свободолюбивой Германии. Именно на этих представлениях решили сыграть эсэсовцы, когда закладывали специфическую «каменную галерею». Каждый камень символизировал собой героя, павшего от рук поработителей. Открытие этого культового места проходило в полном соответствии с представлениями о религиозных ритуалах. Горел гигантский костер, эсэсовский оркестр играл на специфических инструментах — гигантских изогнутых трубах, которые были изготовлены по образцам древних музыкальных рогов саксов.

Но историческая подоплека этого мероприятия меньше всего интересовала Гиммлера. Открытие «каменной галереи» было не просто политическим, а идеологическим событием. Рейхсфюрер СС еще раз хотел наглядно подчеркнуть, что христианство было религией завоевателей, которые лишили германцев своей истинной веры. Впрочем, Заксенхайн даже официально назывался «местом культа воспоминаний». Гиммлер всегда высказывал мысль о живой связи глубокого прошлого и настоящего, нацистской действительности. В своей речи во время открытия комплекса в Заксенхайне он произнес перед 25 тысячами немцами: «Тогда пали 4500 глав, которые не хотели склониться. Но сейчас поднимаются новые головы, которые, я знаю, не склонятся никогда. Почти 8 месяцев создавался этот район для тинга[1]. И, наконец, сегодня, спустя почти тысячелетие, мы празднуем летнее солнцестояние — символ вечного перехода от заката к подъему». Но в отличие от традиционных нацистских мероприятий, не было громких оваций и скандирований. Толпа, погруженная в мистический транс, хранила ле-

[1]Тинг — народное собрание у скандинавов в Средние века. От тинга — датский фалькетинг, исландский альтинг, норвежский стортинг.

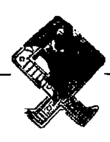


дяное молчание. Лишь музыка древних инструментов и треск костра нарушали гробовую тишину.

Примечательно, что в своей речи Гиммлер назвал Заксенхайн районом для тинга. В Третьем рейхе даже имелось специфическое «Тинг-движение». Оно инсценировало в природных ландшафтах события германской древности. Это не было какой-то узкой субкультурой, на которую власти смотрели сквозь пальцы. Каждое такое из представлений собирало до тысячи зрителей. С мистической точки зрения сама организация и сценарий тинг-представлений очень напоминали ритуал массового посвящения. В какой-то момент «Тинг-движение» даже стало претендовать на места, которые еще в древности были известны как религиозные святыни. В данном случае речь шла о так называемой «святой горе» в окрестностях Гейдельберга. Один из лидеров «Тинг-движения» писал в начале 1935 года: «В этом месте, как подтверждено, еще тысячелетия назад во времена каменного века находилась высокоразвитая культура и проходило почитание богов». Не знаю, на какие источники и исследования опирался автор этих слов, но факт остается фактом — власти решили поддержать инициативу, поступившую снизу. В июне 1935 года праздник летнего солнцестояния, организованный «Тинг-движением» в Гейдельберге, посетил сам Йозеф Геббельс. Он был в восторге. В своих дневниках он писал едва ли не о «краеугольном камне национал-социализма». Впрочем, восторг очень быстро прошел. Уже год спустя он существенно вмешался в деятельность «Тинг-движения». Геббельс пытался нивелировать фанатизм и пафос участников этих представлений. Вообще он поставил себе цель удалить дилетантов из сфер массовых идеологических постановок — как-никак это была его сфера деятельности! К тому же не стоило забывать, что Гитлера мало волновали дольмены, мегалиты и места собрания тингов. Его больше воодушевляли монументальные строительные проекты, в которых память предков должна была передаваться при помощи духа показа-

тельной строгости и выдержанности. Древнегерманские святыни и ритуалы были для фюрера чем-то замшелым. Его восхищала лишь греческая архитектура. Как-то он сказал Альберту Шпееру, который долгое время был придворным архитектором Третьего рейха, что греческая архитектура возникла лишь благодаря вмешательству «нордического компонента». Эту мысль он повторил шефу штаба СА Отто Вагнеру. «Когда мы созерцаем греческую архитектуру, то все мысли сводятся к Акрополю! Но до эпохи нордического вторжения никогда не возникали такие величественные памятники». Вывод прост — германцы дали человечеству все гигантские постройки, начиная от египетских пирамид и Стоунхенджа, заканчивая греческим Акрополем и римскими колоссами.

Вообще взгляды на сакральные строения у Гитлера и Гиммлера очень сильно расходились. Архитектурные пристрастия фюрера выражались в сооружении очень характерных строений — по иному как «мертвые залы» их не назовешь. Они должны были вызвать не мистический экстаз, а молчаливое благоговение. Именно в выдержанности должна была проявиться суть «избранной расы». «До тех пор, пока отличительной чертой нынешних крупных городов являются универсальные магазины, рынки, гостиницы, небоскребы административных зданий, даже речи не может идти ни о настоящей культуре, ни о подлинном искусстве», — заявил Гитлер в 1935 году на партийном съезде. Образцом «ритуальной архитектуры» для него служил мемориальный комплекс в мюнхенской Кенигсплатц, возведенной в память жертв путча 1923 года. Гитлера привлекали только строгие каменные формы. Никаких вольностей, никакой недосказанности. Все строения, в проектировании которых участвовал Гитлер, должны были быть ***обязательно*** построены из гранита. Это, по мнению фюрера, должно было стать залогом того, что они простоят многие века, а может быть, тысячелетия.



Обычно, когда говорят о мегаломании Гитлера, то упоминают его стремление быть великим, стремление сравниться с грандиозными историческими фигурами прошлого. Слишком уж простое объяснение для подобной болезненной страсти. Гитлер жаждал славы нового создателя «мифической архитектуры». Гиммлер, напротив, не собирался совмещать классицистические формы с вековым наследием предков. Он хотел, чтобы тысячелетние мегалиты были органично вписаны в идеологию «тысячелетнего рейха». В итоге получалось, что у нацистского движения (сугубо коричневого) и у «Черного ордена» были свои собственные культовые центры и ритуалы. Не только не похожие, но и во многом различные.

Впрочем, эти отличия были далеко не всегда очевидными. Например, когда архитектор Вильгельм Крайз проектировал памятник павшим воинам, он взял за основу архаичные формы древних европейских храмов, которые воздвигались из мегалитов. Подобно древним строениям в проекте Крайза расположение могил было ориентировано по солнечному и лунному циклам. Это был далеко не единственный случай, когда нацистская архитектура пыталась установить некую сакральную связь с силами неба и земли. Взять хотя бы мемориальный комплекс Лео Шлягетера[1], воздвигнутый в Шварцвальде. Авторы этого проекта даже не скрывали, что это был символ «пересечения земного и небесного». Сам мемориал представлял собой открытое замкнутое строение, опиравшееся на 12 колонн, которые были четко ориентированы в соответствии с астрологической традицией (12 знаков Зодиака). В центре этого комплекса как бы располагался «герой», который словно проходил 12 стадий ежегодного цикла, которые, естественно, опирались на 12 немецких сказаний. Но это еще не все. Кроме четкой ориентации на четыре стороны света при оформлении мемо-

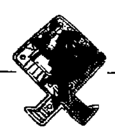
[1] Лео Шлягетер — немецкий офицер, расстрелянный во время франко-бельгийской оккупации Рура в 1922 году. Возведен многими националистическими группировками в ранг национального героя.

риала досконально учитывались такие факторы, как цвет, звук и орнамент оформления. Все это позволяет говорить о мемориале Шлягетера как о неком эзотерическом произведении архитектуры. Да, собственно, нацистские власти и не скрывали этого. «С давних пор праздники опирались на движение солнца, луны и звезд. Об этом свидетельствуют каменные круги древней Европы, культовые строения Египта, средневековые соборы. Все эти строения непосредственно связаны с космическими циклами, которые определяли сроки празднеств. Осознанно и неосознанно они говорят о сущем. При этом их внутреннее содержание и внешняя форма идентичны, так как повествуют о попытках отдельной души найти созвучие с Богом».

В 1935 году Гитлер замыслил возвести в Восточной Пруссии «имперский мемориал», который должен был стать памятником всем павшим. Для его возведения был выбран Танненберг — место, почитавшееся как святыня немецкого воинства. Архитекторы Вальтер и Йоханнес Крюгеры решили не мучиться в поисках оригинальных решений и взяли за основу нового мемориала Стоунхендж, который виделся им древнегерманской культовой постройкой. Они пошли настолько далеко, что не просто повторили форму первобытного памятника, но даже водрузили на могилу фельдмаршала Гинденбурга титанический валун весом в 120 тонн, который «помнил» ледниковый период. Другой архитектор, снискавший не меньшую славу в Третьем рейхе, — Генрих Випкинг-Юргенсманн вообще считал, что при сооружении надгробных памятников необходимо ориентироваться на древнейшие образцы, так как только они осознанно сочетали в себе ритуальные функции и были эстетически красивы. «Они говорят, что наш народ был основательно связан с процессом творчества. В те ранние времена были частицами природы. Миф был действительностью... Германское строительство невозможно без сохранения прекрасного в самом ландшафте! Более трех тысяч погребальных холмов,

воздвигнутых в Германии в бронзовый век, наглядно демонстрируют это». Випкинг-Юргенсманн выдвинул концепцию, что при сооружении новых культовых мест ничто не должно быть надуманным и искусственным и тем паче инородным. Воодушевленный своими построениями, этот архитектор предложил создать естественный памятник германскому духу. Это должен был быть гигантский валун, который бы окружало полторы тысячи дубов. Он настолько детально разработал план этого памятника, что смел утверждать: при посадке молодых деревцев землю надлежало обрабатывать с особой тщательностью, так как только в этом случае здесь могла наличествовать энергия. Столетия спустя новые поколения немцев под шум дубравы справляли бы в этой святыне германского духа свои ритуалы.

О нацистских ритуалах вообще стоило бы поговорить отдельно. В факте их существования нет ничего удивительного — если есть святыни и культовые места, значит, должны быть и ритуалы. К этому подводит сама логика мифологического сознания. В одном из журналов того времени была опубликована статья, в которой говорилось, что глубинный смысл истинных народных праздников состоял как раз в том, чтобы отчасти сберегать мифы, а отчасти сохранять связь с предками. В итоге праздники, в нацистском понимании соответствовавшие душе народа, должны были стать самым «возвышенным богослужением», на которое только был способен человек. В одной из нацистских газет писалось: «Тот, кто оказался сопричастным хотя бы с одним из крупных праздников, даже хотя бы слушая его трансляцию по радио, тот с глубоким радостным содроганием ощутил, что это больше не режиссура. Тот понял, что это форма, из которой рождаются глубокие духовные силы нашего народа... Тот почувствует: то, что происходило там, — это миф, который будет повторяться вновь и вновь». Само собой разумеется, эта газета подразумевала вовсе не христианские праздники. Она взывала к специфической нацистской мифологии,



которая, на первый взгляд, строилась на языческих обрядах и преданиях. Взять хотя бы те же праздники зимнего и летнего солнцестояния. Но если посмотреть повнимательней на торжества Третьего рейха, то обнаружим, что никогда в истории ранее не было такого торжества огня. Вряд ли можно поспорить, что голодные и замерзшие люди всегда с тоской ожидали света и тепла. Нацисты очень удачно использовали эти надежды. Как уже говорилось выше, Гитлер всегда характеризовал «арийцев» как «носителей света». Даже свастику он понимал как знак нисходящего света. Он не упускал шанса подчеркнуть свой тезис. Иллюстраций на самом деле было предостаточно. Возьмем легендарный фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли». Сотни штурмовиков с факелами, образующие огненные реки на улицах древнего Нюрнберга. Огненная свастика, созданная из множества фа́кельщиков, которая вращается вокруг собственной оси. Эсэсовские руны, ставшие символом «охранных отрядов», также трактовались Гиммлером как символ солнца и просветления. Альфред Розенберг писал о победе «нордического светлого принципа». Многочисленные пропагандисты изображали Гитлера как «великую светлую сущность». В рейхе выходили журналы «Светлый путь», «Солнце». Свет, свет, свет... Все нацистские агитки, выступления просто напичканы производными от этого слова. Складывалось ощущение, что истинный арийский свет должен был смыть позор поражения в Первой мировой войне, что он должен был низринуть происки врагов, которые начинались со времени походов Рима против германцев, а заканчивались христианской колонизацией страны в Средние века.

Свет и огонь были буквально новыми фетишами нацистов. Это нельзя объяснить, ссылаясь на какие-то «неоязыческие» обряды. Правильнее было бы говорить о принципиальном делении мира на свет и тьму, специфическом нацистском дуализме. И здесь вновь вспоминается зороастризм, в котором светлый Ахурамазда вел

ожесточенную борьбу против Анхра-Майнью, предводителя тьмы. Учитывая этимологию «тысячелетнего рейха», нельзя отмахнуться и от Откровения Иоанна, в котором светоносные ангелы свершают суд над великой блудницей. Все это не просто совпадения. Гиммлер всерьез полагал, что германцы являются наследниками древней религии света, которая зародилась далеко на Севере, а затем пришла в Европу. Ведь только на Крайнем Севере человек мог превратить весеннее возвращение солнца в знаменательное, праздничное событие. В качестве доказательства существования «древнего арийского культа», прославляющего свет, специалисты из «Наследия предков» приводили наскальные изображения свастик. Но в принципе не было никакой потребности что-то особо доказывать. Массы с удовольствием шли за «нацистским светом». Публика давно уже была готова воспринять новый солнечный культ. Еще в 20-е годы немецкий художник нарисовал картину, на которой обнаженный юноша открывал свои объятия солнечному свету, словно купаясь в нем. В тяжелые дни Веймарской республики писатель Фридрих Линхардт написал следующие строки: «Какой народ может быть центром собрания силы, как не тот, который угнетен в самом центре Европы? Воистину, оборванному и удрученному немцу Бог должен явиться в новой форме, упрощенной до гениальной простоты. Новый крестовый поход должен сокрушить сословия, партии и вероисповедания. Но крестовый поход не на Восток, а вовнутрь. Это может произойти только благодаря огненной силе, которая воспрянет из жара сердца».

Слова «огонь» и «жар» как нельзя лучше характеризовали политику нацистов, которые разжигали мистические и воинственные страсти в душах простых немцев. Огонь словно служил мифическим оправданием того насилия, которое спровоцировали гитлеровцы. Сначала они взывали к свету в безобидных песнях. Затем немецкая пресса стала пестреть заметками и статьями, повествующими о солнцеворотах и солнцестояниях. К ним добавлялись мате-

риалы, которые романтически описывали молодежь, которая прыгала на этих праздниках через огромные костры. «В Швеции до сих пор молодежь танцует под светлые звуки деревенской скрипки вокруг украшенного дерева, празднуя так летнее солнцестояние». Словно следуя за шведской молодежью, в 1933 году члены Гитлерюгенда впервые справили праздник летнего солнцестояния. Два года спустя его праздновала почти вся Германия. Рассказывали, что Рейнхард Гейдрих, шеф Главного управления имперской безопасности, не просто видел в этом красивое представление. Он верил, что празднование летнего солнцестояния давало людям частичку энергии Солнца. 21 июня 1935 года, фактически по его инициативе, в Германии произошло празднование «Имперского солнцеворота». Вечером этого дня вдоль любекского залива было зажжено около 800 гигантских костров. Зимой того же года на горе Броккен, издавна считавшейся местом сказочным и мистическим, был зажжен титанический костер, от которого как бы цепочкой в шести направлениях проследовали другие более мелкие костры, едва ли не достигшие самых отдаленных немецких границ. В один день над Германией словно возникло исполинское огненное колесо. Этот обряд был призван укрепить единство рейха.

Но Генрих Гиммлер не был бы собой, если бы даже в огненные празднования не внес свои рацпредложения. Он отмечал, что постановка празднования оставляла желать лучшего, не хватало музыкального сопровождения, которое бы подходило для этого ритуала. Речи выступавших были взвинченными, малопонятными и сумбурными. Хореографические выступления не были продуманы до конца.

Однако самое эффектное «световое шоу» устраивалось по инициативе Альберта Шпеера во время партийного съезда 1937 года в Нюрнберге. Сто пятьдесят авиационных прожекторов, устремленных в небо, в какой-то момент начинали сдвигаться, создавая над

240 тысячами участников некое подобие светового купола. Это эффектное творение называли не иначе как «Собор света». Огонь являлся той стихией, которая могла действовать как во благо, принося тепло, так и во зло, уничтожая все живое на своем пути. Так произошло и с Третьим рейхом. Ритуальные огнища постепенно превратились в костры из книг, затем трансформировавшись в топки крематориев и огненную вакханалию бомбардировок мирных городов. Однажды эсэсовский журнал «Черный корпус» опубликовал очень символичную карикатуру. На ней был изображен огромный костер, в котором горели английские города, а германский бог Тор низвергал на них огонь с небес. Разрушительную сущность огня даже не собирались скрывать! Нацистские газеты пестрели устойчивыми словосочетаниями, где «выжигали гнойники общества» и «выметали нечисть огненной метлой».

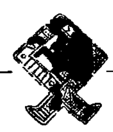
Глава четвертая

«Зондеркоманда X» — охотники на ведьм из «Черного ордена»

«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул искупитель;
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель!
Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев проливала,
Власы невест в огне волшебном жгла
И кости мертвых похищала».

В.А. Жуковский
«Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди»

Два года спустя после окончания Второй мировой войны германские газеты опубликовали небольшой материал, на который поначалу никто не обратил внимания. 4 февраля 1947 года в берлинском «Телеграфе» оставшийся неизвестным библиотекарь из Познаньского университета сообщал об эсэсовской библиотеке из 140 тысяч книг и документов, эвакуацией которой он руководил в марте 1945 года. То, что нашел архивариус в полуразрушенном замке графа Хаугвитца, было остатками документации созданной в 1935 году «Зондеркоманды X», которая занималась изучением средневековых процессов по делам осужденных ведьм. Документы процессов над колдуньями охватывали период между XIII и XVII веками. Найдя в



книгах пометки, сделанные эсэсовцами там, где были описаны методы дознания и пыток, польский исследователь сделал поспешный вывод. Он полагал, что это подразделение должно было исследовать применяемые в прошлом способы истязаний, чтобы использовать их на практике.

Но это предположение было ошибочным. Действительно, летом 1943 года РСХА, Главное управление имперской безопасности СС, конфисковало замок графа Хаугвитца, построенный в стиле барокко. Здесь от воздушных налетов должна была укрыться одна из структур VII Управления РСХА, занимавшегося мировоззренческими исследованиями. Эта структура носила название «Зондеркоманды X» или «особого собрания». Действительно, «Зондеркоманда X» активно занималась изучением процессов над ведьмами. Но совсем с другой целью, нежели это предполагал польский библиотекарь.

Гиммлер всегда проявлял интерес к ведовству и всему, что было с этим связано. Об этом свидетельствовал хотя бы один пример. 23 мая 1939 года Рейнхард Гейдрих, шеф Службы безопасности СС, направил одному из своих подчиненных, доктору Шпенглеру, секретную директиву. В ней предписывалось отыскать в родословной рейхсфюрера СС ведьм или колдуний. Приказ был почти тут же выполнен. СД отыскало упоминания о некой 48-летней вдове Маргарет Гимблер из Маркайсхайма, которая как ведьма была сожжена 4 апреля 1629 года. Реакция Гиммлера на это сообщение осталась неизвестной. Скорее всего, он был доволен этим результатом, так как в его семье существовала легенда о прародительнице, сожженной на костре. Впрочем, этого единичного случая явно было недостаточно для объяснения всеобщего изучения эсэсовцами истории колдовских процессов, проходивших не только в Германии, но и по всей Европе.

До сих пор ведутся дискуссии, зачем рейхсфюрер затеял такой дорогостоящий исследовательский проект, как изучение процессов над ведьмами. Никто не может указать ясную причину, что подтолкнуло его к такому шагу. Но обо всем по порядку. 16 ноября 1935

года Гиммлер выступил на общеимперском крестьянском праздновании с речью «СС как антибольшевистская боевая организация». В ходе выступления рейхсфюрер вышел за рамки обозначенной темы и призвал «вернуть долги мировому еврейству», чьими жертвами пали немецкие ведьмы: «Во многих случаях мы можем предвидеть, что еврей, наш извечный враг, прикрываясь какой-то личиной, ведет игру своими кровавыми руками... Мы видим, как судебные процессы зажигали костры, на которых обращались в пепел бесчисленные тысячи женщин и девушек нашего народа». После рейхсфюрера эту тему развил «главный историк» Имперского продовольственного кабинета Хорст Рехенбах, который руководил в этой структуре «Главным управлением Г» («Крестьянство в вопросе крови»). Он живо рисовал картины демографического упадка в Германии, который пришелся на прошедшее тысячелетие. Причину этого он видел в потере самых ценных женщин и девушек, сожженных на кострах во время преследования ведьм и еретиков. «Эти заблуждения стоили нам сотен тысяч жизней, потерянных в равной степени и в католических, и в протестантских областях».

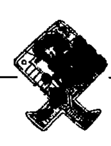
Вывод был следующим. Евреи, используя христианизацию Германии, не только уничтожили «биологические корни» здоровой народности и ликвидировали остатки истинно немецкой культуры, но и при помощи католического Рима извели множество тысяч носительниц этой драгоценной культуры. Главный идеолог нацизма Альфред Розенберг в своем «Мифе XX века» говорил даже не о сотнях тысяч, а о 9 миллионах человек! И тут последовал несколько неожиданный пассаж: «Исторические свидетели мировоззренческой борьбы германских племен — средневековые ведьмы и волшебники — должны быть вписаны на кроваво-красные знамена национал-социалистического движения!»

Но для создания подобного «мемориала» одного желания было явно недостаточно. Шеф СС нуждался в самых точных биографических и статистических данных. В этом вопросе он не мог положиться на партийную канцелярию, а потому требовалось проведение

собственных расследований. Для реализации данного проекта Гиммлер обратил внимание на молодого офицера из СД Франца Альфреда Зикса. Этот юрист-правовед, родившийся в 1909 году в г. Манхайм, был олицетворением молодых интеллектуалов, служивших в СС. Примкнув к нацистам еще будучи студентом, в 1934 году, он возглавил одно из управлений в Имперском студенческом руководстве. Год спустя, в 1935 году, он стал во главе отдела СД IV2, отвечавшего за мировоззренческую борьбу с противником. Одновременно с этим Зикс преподавал в высшей школе, а в 1938 году стал профессором в Кёнигсбергском университете.

В июне 1937 года Франц Зикс, выступая перед студенческой аудиторией в Гейдельбергском университете, провозглашал «переворот в научной картине мира», который должен был выразиться в отрыве идей, определяющих народное бытие, от рациональных идей XIX столетия. Зикс в то время уже курировал деятельность «Зондеркоманды Х». Он получил от Гиммлера своего рода специальный заказ: «Найти в еретических, сектантских и мистических движениях Средневековья последнюю попытку германской сущности сопротивляться инородному засилью католической церкви». Для подобной работы годились далеко не все национал-социалистические историки. Честолюбивый эсэсовский офицер сразу же решил сделать эти исследования прерогативой СД. Изыскания, проводимые под его кураторством, должны были быть противопоставлены тезисам некоторых исследователей, которые, не почувствовав политическую конъюнктуру, провозглашали, что «преследования ведьм пришли в Германию вовсе не от этрусков, не из Рима, а являлись старогерманским обычаем, с которым, к сожалению, так и не смогла справиться церковь». Хорошо знакомый со студенческой и преподавательской средой, Зикс тут же начал подбирать подходящие кадры, которые бы смогли осуществить «особый заказ» рейхсфюрера СС.

1935 год стал датой рождения «Зондеркоманды Х», призванной бороться против еврейства и христианства. Изучение процессов



над ведьмами могло стать очень выгодным козырем в руках эсэсовского руководства. Именно в это время шли острые споры по данному вопросу. С одной стороны находилась католическая церковь, а с другой — новая элита Третьего рейха. Тогда же стало очевидно, что нацисты проигрывали этот спор, так как у них не хватало веских аргументов. «Колдовские процессы» превратились в политическую задачу.

О том, что эсэсовское руководство, намеревавшееся создать собственную эрзац-религию, рисковало проиграть битву за расово чистое немецкое крестьянство, свидетельствовали тайные донесения гестапо, датируемые 1935 годом. В них говорилось о необходимости обоснования нового «германизированного» крестьянского календаря. изданного Имперским продовольственным кабинетом. Дело в том, что в январе 1935 года по стране буквально прокатились акции протеста, организованные церковными деятелями в среде крестьянства. Католический епископат не устраивало, что в новом крестьянском календаре отсутствовали традиционные христианские праздники. Резолюция епископата была более чем решительной: «Этому календарю не место в немецкой христианской семье крестьян». Особое возмущение у церковников вызвала следующая запись в календаре: «Страстная пятница: поминаются 4500 саксонцев, убитых Карлом Мясником (Карлом Великим. — *А.В.*), равно как все пострадавшие еретики, поборники веры и ведьмы». Католическая церковь не была намерена мириться с подобными выходками. В одной из берлинских газет даже появилась заметка, в которой новый крестьянский календарь назывался «образцом исторического вздора, слепого антихристианского фанатизма». Трирский епископ пошел еще дальше. В ответ на заявление, что «9 миллионов уничтоженных еретиков являются плодом церковной ненависти», он провозгласил с амвона, что подобные календари разрушают «народное сообщество» Третьего рейха.

Католики вполне справедливо полагали, что одним из инициаторов антицерковной кампании был автор «Мифа XX века» Альфред

Розенберг. Но любопытно, что первый шаг навстречу ведьмам сделала женщина: Матильда Людендорф, жена одного из ближайших сподвижников Гитлера. Именно она еще в 20-е годы написала работу «Христианская жестокость в отношении немецких женщин». Но обстоятельное начало разработки «ведовской темы» в нацистском лагере все-таки принадлежало Альфреду Розенбергу. Этот человек, которого сам Гитлер называл «нашим партийным догматиком», написал книгу, которая по тиражам в Третьем рейхе уступала лишь «Майн кампф». Это «нацистское Евангелие» называлось «Миф XX века». Достаточно тяжелая, путаная и хаотичная вещь, в которой Розенберг пытался вести полемику с «римско-сирийско-еврейским мифом». Так или иначе, но именно благодаря этой книге за Розенбергом закрепилась репутация главного идеолога НСДАП. Более того, именно благодаря ей Розенберг заработал репутацию главного антиклерикала, а его «Миф» попал в «индекс» книг, запрещенных Ватиканом.

Сам Розенберг считал преследования ведьм азиатским пережитком, привнесенным на европейскую почву этрусками. В своем «Мифе XX века» он писал: «К этому этрусскому гаруспику возвращается и «наше» средневековое мировоззрение, та страшная вера в колдовство, та ведьмомания, жертвой которой пали миллионы жителей Запада и которая отнюдь не умерла с «Молотом ведьм», а продолжает весело жить и в современной церковной литературе, готовая в любой день вернуться на простор: тот призрак, который нередко уродует нордическо-готические соборы и выходит далеко за рамки естественного гротеска. И в Данте возрождается грандиозно оформленная этрусская античность: его ад с перевозчиком, адским болотом Стикса, пеласгическими кровожадными Эринниями и Фуриями, критским Минотавром, демонами в отвратительном обличье птиц, которые мучили самоубийц, амфибиеподобным существом Герионом. Там проклятые бегут по раскаленной пустыне под дождем огненных хлопьев; там преступники превращаются в кустарник, на который слетаются Гарпии, и каждая сломанная ветка вызывает у

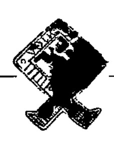
них кровотечение и вечные причитания, черные суки преследуют проклятых и разрывают их, причиняя им невыносимую муку; рогатые черти стегают обманщиков, а шлюх топят в вонючих нечистотах. Заключенные в тесные ущелья, томятся симонистские папы, их выворачиваемые ноги больно лижет пламя, и Данте громко жалуется на растленное папство, вавилонскую блудницу».

По его мнению, преследование ведьм и нордический образ жизни и мышления были несовместимы. Именно эти два начала разрывали средневекового европейца: с одной стороны находилось малоазиатское, пугающее, взлелеянное Церковью представление об ужасах преисподней, а с другой — нордическое стремление быть «свободным, прямым и здоровым». Выразительницами последнего начала были именно пресловутые ведьмы. Вывод Розенберга был неутешителен: «Как вакхическая культура и культ фаллоса стремились разложить древнегреческую цивилизацию, так этрусское учение об аде и ведьмомания перечеркивают, по возможности, любой порыв нордического познания мира».

Приняв во внимание подобные пассажи, референты СД одно время ошибочно полагали, что натиск католиков приведет к тому, что Розенберг окажется в лагере расового фанатика Вальтера Дарре, который в начале 30-х годов был личным другом Генриха Гиммлера. Дело в том, что отношения между главным идеологом нацистской партии и эсэсовским руководством всегда носили скорее враждебный характер. В какой-то момент могло показаться, что католическая сторона стала одерживать верх. 12 января 1935 года представитель пресс-службы Имперского руководителя крестьян, предвидя многочисленные возмущенные петиции, ходатайствовал перед Гиммлером о запрете «нехристианского календаря». Эти документы оказались тут же на столе у шефа Службы безопасности СС Рейнхарда Гейдриха. Не опасаясь бурной реакции католической церкви, полицейские органы 22 января 1935 года дали ответ, в котором говорилось, что о запрете календаря не могло быть и речи.

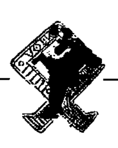
Между тем скандал вокруг крестьянского календаря вышел за границы Германии. Его уже обсуждали в швейцарской и голландской прессе. Нацистам удалось представить открытые общественные протесты некоторых крестьянских лидеров, например графа Дросте, «личной точкой зрения». Но этих объяснений было явно недостаточно, и 26 февраля 1935 года Имперский продовольственный кабинет пошел на уступку, решив все-таки частично ограничить распространение календаря. После этого мюнстерское гестапо сообщило: «После заявления Имперского руководителя крестьян тайная государственная полиция больше не в состоянии препятствовать акциям протеста, направленным против календаря». В итоге местные эсэсовские чины просили охарактеризовать эти мероприятия как «неполитические» и изъять из компетенции гестапо. Но реакция Гиммлера была совершенно иной. Он потребовал подвергнуть взысканию тех крестьянских региональных лидеров, которые поддерживали «клерикальные настроения». Под давлением руководства СС Вальтер Дарре, который являлся не только Имперским руководителем крестьян, но и высокопоставленным эсэсовцем, отказался от своего заявления. Генрих Гиммлер решил перейти в контрнаступление на церковь. И в том же 1935 году на Имперском съезде крестьян звучит его знаменитая речь о ведьмах. По большому счету эта речь, равно как и появление «Зондеркоманды X», стала реакцией на попытки церковных структур заявить о своем мировоззренческом влиянии в Германии и надавить на руководство СС.

Но это был далеко не единственный стимул для того, чтобы заняться изучением этой проблематики. Интерес к ведовским процессам был также продиктован празднествами, организованными католической церковью 7 августа 1935 года. Повод для этих торжеств был выбран, с точки зрения эсэсовского руководства, крайне одиозный — 300-летие со дня смерти известного немецкого иезуита Фридриха Шпее. Католическое руководство изобразило Шпее так, будто бы он в своем литературном наследии выступал против пагубной



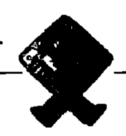
практики преследования ведьм, что якобы послужило поводом для его конфликта с руководством ордена. Изображалось, словно книги этого иезуита только чудом не попали в список произведений, запрещенных папой. Именно в фигуре Шпее католическая церковь хотела найти тот исторический персонаж, чьи деяния смогли бы использоваться для полемики с догматиком Розенбергом. Вовсе не придерживаясь исторических реалий, Трирский епископ произнес на могиле Шпее речь, в которой содержались следующие слова: «Благодаря ему наше отечество освободилось от ужасов охоты на ведьм». Включившись в эту полемику, Розенберг в ответ написал статью «Мракобесы нашего времени». Провозгласив в этой статье «Общество Иисуса» ответственным за новую волну преследования ведьм, Розенберг допустил одну ошибку: он неосторожно затронул тему, выразителями которой считали себя лишь Гиммлер и Дарре, — Грааль. Отношения между этими функционерами, всегда колебавшиеся на грани любви и ненависти, в очередной раз испортились. Гиммлер решил, что больше нельзя откладывать реализацию своих замыслов, и начал строительство замка Вевельсбург. Вначале оно велось при помощи молодых немцев, проходивших службу в Имперской трудовой повинности. В 1939 году их сменили заключенные из концентрационного лагеря Заксенхаузен.

Кроме этих событий, которые оказали как бы внешнее воздействие на рейхсфюрера СС, были и некоторые внутренние события. В качестве таковых можно назвать несколько рукописей, появившихся в недрах СС. Одна из них принадлежала Клаусу Графу, специалисту по колдовским процессам, другая — активному борцу «фёлькише»-группировок Арнольду Рюге, третья — юристу Вальтеру Бёму, в ноябре 1933 года прикрепленному к аппарату Главного управления СС по вопросам расы и поселений. В составе РуСХА Бем должен был заниматься подготовкой антиклерикальной пропаганды. Об этом человеке стоит сказать пару слов. 16 октября 1933 года, буквально за несколько дней до своего попадания в СС, он защитил диссертацию «Акатолики. Изучение положения некрещеных, веро-



отступников, еретиков и схизматиков в католическом каноническом праве». Очутившись в СС, ученый сразу же получил лично от Гиммлера приказ осуществлять под руководством группенфюрера СС Курта Витте исследовательский проект «Кровавый долг церкви перед немецким народом». Самое интересное, что юрист занимался изучением этой проблематики, взяв псевдоним Вальтера Унгнада (Вальтера Неприкаянного). В плане работ, подготовленном Бёмом — Унгнадом, Гиммлера в тот момент очень заинтересовал пятый пункт «Процессы над ведьмами». Именно в нем мы могли бы найти слова, которые рейхсфюрер СС взял на вооружение и громогласно произнес на Имперском съезде крестьян в 1935 году, фактически повторив текст плана: «Сотни тысяч немецких женщин и девушек были приговорены извращенными христианскими судьями к мучительному умерщвлению или сожжению». После этого Витте предупредил исследователя, что глава СС проявил к его разработкам повышенный интерес, а потому не могло быть и речи о каких-то натяжках и поверхностности, надлежало подробно постигнуть все аспекты этого вопроса.

Вообще-то Гиммлера было очень легко спровоцировать на начало новой пропагандистско-исследовательской кампании. Наглядным примером этого может послужить проект «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре», реализуемый в рамках исследовательского общества «Наследие предков». Толчком для его возникновения стал подарок, сделанный Имперской руководительницей женщин, Гертрудой Шольц-Клинк, в 1938 году на праздник Юль, который должен был заменить христианское Рождество. А Шольц-Клинк всего лишь преподнесла Гиммлеру печенье, выполненное в виде лося. Весной 1939 года глава «Черного ордена» связался с главным егерем рейха Герингом и убедил его совместно финансировать исследования профессора Франца Альтхайма, которому предстояло придать мировоззренческое значение народным мотивам с изображением лося и оленя.



Или другой пример. Как-то в беседе с Гиммлером Геринг бросил фразу о том, что вороны очень часто кружатся над местами, где раньше, даже в незапамятные времена, происходили массовые казни и расправы. Гиммлер тут же взял эту идею на вооружение. 9 октября 1942 года он отдал «Наследию предков» распоряжение составить карту, на которой были бы отмечены все такие места.

Но работа «Зондеркоманды Х» определялась не только взглядами и идеями Гиммлера. Наряду с ним в формировании «Зондеркоманды Х» участвовал специалист, человек, обладающий глубокими знаниями. Им был профессор Обенауер, декан философского факультета в Бонне и один из первых академиков СД. Именно он подбирал кадры для «Зондеркоманды». Его взгляды на жизнь и историю расходились гиммлеровскими. В отличие от рейхсфюрера СС, он не был одержим нордическими мифами. Но судьба распорядилась так, что он активно сотрудничал в СС, фактически поддерживая многие бредовые идеи честолюбивого главы «Черного ордена». Возможно, им двигал обыкновенный оппортунизм. Возможно, какие-то другие мотивы. Так или иначе, но сотрудники «Зондеркоманды Х» не имели права на собственное мнение, они должны были идти лишь в русле расовых фантазий Генриха Гиммлера.

Возникнув в 1935 году, «Зондеркоманда Х» по весну 1936 года была тесно связана с эсэсовским книгохранилищем, расположенным в Лейпциге. В своей автобиографии унтерштурмфюрер СС Вильгельм Шпенглер так описал возникновение «Зондеркоманды» и книгохранилища: «Весной 1934 года предложил использовать возможности всей немецкоязычной литературы в интересах СД, службы безопасности. Я продолжал развивать эту идею с июня 1934 года по март 1936 года. То есть до того времени, пока она не нашла свое воплощение в виде Лейпцигского книгохранилища СС. 1 апреля 1936 года в Берлине состоялось совместное заседание представителей этого учреждения и сотрудников, выполнявших особое «поручение Х», отданное лично рейхсфюрером СС».

Первым заданием, которое пришлось выполнять книгохранилищу СС, была подготовка при помощи некоторых академических структур (Лейпцигского книгохранилища, ряда вузов и т. д.) подробной «Библиографии национал-социалистического движения (1919—1933 гг.)». Тогда осуществление этого проекта было поручено местному руководителю СД, Лотарю Бойтелю, который запросил для его реализации «пять политических солдат» (так иногда называли служащих СС).

Но вернемся к «Зондеркоманде X». Долгое время ее списочный состав оставался неизвестным. Многие сотрудники обозначались не именами, а условными литерами. Лишь благодаря усилиям немецких ученых был пролит свет на эту проблему. Итак, из кого же состояла эта «Зондеркоманда»?

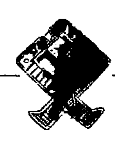
Высшее кураторство от СД осуществлялось уже ранее упомянутым нами профессором Францем Альфредом Зиксом.

Непосредственно под его началом действовали два высокопоставленных эсэсовских офицера: Вильгельм Шпенглер и доктор Рудольф Левин. В документах они обозначались соответственно литерами Sp и Lv.

Доктор Вильгельм Йозеф Шпенглер (1907—1961), получивший кандидатскую степень в 1931 году в Лейпцигском университете после защиты диссертации об истоках драм Шиллера. В марте 1934 года он вступил в СС. В 1936 году произведен в офицерское звание. В 1944 году Шпенглер был назначен одним из руководителей отдела III С в РСХА, который занимался вопросами культуры. Доктор Рудольф Левин (1909—1945) также закончил Лейпцигский университет, так же, как и Шпенглер, защитил там диссертацию.

Штатными сотрудниками проекта по изучению «колдовских процессов» были следующие люди:

— Мартин Бирманн. Родился в 1914 году. Работал помощником адвоката. Вслед за своим отцом сначала вступил в НСДАП, а затем в СС.



— Доктор Отто Экштейн. Родился в 1912 году. После окончания университета работал в партийной комиссии по цензуре, откуда перешел в «особое книгохранилище» СС.

— Эрнст Меркель. Родился в 1907 году. Начал свою службу в СС в Лейпцигском «особом книгохранилище».

— Доктор Фридрих Христиан Муравский. Родился в 1898 году. Один из немногих армейских капелланов, который защитил кандидатскую диссертацию. После вступления в НСДАП был лишен сана. После прихода к власти нацистов работал на курсах повышения квалификации в «Немецком трудовом фронте». В 1935 году вступил в СС. Являлся одним из ведущих специалистов в СД по церковным вопросам. В 1943 году изгнан из СС за «сочувствие к евреям и высказывание филосемитских идей».

— Фридрих Фердинанд Норфолк. Родился в 1899 году. В 1924 году был награжден моравской литературной премией. В 1935 году переехал в Лейпциг. В 1942 году получил признание немецкой общественности за роман «Сердце в танке».

— Профессор Вильгельм Август Патин. Родился в 1879 году. Преподавал каноническое право в Мюнхене. В 1934 году вступил в НСДАП.

— Рудольф Рауль Райсман. Родился в 1910 году. Учился в Дрездене, Мюнхене, Париже и Лейпциге. В ноябре 1936 года поступил на службу в СД.

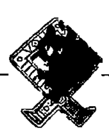
— Рудольф Рихтер. Родился в 1905 году. Несостоявшийся учитель, который работал на «Средненемецком радио» в Лейпциге.

— Готтфрид Рушке. Родился в 1912 году.

— Герхард Шмидт. Родился в 1911 году. Один из инициаторов написания «Библиографии национал-социалистического движения».

— Барон Шренк фон Нотцинг. Родился в 1916 году. Учился в старших классах у Шпенглера. Параллельно с работой в «Зондеркоманде X» изучал юриспруденцию в Берлине.

— Альфред Фердинанд Карл Вентцель. Родился в 1910 году. После обучения на торговца примкнул к националистической парами-



литаристской организации «Вервольф». Несмотря на молодой возраст, считался одним из ветеранов штурмовых отрядов в Лейпциге. Вступил в СС в 1935 году.

— Доктор Ганс-Петер Коудрес. Родился в 1905 году. В 1930 году вступил в НСДАП. Работал библиотекарем в «Немецком книгохранилище» в Лейпциге. Пользовался расположением Гиммлера. Со временем был переведен на работу в замок Вевельсбург.

Кроме перечисленных выше людей, в работе «Зондеркоманды Х» принимал постоянное участие «особый заключенный» концентрационного лагеря Заксенхаузен Герберт Бланк. Этот человек в свое время являлся одним из идеологов левого крыла НСДАП. Вместе с Отто Штрассером он покинул гитлеровскую партию и создал «Черный фронт», который был запрещен в Третьем рейхе как подрывная организация. От неминуемой расправы после ареста его спасло личное заступничество Генриха Гиммлера.

Для решения отдельных задач СД привлекало некоторых ученых, например, докторов Эбергарта Шмидера и Вильгельма фон Эренвиссена, а также профессоров Карла Юстаса Обенауера и Гюнтера Франца. Как мы видим, состав «Зондеркоманды» был достаточно представительным. В основном это были молодые люди, которые имели блестящее образование. Это еще раз подчеркивает, с какой серьезностью Гиммлер относился к этому проекту.

В 1981 году Гюнтер Франц в одном из своих докладов рассказал о беседе с Германом Раушнингом, национал-социалистическим диссидентом, который бежал в середине 30-х годов в Англию, где издал ряд книг, разоблачающих Гитлера: «Говорит Гитлер», «Зверь из бездны». Так вот, Раушнинг, тогда еще высокопоставленный нацистский деятель, охарактеризовал воззрения Гиммлера следующим образом: «Его мало интересует новая история. Он всячески способствует изучению ведьм и еретиков, так как полагает, что в них жило германское культурное наследие».

Сама «Зондеркоманда» никогда не имела четкого места обитания. Вначале она ютилась в берлинском отеле «Принц Альбрехт».

Затем перебралась в Лейпциг. В годы войны она базировалась в конфискованном польском замке. Формально она числилась в СД, при главном управлении I/3. Еще точнее обозначение выглядело следующим образом — СД I/ 323 X. Именно под этой сигнатурой она появлялась во всех официальных бумагах. Оказавшись в составе СС, все участники этого проекта получили не только эсэсовские звания, но и соответствующие служебные посты. Доктор Левин, к слову, занимал формально пост референта по вопросам образования и высшей школы при отделе «Жизненно важных сведений». После реорганизации СД в 1939 году, Зикс стал непосредственно подчиняться шефу РСХА Рейнхарду Гейдриху. Теперь «Зондеркоманда X» действовала при VII Управлении РСХА. Сам проект получил новое чиновничье наименование — РСХА VII С 3 — «Особые научные поручения».

Если говорить об истории Третьего рейха вообще и истории СС в частности, никак нельзя обойти стороной пресловутую «борьбу компетенций». Она бушевала на всех просторах Германии. Между различными ведомствами, различными функционерами, всеми и вся. «Зондеркоманда X» не была исключением. В 1938 году произошел бурный и скоротечный конфликт между «Зондеркомандой» и «Наследием предков», которое 13 июня 1938 года было введено Гиммлером в состав своего Личного штаба.

Остановимся на нем поподробнее. Начало этого конфликта было заложено задолго до возникновения «Аненербе» и «Зондеркоманды X». Дело в том, что в 1934 году была опубликована книга «Тайные культовые мужские союзы германцев», автором которой был Отто Хёфлер, ученый, принадлежавший Венской школе Рудольфа Мукса. В этой работе он изображал раннее германское общество как результат существования героически-демонического культа умерших, который был поставлен мужскими союзами в центр всей социальной жизни. По мнению ученого, именно этот культ был источником возникновения всех религиозных, этических и социально-политических представлений в германском обществе. Именно тайные мужские союзы древности послужили прототипами для го-

сударства и всех общественных институтов. В конце работы Хёфлер достаточно критически анализировал все идеалистические и романтические представления о древнем строе германцев.

Работа Хёфлера тут же подверглась нападкам со стороны партийных догматиков и поборников расовых идей. Главным объектом для атак стал вывод ученого о том, что ведьмы изначально преследовались тайными мужскими союзами. Действительно, при написании своей книги Хёфлер руководствовался научными, а не идеологическими соображениями. Он собирал этнографический материал, проводил параллели между различными народами, в том числе до сих пор пребывавшими на стадии первобытности. Отталкиваясь от средневековых европейских сюжетов об «ораве дикого охотника», «диких охотах», «набегах масок», он видел в этих мифологических событиях отголосок «террористических» действий тайных союзов, члены которых маскировались под мертвых, демонов и духов. Запуганное население воспринимало эти набеги вовсе не как действия замаскированных людей, а как акты реальных духов и демонов, которые требовали приношения жертв. Подобная трактовка прошлого никак не соответствовала нацистскому изображению древнего героического германца.

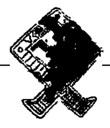
Более того, Хёфлер делал вывод почти еретический для нацистской науки — мужские союзы охотились в первую очередь на [illegible]ставительниц уходящего матриархального к[illegible]оторые [illegible]впоследствии были изображены в качестве ведьм и колдуний. Таким [illegible]ом, преследование ведьм было вовсе не [illegible]трусским пережи[illegible]ком, не преступлением католичества, а закономерной стадией в развитии общества. Более того, это было исконной функцией тайных мужских союзов германцев.

Хёфлер на многочисленных примерах показывал, что мотив «диких охотников» за женщинами и ведьмами был общеевропейским. Если же говорить о скандинавских и германских сказаниях и сагах, то в них не прослеживалось ни малейшей симпатии к женщине, за[illegible]енной «дикой охотой». То есть в данной ситуации и речи не

могло быть о том, что преследование ведьм было продиктовано азиатским влиянием на Европу. Во многих северных странах «охота» на женщину была чуть ли не обязательной процедурой, которая совершалась в соответствии с сакральными требованиями, а вовсе не из жадности или любви. В то же время древние саги и легенды передают образ ведьм и «колдовских аббатов», переполненных необузданной похотью. Проблема осложнялась тем, что почти все подразделения НСДАП: Гитлерюгенд, штурмовые отряды, СС — идеально подходили под образ «мужского союза». Как ни странно, но защиту Хёфлер нашел там, где меньше всего ожидал — в эсэсовском обществе «Наследие предков». Куратор общества Вальтер Вюст стал лично покровительствовать этому ученому, которого ввели в штат «Аненербе». Поначалу он даже должен был представлять это общество в только что присоединенной к рейху Австрии.

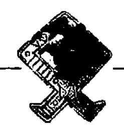
Но не стоило забывать, что идеи, высказываемые Хёфлером, полностью противоречили установке Гиммлера, что «немецкую кровь изводили церковь и евреи». И если Левин считал, что колдовство доказывало исполинские противоречия между христианской рассудительностью и народной душой, то Вюст придерживался другой точки зрения. Он полагал, что христианство стало духовной властью, которая изменила немцев, а потому глубокая духовность народных верований могла быть эффективной только в нетронутом христианством обществе.

Как видим, и «Наследие предков», и СД претендовали на [illegible]ние колдовских процессов. Но в итоге Гиммлер решил, что исследованием этого вопроса должно заниматься СД, так как служба безопасности хотя бы по своему функционалу была ближе к проблеме борьбы с идеологическим противником в лице католической церкви. К тому же его явно не устраивали выводы Хёфлера, но Гиммлеру доставляло несказанное удовольствие позлить Розенберга, который не мог теперь критиковать Хёфлера, ставшего эсэсовским офицером.



Попытки руководства «Аненербе» как-нибудь обойти этот приказ не увенчались успехом. Но тем не менее некоторое время велась параллельная работа по одной и той же тематике. В 1938 году руководство «Наследия предков» даже преподнесло Гиммлеру рукопись, посвященную некоторым процессам над ведьмами, организованным инквизицией. Но вместо ожидаемого одобрения оно получило от рейхсфюрера СС изрядный нагоняй: «Аненербе» не должно заниматься изучением обстоятельств процессов над ведьмами, так как это исключительная задача СД». Подобное распоряжение поступило и в саму «Зондеркоманду Х». Более того, в приложении к этому приказу приводился текст рукописи, подготовленной в «Аненербе». 22 июня 1938 года Вильгельм Шпенглер, уполномоченный Зиксом и Гейдрихом, обратился к имперскому руководителю «Наследия предков» Вольфраму Зиверсу с требованием передать ему все документы и наработки, касающиеся преследования ведьм и схожей тематики. Когда стало ясно, что конкуренции больше не будет, пришлось задуматься над планом предстоящих работ. Рудольф Левин, как формальный глава «Зондеркоманды», написал программу действий, которая состояла из следующих пунктов: расовые и исторические последствия процессов над ведьмами, роль женщины в этих процессах, обзор соответствующей литературы и составление тематической библиографии. За непосредственное выполнение программы Зондеркоманды», называвшейся Гер[illegible] [illegible]кие [illegible]ног[illegible] [illegible]олуждений о ведьмах», отвечал Эрнст Меркель. Интересны неко[illegible] [illegible] Германская магия. [illegible] исходящая [illegible] солнца. — Сравнение с формами волшебства Передней Азии». Как видим, интерес сотрудников «Проекта Х» выходил далеко за рамки преследования ведьм.

Учитывая академическое образование большинства членов «Зондеркоманды Х», с выполнением последнего пункта программы у них особых трудностей не возникло. Вначале были досконально проверены фонды лейпцигских библиотек. За время осуществления «Проекта Х» эсэсовцы обработали более двух тысяч немецких



библиотек. Наиболее ценные материалы копировались и направлялись либо в замок Вевельсбург, либо прямо в СД. О том, насколько досконально эсэсовские специалисты изучали соответствующую литературу и документы, иллюстрирует один факт. В 1937 году в младоконсервативном журнале «Действие» («Ди Тат») один из членов «Зондеркоманды Х», Бруно Брем, опубликовал статью «Современная охота на ведьм», в которой проводил многочисленные параллели между судилищами инквизиции и московскими процессами, прогремевшими на весь мир в том же 1937 году.

Любые исследователи, даже если они являлись частными лицами, начав сотрудничество с «Зондеркомандой Х», должны были соблюдать определенную конспирацию и секретность. Это не было перегибом, так как все сотрудники «Проекта Х» имели доступ к многочисленным секретным документам, касавшимся не только процессов над ведьмами, но и деятельности СС и всей нацистской партии. Любые поездки по стране сопровождались мерами повышенной секретности. Например, для того, чтобы направиться в марте 1936 года к поэту Петеру Випперту, проживавшему на одном из островов Балтийского моря, Франц Зикс получил в свое распоряжение автомобиль гестапо, что было нарушением служебной субординации. В обычных условиях это было бы достаточно серьезным нарушением. Но любые действия «Зондеркоманды Х» были окутаны завесой тайны и не разглашались. Поездка к обозначенному поэту была вызвана тем обстоятельством, что Випперт написал рукопись в которой рассматривал оригинальные «колдовские» источники. В свое время он попытался опубликовать ее в издательстве Людендорфа, но книга попала под запрет. Скорее всего, интерес к этому произведению никогда не возник бы снова, если бы до руководства СД не дошли слухи о том, что у Петера Випперта находились оригинальные документы процессов над 240 ведьмами. Не надеясь заполучить оригиналы, эсэсовское начальство очень рассчитывало снять с них фотокопии

Одновременно с «обработкой» фондов библиотек «Зондеркоманда X» пыталась проложить путь в немецкие архивы. Это было не так просто, как казалось на первый взгляд. Первые неприятности ждали эсэсовцев в Штутгарте. 11 июня 1935 года, то есть почти сразу же после передачи СС замка Вевельсбург, государственный архив Штутгарта посетил библиотекарь эсэсовского замка унтерштурмфюрер Ганс-Петер Коудрес. Там он запросил подробную справку о документах периода Крестьянской войны, повествовавших о преследовании ведьм. Руководитель архива Герман Херинг, известный противник «нового язычества», порекомендовал для начала ознакомиться с литературой по этому вопросу. Но в ответ прозвучало наглое требование — именем рейхсфюрера СС передать все интересующие документы в замок Вевельсбург. Естественно, последовал отказ.

История получила свое продолжение летом 1937 года, когда упрямый архивариус отказался передавать документы, несмотря на сильное давление сверху. Более того, он отказался допускать до работы с документами одного из офицеров СД, мотивировав это низкой квалификацией специалиста. И лишь 15 августа сопротивление Херинга было сломлено. Но и в этом случае речь шла не о передаче документов, а всего лишь об их фотокопировании. Подобный инцидент был далеко не единичным. Работникам «Проекта X» постоянно [illegible] сталкиваться с нежеланием пе[illegible] им истор[illegible]ие документы из архивов. Для преодоления стольких неожидан[illegible]ностей «Зондеркоманде X» пришлось даже с[illegible] специальный отдел, который бы занимался лишь получением необходимых согласований на работу в архивах и выемку документов. Если верить документам, то с бумажной волокитой эсэсовцы не столкнулись только в Баварском государственном архиве Нойбурга.

Надежды Гиммлера на скорейшую реализацию проекта не оправдывались. По задумке руководства СД архивы должны были присылать в «Зондеркоманду X» все запрошенные документы. Но [illegible]ле немногочисленным участникам «Проекта X» приходилось

самим ездить по стране, неделями сидеть в архивах, делать выписки и зарисовки.

Но со временем эсэсовцы стали действовать более тонко и изысканно. Они перестали прибегать к прямым действиям. В отличие от случаев, когда эсэсовцев ждали неудачи, сотрудники «Зондеркоманды X» стали расширять свои «частные» контакты с исследователями и учеными. Эти добровольные помощники очень искусно маскировали деятельность «Проекта X». Перед тем как направиться в тот или иной архив, велась долгая переписка якобы от лица студентов или докторантов Лейпцигского университета. Те, естественно, и не думали упоминать пресловутую «Зондеркоманду». Так, например, в 1941 году в Берлинский архив вначале пришел запрос о наличии литературы, посвященной средневековым процессам. В ходе переписки якобы соискатель на научную степень поинтересовался наличием документов, которые касались темы его диссертации «Процессы над ведьмами, волшебство и суеверия».

Другим приемом для добычи документов являлось составление и уточнение данных по генеалогии семей, в которых числились ведьмы и колдуньи. Этим вопросом, как правило, занимался непосредственно Рудольф Левин. В этом направлении деятельности возникало гораздо меньше проблем, так как для составления родословной требовались в основном лишь выписки из церковно-приходских книг, а в некоторых случаях городских хроник и летописей. За подобную деятельность полагалась небольшая оплата из фондов СД, от которой служащие небольших городов, само собой р меется, не отказывались. Но по-настоящему в полную силу «Зондеркоманда X» заработала, когда заручилась поддержкой «Семинара вспомогательных исторических наук исторического факультета Лейпцигского университета». Именно эта структура стала направлять запросы в различные архивы Германии. Для прикрытия Рудольф Левин был оформлен в этой структуре как внештатный сотрудник, который занимался написанием статьи о «духе позднего Средневековья». Подобное прикрытие не просто открыло двери

почти во все немецкие архивы, но даже в частные фонды, фактически контролировавшиеся католической церковью. Попробуй эсэсовцы проникнуть в них в своей форме и со своими документами, они неминуемо получили бы от ворот поворот.

Но и здесь не обошлось без накладок. Например, в коммерческом отделе Лейпцигского университета вызвали если не переполох, то изрядное удивление огромные счета, предоставленные архивом г. Бамберг. Дело в том, что сам Райсман не являлся сотрудником университета, а лишь некоторое время учился в нем, так и не получив долгожданного диплома. Но скандал удалось вовремя замять, и ситуацию оперативно исправили.

Затем позиции «Проекта Х» усилились, когда Франц Зикс стал не только учредителем, но и деканом зарубежного научного факультета в Берлинском университете. После этого документы и выписки из исторических актов направлялись к нему на кафедру. Их обработка была поручена специально выделенным офицерам СД.

Подобная «конспирация» соблюдалась не только в рамках «Проекта Х», но и при исследованиях масонства, которыми также занималась СД. Эсэсовская служба безопасности, учтя свои ранние ошибки, предпочитала вообще больше не использовать собственные бланки. Все письма, проходящие по этим делам, адресовались на частный адрес: Берлин, Вильмерсдорф, Эмзер-штрассе 12-13.

Кроме частных исследователей и научных структур, СД использовала для прикрытия такую организацию, как Имперское студенческое руководство, главой которого 6 ноября 1936 года стал Густав Адольф Шеель — старый знакомый Зикса.

Со временем «Зондеркоманда Х» стала прибегать к подобной маскировке только в тех случаях, где могла столкнуться с бюрократическими препятствиями. С началом войны эсэсовским специалистам нередко удавалось заполучить желаемые документы, ссылаясь на воздушные налеты и необходимость эвакуации наиболее ценных исторических актов в более защищенные места, чем здания архивов. В ходе осуществления подобной эвакуации специалисты «Зон-

деркоманды X» беспрепятственно знакомились с любыми интересующими их архивными фондами. Если же руководство архивов прознавало об этом, то получало ответ, что сотрудники СД использовали документы вовсе не для подготовки какой-то научной публикации, а лишь для составления статистики, необходимой руководству СС. Документы, как правило, тут же копировались либо переписывались.

Как уже говорилось выше, почти все сотрудники «Проекта X» имели высшее образование, но это еще не было залогом их высокой квалификации. Именно по этой причине руководство СД проводило для «Зондеркоманды X» неоднократные курсы повышения квалификации. Первые курсы были начаты в октябре 1936 и длились до мая следующего года. Интересно, на каких темах было решено сосредоточить внимание сотрудников «Проекта X». Кроме общих лекций по истории средневековой Германии, эсэсовцам преподавались такие узко специфические дисциплины, как архивоведение, палеография и искусствоведение. И при этом ни одной политической лекции! Обучение должно было вестись силами специально созданного при СД «научного подразделения». Вторые курсы повышения квалификации начались во второй половине 1942 года. На этот раз лекции по вспомогательным историческим дисциплинам читали сугубо специалисты дирекции Центрального архива Пруссии. Скорее всего, поводом для проведения вторых курсов повышения квалификации стали ошибки и неточности, обнаруженные Эрнстом Меркелем в картотеке «Зондеркоманды X». На эт обучение носило не только теоретический характер — все обучающиеся должны были выполнять специальные палеографические упражнения и задания.

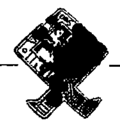
Нынешние исследователи «колдовской картотеки» Генриха Гиммлера считают, что многочисленные погрешности и неточности вызваны исключительно недостаточным образованием сотрудников «Проекта X». Но тут нельзя списывать со счетов и такие факторы, как сжатые сроки, отведенные руководством СС «Зондеркоман-

де X» для выполнения ее задания, специфическую социальную обстановку и атмосферу, царившие в Третьем рейхе. К тому же не стоило забывать, что единственным критерием оценки деятельности «Зондеркоманды X» был рост картотеки, куда заносились колдуньи и ведьмы, а вовсе не качество обработки материала. Гиммлера интересовали вовсе не научные открытия, а пропагандистские материалы и формирование собственной эрзац-религии. А теперь прибавьте к этому нежелание многих немецких архивов сотрудничать с эсэсовскими службами. Так что ошибки совершались, как правило, отнюдь не из-за низкого уровня образованности эсэсовцев, а по ряду совершенно других субъективных причин.

Естественно, работа сотрудников СД не шла ни в какое сравнение с научными разработками ученых по этой тематике. Но специалисты «Проекта X», повторюсь еще раз, не брали на себя ответственность за научные разработки, они вели простой учет зарегистрированных случаев колдовства. К тому же не стоило забывать, что в годы войны исследования колдовских процессов было очень затруднительно приравнять к важным военным задачам.

Итак, главным результатом 9-летней деятельности «Зондеркоманды X» стала так называемая «колдовская картотека», в которой содержались сведения о 3670 казненных ведьмах и наличествовали 33 846 карточек о проведении расследований по делам колдуний. Кроме этого картотека содержала в себе также множест[illegible] [illegible]ок, копий документов, обширную библиографию, составленную [illegible]вцами. Кроме этого, из-за войны фактически с[illegible] [illegible]осуществление таких начинаний, как публикация специальных книг в издательстве «Нордланд» и съемка специальных исторических фильмов по колдовской тематике.

Сама «картотека» состояла из карточек, образцы которых были лично разработаны Шпенглером. В каждой карточке, являвшейся белым бумажным листом формата А4, содержались 57 полей. Большая часть деятельности сотрудников «Зондеркоманды X» состояла в том, что они, сидя за письменным столом, переносили добытые в



архивах сведения в соответствующие графы «колдовской карточки». Как правило, эти формуляры никогда не заполнялись полностью, так как сведения о ведьмах нередко носили куцый характер. До сих пор непонятно, чем руководствовался Шпенглер, когда составлял эти формуляры. Скорее всего, он опирался на «Атлас немецкої этнографии».

Процесс заполнения формуляров тоже не был простой формальностью. Он проходил в несколько этапов. На каждом этапе требовалось согласование соответствующего начальства. В итоге каждый из формуляров оказывался на столе у руководства «Зондеркоманды X», где также визировался. Лишь после этого формуляр поступал в картотеку. Какие же графы содержались в формуляре: имя колдуньи, место ее рождения, место казни, обвинение, выдвинутое против нее, литература или источник, в котором говорилось о ней. А также малопонятные графы «Проблемы I — ... VIII».

То, что закрытая по своей сути деятельность «Проекта X» была ориентирована главным образом на подготовку активной антиклерикальной политики, спасло «Зондеркоманду X» от открытого обсуждения результатов, которых удалось достигнуть. Кроме этого, Гиммлер рекомендовал руководству СД ***как можно позже*** оглашать итоги деятельности и воплощать в жизнь наработки «Зондеркоманды X». Рейхсфюрер не хотел раньше времени вызвать негативную реакцию со стороны консервативных церковных кругов, осложняя тем самым работу сотрудников «Зондеркоманді X Опасения были вполне справедливыми. Как мы могли заметить, многие работники архивов, являвшиеся католиками, весьма неохотно шли на сотрудничество с эсэсовцами, высказывавшими идеи «нового национал-социалистического мира». Поначалу эсэсовские исследователи могли реализовать свои наработки в подготовке справочников, посвященных мировоззренческим врагам национал-социализма Они принимали активное участие в подготовке словарных статей «масоны», «евреи», «современные секты». Их

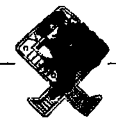
публикации можно было также обнаружить в журнале «Народ в процессе становления», издаваемом одним из главных национал-социалистических философов Эрнстом Криком. В этом журнале Франц Зикс опубликовал статью о конструкции клятвы масонов, Герберт Хаген совместно с Адольфом Эйхманном разрабатывал планы о переселении евреев. Одним из немногочисленных исключений — текстом, в котором затрагивалась проблема ведьм, — была статья «Сожженный бог». В ней приводились длинные цитаты из «Руководства инквизитора», которые автор, скрывавшийся за литерами Фр. М., обнаружил в одном францисканском монастыре. Только посвященные могли знать, что статью написал Фридрих Муравский (Фр. М.), который в то время занимался изучением проблемы сопротивления германского населения «инородной католической вере». А вот статью Шпенглера и Левина, посвященную «Проблеме миссионерства в Германии», опубликовать не удалось. По словам самого Шпенглера, эта публикация с точки зрения «Проекта Х» была идеально проработана. Ее лейтмотивом была борьба «германских жизненных сил с врагами немецкого духа». В категорию последних зачислялись: христианство, масонство, иудаизм, марксизм. Именно с ними вел незримую борьбу немецкий народ, создав специфическую национальную структуру.

В 1942 году Рудольф Левин подготовил список публикаций, которые должны были быть напечатаны в рамках «Проекта [illegible] статьи должны были принципиально отличаться и по форме, и по содержанию от всех предыдущих материалов. Кроме того, в СД были запланированы специальные книжные серии, которые бы освещали отдельно взятые проблемы. Например, в издательстве «Нордланд», принадлежавшем «Наследию предков», предполагалось напечатать многотомную серию «Источники и изложение масонского вопроса». После предполагаемой защиты диссертации Рудольфа Левина планировалось начать выпуск двух книжных серий: «Источники и изображения политической церкви» и «Источники и комментарии по вопросу Х». Рукопись диссертации Левина была

признана скандальной, и ее отказались принять к рассмотрению в Мюнхенском университете. Уровень диссертации, видимо, действительно был очень слаб, так как отказ поступил от декана Вальтера Вюста, который, как мы помним, был куратором «Аненербе». Не меньшее разочарование ждало и Эрнста Меркеля. Руководство СД обещало ему поспособствовать с защитой диссертации. Но декан философского факультета Гиссенского университета отказался принять рукопись к рассмотрению. В ответе, пришедшем к Меркелю, говорилось, что его работу рассмотрят после окончания войны.

Если говорить о популярной или, как выражались в Третьем рейхе, «народной» литературе, то работу над этим направлением рейхсфюрер СС поручил Фридриху Норфолку. Норфолк — немецкий писатель из Судетской области Чехословакии, был неоднократным лауреатом Имперских литературных премий. В поле зрения Гиммлера и Зикса он попал еще в 1940 году. В начале июня этот литератор был зачислен в штат VII Управления РСХА и в течение двух месяцев работал с документами и картотекой «Проекта X». Тогда Норфолку поступил заказ — через полгода написать исторический роман, основой для которого послужили бы события в Оснабрюке. 12 мая 1943 года литератор даже заключил на публикацию романа договор с издательством «Нордланд». Позже идея написания романа переросла в намерение создать трилогию, посвященную ведьмам. На эту задачу Норфолку отводилось около трех лет. Когда Гиммлер увидел наброски к этому произведению, то решил, что работа Норфолка не решала поставленных задач. После этого он рекомендовал писателю создавать короткие истории (80 — 100 страниц), которые рядовой немец мог бы прочесть достаточно быстро. Но близился конец войны и про «колдовские книжки» очень быстро забыли.

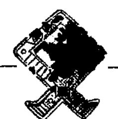
В недрах СД возникла также идея создать специальные иллюстративные альбомы, которые как бы дополняли предполагаемые книжные серии. Первый альбом должен был приводить не только изображения ведьм, адских картин и инфернальных существ (вам



пиров, оборотней и т.д.), но и тех, кто с ними боролся: папы, инквизиторы, палачи. Во втором томе планировалось опубликовать рисунки, изображающие казни, пытки, судебные процессы над колдуньями. В том же альбоме намечалось поместить в качестве приложения факсимиле наиболее интересных документов, касавшихся преследования ведьм. Впрочем, этот проект, предложенный Рудольфом Левиным в январе 1942 года, так и не нашел своего продолжения. Схожую мысль в свое время, кстати, высказывал Шпенглер, который совершал поездки по всей Германии. По возможности он фотографировал «памятные места» (башни ведьм, камеры пыток, орудия истязаний и т.п.). Он даже предполагал создать специальную коллекцию фотографий подобной тематики, но служебные дела не позволили ему сделать этого.

Следуя последнему слову техники, рейхсфюрер СС решил, что в «Проекте Х» необходимо использовать такое мощное средство пропаганды, как кино. Уже знакомый нам Норфолк, пребывавший в тот момент в Лейпциге, должен был не только состряпать «колдовскую трилогию», но и проявить талант драматурга и написать сценарий для «колдовского кино». Но Гиммлер переоценил способности Норфолка. В итоге «Кинопроект Х» достался гауптштурмфюреру СС Хайнцу Баллензифену. В свое время этот человек был сотрудником Министерства пропаганды, которое возглавлял Йозеф Геббельс. Баллензифен принимал самое активное участие в создании антисемитской агитки «Вечный жид». Правда, кино о ведьмах он так и не снял. Но после своего двухлетнего сотрудничества с «Зондеркомандой Х» он получил весьма неплохой пост начальника «еврейского сектора» в РСХА.

Особый момент в истории «Проекта Х» наступил, когда немецкая армия буквально за какие-то полгода смогла оккупировать большую часть Европы. Теперь сотрудники «Зондеркоманды Х» не стесняясь проводили конфискации во всех архивах, библиотеках и частных коллекциях. Но вот что интересно, большая часть специфической литературы, попавшей в руки СС, направлялась вовсе не в



штаб-квартиру СД или Вевельсбург. Ее направляли в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Именно там содержался «особый заключенный» — Герберт Бланк. Этот человек в свое время был одной из самых ярких фигур в «левом крыле» НСДАП. Он вместе с Отто Штрассером покинул гитлеровскую партию и начал яростную борьбу против фюрера. Именно Бланк был автором знаменитого разоблачительного памфлета «Гитлер = Вильгельм III». После прихода к власти нацистов он не успел скрыться из страны и был схвачен гестапо. Его судьба была предрешена, если бы Гиммлер не проявил интерес к оппозиционному публицисту. Дело в том, что Герберт Бланк был известен не только как левый национал-социалист и сподвижник Отто Штрассера, но и как автор нескольких исторических романов и эссе, затрагивавших историю крестьянской войны. По сути, Бланк был дублером Норфолка. Даже не подозревая, для чего проводится эта работа, он охотно обрабатывал представляемые ему материалы, делал наброски статей и рассказов. Может быть, только благодаря этому ему удалось не сгинуть в аду концлагеря.

Сюжет, касающийся осуществления «Проекта X», на самом деле порождает больше вопросов, нежели ответов. Почему сотрудники изучали не только акты и документы, но и основы магии? Какие разработки удалось осуществить членам «Зондеркоманды»? Почему в один момент «Зондеркоманда X» перебралась из удобного Лейпцигского книгохранилища в неуютное здание Берлинской масонской ложи? На некоторые вопросы о деятельности «Зондеркоманды» так и не удалось ответить, потому что многие документы, освещающие ее деятельность, погибли во время войны. Можно уверенно сказать только одно: Гиммлеру в очередной раз не удалось достигнуть своей цели — он не смог создать стройное и логическое «здание» новой немецкой религии.

Глава пятая

Взлет и падение Германа Вирта

Жрец ответил ему: «Мне не жаль, Солон; я все расскажу ради тебя и вашего государства, но прежде всего ради той богини, что получила в удел, взрастила и воспитала как ваш, так и наш город. Однако Афины она основала на целое тысячелетие раньше, восприняв ваше семя от Геи и Гефеста, а этот наш город — позднее. Между тем древность наших городских установлений определяется по священным записям в восемь тысячелетий. Итак, девять тысяч лет назад жили эти твои сограждане, о чьих законах и о чьем величайшем подвиге мне предстоит вкратце тебе рассказать; позднее, на досуге, мы с письменами в руках выясним все обстоятельнее и по порядку»

Платон «Диалоги. Тимей»

Имя Германа Вирта неизменно увязывается с возникновением и развитием нацистской мистики. Этот полуголландец-полунемец родился в 1885 году в семье учителя в нидерландском городе Утрехт. В юности Вирт проявлял интерес к гуманитарным наукам. После изучения в Лейпциге и родном Утрехте философии, германистики, истории, теории музыки он вместе с этнографом Джоном Мейером издал работу «Закат народных голландских песен». Уже тогда молодой талантливый ученый был ярым приверженцем идей пангерманизма, разделяя идеалы романтическо-националистических органи-

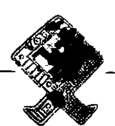
заций, планировавших трансформировать всю Европу. Начало Первой мировой войны застало его в Берлинском университете, где он преподавал голландскую филологию. Не задумываясь, он ушел добровольцем в кайзеровскую армию. Заметив молодого специалиста, германское командование направило его на создание «фламандского движения». Скорее всего, он служил германским офицером при так называемых «фламандских активистах». Эти люди, являясь сепаратистами, уже давно мечтали о разрыве культурных и политических связей с Валлонией, ориентированной на Францию. До сих пор остается неясным, какую роль во всем этом должен был сыграть Вирт. Сам он позже невнятно писал о ставке на Германию и Фландрию. Его биографы замечали, что в это время он являлся последовательным приверженцем великогерманского мышления. Эта фраза вряд ли что объясняла. Вероятнее всего, Вирт тогда являлся поборником идеи «Великих Нидерланд», в которую он добавил немецкий «фёлькише»[1] элемент. Но, видимо, «великоголландские федералисты», именно так именовали себя поборники этой идеи, не прислушались к своему пронемецкому земляку. Об этом говорил хотя бы тот факт, что в сентябре 1916 года кайзер Вильгельм II лишил почетного звания титулярных профессоров всех голландских «вальдойче» (людей, ставших добровольно немцами), так как те пропагандировали сепаратистские идеи. Вирт разделил судьбу этих голландцев.

Можно рискнуть предположить, что в свое время Вирт входил в организацию «Landbond der Deitsche Treckvogel» — «Союз голландских перелетных птиц», аналог немецких «Вандерфогель» («Пере-

[1] «Фёлькише» — массовое «культурно-политическое» движение в Германии (с немецкого дословно переводится как «народничество»). Со второй половины XIX века методически адаптировало до массового уровня, тиражировало и пропагандировало идеи национализма, пангерманизма, геополитики, антисемитизма, социал-дарвинизма и реакционного (феодального) романтизма. Достижения «фёлькише» — как методологические, так и эстетико-пропагандистские — были позднее практически полностью интегрированы нацизмом.

летные птицы»), консервативного молодежного движения, проповедовавшего возврат к природе и романтический национализм.

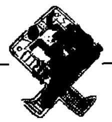
Что же делал Вирт в 1917 — 1918 годах? Одно время он преподавал в Брюссельском университете фламандский язык. Но почему пангерманист Вирт не вернулся обратно в Германию, предпочитая зарабатывать хлеб преподаванием, что особого дохода тогда не приносило? Причина, наверное, кроется в том, что после крушения монархии республика решила отказаться от реакционных специалистов, тем более тех, кто был иностранцем. В Германию Вирт вернулся лишь только в 1923 году. Он поселился в Марбурге и, не найдя достойной работы, занялся частными исследованиями. Именно здесь он начал работать над своей книгой «Происхождение человечества». Она была опубликована в Йене пять лет спустя. Но все-таки основной темой его исследований осталась германистика. Здесь его научные интересы переплетались с националистическими убеждениями, создавая гремучую смесь. Его научные и политические цели, фактически совпадая, состояли в том, чтобы возродить и усилить чистую немецкую духовность, которую он противопоставлял Веймарской республике и либеральной науке. В отличие от многих публицистов того времени, находившихся в лагере «фёлькише», Вирт старался, чтобы его теории имели достаточное научное обоснование. Впрочем, сейчас его система доказательств может показаться более чем сомнительной. Уже в своей диссертации он писал, что забвение народных голландских песен было предопределено развитием всемирной экономической системы, что космополитизация хозяйственной системы вела к трагическому крушению культуры Нидерланд. Создавая собственное видение мира, он решил опираться на весьма оригинальную методику. Обобщая письменные системы средиземноморских народов, символику североафриканских племен, наречия индейцев Северной Америки и эскимосов, он пришел к выводу о существовании культурной общности народов североатлантического бассейна. В подтверждение этого он почему-то приводил письменные памятники, найденные в Юго-Запад-



ной Европе, а не на севере континента. Опираясь на подобные документы, он вывел существование древней единой монотеистической[1] религии. Теперь он стал преследовать более высокую цель, нежели просто романтический национализм. Он захотел воссоздать ту древнюю религию, которая должна была послужить толчком к возрождению нордической расы и освобождению ее от «проклятия» цивилизации, зла, заставившего забыть свои истинные корни.

Вирт решил начать с малого. Освобождение от «проклятия цивилизации» стало проводиться в жизнь прямо в Марбурге, где Вирт объединил вокруг себя фанатичных сторонников, проповедуя им «нордическое вегетарианство». Свой нордизм Вирт пытался показать окружению, восстанавливая древнегерманские костюмы, в которых ходили он и его супруга Маргарет. Позже, после прихода нацистов к власти, он приписывал себе сотрудничество с НСДАП уже в начале 20-х годов. В то время он якобы считал эту партию той силой, которая могла восстановить истинно немецкий образ жизни. Реальные же контакты с гитлеровцами были куда более скромными. В августе 1925 года, когда НСДАП возродилась после «пивного путча», Вирт стал нацистом, но уже в июле 1926 года он покинул стан гитлеровцев. В тридцатые годы он объяснял свой поступок тем, что в качестве беспартийного деятеля он мог бы сделать гораздо больше для национал-социалистического движения и якобы его выход санкционировал сам Гитлер. На самом деле его шаг был предопределен тем, что он не хотел портить отношения с евреями, которые спонсировали его исторические исследования. В действительности с Гитлером он познакомился лишь в 1929 году, когда читал в Мюнхене лекции. Фюрер, не употреблявший в пищу мясного, проявил живой интерес к «нордическому вегетарианству» Вирта. Сам же Вирт однозначно заявил о своих симпатиях к национал-социализму только в 1931 году в своей статье «Что я называю немец-

[1] Исповедующей единобожие.



ким?». В ней он провозгласил свастику не просто символом германской древности, а сделал ее знаком обновления и подъема, на который, как пелось в национал-социалистической песне, «взирали миллионы, полные надежды»[1]. Более того, для Вирта свастика была отнюдь не мертвым политическим символом — он наделял ее душой и особым смыслом.

После прихода нацистов к власти в январе 1933 года Вирт издал работу «Признаки и душа свастики», в которой он восхищался Гитлером и национал-социализмом. Гитлер ознакомился с этим произведением и высказал свое одобрение, в котором упомянул раннюю работу Вирта «Происхождение человечества». Скорее всего, с этой книгой он мог познакомиться у партийного издателя Гуго Брукмана, которому ее преподнес лично Вирт. Вирт, обладавший тонким политическим чутьем, еще до прихода к власти национал-социалистов решил связать с ними свою судьбу. В октябре 1932 года он принял приглашение нацистов из Мекленбурга создать в городке Бад-Доберан «Исследовательский институт духовной истории древности». Он не просто охотно откликнулся на это предложение, но даже оставил созданное им в Берлине «Общество Германа Вирта» и своих многочисленных фанатичных сторонников. Именно в Бад-Доберане он основал структуру, которой суждено было стать предтечей Аненербе. Получая государственное субсидирование, здесь он был полностью свободен в осуществлении собственных идей, а самое главное — не был доступен для критики остальных германистов. Последние, в большинстве своем преподававшие в высшей школе, по мнению Вирта, были резко настроены против него. Причиной этого он считал свою беззаветную преданность немецкому народу и Германии. Вирт не преувеличивал и не сгущал краски. В германских университетах господствовала консервативная наука, которая презрительно относилась к радикальным научным течениям и популя-

---

[1]Речь идет о строчке из партийного гимна НСДАП «Хорст Вессель»:*Es schau'n auf's Hakenkreutz voll Hoffnung schon Millionen — Миллионы, полные надежды, взирают на свастику*

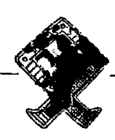
ризаторам в стиле «фёлькише». С другой стороны, Вирту, как и всем «фёлькише»-исследователям, было присуще определенное чувство собственной неполноценности, которое мешало им приобрести научное признание. Несмотря на то что Вирт имел академическое образование и ряд научных работ, двери университетов оставались для него закрытыми. Причиной этого были преимущественно псевдонаучные методики исследования древней истории. В итоге он был просто вынужден работать в рамках своего полугосударственного исследовательского центра. Справедливости ради заметим, что Вирта, свято верившего, что изыскания рано или поздно принесут ему грандиозный успех, такое положение устраивало гораздо больше, чем полное отсутствие государственной поддержки.

Его негативное отношение к немецкой профессуре было продиктовано не только научным тщеславием, но и дискуссиями о научной ценности работ Вирта, которые не утихали в высшей школе. Но тут он предпочитал, что называется, грести всех под одну гребенку, хотя далеко не все ученые скептически относились к полученным им результатам. Так, например, один из ведущих философов того времени Альфред Боймлер был принципиально не согласен с ироничной критикой и насмешками в адрес Вирта. В 1933 году во введении к книге «Что же значит Герман Вирт для науки?» он изложил точку зрения, согласно которой противоречия между Виртом и немецкими учеными были предопределены не научными, а общественно-политическими взглядами непризнанного исследователя. В той же самой книге известный германист Густав Некель писал, что Вирт сам осознавал собственные ошибки, что он пытался занимать независимую позицию, в то время как многие ученые были увлечены модными теориями, за что и попали под огонь критики этого исследователя.

Но, вопреки заступничеству известных ученых и исследователей, Вирт был отвергнут научным миром. Мнение научных кругов в целом сошлось на том, что его методы не имели ничего общего с наукой, а его теория, говорившая о том, что в каменном и бронзо-

вом веке люди поклонялись Небу-отцу и Земле-матери, — абсолютно абсурдна. В это время к нему и поступило предложение из Мекленбурга.

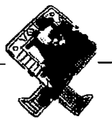
Помогать Вирту должны были несколько ассистентов. Но даже при частичной государственной поддержке он не мог рассчитывать на значительный успех, будучи отвергнутым научным миром. Основным направлением работы нового Исследовательского института стало копирование наскальных рисунков германских первобытных стоянок. Уже в 1932 году Мекленбургское правительство дало согласие на то, чтобы Вирт инсценировал в естественном интерьере свой доклад «Северная мать народов и заветы предков». Но этой постановке не было суждено сбыться. Причина этого банальна — отсутствие денег. Финансирование не появилось даже после прихода к власти нацистов. Сам Гитлер относился к «нордическому мировоззрению» Вирта без особых симпатий. Он говаривал: «Эти профессора и мракобесы, которые создают собственную нордическую религию, портят мне абсолютно все. Почему я допускаю это? Они вносят сумятицу. А всякая сумятица плодотворна». Подобное отношение со стороны нового имперского правительства стала для Вирта тяжелым ударом. Он вынужден был прекратить все свои исследования в Бад-Доберане, так как его научные проекты оказались финансово необеспеченными. Хотя новый режим сделал небольшой реверанс перед исследователем — в 1933 году Вирту «за утверждение германского духа» был пожалован титул профессора и предоставлено место преподавателя в Берлинском университете Фридриха-Вильгельма с ежемесячным окладом в 700 рейхсмарок. Для того времени эта сумма была достаточно крупной, чтобы Вирт отказался от подработок в качестве секретаря и домашнего учителя и посвятил себя только исследованиям. Жалование преподавателя было для него отнюдь не единственным источником финансирования. С 1933 года он являлся директором передвижной выставки, посвященной древней истории нордической расы. Кроме этого, Вирту оказывали достаточно щедрые пожертвования поклонники его теории: Матильда



Мерк из Дармштадта, сенатор Розалиус из Бремена, принцесса Мари-Адельхайд Ренс, представители индустрии и торговых домов. Так, например, Розалиус оказал активное содействие в организации передвижной выставки, проходившей сначала в Берлине, а затем в Бремене. Вопреки целому ряду неудач, Вирт не отказался от идеи исторического костюмированного действия. Он хотел, чтобы его сторонники смогли убедить прусского министра культуры Бернхардта Руста в необходимости этого мероприятия. Организация представления, естественно, должна была быть оплачена государством. Но убедить министра не удалось ни принцессе, ни сенатору — проект в очередной раз потерпел неудачу.

Чтобы привлечь к себе внимание, Вирт решил использовать свой последний козырь — он издал перевод старофризского документа, более известного как «Хроники Ура-Линды». Этот документ якобы содержал в себе историю фризской семьи Овер де Линда, начиная с VI века до нашей эры. Эти хроники уже исследовались в 1872 году голландским ученым Оттемом. Годом позже, в 1873 году, другой голландец, Бекеринг-Винкерс, заявил, что эта рукопись является исторической фальшивкой. По его мнению, признаками этого являлись следующие факты: во-первых, рунический строй оригинала был явно заимствован из латинского языка; во-вторых, язык оригинала являлся искаженным старофризским либо же переделанным на старофризский манер голландским языком; в-третьих, бумага рукописи была изготовлена в 1850 году, а затем ей был придан более древний вид.

Вирт, естественно, придерживался абсолютно другого мнения. Сам он начал изучать этот документ в 1923 году и только спустя десять лет рискнул вынести итоги исследований на суд общественности. «Настоящим я ручаюсь за достоверность так называемой «фальшивки», — писал Вирт в предисловии к своей книге, а затем обосновывал свою точку зрения. По его мнению, эта рукопись не могла быть фальшивкой, так как она передавала высокое мировоззрение народов региона Северного моря в период каменного века и излага



ла их мировую миссию в прежние времена. Искусственное старение бумаги Вирт объяснил тем, что она хранилась рядом с камином, а потому потемнела от дыма. Подобные банальные заявления вызвали шок — от него отвернулись все, даже те, кто, как Густав Некель, после войны говорил о необходимости объединения с Виртом в единый фронт. В 1933—1934 годах только ленивый не пнул Вирта в связи с «Хрониками». Большинство ученых считало, что правдоподобность этой гипотезы настолько мала, что «здание теории Вирта просто обречено на обвал».

Не остался в стороне от дискуссий и главный идеолог нацистской партии Альфред Розенберг. Свое недовольство Виртом и его деятельностью он выражал уже в 1930 году в своей книге «Миф XX века»[1]. Об этом он вспомнил в 1934 году в одной из своих речей. В ней он подчеркнул, что имя Вирта и его исследования стоит вычеркнуть из истории Германии. Но не следовало полагать, что ведомство Розенберга собиралось запретить «Хроники» — это явное преувеличение. Высказывание Розенберга надо трактовать как мысль о том, что нельзя ставить знак равенства между идеологией партии и взглядами Вирта. В целом же партийные структуры, в том числе комиссия по цензуре, никак не прореагировали на появление «Хроник»: официальная точка зрения об этой книге так и не была высказана.

Но факт остается фактом: в период с 1933 по 1934 год Вирт находился в изоляции, став для всех ученых персоной нон грата. Ситуация изменилась, когда писатель-пропагандист Йоханнес фон Леерс познакомил опального историка с рейхсфюрером СС Генрихом

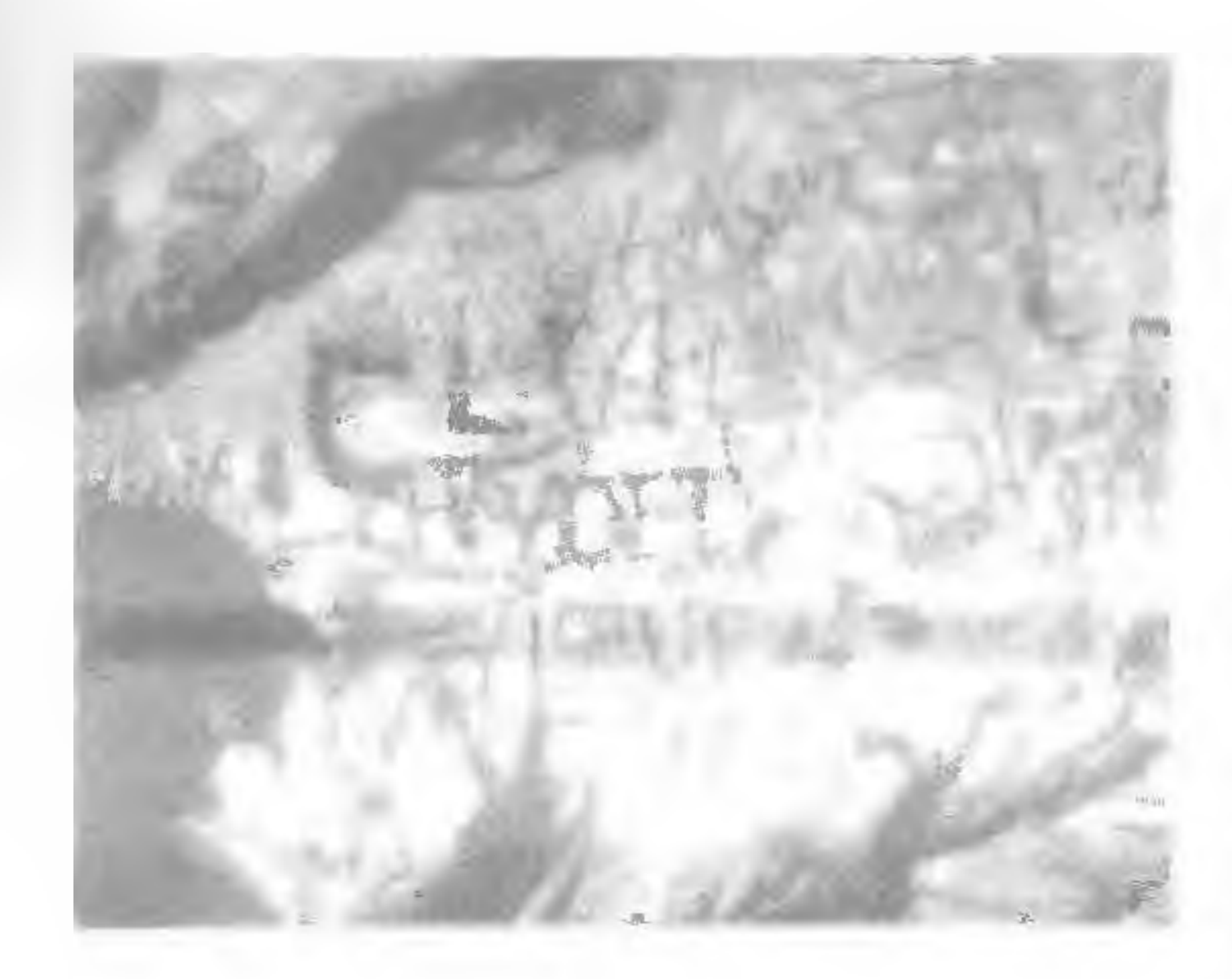
[1] «...Совершенно вводит в заблуждение, когда Герман Вирт в труде «Происхождение человечества» пытается установить матриархат как нордическо-атлантическую форму жизни, но одновременно признает солнечный миф как нордическое достояние. Матриархат постоянно связан с хтонической верой в богов, патриархат — с солнечным мифом. Почитание женщины у нордического человека основывается как раз на мужской структуре бытия. Женское начало в Малой Азии в дохристианское время привело к культу гетер и коллективного секса. Доказательства, которые приводит Вирт, поэтому являются более чем неубедительными».

Гиммлером. В личном разговоре с фон Леерсом Гиммлер заявил, что для него научное признание вовсе не являлось каким-то показателем и он внимательно следил за работами Вирта. Беседа закончилась обещанием шефа СС использовать Вирта в будущем для решения отдельных исторических проблем.

С какой целью Гиммлер хотел использовать историю, видно из того, что он считал ее слабой стороной. Таковой было отсутствие четкой ориентации на политические цели повседневности. Для Гиммлера наукой было лишь то, что выполняло или способствовало выполнению актуальных задач современности.

Поначалу специфический дилетантизм воззрений Гиммлера объяснялся его образованием, в нем брал верх начинающий агроном с его естественнонаучными аргументами. Гиммлер характеризовался своими бывшими одноклассниками как тщеславный и хороший ученик, который тем не менее был абсолютно лишен способности к отвлеченному абстрактному мышлению. Именно это вызывало позже затруднения в его общении с гуманитариями. Сам же Гиммлер предпочитал делать упор на мистико-романтические представления национал-социализма, нередко считая, что биологический расизм только искажал реальные ценности. В результате для Гиммлера научная практика выглядела следующим образом: вместо научной гипотезы, создаваемой на основании имеющихся фактов, он сам выдумывал готовый тезис, который должен был соответствовать нормам нацистского мировоззрения. Если имелись какие-то «неудобные» факты, то они либо отбрасывались, либо изменялись до неузнаваемости. В качестве примера подобной «научной работы» можно привести решение, принятое шефом СС в отношении доказательств гомосексуализма Фридриха Великого. «Когда мне было предоставлено около дюжины свидетельств, — рассказывал Гиммлер личному врачу, — я отложил их в сторону и заявил, что они сфабрикованы задним числом. Моя интуиция говорит (!), что человек, завоевавший Пруссии место под солнцем, не мог обладать такими склонностями, как слабовольный гомосексуализм».

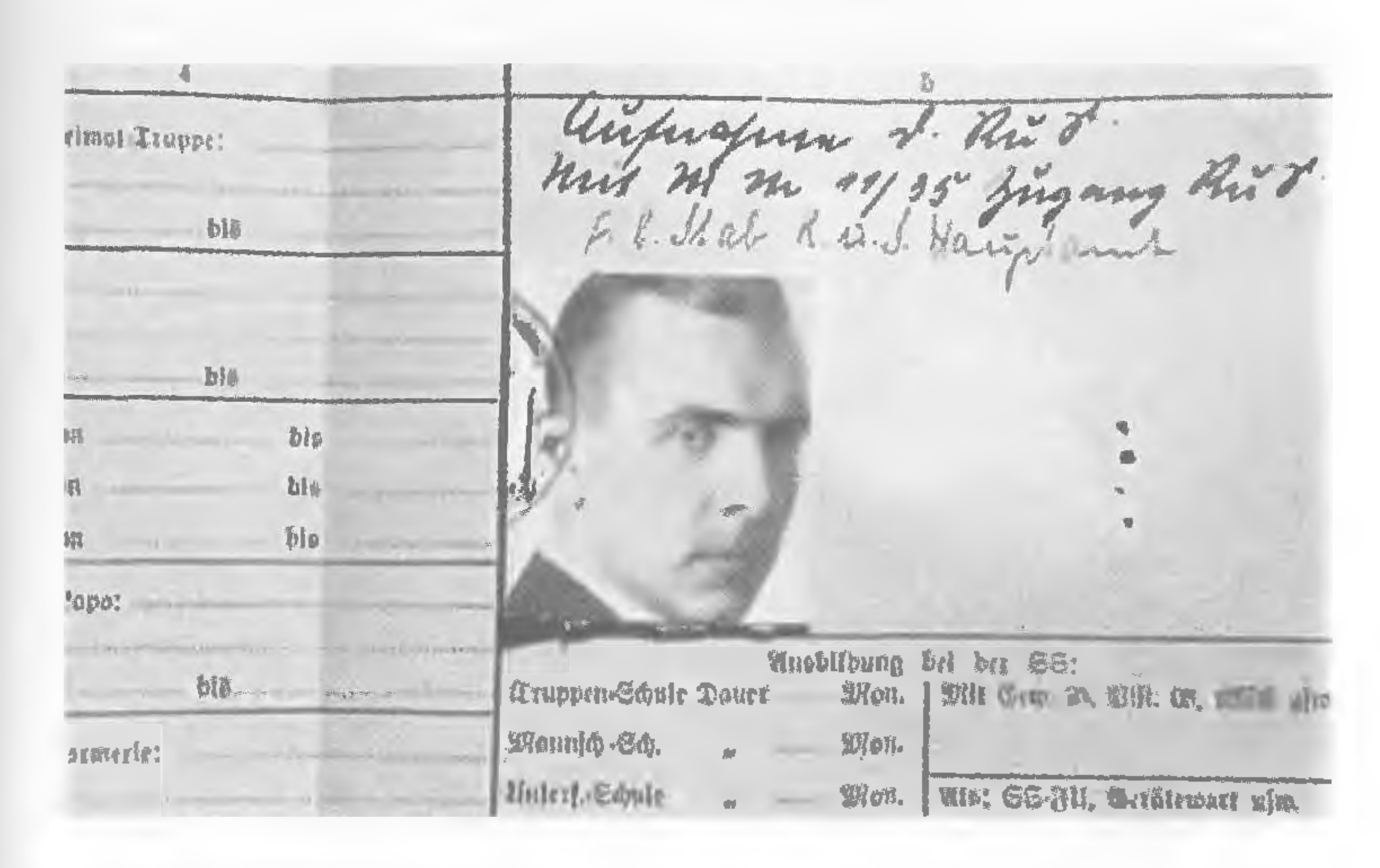
Отто Ран



Отто Ран исследует катарские пещеры.

Вольфрам Зиверс, имперский руководитель Аненербе.

Вольфрам Зиверс во время Нюрнбергского трибунала.



4

eimat-Truppe:

bis

bis

bis

bis

bis

opo:

bis

armerie:

5

Ausbildung bei der SS:

Truppen-Schule Dauer Mon.

Mannsch.-Sch. „ Mon.

Unterf.-Schule „ Mon.

Удостоверение Вольфрама Зиверса как одного из руководителей Аненербе.

Перстень членов «Наследия предков».

Перстень членов «Наследия предков».

Первоначальная эмблема Аненербе.

Куратор Аненербе
Вальтер Вюст

Генрих Гиммлер,
рейхсфюрер СС и
президент Аненербе

Франц Зикс,
курировавший деятельность «Зондеркоманды X».

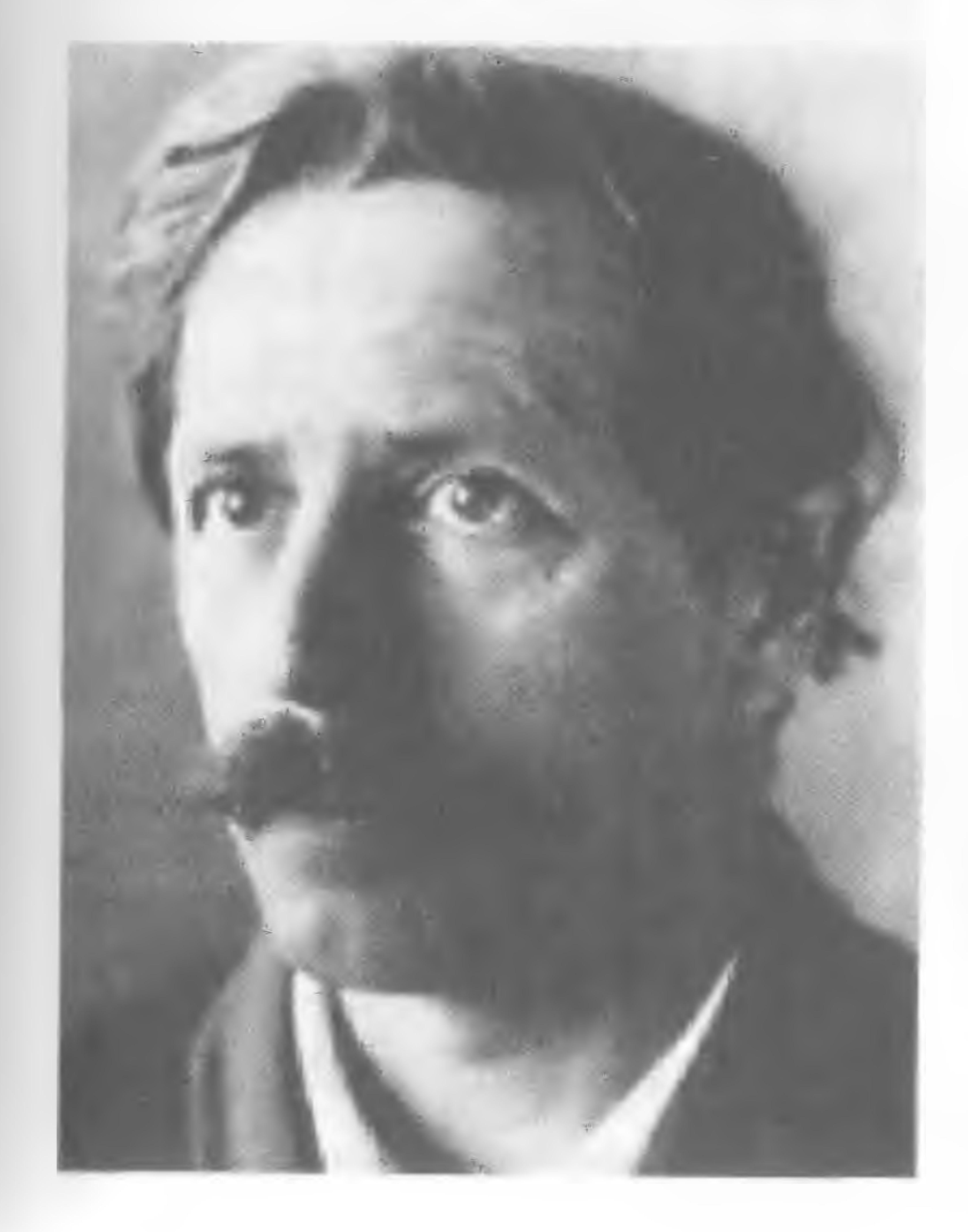
Вальтер Дарре, один из
учредителей «Наследия
предков».

Герман Вирт на посту президента Аненербе.

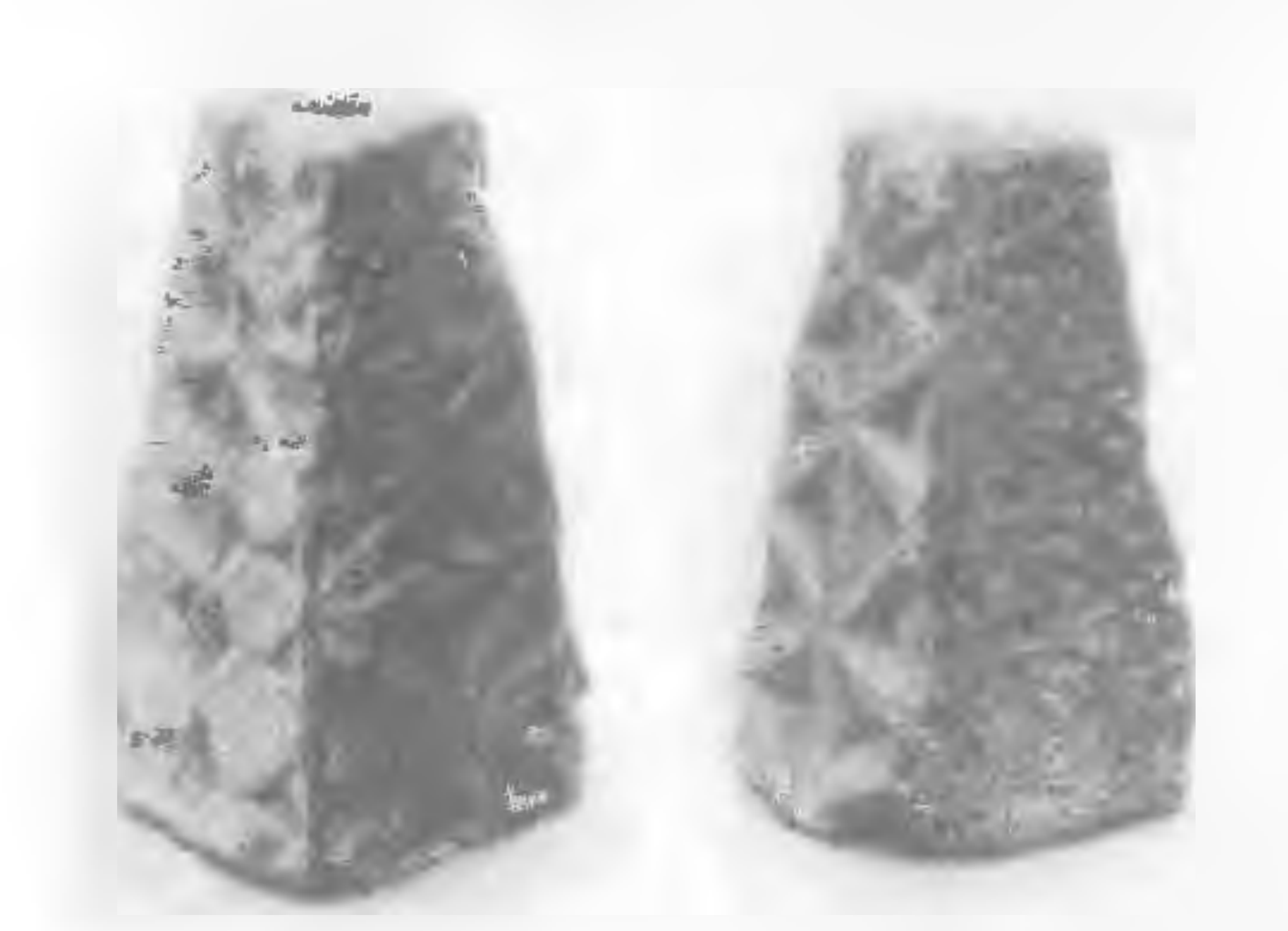
Г. Вирт во время скандинавской экспедиции.

Рисунки, сделанные Германом Виртом во время экспедиции.

Тропа в Заксенхайне, обрамленная по приказу Гиммлера несколькими тысячами валунов.



Герман Вирт в начале своей политической и исследовательской карьеры.



Юльские светильники, использовавшиеся для ритуальных целей в недрах СС.

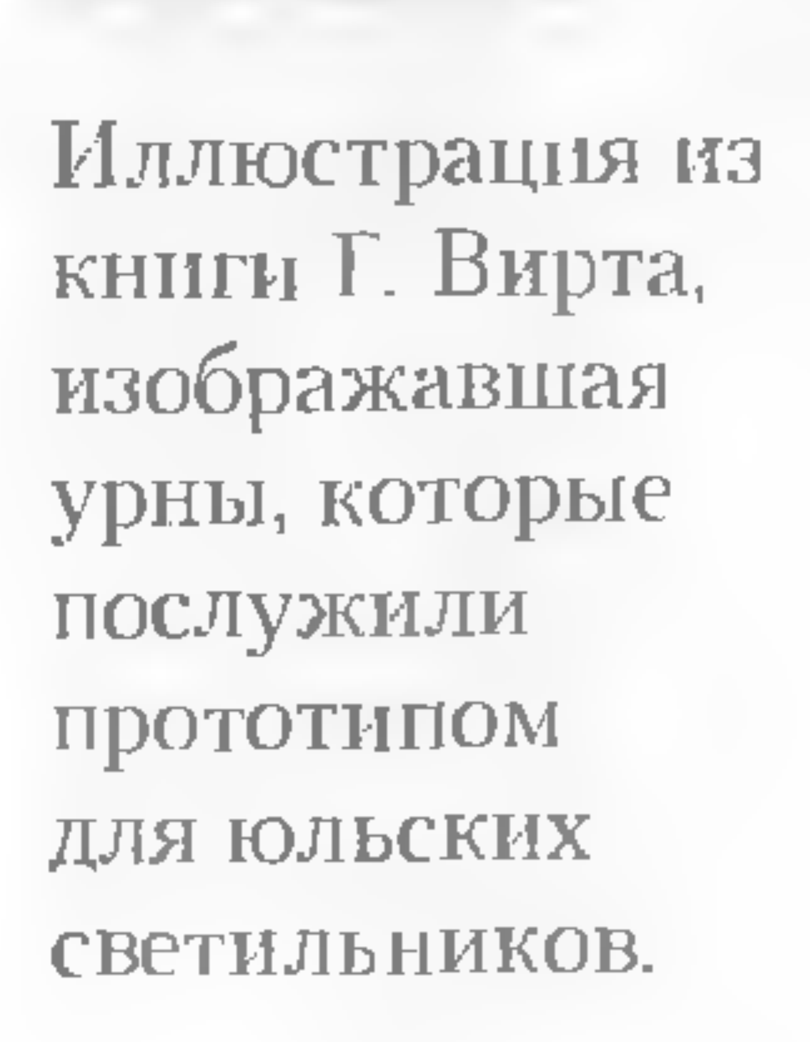


Иллюстрация из книги Г. Вирта, изображавшая урны, которые послужили прототипом для юльских светильников.

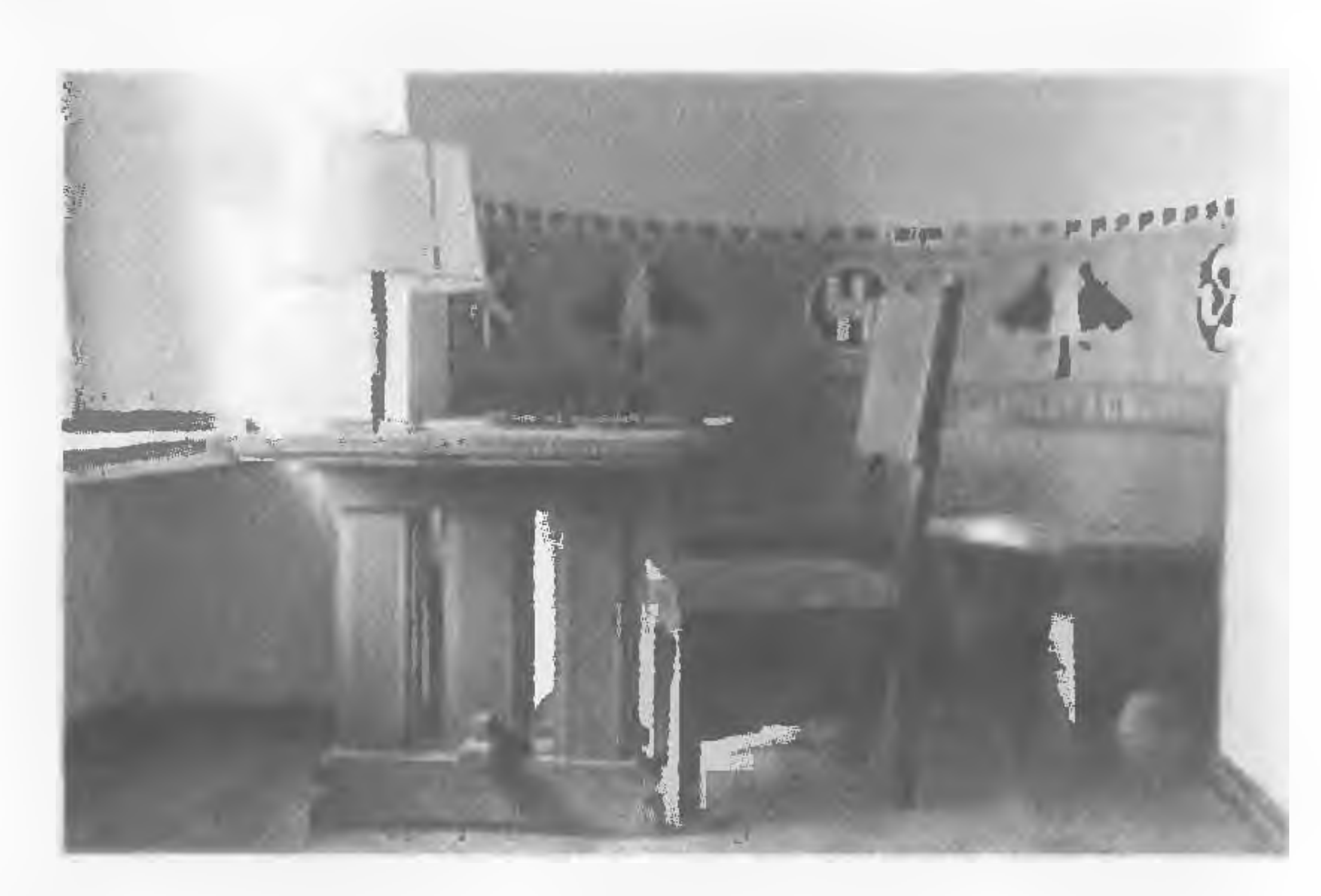
Эсэсовский алтарь, включающий в себя юльский светильник.

Полотнище с руническими символами, которое оставили участники мистического ритуала, проводимого в замке Вевельсбург в середине 90-х годов.

Специализированный нацистский журнал, полностью посвященный колдовской тематике. Внизу страницы стоит штамп «Особого проекта X».

Карточка из колдовской картотеки Генриха Гиммлера.

Зала Вевельсбурга, на полу которой выложено «черное солнце».



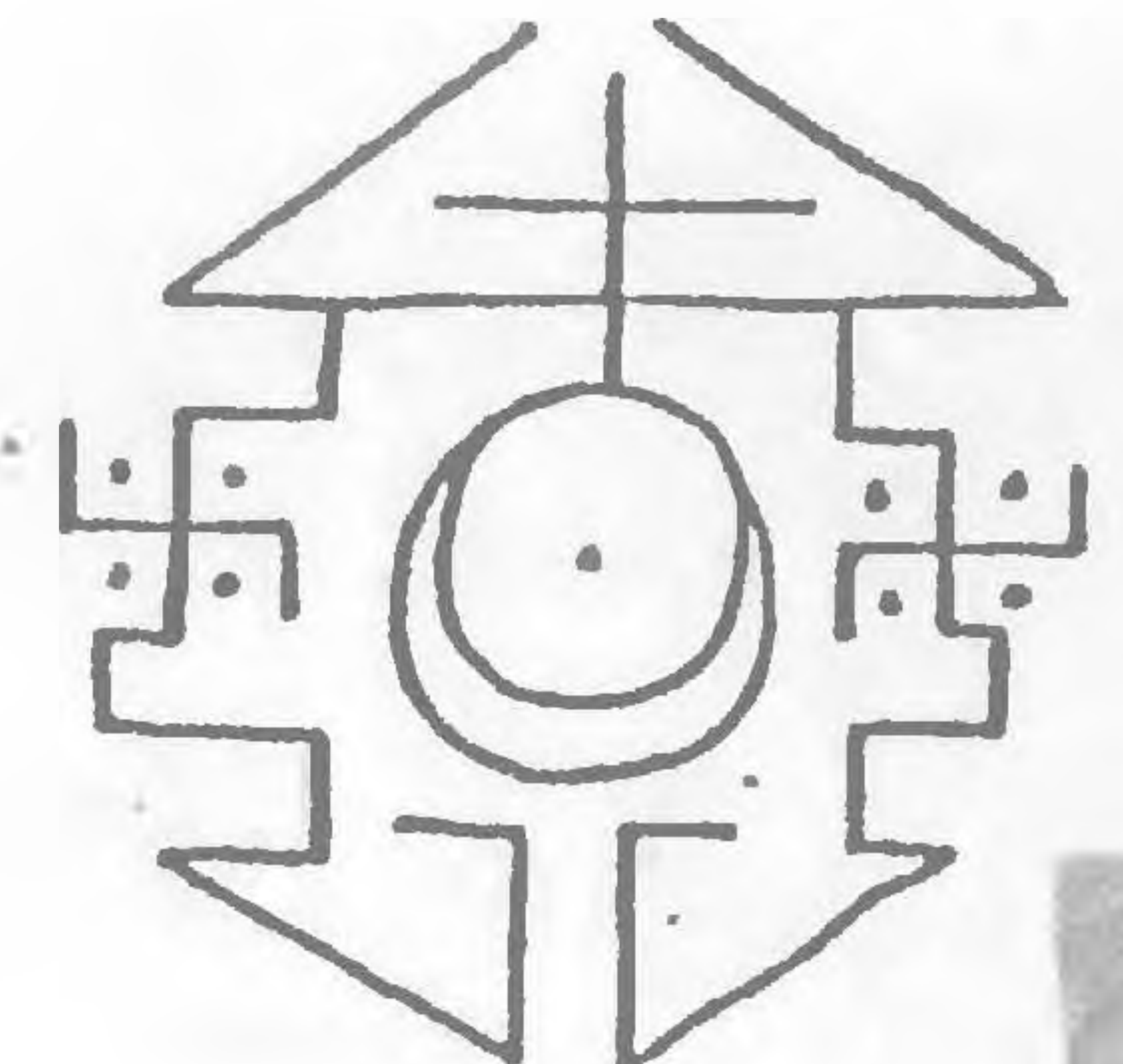
Учебный кабинет в замке Вевельсбург.

Библиотека в замке Вевельсбург.

Макет «Черного Ватикана», центром которого являлся замок Вевельсбург.

Замок Вевельсбург, по форме напоминавший наконечник копья Лонгина.

Мозаика, выложенная на полу Вевельсбурга в виде «черного солнца».



Один из проектов личного герба Вилигута. Очевиден гностический мотив: полумесяц и свастика, обрамленные несколькими точками.

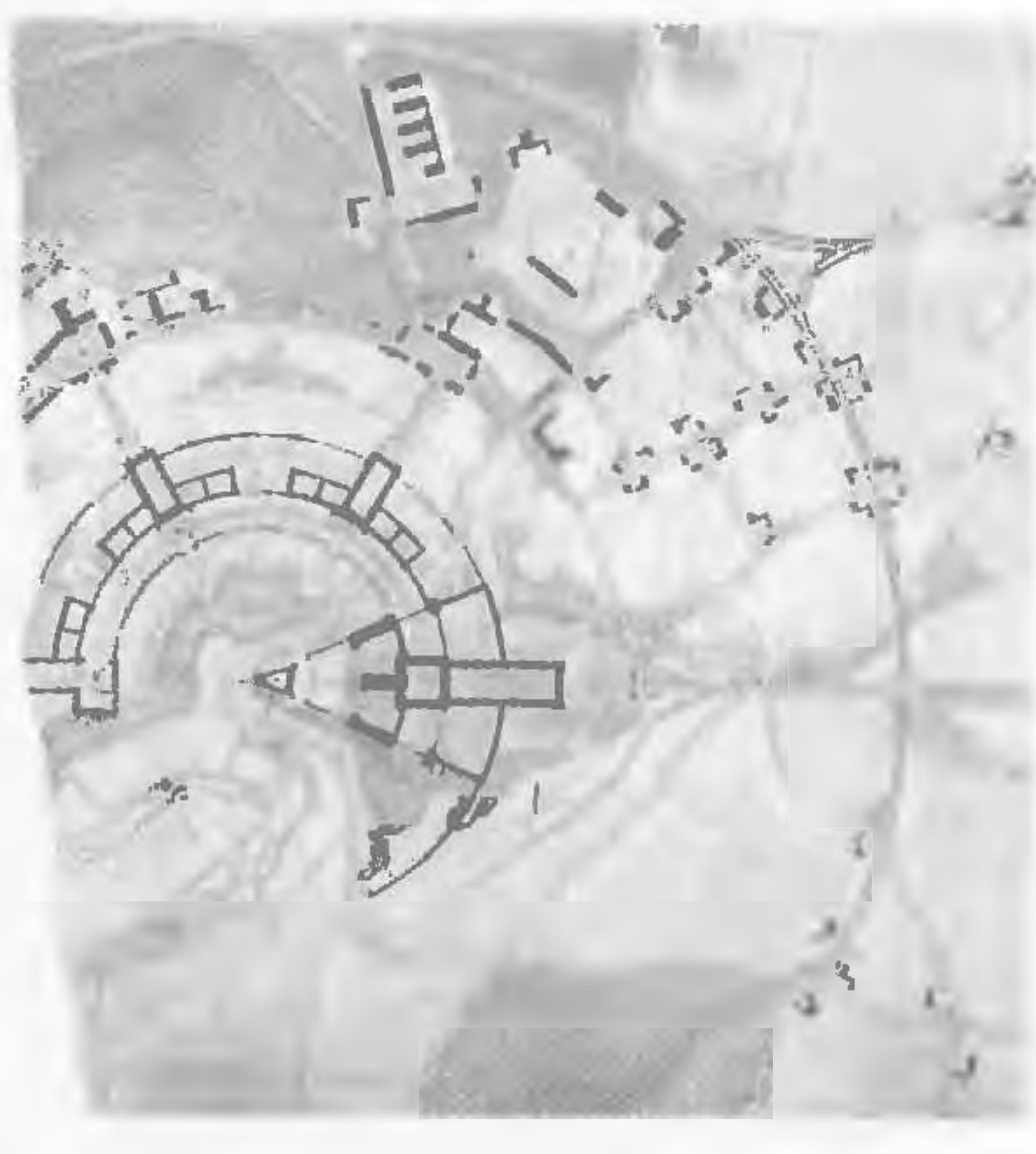
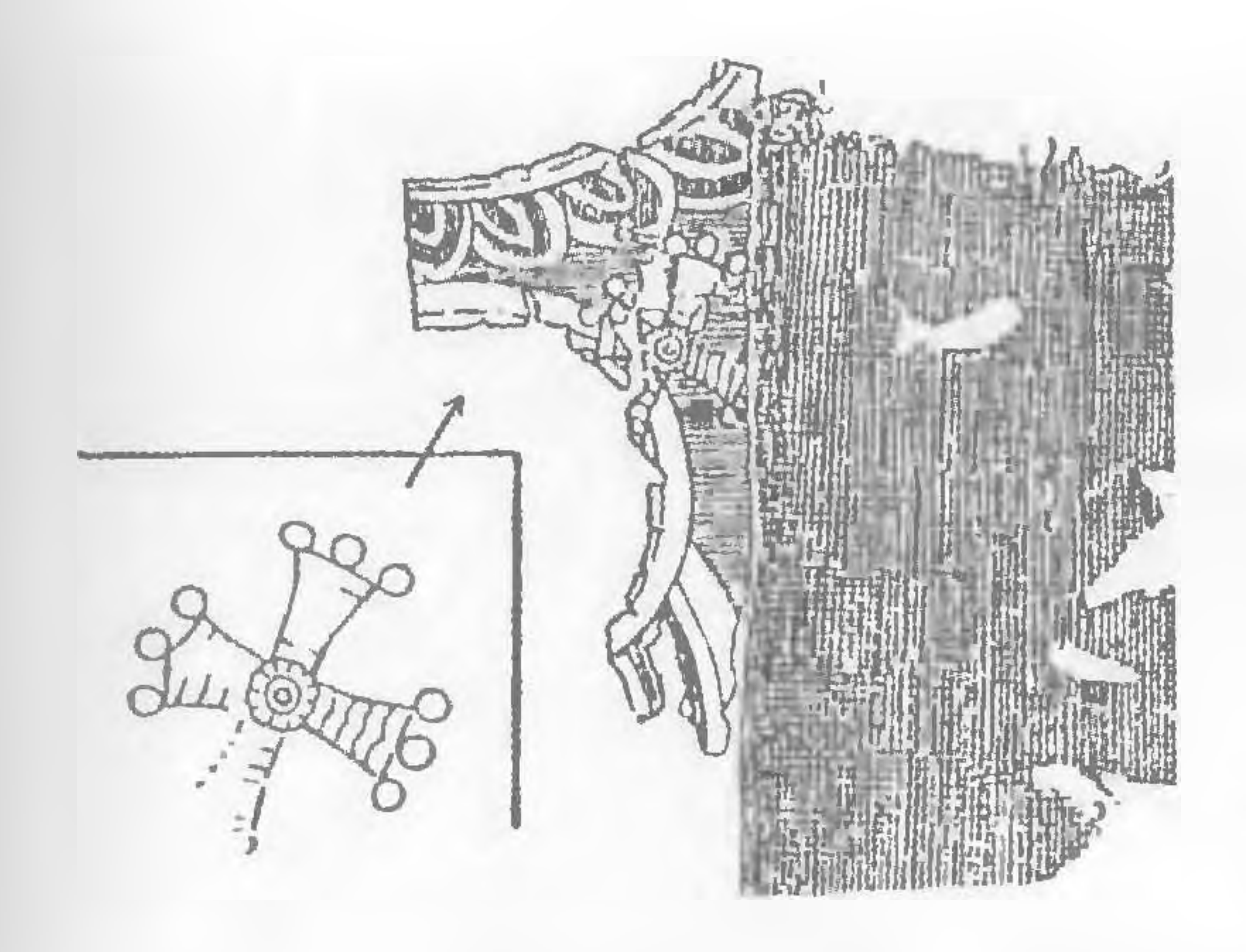


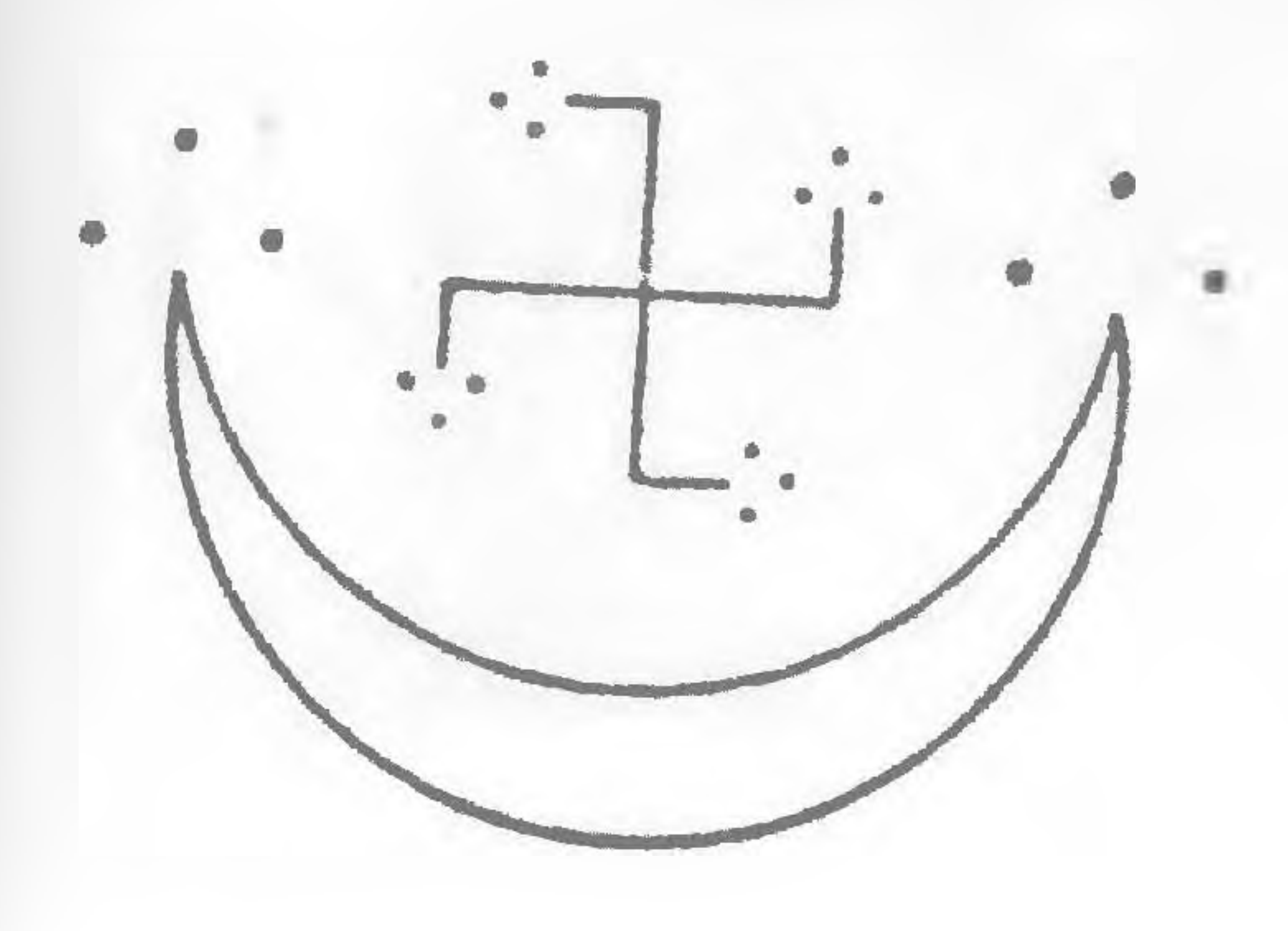
Схема превращения замка Вевельсбург в ритуальный центр СС

Стены замка Вевельсбург.

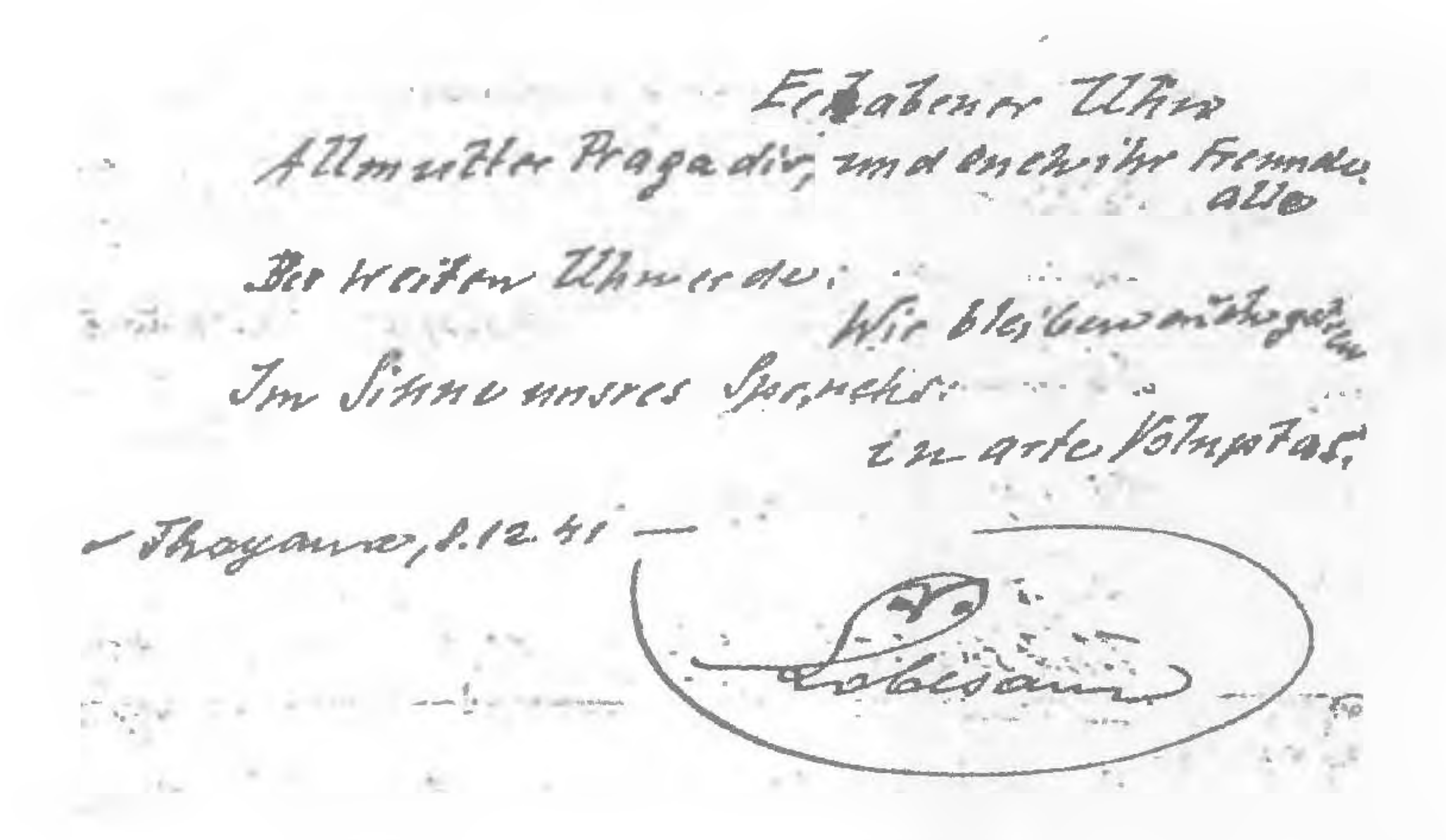


Манихейский крест.

Крест катаров

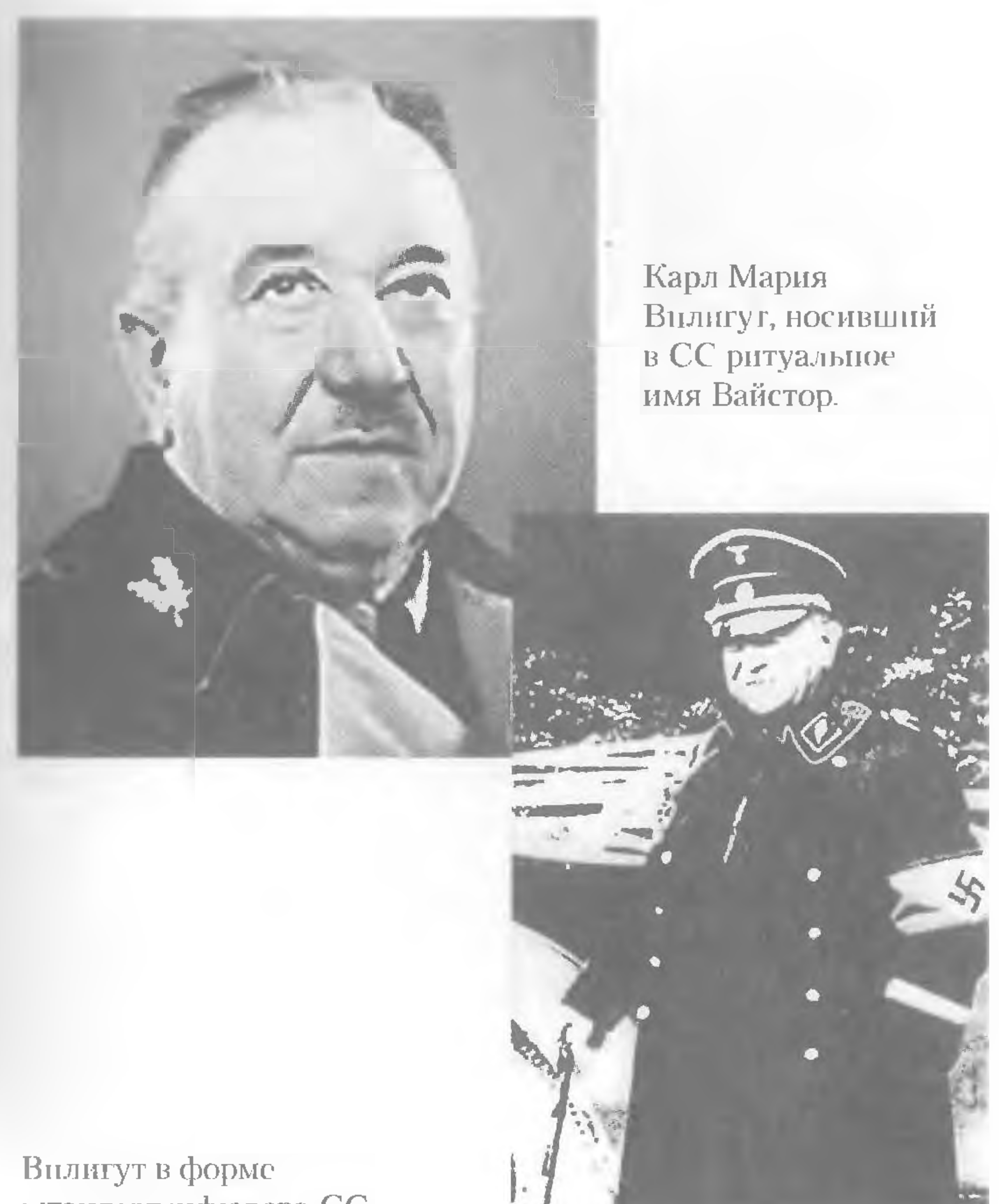


Набросок Шулера, изображающий его фамильный герб.



Автограф Вилигута. Первая буква в псевдопиме Лобезам изображена в виде совы – символа общества «Шлараффия».

Карл Мария Вилигут накануне своей смерти.



Карл Мария Вилигут, носивший в СС ритуальное имя Вайстор.

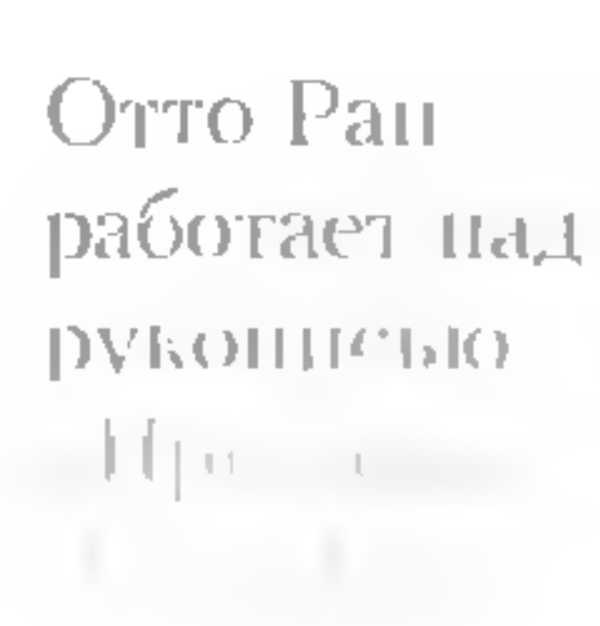
Вилигут в форме штандартенфюрера СС.

Халгарита — руническое изречение Карла Марии Вилигута.

Рисунок неизвестного автора, изображающий Отто Рана в 1937 г.

Отто Ран в зените своей славы.

Отто Ран со своей мнимой невестой.



Отто Ран работает над рукописью [illegible]

Замок Кведлинбург, где проходил один из главнейших эсэсовских ритуалов «Генриховский праздник».

Внутреннее убранство церкви замка Кведлинбург где якобы находились останки Генриха I («Птицелова»).

Как видим, Гиммлеру были чужды традиционные научные методики. «Чтобы исследователю доказать тот или иной тезис, — полагал Гиммлер, — ему необходимо взять только один из сотен тысяч фрагментов мозаики, из которых состоит космос и складывается общая картина возникновения и развития мира». Если же ученый имел наглость обратиться к общепризнанным методикам и в ходе исследования менял тезис, выдвинутый Гиммлером, то полученные результаты были абсолютно бесполезными для рейхсфюрера. К подобным смельчакам шеф СС испытывал лишь презрительное отвращение. «Это трагическая судьба ученого, — говорил Гиммлер, — всю жизнь проводить исследование и, когда, казалось бы, все закончено, обнаружить, что он шел по ложному пути».

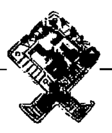
Отношение Гиммлера к ученым было всегда неоднозначным. С одной стороны, он полагал, что они будут благодарны ему за благосклонное отношение. Он пытался привлечь на свою сторону таких корифеев науки, как физик Вернер Хайзенберг. Одновременно с этим он мог поддерживать связь с мистиками и представителями различных эзотерических организаций. «Есть многие вещи, — писал Гиммлер в 1938 году министру Вакеру, — которые мы не в состоянии понять. Но их необходимо использовать, в том числе силами дилетантов». Это «в том числе» указывало на тайное желание Гиммлера заменить тщеславных шарлатанов высокообразованными специалистами, которые бы, идя навстречу пожеланиям руководства СС, смогли придать этим идеям академический лоск.

Осенью 1934 года Гиммлер, как и Вирт, оказался в сложной ситуации. Он был вынужден выбирать между непрофессиональными исследователями, безоговорочно поддерживающими новый режим, и маститыми учеными, лояльными молодому рейхсфюреру. К числу последних относились такие профессора, как Александр Лангсдорф и Ганс Шляйф. Именно они были назначены Гиммлером референтами по вопросам раскопок древнегерманских археологических памятников. О Лангсдорфе его коллеги вспоминали как об интересной, идеалистичной и симпатичной личности. Он был весь-

8 – 1852 Васильченко

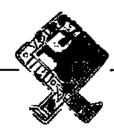
ма странной фигурой в истории германского национал-социализма. Ровесник века, он родился в 1898 году. С ранней юности он придерживался радикальных националистических взглядов. После войны, в 1920 году, он опубликовал свою автобиографию под псевдонимом Сандро. Отказавшись от традиционной формы мемуаров, он изложил свою историю побега из французского плена в виде приключенческого романа. 9 ноября 1923 года он участвовал в гитлеровском путче — с этого времени он поддерживал с рейхсфюрером СС тесные и дружеские связи. Как специалист по древней истории он проявил себя в 1927 году, когда защитил в Марбурге диссертацию, написанную под руководством известного археолога Пауля Якобштиля. Два года спустя в соавторстве со своим руководителем он издал научную работу, посвященную этрусской культуре. В 1932 году он начал свою карьеру университетского преподавателя (до этого он работал хранителем в Берлинском музее древней истории). После прихода к власти нацистов он стал постоянным автором эсэсовского журнала «Черный корпус», поступив в распоряжение персонального штаба рейхсфюрера СС.

Жизнь Ганса Шляйфа была менее живописна. Он был простым инженером-строителем, который проявлял живой интерес к архитектуре древности. Как и Лангсдорф, он был подчинен лично Гиммлеру. Сближение со специалистами по древней истории объясняется тем, что Гиммлер хотел противостоять притязаниям Альфреда Розенберга, претендовавшего на монополию в изучении истории. С одной стороны, их, хотя и являвшихся националистами, должны были пугать узкодилетантские взгляды Гиммлера. Но с другой стороны, доктринерство и догматизм Розенберга были еще более чудовищными. По этой причине ученым приходилось выбирать наименьшее из двух зол. 24 января 1934 года Розенберг был назначен уполномоченным за контролем по вопросам общего и духовного обучения в партии. Эта должность позволяла ему оказывать прямое влияние на историков. Именно это испугало Лангсдорфа и Шляйфа, качнув маятник их симпатий в сторону Гиммлера.



Розенберг, как и Гиммлер, внимательно следил за этнографическими и историческими работами того времени. Он ставил перед собой вполне конкретную цель: опираясь на собственные религиозно-политические воззрения, он хотел создать новую германскую религию. Уже одного этого было достаточно, чтобы стать конкурентом Гиммлера. По мнению Розенберга, все исторические исследования, подобно общественной жизни Германии, должны были быть преобразованы на новый манер, а контролировать их должно его ведомство. Для осуществления этих задач Розенберг привлек на свою сторону молодого историка Ганса Рейнерта.

Ганс Рейнерт родился в 1900 году. В науку его ввел такой известный ученый, как Густав Коссина. В 1925 году Рейнерт уже приват-доцент в Тюбингенском университете, а в 1929 году — соавтор популярного справочника по археологическим стоянкам Верхней Швабии. Заслуга Рейнерта и его учителя состояла в том, что они открыли для немецких археологов Германию (в то время историки проявляли в основном интерес к античному миру и цивилизациям Древнего Востока). Под влиянием Коссины в науке начало формироваться «фёлькише»-направление, которое занималось изучением исключительно германского исторического наследия. Это направление было вполне закономерной реакцией на традиционные взгляды ряда ученых, пренебрегавших немецким прошлым и превозносивших классическую античность. Коссина сформулировал новую методику этнической трактовки прошлого. Его теория, названная «поселковой археологией», предполагала необходимость четкого разграничения культурных провинций, позже на базе которых сформировались племена и народы. Согласно его взглядам, Германия была сформирована из двух культурных провинций: Шлезвиг-Гольштейна и Ютландии. После поражения Германии в мировой войне его взгляды воспринимались как последовательное проявление национализма. Политическая конъюнктура привела к тому, что его ученики исказили идеи учителя. В ответ на это ряд ученых пытались возразить, что германская история формировалась в



том числе и под влиянием таких факторов, как греческая философия, римская культура и христианское мировоззрение. Но их голоса потонули в хоре общей критики, где Рейнерт, решивший возродить наследие своего покойного учителя, играл не последнюю роль.

Среди ученых, которые пытались противостоять националистическим тенденциям в науке, выделялся Карл Шухарт. В отличие от своего старого противника Коссины, этот ученый имел многолетний опыт археологических раскопок в Риме и обладал научно выверенной методикой. Именно Шухарт в 1902 году стал инициатором создания при Археологическом институте Франкфурта «Римско-германской комиссии». В 1908 году ученый был назначен директором Отдела истории Древнего Рима в Берлинском этнографическом музее (на это место постоянно претендовал Коссина). Наследником на посту директора отдела стал Вильгельм Унферзагт, который превратил эту структуру в самостоятельный музей. Как говорилось выше, в этом музее до 1932 года работал хранителем один из референтов Гиммлера, Александр Лангсдорф.

Эти хитросплетения и научное соперничество предопределили неприязненные отношения между Лангсдорфом и Рейнертом. Последний являлся выразителем «восточногерманского направления», поддерживаемого эпигонами Коссины. Им противостояли сторонники «западногерманского направления», сплотившиеся вокруг Теодора Виганда. В Шляйфе и Лангсдорфе, проводивших раскопки под эгидой СС, Рейнерт не без основания видел потенциальных союзников Виганда.

Эти противоречия не ограничивались чисто научными вопросами — постепенно они стали принимать политический характер. В 1932 году Рейнерт создал «Имперскую группу древней истории», которая вошла составной частью в розенберговский «Союз борьбы за немецкую культуру». В рамках данной организации была предпринята попытка сплотить всех историков-националистов. Тогда Рейнерт опубликовал в «Национал-социалистическом ежемесячнике» план тотальной перестройки всего изучения истории. Он начал

проводить его в жизнь сразу же после прихода нацистов к власти. В 1933 году при Прусском министерстве культуры был создан «Имперский институт древней и древнейшей истории». Но месяц спустя сотрудничество между институтом и министерством закончилось: Виганду удалось перетянуть на свою сторону имперского министра Бернхардта Руста. Не желая сдавать позиции, Рейнерт сформировал «Имперский союз древней истории» и усилил свое влияние за счет расширения созданного еще при жизни Коссины «Общества немецкой древней истории» (этот шаг был санкционирован партией). В 1934 году обе эти структуры фактически исполняли обязанности отделов ведомства Розенберга. В это же время Гиммлер ввел Лангсдорфа в свой персональный штаб. Новый сотрудник штаба должен был наблюдать за ходом специальных раскопок, проводимых с ведома СС. Можно уверенно сказать, что Лангсдорф осознанно вступил в СС, чтобы, используя противоречия между своим шефом и Розенбергом, одержать верх над Рейнертом.

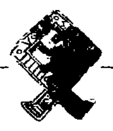
Гиммлер приветствовал сотрудничество Лангсдорфа с умеренным, почти либеральным Вигандом. Это могло бы показаться странным, если не учитывать два обстоятельства: во-первых, шеф СС был намерен существенно сократить идеологическое влияние Розенберга, в том числе и в сфере истории; во-вторых, он был намерен использовать институт Виганда в своих собственных целях. Не стоит забывать, что Гиммлер, одобряя этот союз, вовсе не был сторонником идей Виганда. Являясь скорее поборником германоцентричных тезисов Розенберга и Рейнерта, рейхсфюрер все же проявлял живой интерес к классической теории этого ученого. Можно предположить, что данный интерес был определен личными симпатиями Гитлера к этому ученому. К тому же шеф СС полагал, что фюрер сам разрешит сложившиеся противоречия. Гитлер с давних пор восхищался культурой Греции и Рима, презирая немцев (!), живших на «холодном, сыром и мрачном севере». Это был один из парадоксов в истории нацизма — несостоявшийся художник и архитектор, ставший фюрером германского народа, вовсе не восхищался немецкой

культурой. В своих частных разговорах он неоднократно подчеркивал, «что немцы жили в невзрачных дубовых хижинах, в то время как на солнечном юге греки и римляне возводили великолепные каменные постройки, развивая созданные ими героические культуры». Тем не менее Гитлер не вмешался в конфликт между Гиммлером и Розенбергом. Верх не смогли одержать ни Рейнерт, ни Виганд в союзе с Лангсдорфом.

Гиммлер совместно с Германом Виртом решил создать новую структуру, которая проводила бы исторические исследования независимо не только от Розенберга, но и от Виганда. Лангсдорфа было решено оставить на своем прежнем месте, хотя изначально рассматривался вариант его вхождения в Аненербе. Это должно было повысить его престиж, но его дружба с Вигандом в этой ситуации оказала медвежью услугу.

Кроме известных нам Вирта и Гиммлера, при создании общества «Наследие предков» присутствовал еще один человек, Имперский руководитель крестьян Третьего рейха — Вальтер Дарре. Участие в этом собрании было предопределено всей его карьерой в НСДАП.

Дарре родился в 1895 году в семье берлинского торговца, имевшего свое дело в Аргентине. Раннее детство он провел в этой латиноамериканской стране, а в десятилетнем возрасте вернулся в Германию. В 1914 году он был зачислен в колониальную школу в г. Вейтценхаузен, где он собирался, подобно Гиммлеру, получить сельскохозяйственное образование. Но изучение аграрных премудростей было прервано, когда его мобилизовали в армию. Ужасы войны, позиционные бои не отбили желания у молодого человека продолжать свое образование. В мае 1919 года он возвратился в колониальную школу. Интересно, на что он надеялся? После поражения в войне Германия потеряла все колонии, и выпускники школы были обречены пополнить гигантскую армию безработных. Учебу Дарре закончить не удалось, и он был вынужден покинуть учебное заведение. До 1922 года он бродяжничал, нанимаясь на сезонные работы в крупные поместья.



В 1922 году Вальтер Дарре направился в Галльский университет, где устроился работать ассистентом генетика Густава Фрёлиха. Благодаря этому он все-таки получил в 1925 году диплом о сельскохозяйственном образовании. Правда, в его официальной биографии периода нацистской диктатуры указывалось, что диплом он получил в 1920 году в колониальной школе. Приобретя статус дипломированного специалиста, Дарре с 1925 по 1929 год принимал участие в реализации различных частных и государственных проектов, связанных с сельским хозяйством. Далекий от политики, в 1929 году он решил присоединиться к нацистам. Он симпатизировал НСДАП уже в начале 20-х годов, но, скорее всего, его вступление в партию было последствием ряда профессиональных неудач. Когда Дарре осознал, что его деятельность не приносила желаемых результатов, в мае 1929 года он стал консультантом в одной из многочисленных «фёлькише»-групп. В том же году он издал книгу «Крестьянство как источник существования нордической расы». В своей работе он планировал опровергнуть популярную тогда у националистов теорию Фритца Керна, который пытался изобразить древних германцев кочевыми племенами, занимавшимися скотоводством. Дарре, пребывая под воздействием идей расиста Ганса Гюнтера, считал кочевников бесполезными паразитами. Германцы же, в его изложении, были оседлыми земледельческими племенами, которые создавали фундамент для будущей немецкой цивилизации.

Романтическое изложение древней истории, представления о расово чистых крестьянах произвели большое впечатление на Гитлера, который ознакомился с книгой Дарре в 1930 году. Фюрер уже давно пытался найти «доказательства» расовой чистоты и полноценности немцев. Гитлер фактически позаимствовал у Дарре идею о «крови и почве». В том же году состоялось знакомство Гитлера и Дарре. Теоретик идеи «крови и почвы» сразу же был зачислен под начало Константина Хирля в пятый отдел («сельское хозяйство») организационного управления партии, деятельность которого курировал лично Гиммлер. В рамках этого отдела Дарре занялся соз-

данием «аграрно-политического аппарата» партии. Партийная карьера Дарре была стремительной — не удивительно, ведь он был любимцем самого фюрера! В 1932 году он возглавил в аппарате партии собственный отдел, все так же подчиняясь лично Гитлеру (подобная почесть оказывалась только самым высокопоставленным функционерам партии). Структура Дарре разрасталась как на дрожжах, уже несколько месяцев спустя в его подчинении было несколько отделов. Один из этих отделов, возглавляемый Эрвином Метцнером, занимался поиском духовных и исторических корней немецкого крестьянства.

8 апреля 1933 года, почти сразу же после прихода к власти Гитлера, Вальтер Дарре был назначен на пост Имперского руководителя крестьян. Именно тогда Дарре и Метцнер начали сотрудничать с профессором Берлинского университета Германом Райшле. Это сотрудничество привело к еще большему расширению аппарата, находившегося в подчинении Дарре (летом 1933 года в его задачи вошли также вопросы обеспечения продовольствием). В декабре 1933 года Дарре стал главой Имперского продовольственного кабинета, имевшего статус министерства. В задачи новой организации входила пропагандистская обработка немецкого крестьянства. Сам кабинет был сложной структурой с множеством отделов. Один из таких отделов, Штаб Имперского руководителя крестьян, возглавил уже упомянутый профессор Райшле. Интерес Дарре к истории, вопросам народонаселения, расовой аграрной политике позволил ему сблизиться с Генрихом Гиммлером. Оба имели сельскохозяйственное образование. оба проявляли интерес к истории, обоих беспокоили вопросы расовой теории. Но их взаимные интересы на этом не заканчивались. Гиммлер, ставший в 1929 году рейхсфюрером СС, планировал превратить свою организацию в биологическую элиту будущего, для чего в 1930 году он привлек к себе Дарре Ему предлагалось возглавить в рамках СС отдел по изучению вопросов расы и поселений.

Идея о чистой германской расе принадлежала Гиммлеру, идея о крестьянском поселении как основе этой чистой расы принадлежала Дарре. 31 декабря 1931 года Дарре закончил формирование нового отдела. Возглавив его, он получил чин штандартенфюрера СС. Для него не существовало никаких сомнений, что «чистая раса» и «крестьянство» являются идентичными понятиями, словами-синонимами. В 1933 году Дарре объяснял Герману Раушнингу, что ему и рейхсфюреру предстояло вывести новое расово чистое крестьянство, которому суждено стать новой элитой Европы. Осуществить такой проект в рамках Имперского продовольственного кабинета было весьма затруднительно, а потому Дарре перевел необходимых сотрудников в отдел по изучению вопросов расы и поселений. Именно там они должны были начать формирование новой элиты из имеющегося «человеческого материала», то есть эсэсовцев. Для усиления сотрудничества Гиммлер стал главой «Имперского союза немецких дипломированных специалистов в области сельского хозяйства», который входил в состав Имперского продовольственного кабинета

Тем временем Гиммлер совершенно случайно познакомился с Германом Виртом. В личной беседе Вирт всячески подчеркивал, что не только является сторонником идеи «крови и почвы», но и все его исследования построены на ее принципах. У Гиммлера не вызывала никаких сомнений подлинность «Хроник Ура-Линды». Он предпочитал не обращать внимания на критику со стороны научных кругов. Поддержка опального исследователя не ограничилась устными заявлениями, Дарре и Гиммлер предложили ему продолжить свои исследования в рамках Продовольственного кабинета под непосредственным контролем шефа СС. Уже в апреле 1935 года Вирт получил щедрую поддержку и смог создать в Берлине неофициальное «Собрание народных традиций и древней религии», которое получило неофициальное название «Немецкое наследие предков».

Закрепившись в Берлине, Вирт значительно расширил свою передвижную выставку, а затем сделал ее даже стационарной. В мае

1935 года эту выставку, проходившую под эгидой Продовольственного кабинета, открыл сам Гиммлер. Формальная задача экспозиции состояла в том, чтобы дать идеологически обоснованный ответ на вопросы бытия, жизни народа и Родины. Поскольку выставка должна была способствовать укреплению расового сознания немецкого народа, ее посещение стало обязательным для членов почти всех национал-социалистических организаций (штурмовых отрядов, Гитлерюгенда, женских и студенческих объединений).

Создание Аненербе в качестве самостоятельного объединения состоялось 1 июля 1935 года. «Наследие предков» учреждалось с целью изучения истории древней духовности. Сам термин «история древней духовности» был почерпнут Виртом из словаря «фёлькише»-организаций. Это позволяло ему думать, что главную роль в организации будет играть именно он. Являясь всего лишь частным исследователем, он претендовал на громкое звание Президента общества. Но реальное влияние, как и следовало ожидать, могли оказывать только Гиммлер, назначенный куратором общества, и Дарре, который ввел в правление общества своих представителей. Уже в формальной структуре «Наследия предков», прописанной в Уставе, были изначально заложены внутренние противоречия: общество было представлено тремя сторонами — Гиммлером, Дарре и Виртом. Возьмем хотя бы статус Президента и куратора общества — Устав не прописывал, кто кому подчинялся. На словах после бурного обсуждения было решено, что должность куратора является ключевой в деятельности Аненербе. Кроме этого, оставался неясным характер отношений между Президентом и заместителем куратора. Гиммлер, став куратором Аненербе, назначил таковым руководителя Главного управления Имперского продовольственного кабинета Германа Райшле. Этот человек сразу же начал оказывать активное давление на общество, прикрываясь интересами рейхсфюрера СС. Не были ясны функции Эрвина Метцнера, который был введен Дарре в Президиум «Наследия предков». Позже в Президиум общества был введен еще один друг Дарре, сельский врач Виль-

гельм Кинкелин. Его функции и полномочия были не менее расплывчатыми.

Устав Аненербе просто кишел подобного рода неясностями, что весьма раздражало Гиммлера. Он, как рейхсфюрер СС и шеф политической полиции, весьма негативно относился к нарушению формальных юридических норм. То, что Гиммлер согласился с подобным Уставом, могло обозначать только одно — он рассматривал его как временный инструмент и в ближайшем будущем планировал либо изменить, либо вовсе упразднить его. Он не нуждался в Уставе, в то время как остальные учредители пытались увидеть в этом документе определенные гарантии своих полномочий.

Итак, Гиммлер рассматривал Аненербе как структуру, подчинявшуюся исключительно ему. Именно этим объясняется то, что летом 1935 года он назначил генеральным секретарем «Наследия предков» 30-летнего кандидата в СС Вольфрама Зиверса. В то время Зиверс выполнял обязанности личного секретаря Германа Вирта. Но это не помешало ему проявить свои недюжинные организаторские способности, а самое главное (для Гиммлера) — безоговорочно подчиняться принципам СС Этот человек должен был помочь Гиммлеру преодолеть влияние Вирта и Дарре, которые хотели сделать новую организацию заложницей собственных интересов. Именно Зиверсу было суждено стать ключевой фигурой в Аненербе. Именно он придал ему характер эсэсовского подразделения. Но как удалось подобную роль сыграть обыкновенному секретарю частного исследователя?

Вольфрам Зиверс родился в 1905 году в г. Хильдесхайм в семье евангелического органиста. Профессия отца во многом способствовала тому, что Зиверс уже в юности разбирался в сложных религиозных вопросах. Тот же отец привил ему любовь к музыке периода барокко. В 1922 году юноша покинул гимназию, так и не получив аттестата Причина ухода весьма небезынтересна. На Нюрнбергском процессе Зиверс заявил, что вынужден был оставить учебу из-за бедственного положения семьи и необходимости освоить ка-

кую-нибудь практическую профессию. Но в эсэсовской анкете он написал, что покинул школу, дабы присоединиться к деятельности «штутцбундов», военизированных формирований «фёлькише»-группировок. Для такого шага у него были основания — уже с юности он являлся ярым националистом. Так что нет ничего удивительного, что пангерманистские ценности предопределили его дальнейшую судьбу.

Вообще-то Зиверс хотел изучать юриспруденцию, но вынужден был избрать профессию торговца. В течение двух лет он работал учеником-подмастерьем на местной бумажной фабрике. Одновременно с работой он учился в городской ремесленной школе. В 1928 году Зиверс направился в Штуттгарт, где устроился продавцом книг в одном из местных издательств. Не желая останавливаться на достигнутом, он посещал лекции в техническом университете. В беседах со студентами он показал себя интеллигентным, но не вполне внутренне сформировавшимся молодым человеком. В Штуттгарте он присоединился к молодежным организациям консервативного толка, состоявшим, как правило, из представителей среднего класса. В те годы многочисленные юношеские объединения стали своего рода барометром общественных настроений в Германии — они выступали против либерализма Веймарской республики, обращаясь к идеалам прошлого. Кроме организации «следопытов» («Серебряно-голубое кольцо»), он состоял в «Перелетных птицах» и Младонациональном союзе. Но его политические взгляды начали выкристаллизовываться в других националистических организациях: Вюртембергском союзе молодых крестьян, позже преобразованном в «Военно-спортивную организацию Ф», и организации «Артаманен», которая уже в конце 20-х годов сделала Гитлера своим почетным членом. Последняя организация, проповедовавшая языческий национализм, была наиболее близка к набиравшему силу национал-социализму. Этот союз был создан в 1924 году для того, чтобы помочь немецким крестьянам вытеснить польских батраков обратно на восток. «Артаманен» развивалась как активная правоэкстремистская ор-

ганизация, которая использовала вульгарно-романтические лозунги, такие, как «обновление народа при помощи крестьянства», «кровь и почва», «возрождение связи немецкого народа с почвой». Внутренняя структура артаманов имела однозначно тоталитарный характер: жесткая иерархическая структура, безоговорочное подчинение приказам начальства.

Зиверса околдовали мифы о «крови и почве», о создании новой элиты. Одна из целей артаманов состояла как раз в том, чтобы через самоотречение и жертвенность сформировать новую национальную элиту. Но со временем Зиверсу становилось тесно в рамках молодежной организации, которая после внутреннего кризиса фактически распалась. В 1929 году он начал сотрудничество с национал-социалистическим студенческим союзом и даже стал главой местной ячейки Штутгартского технического института.

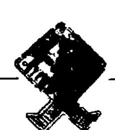
На основании этих фактов, казалось, можно было предположить, что уже тогда Зиверс был убежденным нацистом. В 1929 году как член НСДАП — членский номер 144983 — он принимал участие в Нюрнбергском съезде партии. Но на самом деле он рассматривал НСДАП как одну из многочисленных организаций, в которых он состоял. Инстинкт подсказывал ему, что надо было оставаться в этой партии, пока она способствовала его карьере. В НСДАП его привлекало отнюдь не массовое движение, а возможность создания новой «холодной» элиты общества. В то время ключевым для него было именно понятие элиты. Как бывший евангелист (в 1931 году он отрекся от церкви), Зиверс проявлял самый живой интерес к этой сфере. В этом и кроется причина того, почему Зиверс никогда не был убежденным национал-социалистом, — он не мог найти в нацистском мировоззрении достаточно развитых мистическо-религиозных моментов. Показательно, что слушатель ***технического*** института охотнее всего посещал лекции по ***философии, истории и религии***. Его понимание религии носило националистический характер: он всегда признавал, что видел в древних германских племенах своего рода Божественный промысел. Это подталкивало его

не только к тому, чтобы привести свою историческую концепцию в соответствие с националистическими и мистическими взглядами, но и сформировать «немецкую религию». Атеистическая идеология национал-социализма, естественно, не могла помочь ему в этом. Необходимую базу для собственных умозаключений он нашел лишь у двух людей: Германа Вирта и Фридриха Хильшера. С Виртом мы уже знакомы, но кем же являлся Хильшер?

Фридрих Хильшер родился 31 мая 1902 года в небольшом городке Плауэн в семье галантерейщика. После окончания гимназии юноша присоединился к добровольческим корпусам, которые вели оборонительные бои против польских вооруженных формирований в Верхней Силезии. После этого он решил вступить в рейхсвер. Но его армейская карьера была недолгой. В марте 1920 года Хильшер принимал активное участие в капповском путче. Опасаясь преследований, он был вынужден покинуть ряды вооруженных сил. Теперь он решил связать свою судьбу с наукой. После демобилизации он изучал юриспруденцию в Берлинском университете, параллельно посещая занятия в Институте политики. В 1926 году он защитил диссертацию по теме «Самовластие. Попытка немецкого трактования юридического термина». Научная работа настолько поразила диссертационный совет, что ему была присвоена научная степень одновременно по двум специализациям: «история права» и «философия права». Перед молодым специалистом открывались двери многих престижных учреждений. Но Хильшеру претила строго регламентированная жизнь бюрократа. Он решил стать писателем.

Ровесник Зиверса, Фридрих Хильшер был, по мнению современников, великолепным публицистом, обладавшим острым умом, хотя и не лишенным определенных причуд. Еще в студенческие годы он присоединился к движению «консервативной революции», которое было представлено такими яркими именами, как Эрнст Юнгер, Франц Шаувекер, Эрнст фон Заломон. Их национализм сочетался с «большевистскими» моментами, точнее говоря, с радикальным антизападничеством и ориентацией на Советскую Россию. Многие из

консервативных революционеров затем оказались в лагере национал-социалистов, но в 20-е годы они пытались дистанцироваться от этого «плебейского» движения. Эрнст фон Заломон называл Хильшера «богомилом, сражавшимся с драконами», а Эрнст Юнгер вообще отзывался о нем как о «мифическом существе». Презирая Веймарскую республику, Хильшер отвергал национал-социализм. Он был романтиком, и ему был чужд тоталитарный настрой нацистов. Сам он считал необходимым вернуться в историю, «изжив государство до уровня племен и ландшафтов (Франкия, Шлезин, Тоскана, Бретань)». Отрицая все современные структуры, он предлагал воскресить немецкую империю, управляемую немецкими племенами, каждое из которых обладало своими собственными отличительными особенностями. По его мнению, эти уникальные черты были растворены в аморфной массе немецкого народа. Племена должны были объединиться и создать новую империю, по образцу средневековой. Как видно, эти взгляды принципиально расходились с вождизмом нацистов. Созданный на основе того или иного племени союз должен был поклоняться характерным для данной народности священным символам. Племенные союзы должны были создать «сакральные объединения», из которых бы и сложилась будущая элита Германии. Идеал новой элиты существенно отличался от образа обычного немца, на которого делали ставку нацисты. Подобную теорию Хильшер пытался пропагандировать в среде своих друзей, но они считали ее сложной и нелогичной. Его партикуляризм, конечно, содержал близкие для них элементы: «борьба», «мужество» — но все равно оставался непрактичной и умозрительной идеей чудака. Консервативные круги ценили Хильшера прежде всего как публициста: в 20-х годах он активно писал для национально-революционных изданий, таких, как «Завтра», «Аминус», «Сопротивление», «Наступление». С 1930 года он начал сотрудничать с газетой «Рейх» (просьба не путать с изданием Геббельса, возникшим несколько позже). Вскоре под таким же названием он опубликовал собственную работу. Она не получила признания и, по мнению современни-



ков, была полна темной меланхолии. Эта работа примечательна тем, что на ее страницах он подверг резкой критике «фёлькише»-группировки, за что сразу же заработал неприязнь со стороны нацистов. Розенберг питал к нему просто враждебное отношение. В 1930 году в «Национал-социалистическом ежемесячнике» он обрушился на Хильшера с самыми чудовищными обвинениями.

Но тем не менее фанатизм, изящный стиль и мрачный романтизм Хильшера нашли благоприятную почву, которой стала немецкая молодежь. Уже с середины 20-х годов молодой идеолог консультировал множество консервативных и национал-революционных молодежных организаций. Особое влияние его идеи оказали на студенчество. Во время диспута в одном из университетов Хильшер познакомился с Зиверсом.

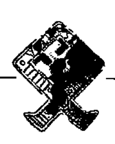
Это знакомство, ставшее для Зиверса судьбоносным, произошло в 1931 году в Штуттгартском техническом институте, где Хильшер предполагал прочесть серию лекций. Зиверс, как уже говорилось выше, возглавлял тогда местную ячейку национал-социалистического союза студентов. Что же привлекло Зиверса в Хильшере? Скорее всего, это были мистический национализм, оригинальная концепция новой элиты и идея о создании германской религии. Новая религия стала для Хильшера, по сути, делом всей жизни. Новая культовая структура получила название «Независимая свободная церковь». О ее существовании знали только очень близкие Хильшеру люди. Так, например, Эрнст Юнгер сообщил о ее существовании в своих дневниках только в 1943 году. Из осторожности называя высокопоставленных лиц псевдонимами: Бого — это Гильшер, Книбодо — Гитлер, он писал следующее: «В эпоху, такую бедную оригинальными умами, Бого — одно из тех знакомств, над которыми я много размышлял, так и не сумев составить окончательного суждения. Прежде я считал, что он войдет в историю нашей эпохи как личность малоизвестная, хотя и наделенная исключительной тонкостью ума. Теперь я знаю, что он сыграет более значительную роль. Многие, если не большая часть молодых интеллектуалов по-

коления, возмужавшего после Великой войны 1914 года, были затронуты его влиянием и прошли через его школу... Ныне подтвердилось мое давнее подозрение, а именно: он основал Церковь. Сейчас он отошел от догматической части и уже очень далеко продвинулся в создании литургии. Он показал мне серию песнопений и цикл праздников «языческий год», включающий в себя и точный распорядок богов, животных, цветов, блюд, камней и растений. Например, 2 февраля празднуется посвящение свету».

Это было как раз то самое, что Зиверс искал в многочисленных объединениях и союзах в последние годы: радикальный национализм, который он нашел в НСДАП, элитарное сознание, присущее «Артаманен», а самое главное — религиозная мистика. В апреле 1932 года восхищенный Зиверс сделал перед своими друзьями доклад «Прошлое и будущее рейха», который базировался на построениях Хильшера. «Его произведение — это первое историческо-философское обоснование национализма, — писал Зиверс в конспектах доклада, — он показал подлинную, своего рода единственную историю империи... Он смог дать немцам восхитительную идею. В своих категоричных выводах... он дает исчерпывающие ответы на вопросы современности».

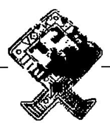
Но все-таки Хильшер не смог удержать Зиверса в своей церкви. Они разошлись именно в вопросах религии. Хильшер при создании новой религии опирался исключительно на германское наследие, игнорируя христианство. Это не устраивало Зиверса. Он не мог понять, почему Хильшер отвергал христианский пласт истории. Делясь своими переживаниями с дневником, он полагал, что Гитлер никогда не станет избавителем немецкого народа, так как он отвергает религию. Здесь же он подчеркивал, что его не устраивало и то, что Хильшер даже не думал возрождать немецкие традиции в христианском духе.

Именно тогда Зиверс обратил внимание на учение Вирта, который видел в молодежи носителей новой немецкой культуры. В своих работах Вирт претендовал на то, чтобы установить тесную взаи-



мосвязь древних культов с христианской религией. Зиверс увидел в Вирте очередного выразителя собственных настроений. Личные симпатии привели Зиверса к частному исследователю, и он поселился у него в Марбурге, где стал работать личным секретарем. Он помогал Вирту в проведении его исследований, организации лекций и выставок. За короткий период он настолько увлекся древней историей, что к 1932 году приобрел богатейшие знания в этой сфере. В ноябре 1932 года вместе с Виртом он переселился в Бад-Доберан. Скорее всего, там между ними произошла ссора, вызванная политическими разногласиями, и в начале 1933 года Зиверс покинул Вирта. Сам Вирт объяснял это бесперспективностью молодого ассистента. В апреле 1933 года Зиверс оказался в Лейпциге, где до сентября занимался изданием полицейского листка «Немецкая нация». Осенью он перешел в мюнхенское издательство НСДАП. И здесь он не задержался. Год спустя он уже поступил в издательство Гуго Брукмана. Но и тут он проработал недолго. Летом 1935 года Вирт (стоит заметить, человек совсем не злопамятный) предложил его кандидатуру на пост генерального секретаря Аненербе. Этот шаг удивителен хотя бы тем, что в то время Зиверс производил впечатление дилетанта, а его профессиональные неудачи сделали его психику более чем неуравновешенной. Чтобы решить свои личные проблемы, Зиверс даже начал изучать астрологию и основы магии.

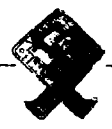
Оказавшись в нацистском окружении, Зиверс вновь проявил интерес к взглядам Хильшера. Насколько Вирт привлекал его своими религиозными постулатами, настолько же и отталкивал идеями об элите аморфного «народного сообщества». Кроме того, Зиверс стал более терпим к религиозным воззрениям Хильшера. Видимо, сказались почерпнутые у Вирта познания в области древней истории германцев. К 1935 году Зиверс окончательно отказался от христианского мировоззрения. О приверженности Зиверса новой германской религии говорил тот факт, что в конце 1934 года он справил со своей невестой Хеленой Зибер языческую свадьбу, обряд которой был разработан лично Хильшером.



События 1935 года полностью изменили жизнь Зиверса. С этого момента его дела идут в гору. Вирт пригласил его в новую организацию, хотя Зиверс совершенно не общался с ним почти два года, а его дружба с Хильшером была как никогда крепка. И самое странное, Зиверс согласился присоединиться к «Черному ордену» нацистов, к СС, о которых всегда отзывался с презрением, полным сарказма!!! Начало работы в Аненербе и желание вступить в СС иначе как предательством собственных идей назвать нельзя. Впрочем, этот шаг обеспечил ему не только карьерный рост, но и собственную безопасность. Его друг Хильшер уже столкнулся с «прелестями» нового режима — его разыскивали штурмовики, а книга «Рейх» была запрещена цензурой. Хотя ряд партийных деятелей продолжал обсуждать ее и после ее запрета. Подробности своих злоключений Хильшер описал после войны в своей автобиографии «50 лет среди немцев». В начале 30-х годов Хильшер был фактически объявлен вне закона. Как же Зиверс мог согласиться сотрудничать с руководством СС, предав своего друга и единомышленника?

После войны Фридрих Хильшер, как близкий друг Зиверса, объяснял союзникам это противоречие следующим образом. Вольфрам Зиверс был видной фигурой в группе Сопротивления, созданной лично Хильшером на базе «Независимой свободной церкви». После прихода к власти нацистов он должен был внедриться в СС, доставать оттуда ценные сведения и передавать их антигитлеровской оппозиции. Подробности этой версии мы рассмотрим ниже, ограничившись пока констатацией, что эти утверждения были фальшивкой. На самом деле Зиверс вступил в СС, так как представления об элите, проповедуемые Гиммлером, были похожи на его собственные.

Элитарное мышление начало формироваться у Зиверса в молодежных организациях, укрепилось в «Артаманен», было отточено в национал-социалистическом союзе студентов и розенберговском «Союзе борьбы за немецкую культуру», филиал которого он создал в Вюртемберге. Свои идеи о новой элите он изложил в 10-страничной брошюре «Немецкая молодежь», которая позже стала введени-

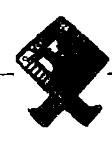


ем к его докладу «Прошлое и будущее рейха». Эта рукопись является важнейшим документом, который отражал настроения молодых националистов. Зиверс говорил о готовности молодежи пожертвовать собой ради нации, империи и расы, подчеркивая, что ее симпатии к НСДАП не были абсолютными. Он полагал, что национализм должен опираться прежде всего на нацию и кровь, а не на партийные организации. Будущие вожди, по его мнению, также не должны были создаваться партиями. Массовое политическое движение и организация, формирующая элиту, не могли совпадать, а лишь дополняли друг друга. Истинный вождь для него — это не авторитетный политик из НСДАП, а «господин», жестко диктующий свою волю и дистанцирующийся от народной массы. Германский тип господина, по Зиверсу, это не массовое опьянение штурмовиков, а тип человека, вскормленный и выращенный в вождистском по духу движении. Этот вождь должен был сплотить вокруг себя молодежь, которая стремилась жить справедливо, жестоко и сурово. Эта молодежь, лично связанная с вождем, должна была сформировать своего рода братство верности друг другу. В СС, пытавшихся вознестись над основной массой народа и партийцев, он видел реализацию принципов подлинного вождизма.

Эти взгляды еще более укрепились после подавления «путча Рёма» и расправы со штурмовиками, которые в понимании Зиверса были олицетворением вульгарного массового движения. С этого момента «охранные отряды» стали развиваться по другому пути, нежели остальные структуры партии. Обычно они дублировали соответствующий сектор государственной деятельности[1]. СС сами стали «государством в государстве». В СС собрались не представители старой знати, а в основном люди из средних слоев. Среди эсэ-

---

[1] Дублирование функций государства выглядело следующим образом: глава МИДа автоматически являлся главой внешнего ведомства НСДАП или лидер молодежной организации НСДАП Гитлерюгенд автоматически становился государственным чиновником, ответственным за всю молодежную политику в Германии, и т д.



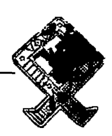
совцев того времени можно выделить два типа людей, претендовавших на роль новой элиты рейха: во-первых, это холодные математики и скрупулезные интеллигенты, а во-вторых, увлеченные романтики с псевдофилософскими представлениями о народе, империи, элите, чести и верности. Вольфрам Зиверс принадлежал к числу последних.

Нет никаких сомнений в том, что религиозно-политические представления Зиверса были развиты лично Хильшером. Но не надо забывать, что Хильшер был чистой воды теоретиком, даже не пытавшимся воплотить в жизнь свои собственные идеи. Связавшись с ведомством Гиммлера, эту задачу взял на себя Зиверс. В сложившихся условиях сам Хильшер не мог их реализовать — они противоречили общепринятым нормам национал-социализма. Хильшер был мыслителем, который не имел ничего против нового режима, пока не почувствовал себя его жертвой. Именно тогда он и создал так называемую «Группу сопротивления Хильшера», о которой до сих пор очень мало известно. Когда Хильшер решил заниматься антифашистской работой, его друг Зиверс присоединился к Гиммлеру. Сделано это было не только из-за финансовых трудностей, но и дабы реализовать свои амбиции и все-таки попасть в элиту. Оппозиционная деятельность Хильшера, впрочем, как и предыдущие проекты, страдала от его мечтательности и теоретизирования. На первый взгляд не совсем понятно, зачем летом 1945 года он добровольно вызвался стать свидетелем на Нюрнбергском процессе, требуя засвидетельствовать, что военный преступник и эсэсовец Зиверс был активным участником Сопротивления. Но об этом позже.

Как ни парадоксально звучит, но в 1935 году Аненербе контролировалось скорее Имперским продовольственным кабинетом, нежели структурами СС. Причина этого проста — на тот момент Имперский руководитель крестьян обладал гораздо большими средствами, чем рейхсфюрер СС. Альгемайне СС[1] были взяты на государ-

---

[1]В целом СС состояли из трех частей: Альгемайне (общие) СС, Ваффен СС (войска СС) и СС «Тотенкопф» (охрана концентрационных лагерей).



ственное обеспечение только в 1938 году. До этого момента они содержались на финансовые средства отдельных компаний, членские взносы самих эсэсовцев и добровольные пожертвования. В то же время Имперский продовольственный кабинет уже в 1933 году получал обильное финансирование как из государственного, так и из партийного бюджета. При создании «Наследия предков» не было предусмотрено четкого финансирования, а потому у новой организации не было никаких собственных средств. Свои научные проекты Аненербе приходилось осуществлять на деньги, собранные в виде пожертвований, и скудные членские выплаты. Чтобы вообще продолжить хоть какую-нибудь работу, Аненербе было вынуждено обратиться за помощью к одному из учредителей, Вальтеру Дарре. Гиммлер боялся потерять контроль над обществом. В этих условиях молодой рейхсфюрер пытался установить связь с Немецким исследовательским обществом, получавшим достаточное финансирование от государства. Политический авторитет Гиммлера сделал свое дело. Аненербе было решено передать часть задач этой организации и отводимое на них финансирование. Таким образом, Гиммлер сумел изменить сложившееся положение. Он уменьшил влияние Дарре, приравняв статус общества «Наследие предков» к структуре СС. Интересно проследить, как Аненербе, обслуживавшее вначале Имперский продовольственный кабинет, словно по мановению волшебной палочки превратилось в подразделение «охранных отрядов».

Аграрная трактовка немецкой истории и миф Дарре о «крови и почве» поддерживались Гиммлером и были своего рода мерилом для деятельности Аненербе. Это привело к тому, что большинство работ, разработанных Виртом в недрах «Наследия предков», одинаково подходили как для крестьян, так и для эсэсовцев. Эти материалы использовались и в других подразделениях партии. Так, например, доклад Аненербе «Обычаи в крестьянской среде» зачитывался не только перед крестьянами в рамках так называемой «зеленой недели», но и в Гитлерюгенде и многих других организациях. В мае 1936 года «Наследие предков» начало обрабатывать материалы, ко-

торые были изъяты в старых общинных поселениях и у сельских старост. Итоги этой работы планировалось использовать для мировоззренческого воспитания в СС.

И без того непростые отношения внутри «Наследия предков» вконец были запутаны тем, что Аненербе формально входило в состав Главного управления СС по вопросам расы и поселений (РуСХА)[1], что делало его внешне похожим на структуры Имперского продовольственного кабинета. Проблема заключалась в том, что Главное управление, находясь в составе СС, подчинялось непосредственно Вальтеру Дарре. Являясь одним из трех крупнейших управлений СС, в 1935 году оно состояло только из работников крестьянского управления Дарре, которые получили эсэсовские чины. Подобная ситуация не могла не отразиться на Аненербе. Высшие функционеры «Наследия предков» (Вирт, Райшле, Метцнер) занимали ответственные посты в РуСХА. Войдя в РуСХА, функционеры Аненербе также получили эсэсовские чины: Вирт — звание гауптштурмфюрера СС, а Зиверс — эсэсмана, рядового СС. В этом звании он пробыл недолго, в течение короткого времени он вырос до чина офицера СС. Их деятельность в рамках РуСХА была чисто номинальной, но в подобных служебных хитросплетениях был заинтересован сам Гиммлер. Союз этих трех организаций (Аненербе, Имперский продовольственный кабинет и РуСХА) подкреплялся общими заданиями, которые они должны были выполнять совместными усилиями. Так, в мае 1936 года была создана «печатная комиссия», которая должна была проверять все рукописи, отправляемые в печать. Изучение спектра работ, посвященных истории, расовым вопросам и т. п., было поручено сразу всем этим трем организациям.

Со временем отношение Дарре к Аненербе стало достаточно враждебным. Это объяснялось двумя причинами: во-первых, обо-

[1] Rassen— und Siedlunghauptamt (RuSHA), не путать с РСХА, Главным управлением имперской безопасности

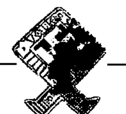
стрением противоречий между рейхсфюрером СС и Имперским руководителем крестьян, во-вторых, желанием Гиммлера полностью влить «Наследие предков» в аппарат СС. Конфликт между этими двумя нацистскими лидерами наметился летом 1936 года. С этого времени Гиммлер решил сам проводить селекцию нового биологического типа людей. Сферой этого эксперимента должен был стать не весь немецкий народ, как это предполагал Дарре, а только эсэсовцы. Рейхсфюрер пошел гораздо дальше Дарре, говорившего об оседлом немецком крестьянстве. Формируя ядро будущих Ваффен СС, Гиммлер выдвинул идею о «боевом крестьянстве», которое было бы в состоянии само завоевать себе землю на Востоке. Дарре были чужды идеи «натиска на Восток», он хотел довольствоваться родными землями. По его мнению, немецкий крестьянин должен был обрабатывать родную землю, в крайнем случае защищать ее, но никак не завоевывать чужие просторы. Гиммлер не мог допустить, чтобы подобные мысли превалировали в РуСХА.

Окончательный разрыв отношений между Гиммлером и Дарре произошел в 1938 году. Частично это уже случилось годом ранее, когда представители Дарре на «печатной комиссии» подвергли острой критике рукопись, воспевавшую воинственность германцев. Она-де подрывала идеал оседлого крестьянина. Речь шла о «Германской истории» Хайнара Шиллинга. Этот исследователь рун пользовался большим авторитетом у рейхсфюрера СС. Намечавшийся скандал удалось замять только при решительном вмешательстве Зиверса.

Зиверс не просто стоял на стороне Гиммлера, но пытался найти прямой путь к рейхсфюреру. Это ему удалось не сразу. Нередко функции Гиммлера. как куратора Аненербе, выполнял Бруно Гальке. Вмешательство Гальке в деятельность «Наследия предков» являлось ярчайшим примером того, что Гиммлер даже не думал соблюдать Устав общества. Должность Особого представителя рейхсфюрера СС в Уставе Аненербе не была предусмотрена, но тем не менее

Гальке занимал ее (типичная ситуация для Третьего рейха). С первых дней своего пребывания в Аненербе он распространил свое влияние почти на всех сотрудников, включая Райшле, который считался человеком Дарре. Зиверс не только не препятствовал, но всячески помогал ему в этом. Но власть Гальке не была безграничной, как правило, он воздействовал на сферу организационного планирования «Наследия предков». Чтобы понять, как к нему попали многие нити управления Аненербе, обратимся к некоторым моментам его биографии.

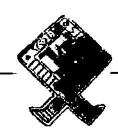
Гальке, дипломированный специалист по торговле, примкнул к СС вместе со своим другом Карлом Вольфом еще в начале 20-х годов. Бруно, почти сразу же ставший адъютантом Гиммлера, при помощи Вольфа возглавил в 1935 году хозяйственное управление СС. До прихода нацистов к власти хозяйственное управление фактически выполняло функции эсэсовской кассы — сюда стекались все взносы и пожертвования. Негласная задача управления состояла в том, чтобы финансировать те проекты, к которым Гиммлер проявил личный интерес, но которые не входили в компетенцию «охранных отрядов», а стало быть, не могли претендовать на бюджет СС. Как и следовало ожидать, в 1935 году в число подобных проектов попало Аненербе. Первоначально функции Гальке в Аненербе были весьма скромными: он должен был изыскивать из кассы СС субсидии для проведения исследований «Наследия предков». Надо сказать, он весьма успешно справлялся с этой задачей. Вскоре многие сотрудники общества пришли к выводу, что Гальке являлся «серым кардиналом» Аненербе. Так, например, он копировал все документы, включая рукописи, приходившие в «Наследие предков», и отправлял копии лично рейхсфюреру СС. Как представитель Гиммлера, он присутствовал на всех, даже закрытых совещаниях. Гиммлер не только не сдерживал инициативы своего подчиненного, которые все больше и больше выходили за рамки финансовых вопросов, но, напротив, приветствовал их Осенью 1936 года Гиммлер и Гальке сделали решительный шаг, чтобы ликвидировать влияние



Имперского продовольственного кабинета на Аненербе. Они собирались перевести Аненербе в подчинение Личному штабу рейхсфюрера СС.

Еще в октябре 1936 года на одном из собраний «Наследия предков» представитель Дарре говорил о поддержке Главным управлением по вопросам расы и поселений «Наследия предков», а несколько дней спустя, 9 ноября 1936 года, оно было уже выведено из подчинения РуСХА. Теперь Аненербе действовало под непосредственным контролем адъютанта рейхсфюрера, находясь полностью в его юрисдикции. Но этот ход окончательно не ликвидировал влияние Дарре. В Аненербе продолжали работать и Райшле, и Метцнер, и Кинкелин. Предполагаемая реорганизация не была проведена — на их место было сложно найти подходящие научные кадры. Имперский продовольственный кабинет продолжал, как и ранее, софинансирование «Наследия предков». Выгнать людей Дарре из исследовательского общества фактически означало поставить крест на этих финансовых средствах. Гиммлер пока не хотел рисковать. Решение «проблемы Дарре» было запланировано отложить на более поздний период.

Германа Вирта вполне устраивало намерение превратить исследовательское общество в научный центр СС, хотя такая возможность и не была предусмотрена в Уставе. Для того чтобы претворить это решение в жизнь, у Аненербе не хватало научно подготовленных кадров и высококвалифицированных специалистов. Непризнанный официальной наукой Герман Вирт мало способствовал их появлению. Гиммлер прекрасно осознавал это. Он понимал, что сомнительная репутация Вирта лежала клеймом на всем исследовательском обществе «Наследие предков». К тому же Вирт совершил одну ошибку — он продолжал поддерживать тесные связи с Дарре. Развивая принцип «крови и почвы», Вирт обратил внимание Дарре на специфический правовой обычай немецкого крестьянства, более известный под названием «одал». Дарре положил этот об-



ряд в основу «наследственного крестьянского права». По мере того как крепла дружба Вирта и Дарре, у рейхсфюрера росла неприязнь к исследователю. Подобное отношение к Президенту Аненербе питали и многие его подчиненные. В декабре 1936 года, когда стало ясно, что отставка Вирта являлась всего лишь вопросом времени, Райшле заявил, что необходимо пересмотреть его наследие.

В то время Вирт действовал в рамках Аненербе не только как Президент общества, но и как руководитель отдела по изучению письменности и символики. В рамках этого отдела он продолжал свои прежние исследования: изучение культовой утвари, одежды и украшений. По инициативе Вирта был даже разработан проект мастерской, в которой должны были изготавливаться дубликаты наиболее ценных и интересных экспонатов. Также он планировал создать киностудию, чтобы в специально созданных декорациях снимать фильмы о древних германцах. В рамках своих исследований он предпринял разорительные для Аненербе экспедиции в Скандинавию. Первая из них состоялась осенью 1935 года, а вторая — в августе 1936 года На эти поездки он возлагал большие надежды. В ходе их он копировал наскальные знаки, после чего изучал их в Берлине. Гиммлер еще надеялся, что новое произведение Вирта «Священный протоязык человечества» будет опубликовано в приемлемом для научного мира виде. Теперь Гиммлер полагал, что все предыдущие работы Вирта были лишь бездоказательными утверждениями. Находясь под давлением рейхсфюрера, Вирт проводил все свое время, прорабатывая литературу и источники, — и это не ускользнуло от Гиммлера.

Как уже говорилось, тучи над головой Вирта сгущались давно. В сентябре 1936 года Гиммлеру сообщили, что Вирт закончил рукопись книги под названием «Одал». Это произведение являлось своего рода путеводителем по источникам и письменным памятникам, которые затрагивали обряд «одал». Вирт клятвенно утверждал, что эта книга будет носить сугубо научный характер. И тут Вирт перестарался. Гиммлер никак не мог поверить, что один человек в течение

двух месяцев мог написать книгу объемом в 600 страниц. Подозревая, что исследователь просто водил его за нос, он принял решение отделаться от него. Рейхсфюрер начал в Аненербе систематическую травлю Вирта. Он дал ясно понять, что тот, как Президент общества, не имел права вести какую-либо переписку и переговоры, предварительно их не согласовав с ним. На протесты Вирта Гиммлер заметил, что Президент сам нарушал не только дисциплину, но и Устав «Наследия предков».

Желая доконать провинившегося исследователя, Гиммлер отдал приказ изолировать его от любых профессиональных и служебных контактов. Вирт попал под запрет. Его идеи о киностудии, ландшафтных представлениях были провозглашены политически бессмысленными и финансово нерентабельными. В декабре 1937 года шеф СС намекнул упрямому исследователю, что его первейшей задачей являлось обеспечение деятельности рейхсфюрера СС. И лишь затем он мог заниматься свободной исследовательской деятельностью. Гиммлер решил поставить точку. Он отказался осуществлять проекты Вирта, а Аненербе превратил в институт СС, где не могло идти и речи о наследии этого ученого.

Сложные взаимоотношения между Гиммлером и Германом Виртом стали причиной того, что в Аненербе появился новый человек — профессор Вальтер Вюст. Без всяких сомнений, его можно было назвать одним из самых одаренных индогерманистов того времени. Вюст родился в семье учителя евангелической школы Пфальца. В 1923 году он защитил диссертацию, а через три года стал приват-доцентом в Мюнхенском университете. Шесть лет спустя, в 1932 году, он уже работал штатным профессором этого университета. Гиммлер знакомился с Вюстом как с ученым, но политическая судьба последнего была не менее впечатляющей, нежели научные таланты. Он примкнул к нацистам еще в 20-х годах. В начале 30-х годов он являлся не только референтом местной организации Национал-социалистического союза учителей, но и лектором окружной партийной организации и тайным агентом СД в Мюнхенском уни-

верситете. Став в 1935 году деканом философского факультета, Вюст заявил о себе как о наиболее реальном претенденте на место ректора Мюнхенского университета. Его научное влияние было помножено на партийный авторитет. Уже в 1933 году он держал под контролем все баварские учебные заведения. Вюста и Гиммлера познакомил генеральный секретарь Аненербе Вольфрам Зиверс — он был знаком с ученым еще со времен своей работы в издательстве Брукмана. Эта историческая встреча произошла в январе 1936 года. Вюст произвел самое благоприятное впечатление на рейхсфюрера. Шеф СС решил привлечь молодого профессора-нациста к участию в «Празднике Генриха»[1], проводимом силами СС в замке Кведлинбург.

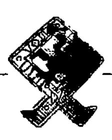
В августе 1936 года Вюст встретился с Гиммлером в доме шефа СС, располагавшемся на озере Тегерн. Там они обменялись мнениями о задачах и целях исследовательского общества «Наследие предков». Точное содержание этой беседы неизвестно, но можно предположить, что Вюст «очаровал» Гиммлера своей эрудицией и научной смелостью. Скорее всего, ученый изложил собственное видение задач Аненербе в рамках культурно-политической деятельности СС. Гиммлер понял, что получил бы гораздо больше, сотрудничая с Вюстом, нежели сохраняя свои отношения с Виртом. От рейхсфюрера не могло ускользнуть и то, что Вюст подчеркнуто негативно высказывался о Вирте. Подобное отношение Вюст питал к нему не всегда. В начале 30-х годов он, как и многие молодые германисты, был околдован фантастическими идеями этого исследователя. Так, например, в 1934 году во время диспута о подлинности «Хроник Ура-Линды» Вюст встал на сторону Вирта. Но постепенно его симпатии начали сменяться сомнениями в истинности его теории. Вдобавок ко всему Вюст был разочарован Виртом как человеком и его личными качествами.

---

[1] Речь идет о короле Генрихе «Птицелове».

Начав сотрудничество с Аненербе, Вюст очень внимательно следил за тем, чтобы его репутация не пострадала от невольных ассоциаций с именем этого ученого-шарлатана. Во время переговоров о вступлении в «Наследие предков» Гиммлер прекрасно понимал, что профессор Вюст наотрез откажется выполнять какие-либо распоряжения Вирта. Поэтому Гиммлер предложил ему занять привилегированную должность представителя Аненербе, а самое главное, дал в решении научных вопросов преимущество перед Виртом. Отныне все лекции, читаемые сотрудниками Аненербе, контролировал именно Вюст. Возглавить одну из структур «Наследия предков» он согласился при ряде условий: во-первых, он не будет зависеть от Вирта; во-вторых, он сможет продолжить в Аненербе свои собственные научные разработки и, в-третьих, он сам сформирует список сотрудников своего отдела. Гиммлер гарантировал, что все его требования будут выполнены.

Это отвечало на вопрос, почему Вюст сразу же согласился присоединиться к исследовательской организации Гиммлера. Но до сих пор неясно, почему он пошел на сотрудничество с нацистами вообще и СС в частности? Этот момент кажется важным хотя бы потому, что после войны Вюст попал в число тех преподавателей высшей школы, против которых были приняты суровые репрессивные меры. Можно выделить четыре группы преподавателей высшей школы, которые активно сотрудничали с нацистами. К ***первой группе*** относились такие ведущие теоретики и философы, как, например, А. Боймлер и Э. Крик. Они имели прерогативу самолично подстраивать теорию и практику университетского образования под национал-социалистическую идеологию. ***Вторая группа*** состояла, как правило, из «молодежи» периода 1900 — 1920 годов рождения, которая работала младшими научными сотрудниками в отдельных областях науки, проводя в жизнь национал-социалистические принципы. ***Третья группа*** была сформирована из профессуры старой закалки, которая сотрудничала с режимом, желая сохранить свое прежнее положение. ***Четвертая группа*** была самой много-



численной — это ученые, которые в 1933 году приняли новый режим, но постепенно дистанцировались от него, став пассивными оппозиционерами. Вальтеру Вюсту не нашлось места в этой схеме — он не являлся представителем ни одной из вышеперечисленных групп.

Вюст хотя и был молод, но уже к 1933 году стал не только профессором, но и корифеем в своей сфере. По мнению бывших сотрудников, его членство в НСДАП было предопределено желанием сохранить свободу научного поиска. Подобно Лангсдорфу и Шляйфу, он находился в весьма натянутых отношениях с Розенбергом и его представителями. Тем не менее ведомство Розенберга пыталось заманить талантливого ученого в свои ряды. Этому должен был поспособствовать профессор Вольфганг Шольц, представитель «Союза борьбы за немецкую культуру» в Мюнхенском университете. Когда в 1936 году Гиммлер только начинал переговоры о вхождении Вюста в Аненербе, Шольц предпринял активную обработку ученого с целью склонить его к сотрудничеству с Розенбергом. В этих условиях Гиммлер был просто вынужден предоставить Вюсту научную независимость, чтобы тем самым обеспечить его присутствие в Аненербе. Как видно, СС, в отличие от других нацистских структур, давали любому ученому, готовому к сотрудничеству, возможность продвинуться вверх по партийной лестнице.

В октябре 1936 года Вюст был назначен главой отдела Аненербе, который отвечал за лингвистические исследования. Эта структура находилась в Мюнхене. Гиммлер сдержал свое слово — он не стал мешать Вюсту преподавать в университете и заниматься собственными исследованиями.

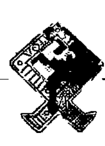
Влияние Вюста начало расти только тогда, когда стало ясно, что он являлся официальным выразителем позиции рейхсфюрера СС. Но пока не был решен инцидент с Виртом, это не было очевидным. Да и сам Вюст не всегда понимал, какая роль была отведена ему в гиммлеровском исследовательском обществе.

В целом работа Аненербе внутри СС могла вестись только в двух направлениях. Оно могло заниматься идеологическими разработка-

ми и обучением, которые должны были вылиться в своего рода «секуляризованную религиозность». Практические научные результаты, полученные «Наследием предков», можно было использовать для формирования не просто элиты, а мировоззренческого авангарда национал-социалистического режима. Так, исследования Аненербе стали важнейшими общественно-политическими задачами. В то время любые проекты «Наследия предков» были подчинены одной цели — мировоззренческому обучению. Даже раскопки, начатые СС в 1938 году, не имели для Аненербе собственно археологической ценности. Все находки: посуда, украшения, остатки жилищ — должны были быть подтверждением новой картины мира.

Пока Аненербе раздиралось внутренними противоречиями, пока Вирт пытался обосновать свои фантастические идеи, не могло быть и речи о том, чтобы доклады и лекции были как-то стандартизированы и упорядочены. Гиммлер, слабо разбиравшийся в истории, также не мог подготовить какой-либо целенаправленный и комплексный план. В 1937 году Вюсту самому предстояло привести в порядок лекторскую деятельность «Наследия предков». За несколько месяцев до того, как вступить в Аненербе, профессор делал доклад по актуальной тогда теме «Майн кампф» фюрера как зеркало индогерманского мировоззрения». Как рассказывали очевидцы, это сообщение получило положительный отзыв у студенчества и преподавательского корпуса. Уже находясь в составе Аненербе, Вюст, подработав свой доклад, выступал в структурных подразделениях СС с серией лекций по этой тематике. Он говорил о гитлеровском понимании героизма, о духовном опыте «Майн кампф» и, естественно, о духовной базе национал-социализма, основополагающих идеях расизма. Надо сказать, лекции Вюста пользовались успехом. После первых же выступлений он с энтузиазмом говорил, что надо обязательно продолжать доклады.

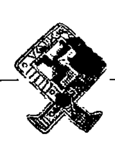
Существовали многочисленные примеры того, что, базируясь на эсэсовской идеологии, Аненербе пыталось выстроить новое, более глубокое мировоззрение, которое должно было стать обязатель-



ным для каждого эсэсовца. Начав с обучающих лекций и докладов, исследовательское общество Гиммлера постепенно перешло к изучению культовых форм и практик. Важнейшим инструментом для осуществления «религиозных» обрядов СС должна была стать «сакральная» символика, которая была призвана укреплять «веру» эсэсовцев.

К концу 30-х годов рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер не просто создал собственную политическую армию, он снабдил ее собственной религиозностью, которая лежала за рамками церковных традиций. Вполне очевидно, что это не могло произойти сразу же после прихода нацистов к власти — большинство эсэсовцев было воспитано в христианских семьях. Но постепенно они отошли от христианства, приняв новое религиозное мировоззрение, которое уходило корнями в древнее германское прошлое. Последовательное развитие этой конфессиональности должно было привести к вытеснению христианства. Нет сомнения, что «Наследию предков» в этой деятельности отводилась ключевая роль. Исследовательское общество должно было фактически разработать с нуля религиозные взгляды, обосновав их с точки зрения вероисповедания Но до конца 30-х годов Аненербе не афишировало собственной деятельности, передавая свои наработки непосредственно Гиммлеру. Эта закрытость общества привела к тому, что непосредственным «разработчиком» эсэсовской религиозности стал Фриц Вайтцель, человек, который не имел к исследовательскому обществу никакого отношения. В 1938 году по поручению Гиммлера он издал две книги: «Церемонии в СС» и «Празднование ежегодных торжеств в семье эсэсовца». В основу обеих работ были положены наработки, вышедшие из недр Аненербе. Вайтцелю удалось не просто стать «пророком» новой религии, но и добиться того, чтобы его подчиненные и коллеги из СС были обращены в новую веру.

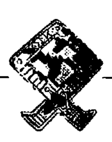
Что же это был за человек? Родился он 27 апреля 1904 года во Франкфурте. После окончания школы стал учеником слесаря, позже работал механиком. В 1918 году он, как и многие молодые люди



того времени, проявил интерес к политике и вступил в социалистическую молодежную организацию. Но он разочаровался в социалистах и примкнул к гитлеровцам. 21 сентября 1925 года он вступил в НСДАП, получив членский билет № 18833. Находясь сначала в штурмовых отрядах, он постоянно участвовал в уличных стычках и обратил на себя внимание руководства еще только формировавшихся СС. Его карьерному росту мог позавидовать любой. В 1926 году он возглавил эсэсовцев в родном Франкфурте. Год спустя он уже оказался в руководстве СС и под его началом был целый штандарт. В 1929 году он уже получил чин бригадефюрера СС. Его деятельность осталась незаметной для многих исследователей СС, но именно его Гиммлер не раз направлял в зарубежные командировки для изучения полицейского опыта других стран. Исследование обрядности и праздников было очередным особым заданием Гиммлера. Нет никаких сомнений в том, что Вайтцель не являлся автором работ в этой сфере: 34-летний ученик слесаря, не имевший высшего гуманитарного образования, вряд ли мог ориентироваться в годичном цикле древних германцев, привлекать для аргументации богатый исторический и этнографический материал.

11 марта 1937 года Гиммлер решил, что «Наследию предков» необходим новый Устав. Этим решением рейхсфюрер ускорил внутреннее развитие Аненербе, начатое в 1936 году. То, что новый документ не обсуждался, а был спущен в виде предписания рейхсфюрера, говорило о том, что Гиммлер окончательно утвердил свои позиции в Аненербе и избавился от соперников в лице Дарре и Вирта, превратив исследовательское общество в структуру СС.

Влияние Райшле, Кинкелина и Метцнера постепенно сошло на нет, а руководимая ими комиссия по проверке исторических рукописей и вовсе прекратила свою деятельность. Формально они продолжали свою работу в Аненербе, но их функции перешли к представителям Гиммлера — Зиверсу, Вюсту и Гальке. Произошли и формальные перестановки: Гиммлер назначил Вальтера Вюста но-



вым Президентом «Наследия предков». Причем в новом Уставе права и полномочия Президента оказались четко и детально прописаны. Они ограничивались научным руководством. Бросалось в глаза и то, что, став новым Президентом Аненербе, Вальтер Вюст начал выполнять также функции Президиума общества, представляя «Наследие предков» в высших кругах партии и государства.

Все административные задачи в рамках общества выполнял Вольфрам Зиверс. Его должность «генерального секретаря» переименовали в «имперского руководителя общества», что свидетельствовало о повышении его статуса. В своей деятельности при решении административных, организационных и финансовых вопросов он должен был подчиняться особому представителю рейхсфюрера СС Бруно Гальке. На практике же оказалось, что финансовые вопросы на себя взял Гальке, отдав административное управление Аненербе Зиверсу, тем более что Вюст не проявлял ни малейшего интереса к этой стороне деятельности общества. Отныне внутри Аненербе при решении какого-либо вопроса было необходимо соблюдать строгую субординацию, а это фактически означало, что Зиверс получал в свои руки почти все нити управления. Новая должность и новые полномочия дали Зиверсу значительную власть, которую он решил использовать во благо себе.

Сам же Гиммлер только выиграл от изменения Устава. Теперь должность куратора, которую занимал рейхсфюрер, носила авторитарный характер. Он мог решать все дела общества по своему усмотрению: снимать и назначать новых руководителей, сотрудников и учредителей Аненербе. Кроме этого, куратор был единственным, кто мог внести изменения в Устав. Впервые за два года существования Аненербе была установлена четкая, формально-юридическая связь между обществом и шефом СС. Рейхсфюрер СС официально возглавлял попечительский совет «Наследия предков». Можно было говорить о начавшейся интеграции Аненербе в СС.

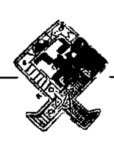
Как уже упоминалось выше, при Аненербе был создан попечительский совет. Идея создания подобной организации была выдви-

нута В. Вюстом в мае 1937 года. Ее горячо поддержал Гиммлер. Попечительский совет «Наследия предков» начал свою деятельность в том же месяце, ставя своей основной задачей решение финансовых вопросов. В совет должны были войти наиболее значимые представители индустрии и подразделений НСДАП, которые могли бы оказать всестороннюю поддержку в реализации планов Аненербе. Непосредственный контроль за деятельностью совета осуществлял уже знакомый нам Бруно Гальке. К этому времени стало ясно, что Имперский продовольственный комитет существенно сократит финансовые отчисления «Наследию предков». В сложившихся условиях ни членские взносы, ни казна СС не могли обеспечить достаточного финансирования для проведения исследований. Ситуация начала меняться, когда 15 августа 1937 года попечительский совет выделил 8 тысяч рейхсмарок. Само по себе это было небольшой суммой, но планировалось, что со временем финансовые поступления станут регулярными и более значительными. Эти средства предполагалось получить, в частности, от эсэсовца Антона Лойбла. Этот человек долгое время был личным шофером Гиммлера, а затем запатентовал новую модель тормозного устройства для автомобилей. Промышленное производство этого тормоза принесло ему немалый доход. Но тем не менее идея попечительства как основного источника доходов Аненербе не оправдала надежд рейхсфюрера СС. Тогда у Гиммлера не было структур, которые могли бы вести эффективную экономическую деятельность. А те, что имелись, занимались в основном вопросами мировоззрения и идеологии. Те же, кто оказывал поддержку Аненербе, исследованиям комплекса Экстернштайн и сохранению собора замка Кведлинбург (это были основные статьи расходов попечительского совета), как правило, не были связаны с СС.

К тому же не стоило списывать со счетов Германа Вирта, который хотя и был отстранен от реальной деятельности, но все-таки занимал мифический пост Почетного председателя Аненербе. Статус этой должности не был даже обозначен в новом Уставе. Вирт с тру-

дом перенес переименование Аненербе из «Общества духовной истории древности» просто в «Исследовательское общество». Он, как уже говорилось, считал себя изобретателем термина «духовная история древности» и очень гордился этим. Но еще сложнее было пережить изоляцию. Все это фактически раскололо членов Аненербе на два лагеря: с одной стороны — единомышленники Вирта, а с другой — Гиммлера, Вюста и Зиверса. Каждый из трех лидеров второго, наиболее авторитетного лагеря имел свои личные основания для того, чтобы избавиться от неугодного Вирта. К этому добавились слухи о том, что Вирт начал сотрудничество с Розенбергом. В 1937 году Гиммлер как никогда твердо заявил, что не намерен терпеть фантастов в сфере гуманитарных наук. К началу 1938 года Гиммлер окончательно потерял доверие к Вирту. Он более не верил в его способности историка-исследователя. «Хроники Ура-Линды» остались непризнанными научным миром, как, собственно, и большинство работ Вирта. Это не мешало рейхсфюреру в личной переписке с друзьями заявлять, что он не сомневается в подлинности «Хроник», так как в них содержатся факты, которые подтверждаются многими устными преданиями. Но, видимо, сомнения, терзавшие шефа СС на этот счет, взяли верх, и он попросил уважаемого профессора-германиста Отто Маузера провести экспертизу «Хроник Ура-Линды». В 1938 году Маузер дал ответ Гиммлеру, в котором заявил, что не нашел ни одного факта, который мог бы подтвердить их подлинность.

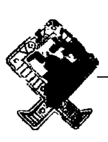
Кроме всего прочего, Вирта отличало своевольное использование финансовых средств. Часть из них он весьма нерационально якобы тратил на исследования, другие, не скрываясь, пускал на личные цели. Для щепетильного на этот счет Гиммлера этого было вполне достаточно, чтобы невзлюбить исследователя. Не имея никаких финансовых полномочий, Вирт тем не менее в 1935 — 1936 годах фактически растранжирил весь бюджет Аненербе и окончательно запутал бухгалтерию. Для Генриха Гиммлера марбургский историк стал невыносимой обузой. Однажды рейхсфюрер вышел



из себя, когда узнал, что Вирт занимал деньги у частных жертвователей, прикрываясь его авторитетом. Кстати, деньги Вирт так и не вернул. Кредиторы обратились лично к Гиммлеру с просьбой погасить долг. Примечательно, что Гиммлер вернул долги Вирта, которые не только не вычел из его жалования, но обеспечил ему шикарное финансирование. В 1937 году он получал ежемесячно 800 рейхсмарок от Аненербе и 700 рейхсмарок от Берлинского университета (1500 рейхсмарок по тем временам сумма почти фантастическая).

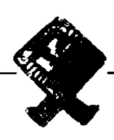
Финансовая сторона дела вообще не интересовала Вальтера Вюста, он мечтал отделаться от человека, который «портил репутацию *его* (!!!) организации». В 1937 году Вюст услышал о том, что Вирт до сих пор считал себя высшей инстанцией в Аненербе, а мюнхенского профессора не более чем бесполезным приложением к «Наследию предков». В ответ Вюст заметил, что сохранение за Виртом поста Почетного председателя никак позитивно не отразилось на деятельности общества, а только потворствовало неудовлетворенным амбициям некоторых людей. Вирт перепробовал все способы, чтобы сохранить свое прежнее влияние и найти хоть каких-нибудь союзников внутри Аненербе. Но в свете «изгнания» из «Наследия предков» ставленников Дарре это было почти нереально.

Зиверса в фигуре Вирта не устраивало очень многое. Например, прошлые контакты, когда он был фактически подчинен исследователю, что Зиверс, как честолюбец, очень тяжело переживал. Вообще крайне напряженные отношения, которые сложились к 1937 году между Виртом и Зиверсом, можно объяснить только при помощи психологического анализа их неясных связей накануне создания Аненербе. Несомненно, при создании «Наследия предков» Вирт рассчитывал на поддержку Зиверса. Только этим можно объяснить восстановление отношений, разорванных в 1933 году. Это подтверждало его письмо, в котором Зиверс писал своей будущей жене, что он вынужден был согласиться на более тесные взаимоотношения с ученым, так как это могло сделать его полностью независи-



мым. Но договоренность с Виртом осталась только словами. С первых же дней работы в Аненербе Зиверс начал выступать на стороне Гиммлера. Он прекрасно осознавал, какие возможности давал его пост в решении административных проблем, и собирался использовать его как можно эффективнее. Зиверс пришел в Аненербе восторженным романтиком с идеалистичными представлениями о будущей элите Германии. Но постепенно он стал меняться. К 1938 году он превратился в «холодного эсэсовского технократа», чему способствовали его частые встречи и непосредственное подчинение рейхсфюреру СС. Не являясь сторонником эсэсовской идеологии, Зиверс предстал в виде расчетливого функционера, готового ради своего карьерного роста поддерживать любую, даже самую бесчеловечную идею. Он презирал наивную романтику Генриха Гиммлера. Но вместе с тем он полностью отказался от мечтательных теорий Хильшера и мифологических конструкций Вирта. Отныне он руководствовался лишь своим ненасытным честолюбием, а элитарность понималась им исключительно как личные успехи.

Кроме этого, Зиверс был лично заинтересован в том, чтобы избавиться от Вирта, которому он до сих пор продолжал формально подчиняться. Он хотел предать забвению отдельные страницы из прошлого, о коих Вирт был более чем осведомлен. Ранее он был открытым, не определившимся с жизненными ориентирами юношей, который хотел, чтобы Вирт, авторитет для многих молодых людей, сделал его своим учеником. По мере того как Зиверс врастал в структуру СС, он все чаще ловил себя на мысли, что его юношеские увлечения были минутной слабостью. Он цинично решил, что необходимо во что бы то ни стало избавиться от свидетеля его «юношеских заблуждений», пока Вирту самому не пришла в голову мысль использовать эти знания в собственных целях. Зиверсу удалось нанести первый удар, когда в 1936 году он предложил Гальке свои услуги для подготовки молодых эсэсовцев. Он мотивировал этот шаг тем, что как никто знал взгляды Вирта, а потому мог легко заменить



его. Это оскорбление Вирт так и не смог никогда простить своему бывшему ассистенту.

Зиверс сначала как Генеральный секретарь, а затем как Имперский руководитель общества был в курсе всех дел Аненербе, к тому же Гиммлер доверял ему. Это был хороший стартовый капитал для карьеры внутри СС. Он полагал, что был просто предназначен для того, чтобы заменить Вирта. Устав 1937 года дал ему возможность осуществить свою мечту. Заручившись поддержкой Президента (Вюста), Зиверс начал интригу. Он стал распускать слухи, что назначение его на пост Почетного председателя было логичным шагом в развитии Аненербе. Вюст, присутствовавший при этих разговорах, подчеркивал, что это было бы не просто логично, но и целесообразно. Даже Райшле, который когда-то благожелательно относился к Вирту, вторил, что прошли все сроки для того, чтобы образумить нынешнего Почетного председателя Вирта. К январю 1938 года Вирт сдал последние позиции в «Наследии предков». В это время Вюст совместно с Зиверсом планировали будущую работу Аненербе, предоставляя свои наброски лично рейхсфюреру СС. Раньше подобные задачи были сферой деятельности Вирта, к которой Зиверса даже не подпускали.

Пик кризиса в Аненербе пришелся на май 1938 года. Тогда Вюст и Зиверс написали Вирту нелицеприятное письмо, в котором заявили, что его чудачества противоречили научным и культурным целям рейхсфюрера СС. Авторы письма с «неподдельным» ужасом обнаруживали, что Вирт не понимал ни структуры, ни важнейших задач, ни объема работ, предстоящих Аненербе. Вюст и Зиверс приходили к уничижительному выводу, что он подменял цели и задачи «Наследия предков» своими собственными научными и исследовательскими интересами. Далее Вирту было даже заявлено, что и свое свободное духовное творчество он должен был согласовывать с руководством СС. В последних строках письма Вюст и Зиверс подчеркивали, что в сложившихся условиях они как представители Аненербе наотрез отказались ходатайствовать перед Имперским

министерством воспитания и образования о присуждении Вирту научной степени. Не имея возможности продолжать свою работу в рамках «Наследия предков», Вирт теперь потерял всякие надежды и на научную карьеру. Он был подавлен.

Это письмо как никакой другой документ того времени показывало, что Вирт мог продолжить свою исследовательскую деятельность только в одном случае. Он должен был оставить все посты и покинуть Аненербе. Этот шаг он сделал в декабре 1938 года.

Так закончилась не только карьера Вирта, но и второй немаловажный период в истории «Наследия предков», время, когда были созданы все условия для принятия нового, третьего Устава общества. Но все эти подводные течения были незримы для стороннего наблюдателя. Внешне Аненербе производило впечатление сплоченной и монолитной структуры. Гиммлер пытался замять возможные негативные последствия «изгнания» Вирта. Он начал демонстративно проявлять интерес к тем людям, которые еще недавно считались друзьями и спонсорами неугодного исследователя (сенатор Розалиус, Матильда Мерк и т.д.). И тут Зиверс выступил как талантливый дипломат. Он заявил, что свои пожертвования они получат назад не от Вирта, а из кассы Аненербе.

Бурные разборки между Виртом и новым руководством Аненербе, как ни парадоксально, фактически никак не отразились на деятельности «Наследия предков». После того как в 1938 году рухнули надежды Вирта создать собственную кафедру в Берлинском университете и получить титул профессора, он отправился в свой дом в Марбурге, где вел жизнь отшельника. Надо подчеркнуть, что он не таил зла на рейхсфюрера и по мере возможности поддерживал с ним контакт. Этому способствовало и то, что, покинув Аненербе, Вирт все-таки остался гауптштурмфюрером СС, подчиненным лично Гиммлеру. Проведя несколько лет в изоляции, Вирт все же защитил в 1941 году диссертацию и получил звание «профессора — исследователя истории древней символики и религиозности». Этот факт можно было бы не упоминать, если бы после войны не всплы-

ли документы, говорящие о том, что Гиммлер *лично* противодействовал этому. Получалось, что отношение Гиммлера к нему не изменилось даже после того, как сын Вирта вступил в СС, а у себя на Родине, в Голландии, ученый как пособник нацистов был объявлен вне закона. В 1944 году Герман Вирт получил в Геттингене кафедру этнографии, но покинул ее из-за конфликта с местной профессурой.

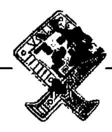
После войны Вирт, все еще остававшийся убежденным нацистом, пытался озвучить собственную легенду о причастности к Сопротивлению. Свой разрыв с рейхсфюрером СС он пытался объяснить идеологическими противоречиями и собственным неприятием Третьего рейха. Об идеологическом конфликте не могло быть и речи. Вирт, примкнувший в 50-е годы к реваншистскому политическому лагерю, в своей работе «О первоначальном духе человеческого бытия» с большой симпатией отзывался о национал-социалистическом режиме в целом и Гитлере в частности

Второе отступление

Главнейшее из искусств с мистической подложкой

> Чистый реализм, бытовщина, посредственность, повседневность меня не интересуют... Меня прельщает красивое, сильное, здоровое — живое. Я жажду гармонии. Когда удается ее достичь, я счастлива.
>
> *(Из интервью Лени Рифеншталь)*

Тематику документальных фильмов, снятых в Третьем рейхе, едва ли можно назвать разнообразной: история отдельных городов и местностей, повествование о буднях отдельных социальных слоев (особое внимание здесь уделялось молодежи), отчеты о путешествиях и мероприятиях, организованных национал-социалистической организацией «Сила через радость». Кроме этого, почти каждое нацистское подразделение снимало собственные рекламные ленты,



которые проще назвать роликами. Эти киноленты отличались друг друга как по убедительности, так и по художественному качеству. Имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс из года в год требовал от кинематографистов, чтобы те производили более убедительные с художественной точки зрения фильмы. Для него пропаганда была искусством, а искусство являлось разновидностью пропаганды. Творчески организованная пропаганда была для него неким «благородным искусством народной психологии», которая должна была не только поспособствовать возникновению у Третьего рейха «привлекательной физиономии», но и «помочь» людям фактически начать новую жизнь.

В этом отношении кино должно не просто навязывать немцам национал-социалистическую идеологию, но делать это искусно, избегая очевидных клише. Ганс Рихтер описывал эту ситуацию как «циничную шутку эволюции». «Проявив себя мастерами кино, нацисты были вынуждены показывать правду, так как они понимали, что лучше всего лгать, опираясь на факты».

В документальном кино, не суть важно, шла ли в нем речь об истории Германии, буднях городов и сел, едва ли не обязательным моментом был поиск неких исторических знаков и символов, долгое время забытых, а то и вовсе запрещенных. В итоге преподносился патетичный вывод — лишь победа национал-социализма дала этим древним традициям новую жизнь. Эти знаки истории должны были являться не только призывом к сохранению вековых традиций, но неким намеком на обязанность каждого отдельного человека соответствовать в любой ситуации исторически выверенным образцам.

В гигантском количестве фильмов имелись упоминания об Орденах, которые всегда имели большое значение для мистических и оккультных организаций. Орденские сообщества с конца XIX века имели одинаковое влияние как на формирование оккультных, так и политических группировок. С одной стороны, этому способствовал тот факт, что Ордена всегда имели четкую иерархическую структуру, в которой каждый занимался четко отведенной ему деятельно-

стью. С другой стороны, этому содействовало восприятие Ордена как некой религиозной общины. С данной точки зрения каждый член Ордена должен был не только разделять общую веру, но и хранить некое подобие тайны, которая облагораживала Орден и давала ему незримую власть. Возникновение в начале XX века некоего подобия средневековых Орденов («Германский орден», общество «Туле» и др.) в итоге как бы предвосхищало возникновение самого национал-социализма, ибо и эти организации, и широкое нацистское движение активно выступали за «оздоровление арийской расы». Вольфрам Эшенбах и Рихард Вагнер (впрочем, как многие другие) описывали легендарный «Орден Рыцарей Грааля» как организацию благородных, сильных и целомудренных мужчин, решивших отречься от благ этого мира.

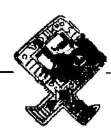
В архивах сохранился старый фильм, выпущенный в 1925 году. В нем достаточно подробно и обстоятельно описывалась суть и строение орденской организации как таковой. В киноленте речь шла о «Младогерманском ордене». Несмотря на то что созданный Артуром Мараумом в 1920 году «Младогерманский орден» позже объединился с Демократической партией, этот фильм можно трактовать как протофашистское явление. Этот пример наглядно демонстрирует, что многие элементы и явления, в настоящий момент однозначно трактующиеся как нацистские, на самом деле не являлись оригинальными наработками гитлеровской партии. Многие типажи из нацистских фильмов появились на экране задолго до 1933 года. Если говорить в целом, то и сами представления об орденском устройстве политической или религиозной организации отнюдь не являлись монополией и отличительной чертой ультраправых. Сама же эстетика упомянутого выше фильма, его пафос во многом соответствовали некоторым документальным лентам Третьего рейха. Возьму на себя смелость предположить, что фильм о «Младогерманском ордене» стал неким предшественником таких нацистских фильмов, как «Гитлерюгенд в горах» (1932 г.), «От борьбы к победе» (1937 г.), «Сила и красота» (1940 г.). Но напомню, речь идет о чисто

художественной стороне фильмов, их эстетике. На самом деле между организацией Артура Марауна и Гитлерюгендом не существовало никаких связей. Снятый в 1925 году фильм «Младогерманский орден» начинался с озвученного текста, возникшего на темном экране: «От катастрофы нас может спасти дело, которое называется воспитанием. Преданность и верность всему немецкому должны содействовать тому, чтобы наш род вновь производил крепких и настойчивых мужчин, которым неведомы сомнения. Каждый немецкий юноша должен заниматься народным спортом и путешествовать. Народный спорт означает работу над всем народом. Прогулки и спорт должны прорастить в младогерманской молодежи мужские качества и любовь к природе». Далее шли кадры, когда 14 — 15-летние юноши под руководством уже немолодого мужчины маршировали с флагами по горам в направлении какого-то замка. В замке они останавливались на ночевку. Раннее утро начиналось для них с побудки и умывания во дворе замка. Перед началом ежедневной работы на природе эти юноши читали молитву. Далее демонстрировались различные виды спортивных соревнований, в том числе рубка деревьев. После окончания игр все бежали к реке купаться и начинали готовить обед. Затем шли небольшие зарисовки: ежегодный вооруженный смотр младогерманцев во главе со своим вождем; 1925 год, Дортмунд, гроссмейстер «Младогерманского ордена» во главе марширующей колонны. После этих кадров подводился итог: «Германия снова станет великой и сильной, если мы денно и нощно будем работать над закалкой и исцелением нашего больного народа. Германия снова станет свободной, если мы снова станем единым народом, а при помощи народного спорта избавимся от изнеженности».

Создатели этого фильма наглядно продемонстрировали свою приверженность не только идеям физического воспитания, но и следование антимодернистским идеям, активно пропагандируемым в работах Гвидо фон Листа и Ланца фон Либенфельса.

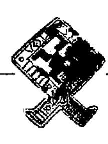
Стоит заметить, что до 1933 года эзотерическую терминологию и оккультные идеи использовали многие политические группы, которые подчас вовсе не собирались ориентироваться на нацистов. В то время оккультизм был очень популярен в широких слоях немецкого населения. Но зачастую оккультные построения не оказывали никакого влияния на политическую ориентацию той или иной организации. Да и сами нацисты не собирались открыто провозглашать свое движение каким-то мистическим порождением. Но орденские идеи, подобно тем, что высказывались младогерманцами, в Третьем рейхе играли очень значительную, если не сказать решающую роль при формировании нового общества. Стоит хотя бы вспомнить о тайной речи Гитлера, произнесенной им в «орденском замке» (орденсбурге) Зонтхофен. В ней фюрер провозглашал, что НСДАП являлась не чем иным, как политическим орденом. «Она (нацистская партия) должна представлять собой Орден, который должен гарантировать стабильность формирования немецкой воли, а потому обеспечивать стабильность политического руководства... Наша демократия базируется на двух постулатах: 1. На каждой должности, вплоть до самой мелкой, ответственность должен нести назначенный сверху, а не избранный человек. 2. Он должен обладать безусловным авторитетом у подчиненных и нести абсолютную ответственность перед начальством».

Но прежде чем произнести эту тайную речь в 1936 году, подобная мысль была высказана им в документальном фильме «Триумф воли»: «Партия в будущем будет заниматься отбором руководящих кадров для народа. В своем учении она будет постоянной, в своей организации — твердой как сталь, в своей тактике — гибкой и эластичной. В целом она будет подобна Ордену!» Созданная по образцу ордена нацистская партия нуждалась в таких же строениях — орденских замках. Для того чтобы вскармливать новую элиту, в Третьем рейхе было создано несколько «орденсбургов»: Крёссинзее, Фогельзанг и Зонтхо̆фен. Замкам нового ордена было посвящено несколько фильмов, в частности «Строения Адольфа Гитле-



ра» (1938 г.) и «Здания новой Германии» (1941 г.). Исторические параллели между нацистским орденом и его замками как бы оправдывали натиск Германии на страны Южной и Восточной Европы. Документальный фильм «Восточная Пруссия — страна немецкого Ордена» (1937 г.) начинался с показа музейной выставки, где были выставлены древние предметы, которые якобы доказывали права немцев на территорию Восточной Европы. Эта мысль подробно комментировалась диктором: «Восточная Пруссия являлась немецкой землей с древнейших времен. Лучшим доказательством ее немецкой принадлежности являются находки, которые датируются незапамятными временами... В 1226 году император Фридрих II передает Восточную Пруссию магистру «Немецкого ордена». Передает навеки, свободную от какой-либо повинности, освобожденную от налогов и не ответственную ни перед кем». Само повествование в фильме велось на фоне чудесных пейзажей со следами отчетливого пребывания здесь некогда «Немецкого ордена». Показываются многочисленные замки и их сокровища. Подчеркивается, что в соборе Фрауэнбурга самые великие астрономы Германии начинали создавать теорию о Вселенной. В качестве апогея этого иллюстративного ряда демонстрируется Мариенбург. Диктор вещает: «Мариенбург — прекраснейшее и благороднейшее крепостное сооружение в Европе. Оно служило резиденцией магистра «Немецкого ордена» во времена его процветания. Это один из самых чудных примеров готического стиля в кирпичной архитектуре». После подробного осмотра внутреннего убранства замка камера останавливается на группе девушек, благоговейно замерших перед изваянием рыцаря с мечом. Камера наезжает на постамент, на котором значится надпись: «Эта страна останется немецкой. 11 июля 1920 года». Голос за кадром вещает: «Как во времена немецких рыцарей, так и сейчас Мариенбург является стражем немецкого мира». Камера направляется в хмурое небо.

Главный идеолог гитлеровской партии Альфред Розенберг в 1934 году произнес в Мариенбурге речь, где провел параллели между организациями немецких рыцарей и «национал-социалистиче-



ским орденом». Он заявлял, что «Германия восстает из пепла в совершенно новой форме, которая здесь, в Мариенбурге, ощущается как древняя. Это форма государственности, присущая «Немецкому ордену». А это значит, что национал-социалистическое движение решило из всех 70 миллионов немцев отобрать и объединить воедино некое ядро, которое бы занималось особым поручением — государственным руководством». Мариенбург как цитадель «Немецкого ордена» показывался в многочисленных фильмах еще задолго до прихода нацистов к власти: «Немецкое Балтийское море» (1928 г.), «Острова Восточной Пруссии» (1929 г.). Но в Третьем рейхе эта тема в документальном кино приобрела особое значение.

В фильме «Курс на восток» (1941 г.) зритель мог видеть группу юношей из Гитлерюгенда, которые присутствовали при закладке корабля «Мариенбург», а затем направлялись в поездку по Восточной Пруссии. Голос за кадром провозглашал: «Лишь в XIII веке «Немецкий орден» сделал эту страну цивилизованной и построил здесь более 150 замков». Здесь проводились параллели между немецкой армией и немецкими рыцарями. Но особое внимание во многих документальных фильмах о Восточной Пруссии уделялось церемониальному комплексу Танненберг. Подобные «святыни» имели чрезвычайное значение для формирования национал-социалистической обрядовости. Для тех, кто не мог посетить их, создавались многочисленные фильмы. Любая группа, любое общество, которое намеревалось быть консолидированным, нуждалось в подобных местах. Это не просто память о каких-то событиях, это зримый символ единства. В подобных «святых» местах люди и пространство входят в некую взаимосвязь.

Новому режиму требовались новые святыни. Среди множества возникших в начале 30-х годов культовых мест национал-социалистического движения можно было выделить три главных: зал героёв на родине нацистского движения в Мюнхене, Нюрнбергская площадка для проведения имперских съездов НСДАП и гора Бюркенберг близ города Хамельн, где ежегодно проводился «Праздник

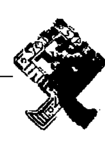
урожая». О последнем сообщалось не только в выпусках киножурналов. Фрагменты нескольких «Праздников урожая» можно встретить в фильме «Устройство памятных святилищ». В нем говорилось о том, с какой тщательностью идет сооружение новых святилищ. Мюнхенскому культовому комплексу было посвящено несколько фильмов: «За нас», «Вечная вахта» и «9 ноября 1935 года».

В фильме 1941 года «Здания новой Германии» были показаны и другие квазирелигиозные сооружения новой национал-социалистической религии. В самом фильме вполне отчетливо звучала мысль: «Внутренне обновляющиеся, передовые народы всегда были нациями, которые активно занимались строительством». Кадры из этого фильма: побережье Северного моря. В одном из селений создается подобие квадратного общинного жилища. Над этим приземистым зданием возвышается небольшая деревянная колокольня, откуда доносятся звуки колокола. Двухстворчатая дверь в этот «мемориал» словно охраняется двумя скульптурными фигурами: воина с коротким мечом и крестьянина. Внутренняя отделка по-спартански проста. Если бы здесь появился крест, то можно было подумать, что показывают сельский протестантский храм. Под сводами этого мрачноватого сооружения оказалась группа юношей и девушек, которые почти не отличались друг от друга ни по одежде, ни по прическам. Затем они как бы перешли в массивные крепостные сооружения «орденсбургов» Зонтхофен и Фогельзанг. Их сменяют кадры, показывающие ритуалы, проходящие в Мюнхене у церемониального комплекса «Мученикам движения», и торжества на Нюрнбергском партийном съезде. Показанные на фоне древних строений новые сооружения вызывают некий религиозный трепет.

Другие фильмы возводят подобную взаимосвязь между прошлым и настоящим на некий мистический уровень. В качестве примера можно привести ленты «Красная скала» и «Вормс — город Нибелунгов». Полный героического пафоса фильм «Красная скала» повествовал о сложной жизни на острове Хельголанде. «Одинокий, предоставленный сам себе остров, находящийся в бурном море,

противится зимней стихии». Новый режим облегчил жизнь островитян. Показываются радостные лица туристов, которые переполняют Хельголанде. И опять уже привычные элементы: замок, святые места, взывание к предкам и их воинственности. Фильм «Вормс — город Нибелунгов» являлся одним из важнейших «арийских кинотворений» Третьего рейха. Этот «древний императорский город» был представлен исходной точкой эпохального исторического развития Германии, которое достигло своего апогея с наступлением Третьего рейха. «Там, где Рейн, судьбоносный путь Запада, пересекается с древнейшим путем Нибелунгов, который связывал Восток и Запад, посреди плодородных благодатных земель находится город Вормс, резиденция королей и Нибелунгов. Его можно назвать немецкой Троей. Там еще видны остатки римских построек». Как видим, очень многие документальные фильмы погружали зрителя в некую мифическую реальность, где прошлое и настоящее становилось единым целым.

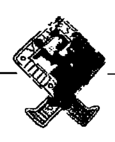
Но эта мифическая реальность была отнюдь не главным назначением нацистских документальных фильмов. Культивирование новой политической религии требовало популяризации новых обрядов и нового культового церемониала. В этом отношении самым примечательным является фильм Лени Рифенштааль «Торжество веры». Это 50-минутное творение гениальной немки было малоизвестным широкой публике. Его можно назвать старшим братом культового фильма «Триумф воли». В 1933 году Гитлер озаботился тем, что в Нюрнбергском съезде могут принять участие далеко не все немцы, а стало быть, культивация новой религии может затормозиться. Киноизложение торжественных событий в Нюрнберге идеально подходило для реализации этого начинания. В литературе этот фильм нередко называется утраченным, на самом деле после событий 1934 года его перестали демонстрировать, так как в кадрах очень часто встречался Эрнст Рём, убитый в ходе «ночи длинных ножей». Вообще-то про партийные съезды НСДАП было снято три фильма: «Партийный съезд 1929 года», «Торжество веры» и «Три-



умф воли». Примечательно название второго фильма, на котором мы и остановим свое внимание, — «Торжество веры». Уже в самом наименовании заложена мысль, что победа Гитлера и возникновение Третьего рейха были неким немецким чудом, а сама национал-социалистическая идея не могла быть логически постижима, поскольку была подобна религиозной вере. В этом отношении очень интересен ход, найденный Рифеншталь. Фильм фактически начинается с того, что в Нюрнберг, готовящийся к торжествам, на самолете прибывает Гитлер. Сам факт, что Гитлер спускается к простым смертным с неба, должен навевать религиозные ощущения. Позже этот ход она повторит в «Триумфе воли». Следующие за этим кадры только укрепляют мистическое впечатление. Спустившегося с неба Гитлера приветствуют ревущие и ликующие толпы. В данном контексте можно говорить об изображении фюрера в качестве некого божества. Не потому ли на фоне рева тысяч людей слышится гул колоколов?

А вот еще одно забавное наблюдение. Все нацистские съезды открывались с увертюры из оперы Р. Вагнера «Риенци». Август Кубчик, друживший в юношестве с Гитлером, рассказывал, что Адольф всегда замирал, когда в опере люди приветствовали народного трибуна: «Хайль Риенци!» После одной из таких сцен Гитлер якобы заявил: «Я обязательно стану оратором». А вот еще интересный момент. Именно в этом фильме впервые общественности был продемонстрирован обряд освящения партийных знамен. Гитлер прилагает к каждому из нацистских флагов полотнище, которое пропитано кровью погибших во время «пивного путча» 1923 года. Казалось бы, это сугубо нацистский обряд. Ан нет! Национал-социалисты позаимствовали эту церемонию из Средневековья. Такое понятие, как «кровавый флаг», существовало еще во времена династии Гогенштауфенов.

Структуру, подобную «Торжеству веры», имел также фильм «Зимнее солнцестояние». Этот 40-минутный фильм был снят зарубежной организацией НСДАП. Инициатором его создания высту-

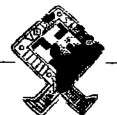


пил аргентинский филиал гитлеровской партии, одно из самых крупных зарубежных нацистских объединений. В начале фильма зритель видит Буэнос-Айрес в день зимнего солнцестояния. Город живет своей жизнью, но вот возникают моменты, которые наводят на мысль о германском влиянии: шины «Мерседесов», немецкие корабли в гавани, грузчики, разгружающие немецкие товары, немецкие издания в газетных ларьках. А вот логическое продолжение этих кадров — немецкая школа, где полным ходом идет подготовка к празднику солнцестояния. Само празднование не представляет ничего оригинального — огненная феерия. Гигантские костры, вокруг которых под «сферическую» музыку танцуют белокурые девушки. Факелы в руках спортивных юношей. Портреты фюрера, замершие на стенах, подобно иконам в «красном углу». Бесконечные свастики.

Зимнее солнцестояние было одним из главных праздников в Третьем рейхе. Но вот интересные факты. Если вся общественность и простые партийцы праздновали зимнее солнцестояние, то у эсэсовцев праздник назывался несколько по-иному. Да и сами ритуалы торжества были другими. В СС этот праздник назывался Юль. Юль (в скандинавском произношении Йоль) — это темнейшее время в году, когда ночи удлиняются, а дни становятся короче. Но в германо-скандинавской традиции это также время возвращения солнца и удлинения светлого времени суток. Название Юль-Йоль происходит от слова «колесо» (солнечное колесо). Символически это представлено обычаем зажигать колесо и скатывать его со склона холма. Помимо светлого значения это еще и день усопших и время для жертвоприношения для мира и благополучия в наступающем году. В этот праздник пели песню, призывающую души мертвых: «приходите, те, кто хотите, присоединяйтесь, те, кто хочет», с этими словами женщина обходила вокруг дома в наступающее время Юля-Йоля. Это делалось потому, что считалось, что каждый может войти в дом, и было запрещено запирать окна и двери. Ясно, что душам мертвых такие вещи не могли быть преградой.

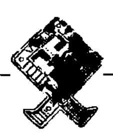
Большое количество пищи ставилось и в ритуально-декоративных целях. К этой пище не прикасались до самого Юля-Йоля, ибо предки должны были первыми вкусить ее, а затем уже живущие. Это были орехи, выпечка и многое другое. В канун Юля-Йоля люди шли спать в жилые комнаты и готовили постели для усопших. Приносили ветки вечнозеленых растений, и они украшались сделанными из теста фигурками людей и животных. На вершине размещался наконечник копья как символ копья Одина. Эта ветвь или целое дерево, как сейчас (германский обычай с XVI века), представляет собой символическое изображение Мирового Древа, Ирминсула, и те вещи суть символические подношения языческим богам.

Для празднования Юля в СС был разработан специальный ритуальный светильник — Юльлейхтер. Непосредственно за его создание отвечало эсэсовское общество «Наследие предков». Для Аненербе были характерны идеологические спекуляции на культовых вещах прошлого и их внедрение в современную жизнь. Примером этого являлось использование в новой обрядности старосаксонских «выпуклых урн» V века нашей эры, которые послужили основой для юльских светильников. Сотрудник Аненербе Карл Теодор Вайгель подробно изучил оригинал урны в Ганноверском земельном музее. Несколько месяцев спустя на фарфоровой мануфактуре Аненербе в г. Аллах началось производство копий этих урн. Вскоре сторонники новогерманского культа уже могли приобрести светильники в берлинской лавке на Герман Геринг-штрассе. Этот светильник являлся выражением крестьянского аристократизма, применялся вместе с туей, которая заменила Рождественскую елку. В древнегерманской мифологии туя являлась символом живительной силы, символизируя в целом благословение германских богов. Эскизы светильника были предоставлены генеральному секретарю «Наследия предков» В. Зиверсу в июле 1936 года. В январе 1937 года Аненербе передало Гиммлеру каталог рун и символов, которые должны были символизировать праздник Юль. Это издание также должно было объяснять использование юльского светильника в новых обрядах.



Здесь мы сталкиваемся с проблемой, которую раньше не ставили ни отечественные, ни зарубежные исследователи. В Третьем рейхе не было общих для всего Третьего рейха обрядов. С одной стороны, мы видим политическую религию нацистского движения, которой были охвачены почти все немцы. С другой стороны — замкнутые сугубо мистические ритуалы, практикуемые в СС. В них было много общего. Возьмем хотя бы то же зимнее солнцестояние. И «внешняя» (нацистская), и «внутренняя» (эсэсовская) религиозность пытались вытеснить христианское Рождество. И партийцы, и эсэсовцы рассматривали огонь как священную субстанцию нацистского движения. Огонь был как бы связующим звеном между небом и землей. Но если для простых людей он проявлялся в виде костров, взвивавшихся к небу, то в СС он виделся как молния, низринутая со свода небес. К тому же не стоило забывать, что для рядовых нацистов и простых немцев праздник, проходивший в ночь с 21 на 22 декабря, был неким продолжением националистических традиций, установленных в начале XIX века. Для эсэсовцев это празднование было связью с незапамятными временами, живым общением с вечностью. По этому поводу Гиммлер как-то сказал: «Как дерево засыхает, потеряв корни, так и народ обречен на гибель, если не помнит своих предков. Важно, чтобы немецкий человек вновь вернулся в вечный круговорот прошлого, настоящего и будущего, круговорот исчезновения, бытия и возникновения, круговорот предков, живущих и потомков».

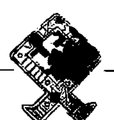
Этот тезис был наглядно продемонстрирован в фильме «Немецкое прошлое оживает». В нем показаны археологические раскопки, проводимые силами СС. Эта эсэсовская экспедиция занималась изучением одного маленького села. О том, насколько большое значение Гиммлер придавал этому фильму, говорит хотя бы один факт — он сам выступает в киноленте. Вот он проходит мимо раскопов, изучает какие-то черепки. А вот звучит его речь: «Этими раскопками мы не собираемся составлять какую-то конкуренцию науке. Нет, напротив. Мы хотим совершенно последовательно вместе находить миро-



воззренческие доказательства. Мы посвятим себя выполнению этой задачи с такой же настойчивостью, с какой СС выполняли все остальные задания».

Очень показательно, что данный фильм был посвящен раскопкам именно сельского поселения. Дело в том, что мысль о чистой германской расе Гиммлер непосредственно увязывал с идеями о крестьянском поселении как основе этой общности. Гиммлер, равно как и Вальтер Дарре, Имперский руководитель крестьян, никогда не сомневался, что «чистая раса» и «крестьянство» являлись идентичными понятиями, словами-синонимами. В 1933 году Дарре объяснял Герману Раушнингу, что ему и рейхсфюреру предстояло вывести новое крестьянство, которому суждено стать новой элитой Европы. Осуществить такой проект в рамках существовавших сельских структур было весьма затруднительно, а потому в СС было создано специальное Управление по вопросам расы и поселений, которое и возглавил Вальтер Дарре. Именно там должно было начаться формирование новой элиты. Для усиления сотрудничества Гиммлер стал главой «Имперского союза немецких дипломированных специалистов в области сельского хозяйства», который входил в состав Имперского продовольственного кабинета. Но со временем Гиммлер решил сам проводить селекцию нового биологического типа людей. Сферой этого эксперимента должен был стать не весь немецкий народ, как это предполагал Дарре, а только эсэсовцы. Рейхсфюрер пошел гораздо дальше Дарре, говорившего об оседлом немецком крестьянстве. Формируя ядро будущих ваффен СС, Гиммлер выдвинул идею о «боевом крестьянстве». Дарре были чужды идеи «натиска на Восток», он хотел довольствоваться родными землями.

Гиммлер вообще всегда интересовался древней историей. Но тем не менее свои познания в этой сфере он начал демонстрировать достаточно поздно — уже после прихода нацистов к власти. В основном это происходило в застольных беседах, разговорах с личным врачом или другими высокопоставленными функционерами



партии. Общеизвестно, что Гиммлер считал себя реинкарнацией короля Генриха I (Птицелова). При этом он делал все возможное, чтобы его воспринимали именно как историка-любителя, а не как специалиста. Делая замечания по немецкой истории, Гиммлер никогда не скрывал своего дилетантизма в этом вопросе. Взгляды Гиммлера на историю — это своего рода коктейль из представлений «фёлькише», социал-дарвинизма и расизма в стиле Х. Чемберлена. В Третьем рейхе особый интерес, как и стоило того ожидать, вызывал нордическо-германский тип человека, который, в соответствии с нацистской идеологией, являлся центром исторического и биологического развития мира. В истории нордической расы Гиммлер выдел образец борьбы за высокоразвитую культуру. Именно расовые качества германцев были, по мнению Гиммлера, причиной их превосходства.

О том, как Гиммлер понимал древнюю историю, можно было бы увидеть в фильме «Германцы против фараонов». Эта кинолента, к сожалению, не дошла до нас в полном виде. Но интересна уже сама постановка вопроса. «Германцы против фараонов» был задуман как учебный фильм, который планировалось показывать не только в школах, но и на различных крупных мероприятиях, организованных всевозможными нацистскими структурами. Эта лента очень сильно отличалась от всего того, что было снято в Третьем рейхе. Что, впрочем, не мешало ей быть типичным образцом пропагандистских фильмов. При помощи инсценировок и репродукций воедино были увязаны две эпохи: германская и египетская. Уже из титров этого фильма следовало, что в фильме было всего три актера: Вальтер Хольтен, игравший ученого германиста, Юстус Парис, изображавший египтолога, и Альберт Шпенгер, выступавший в роли специалиста по мистике пирамид (!).

С художественной точки зрения фильм не представлял ничего особенного, если не сказать, что был отвратным. Сначала в кадре появляется египтолог, облаченный в двубортный пиджак, который выдвигает общеизвестные тезисы. Он — выразитель общепринятой

научной точки зрения. Затем между действующими лицами завязывается дискуссия. Поначалу кажется, что беседа идет исключительно между сторонником традиционной науки и представителем оккультных знаний. Постепенно в дело включается германист. Он выступает то на стороне египтолога, то на стороне оккультиста. Но итог фильма удивителен. Зрителя подводят к мысли, что много тысяч лет назад на севере Европы существовала высокоразвитая германская цивилизация, которая могла вполне успешно противостоять фараонам из Египта.

Вне всякого сомнения, наиболее глубокий мистический подтекст имел фильм «Тайны Тибета», который был создан под фактическим руководством молодого ученого Эрнста Шефера. Этот многообещающий исследователь родился в семье главы гамбургского концерна по производству резины «Феникс». Проявив большой интерес к биологии, он стал орнитологом. Будучи еще студентом, в 1930—1932 и 1934—1936 годах он принимал участие в экспедициях, организованных американцем Бруком Деланом. Тогда Шеферу посчастливилось сделать свое первое открытие. Он установил, что легендарное тибетское животное «медведь Давида» на самом деле медведем не являлось. Результаты исследования внутреннего строения этого животного показали, что оно являлось близким родственником малой панды, похожей своими повадками скорее на кошку. К тому же выяснилось, что этот зверь, как и малая панда, питался побегами бамбука — и сей факт еще больше упрочил родственные связи этих двух животных. Отныне крупного черно-белого медведя стали называть не иначе как большая панда.

По возвращении в Германию Шефер продолжил свое обучение и защитил диссертацию. Фауна Тибета настолько впечатлила молодого ученого, что он собирался на собственные деньги организовать новую экспедицию в Тибет. Его целью была Гауришанкар, вершина, лежавшая на границе Китая и Непала. Именно в этот момент Эрнст Шефер попал в поле зрения Гиммлера. Рейхсфюрер полагал, что молодой ученый мог бы поднять престиж СС. Сам же Шефер

вступил в СС еще во время учебы в университете. Известность, которую ему принесли тибетские экспедиции, способствовала его карьерному росту в «охранных отрядах». Почти сразу же по возвращении в Германию Эрнст Шефер получил чин унтерштурмфюрера СС. В 1937 году в СС начала готовиться очередная экспедиция на Тибет, возглавить которую должен был Эрнст Шефер.

Гиммлер считал одной из важнейших задач этой экспедиции выявление утраченной индоарийской воинственной религии. Здесь мы видим очевидное влияние идей Виллигута, который полагал, что Бальдр, избежав смерти, скрылся в Азии, где основал оплот ирминизма. По мнению Гиммлера, именно из этого религиозного направления появился на свет буддизм. Факты, подтверждающие наличие этой «проторелигии», должны были способствовать возникновению нового востоковедения, которое бы изучало азиатские регионы с точки зрения «тайного предания» Виллигута. Как видим, экспедиция Эрнста Шефера имела не только естественнонаучные и военно-политические, но вполне отчетливые оккультные установки. В целом они сводились к четырем основным задачам:

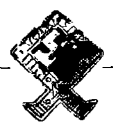
— подтвердить, что в «доисторические времена» на Востоке господствовала белая раса, для чего предполагалось провести археологические раскопки и этнографические изыскания;

— исследовать рукописи тибетских монастырей, в которых могли сохраниться осколки древней арийской религии;

— провести метеорологические, геологические исследования;

— провести «мониторинг» настроений местного населения на предмет возможного создания здесь центра антианглийской подрывной деятельности.

Казалось бы, подобные условия способствовали сотрудничеству Эрнста Шефера и «Наследия предков». Новая экспедиция на Тибет должна была проходить не просто под эгидой СС, а под покровительством «Наследия предков». Но, вопреки широко распространенному мнению, Аненербе не имело никакого отношения к тибетской экспедиции СС. Те, кто утверждает, что это была экспедиция



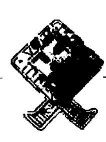
«Наследия предков», ошибаются. Руководство Аненербе весьма критически относилось к «пророчествам» Виллигута. Да и сам Шефер видел в этой организации оплот лженауки. Но Шефер понимал, что в условиях нацистской диктатуры помощь рейхсфюрера СС являлась лучшим залогом успеха в организации его зарубежных поездок. А потому во второй половине 1937 года он был вынужден начать переговоры с «Наследием предков». Поначалу между Шефером, с одной стороны, и Вюстом и Зиверсом, с другой, сложились непростые, даже напряженные отношения. Причины этого крылись и в тщеславии Шефера, и в схематичном мышлении лидеров «Наследия». Сразу же появились трудности с финансированием экспедиции — для Аненербе фактически извечная проблема. Расходы на экспедицию составляли 60 тысяч рейхсмарок. Изначально было ясно, что ни СС в целом, ни Аненербе в частности не смогут предоставить этих денег. Единственное, что сделал Гиммлер — обратился к своим знакомым. Но (какая ирония!!!) Шефер сам собрал необходимые средства. Ему не потребовалась помощь Гиммлера, так как он обладал достаточно широкими связями. Предприятие рисковало вообще утратить статус эсэсовского.

Экспедиция Шефера стартовала в апреле 1938 года, отплыв в Индию из Гамбурга на лайнере «Гнайсенау». Аненербе пыталось демонстративно дистанцироваться от нее. В январе 1938 года Зиверс официально заявил, что цели этой экспедиции никогда не согласовывались с рейхсфюрером. Причина такого отношения тривиальна — Шефер наотрез отказался осуществлять ее как мероприятие, проводимое «Наследием предков». Хотя престиж рейхсфюрера был все-таки сохранен: мероприятие официально наименовалось «экспедицией СС под руководством Шефера». Путешественник пошел на уступку Гиммлеру, так как тот обеспечивал исключительно возвращение членов этого научного предприятия. Но из этого абсолютно не следовало, что Аненербе имело к экспедиции какое-то отношение. Гиммлеру самому с трудом удалось договориться даже о такой малости, как присвоение ей номинального эсэсовского стату-

са, а Зиверсу оставалось только констатировать, что «крупная рыба ушла из сетей». В Аненербе Шефер вступил лишь осенью 1939 года. В те дни «Наследие предков» могло обеспечить бронь от призыва на фронт.

В августе 1939 года экспедиция вернулась обратно в Германию, где ее встречали с почестями. Гиммлер даже отложил все свои дела, для того чтобы лично вручить Шеферу особое кольцо с «мертвой головой» и наградную эсэсовскую шпагу. Эрнст Шефер оказался в центре внимания всего рейха. Он знакомится с всемирно известным исследователем Свеном Хедином, который восторженно воскликнул: «Вот человек, который должен продолжить мои исследования!» Но Шеферу было суждено недолго красоваться на первых страницах немецких газет. Грянула Вторая мировая война. К началу 1940 года почти все участники экспедиции перешли в «Наследие предков». Здесь под личным руководством Шефера был создан отдел Центральной Азии и экспедиций, который должен был заниматься обработкой тибетских находок. Поначалу новой структурой был занят весь третий этаж мюнхенской резиденции Аненербе на Видмемайерштрассе. Но 16 января 1943 года отдел был преобразован в институт. Его учредителем был уже упоминавшийся нами Свен Хедин. В августе 1943 года Шефер получил под свой институт средневековый замок Миттерзиль в Пинцгау, который был восстановлен после пожара 1938 года.

Тем временем успех немецкой армии на восточном направлении, нападение Японии на США стали предпосылками того, что к Азии стал проявляться особый интерес. В этих условиях «кинозарисовки», сделанные членами экспедиции в Тибет, стали отличным материалом для создания пропагандистского фильма. Перед создателями киноленты ставились следующие задачи: демонстрация военного воодушевления, прославление азиатских частей ваффен-СС, изображение тибетцев как возможных противников Англии. В ходе работы над фильмом на первом месте оказались совершенно другие акценты. А именно: попытка доказать, что в Ги-

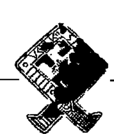


малаях некогда существовала высокоразвитая арийская цивилизация. Особое внимание создатели фильма «Тайны Тибета» уделяли магическим ритуалам, практикуемым в ламаизме.

Сам же фильм начинался с показа кадров, которые изображали воинственность и агрессивность тибетской культуры. Этот образ был очень далек от растиражированного сейчас представления о Тибете как миролюбивом государстве монахов, где большинство населения занималось духовными и магическими практиками. Уже с первых кадров зритель видел «воинские танцы», которые совершались перед грозным тибетским защитником — Махакалом, повелителем смерти и ужаса. В сценарии фильма можно прочитать следующие строки: «Махакалу почитают самые сильные из благороднейших воинов. Они доказывают богу войны свою силу, твердость и достойное развитие».

В следующей части сценария «Ташилхумпо и Шигатсу» Шефер останавливал своей взгляд на тибетской армии. Эти сцены должны привести к мысли о милитаристском устройстве государства Далай-ламы. Символом центральной власти является военный флаг — Решения Далай-ламы XIII создать постоянную армию — Новогодний праздник справляется как военное торжество — Древний героический Тибет. — Все завершается воодушевленными словами диктора: «В церковных праздниках демонстрируется мужество и упорство, столь далекие от привычной монастырской изнеженности». — Эпизод завершается армейским парадом, который должен напоминать зрителю об армии Чингисхана. Первый диктор восклицает: «Острое оружие!», второй — «Быстрые лошади!», третий — «Смелые воины! Они ездят так же, как и там, откуда пришли — из степей и пустынь».

В части, посвященной погребению, показываются жестокие картины расчленения трупа, который скармливается коршунам. Птицы в этом кино предстают как некое подобие живых летающих гробниц. Подобные сцены специально монтировались для эсэсовцев. Не меньшее значение имели и кадры, касающиеся ламаистской

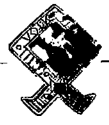


магии. В них демонстрируется тибетский прорицатель, который взывал к монгольскому богу войны. Особое внимание уделялось ламам в так называемых красных шапках. Изображение этой секты сменялось замерами черепов, которые делал антрополог Бруно Бегер.

Казалось бы, Тибет и Германия не имели ничего общего. Но «Тайны Тибета» как нельзя лучше способствовали нарастанию военной и расистской истерии в Третьем рейхе. Те же военные заклинания, безжалостное разделывание трупов и т.д. Поначалу Гиммлер планировал показать этот фильм после победы в войне, но его премьера произошла в 1942 году. Из мистической документальной ленты он постепенно превращался в нацистскую агитку, которая должна была воодушевлять немцев. Министерство пропаганды дало этому фильму три высшие отметки, которые только могло получить кинотворение: «ценное с политической, художественной и культурной точки зрения». Показ «Тайн Тибета» был, пожалуй, единственным случаем в истории Германии, когда эсэсовские структуры участвовали в прокате кинокартины. Шефера приглашали встретиться со зрителями почти в каждый немецкий город.

В газетах того времени появилось более 400 статей и заметок об этом фильме. Большинство из заголовков носили чуть ли не заклинательный характер: «Мы въехали верхом в закрытые для европейцев города Далай-ламы», «В тени замка бога», «Тибет раскрывает свои тайны», «С камерой в замок богов», «Замок короля богов», «Сверкающий военный танец богов», «Взгляд в неизвестность» и т. д. В годы Второй мировой войны Германия была буквально околдована Тибетом.

Фильм «Тайны Тибета» был чем-то большим, нежели просто документальным кино о культуре далекой страны. В какой-то момент он стал эпосом для тех, кто носил униформу «Черного ордена». Он изображал тибетцев так, как должны были выглядеть эсэсовцы: немногочисленной кастой, в которой числились циничные, безрассудно смелые, фанатичные, заносчивые, крайне честолюбивые, а самое



главное, дисциплинированные и покорные мужчины. Но самое удивительное, что фильм, создаваемый для личных целей Гиммлера, вовсе не искажал тибетскую действительность. Это стало ясно, когда в 2002 году в Вене проходил фестиваль буддийского кино. Тогда на нем были показаны «Тайны Тибета», которые вызвали неоднозначную реакцию. Один из критиков, Том Мустроф, написал странный отзыв. В нем он говорил, что Гиммлер истолковал тибетскую мифологию и магию в христианском духе! В ритуалах лам рейхсфюрер СС пытался увидеть искаженные временем обряды древнего христианства. Эта рецензия вызвала недоумение. Это было бы справедливой реакцией, если не знать о воззрениях Виллигута и увлечении Гиммлера европейским гностицизмом. По сути, «Тайны Тибета» были еще одним кирпичиком, заложенным в здание «новой религии» — «доеврейского христианства», которое мечтал возродить шеф СС.

Глава шестая

Ученые и «техномаги» из «Наследия предков»

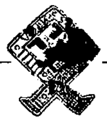
Осторожно надламываю последнюю печать и разворачиваю пакет. На стол сыплются связки писем, какие-то акты, свидетельства, выписки, пожелтевшие пергаменты, испещренные розенкрейцерской тайнописью, дневники, полуистлевшие гравюры с герметическими пантаклями, загадочные инкунабулы в переплетах из свиной кожи с медными застежками, стопки сброшюрованных тетрадей; далее пара шкатулок слоновой кости, набитых всевозможной антикварной чепухой: монеты, кусочки дерева и какие-то косточки, оправленные в сусальное серебро и золото, на дне матово отблескивают черные полированные грани — пробы отборного графита из Девоншира.

Густав Майринк.
«Ангел западного окна»

У читателя может сложиться впечатление, что до начала Второй мировой войны Аненербе занималось только идеологической обработкой членов СС. Это не так. Другой, не менее важной задачей были геральдические исследования и изучение сакральной символики. Эта работа «Наследия предков» базировалось на желании Гиммлера создать родословную каждого высокопоставленного эсэсовца, которую должен был венчать собственный герб. Подобное намерение вписывалось в общую концепцию создания специфиче-

ских национал-социалистических традиций, которые стали прививаться, начиная с 1933 года. Чтобы поспособствовать этому начинанию, Гиммлер поставил перед Аненербе задачу возвратить в обиход старые ритуальные знаки. Тщеславие рейхсфюрера выражалось не только в том, что он собирался прославить собственных предков, но и в том, что он был намерен выстроить запутанное генеалогическое древо самого Гитлера. Занимаясь составлением родовых гербов Поля и Гейдриха, Аненербе неожиданно обнаружило, что свастика использовалась не только в домашнем гербе Гитлера, но и Гиммлера. По их версии, семья Гиммлера стала применять этот символ в 1523 году, то есть почти на век раньше Михаеля Гитлера. Интересно то, что этот Михаель Гитлер автоматически зачислялся эсэсовскими исследователями в предки фюрера, однако для этого не было никаких оснований, а после войны данный вывод был вообще признан ошибочным.

Политическая направленность исследований была очевидной. Когда Гиммлер ставил перед Аненербе научные задачи, то подразумевал, что их выполнение должно было способствовать созданию нового германского мира, причем СС рассматривались как краеугольный камень этой цивилизации. Мифологические выдержки, увязанные с утилитарной идеологией, должны были вылиться в специальные эсэсовские поселения, своего рода питомник для новой германской расы. Мифология между тем начала выходить за рамки чисто практических задач. Гиммлер поручил Аненербе исследование похоронных обрядов древних германцев. Внимание рейхсфюрера привлек обряд изготовления гроба из дерева, которое выбиралось еще при жизни человека. По мнению Гиммлера, этот обряд, если бы он вновь укоренился в традициях немецкого народа, мог стать основой для нового религиозного культа. Христианство было для шефа СС неполноценным хотя бы потому, что оно предельно исказило древнейшие обряды, в которых якобы крылись его истинные корни. Примитивные взгляды Гиммлера вряд ли можно было назвать стройной религиозной системой, скорее они являлись



обожествлением живой природы. Тринадцатимесячный древнегерманский календарь являлся не итогом изучения язычества, а всего лишь подтверждением «учения о мировом льде».

Именно из этой «гремучей смеси» наивной интуиции и поверхностных знаний начали возникать новые, более конкретные задачи Аненербе. Например, Гиммлер обратил свой взгляд на античность. В конце 1937 года, находясь в Италии, рейхсфюрер прислал Вюсту большое письмо, которое повлекло за собой значительное расширение деятельности «Наследия предков». Музеи Италии содержали множество экспонатов, которые привлекли внимание рейхсфюрера с точки зрения арийства. Не без оттенка высокомерия Гиммлер писал в этом письме, что сами итальянцы не уделяли им никакого внимания. Он захотел устранить этот недостаток и поручил Вюсту создать в Аненербе подразделение, задачей которого являлся поиск индогерманских корней в Италии и Греции (!). Эта задача была очень важна для Гиммлера, так как по сути обозначала пересмотр всех имеющихся археологических сведений. Двумя месяцами позже в «Наследии предков» была создана новая структура — отдел классической филологии и древнего мира. Во главе ее встал берлинский антиковед, доцент-латинист Рудольф Тилль. Его задачей было показать влияние (причем не просто значительное, а определяющее) германского нордического компонента на Средиземноморье и античный мир.

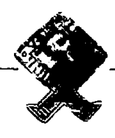
Самое парадоксальное, что многие ученые в Аненербе хотели сохранить свободу академических взглядов даже при таком жутком политическом давлении. Непонятно, как это могло произойти, если четко регламентированными оказались не только сферы деятельности (как правило, идентичные интересам рейхсфюрера), но и сами методы проведения исследований. Так, например, предписывалось, чтобы германоведческие публикации «Наследия предков» были простыми и соответствовали духу и пониманию обыкновенного немца. Пример Хайнара Шиллига показывал весьма шаткое положение ученого «при дворе» шефа СС. Близкому к СС и лично к

Гиммлеру исследователю рун запретили публиковать его работу, так как его взгляды не совпадали с взглядами рейхсфюрера. Мнения дилетанта было вполне достаточно, чтобы наложить запрет на работу специалиста! Все исследователи оказались перед серьезным выбором. Было нереально заявить о нелепости исследований, если к ним проявил интерес Гиммлер. Более того, сотрудничество с Аненербе должно было означать отказ от собственных научных взглядов. Один из сотрудников Аненербе, Отто Хут, должен был даже выбирать между работой и своим учителем — философом и графологом Людвигом Клаге. Поводом для этого стало то, что мировоззрение Клаге не соответствовало эсэсовским нормам.

В действительности оказалось, что ученые Аненербе находились не только под прессом служебных обязанностей эсэсовца, но и под гнетом четко идеологически выверенных научных предписаний. В мае 1937 года Зиверс взял на вооружение концепцию рейхсфюрера, согласно которой Аненербе являлось жесткой организацией, члены которой спаяны и в контексте науки, и в контексте политики. Внутри занимавшегося «политической наукой» «Наследия предков» должна была преобладать ***общественная работа***, в рамках которой ни отдельный сотрудник, ни отдельное подразделение не могли идти своим путем. В октябре 1937 года эта идея была закреплена приказом Гиммлера. В нем Президенту Аненербе предписывалось визировать перед сдачей в печать все работы сотрудников Аненербе. Отныне он был лично ответственен (что полностью соответствовало нацистскому «фюрер-принципу») за содержание и направленность книги, равно как и за то, что она должна соответствовать принципам СС и задачам, поставленным рейхсфюрером.

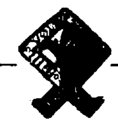
Послевоенные заявления сотрудников Аненербе о том, что они являлись свободными в собственных действиях, выглядели парадоксально, если принимать во внимание такое колоссальное политическое давление. Так как же на самом деле обстояли дела?

В целом в «Наследии предков» существовало три уровня работы. На первом, высшем, уровне Гиммлер ставил задачи (нередко совер-



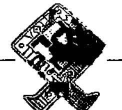
шенно абсурдные) перед руководством исследовательского общества. Здесь требовался особый талант, чтобы придать им научно обоснованную форму. Первые лица делали все возможное, чтобы наклонности главы СС окончательно не дискредитировали Аненербе как научно-исследовательское общество. Йозеф Отто Плассманн, редактор издания Аненербе «Германия», глава исследовательского отдела германской культуры и местного фольклора, вспоминал после войны: «Если Гиммлер ставил совершенно глупые задачи, то мы пытались предельно тактично дать негативный ответ либо вообще затягивали с ним». Как следует из документов, второе случалось намного чаще, нежели первый, более рискованный вариант. Ориентируясь на дилетантские задания рейхсфюрера, Аненербе рисковало скатиться до уровня организации, занимавшейся псевдонаучными изысканиями. Таковым фактически с самого начала был «магический» отдел метеорологии и астрономии, к которому Зиверс и Вюст относились с изрядным скепсисом. Надо понимать, это не мешало Гиммлеру возлагать на него значительные надежды.

На втором уровне происходила идеологическая обработка научных знаний. Именно здесь сухим научным фактам придавалось политическое значение. В этом неблагодарном деле участвовали почти все исследователи общества. Даже самые талантливые ученые были вынуждены отказываться от собственных научных взглядов, превращаясь в обычных политических агитаторов. И здесь очень трудно провести грань между обычной наивностью и банальным оппортунизмом. У каждого исследователя были самые различные устремления и собственные мотивации. Еще сложнее ответить на вопрос: кто конкретно из ученых нес ответственность за узурпацию науки политикой? Или в этом виноваты все вместе? Неким оправданием могло стать то, что Гиммлер принимал все мыслимые меры, чтобы склонить ученых к согласию с идеологическими требованиями режима. С функциональной точки зрения этот компромисс был бесполезен для тоталитарного режима («В нашем рейхе все люди в политике...»). Но для главы СС он имел особое, личное значение.



Этот шаг позволял ему повысить свой авторитет в среде ученых, так как его покровительство служило своего рода защитой от доктринерства отдельных партийных деятелей, которые требовали немедленной унификации и перекройки традиционной науки. В качестве примера можно привести хотя бы того же А. Розенберга. Не стоило забывать, что учеными мог двигать обыкновенный карьеризм. Рискуя лишиться своих рабочих мест, подвергаясь нападкам догматиков, они выбирали из двух зол наименьшее. По крайней мере, им тогда казалось, что это — Гиммлер. Пойдя на компромисс, они надеялись, что смогут свободно проводить в Аненербе свои исследования, хотя бы в той области, где они совпадали с интересами рейхсфюрера. Полуофициальное учреждение, находившееся под покровительством Гиммлера, не контролировалось ни Немецким исследовательским обществом, ни Имперским министерством воспитания, ни какими-либо другими партийными и государственными структурами. Только Аненербе могло найти деньги для исследователей, предоставить защиту от не в меру рьяных сторонников нового режима.

Возьмем хотя бы пример Нобелевского лауреата Вернера Гейзенберга. После 1933 года четверть физиков, начиная с самого Альберта Эйнштейна, лишилась работы, потому что они были евреями или не принимали национал-социализм. В это время сторонник «арийской» физики Йоханнес Штарк начал борьбу с «белыми евреями», теми, кто не разделял его взглядов. В качестве такового он рассматривал Гейзенберга. В лучшем стиле политических доносов Штарк написал статью для «Черного корпуса»: «В 1933 году Гейзенберг одновременно с учениками Эйнштейна — Шрёдингером и Дираком — получил Нобелевскую премию. Это была демонстрация находящегося под еврейским влиянием Нобелевского комитета против национал-социалистической Германии. Эту ситуацию можно приравнять к награждению Осецкого. Гейзенберг принадлежит к наместникам еврейства в жизни немецкого духа, которые должны исчезнуть так же, как и сами евреи».



Такая статья в эсэсовском журнале не предвещала Гейзенбергу ничего хорошего. Упомянутый в ней Осецкий, либеральный публицист, уже сидел в концлагере, где и погиб позднее. Нобелевская премия, протесты интеллектуалов всей Европы его не спасли. Но Гейзенберг решил не отдаваться на милость судьбы. Он написал письмо Гиммлеру как главе СС, в котором оспаривал обвинения Штарка и просил защиты. Ответ пришел, когда ученый уже собирался покинуть Германию. Гиммлер писал выдающемуся физику: «Поскольку вы были рекомендованы мне моей семьей (отец Гиммлера и дедушка Гейзенберг преподавали в одной школе. — *А.В.*), я распорядился особенно тщательно и строго разобраться с Вашим делом. Я не одобряю нападки на Вас журнала «Черный корпус» и воспрепятствую тому, чтобы такие нападки повторялись». В тот же день, когда Гиммлер посылал это письмо, он дал распоряжение Вюсту, чтобы тот зачислил Гейзенберга в штат Аненербе.

Что же еще двигало учеными? Историки из научно-исследовательского общества, например, могли без всяких трудностей выехать за рубеж. При этом Аненербе как бы демонстрировало, что поездка ученого — не просто научное мероприятие, но *личное задание рейхсфюрера СС.* А самое немаловажное то, что это общество могло снабдить экспедицию техникой, оборудованием, провизией и деньгами. Большинство современников считало, что, только будучи эсэсовцем, можно сохранить хоть какую-то свободу научных исследований. Как бы кощунственно и парадоксально это ни звучало, но это действительно было так. Многие ученые, например Рудольф Тилль, рассматривали Аненербе как своеобразный «заповедник», попасть в который можно было, только присягнув на верность Гиммлеру. Не надо забывать и о том, что в те годы Гиммлер не делал членство в СС обязательным условием для вступления в «Наследие предков».

Рудольф Тилль, человек с мировым именем, был необходим Аненербе хотя бы для того, чтобы за ним последовали и другие талантливые ученые. Речь шла прежде всего об ученых «старой» закалки.

И это сыграло свою роль — в подчинении Тилля оказались многие выдающиеся исследователи. Среди них был сын знаменитого невропатолога из Бонна 30-летний Отто Хут. Еще в 1932 году в своем родном городе он защитил диссертацию по истории религии. Свою политическую деятельность он начал в 1922 году, присоединившись к студенческой организации нацистов. Позже он проявил повышенный интерес к теориям Г. Вирта, а с 1934 года вместе с Вальтером Вюстом начал работать на НСДАП. В Аненербе он попал в марте 1937 года — его пригласил туда лично Зиверс. С одной стороны, его привлекала идея возрождения национальных корней, но с другой — работа в Аненербе давала ему гарантированный заработок. Последний аспект был для О. Хута наиболее важен. В 1936 году закончилась стипендия, которую ему выдавало Немецкое исследовательское общество. Тогда ему показалось, что «Наследие предков» могло бы стать трамплином для его научной карьеры — тогда так полагали многие. Вначале он выполнял множество функций: помогал *Плассману* издавать журнал «Германия», работал в отделе Вирта по изучению письменности и символики. Хут скептически относился к его проектам. Кроме этого, он сразу же стал важнейшим сотрудником отдела по изучению народных легенд, сказок и саг. Там он отвечал за составление библиографии «Собрания немецких народных сказок» и выявление сказочных элементов в доисторических памятниках и обрядах. Отдел *Плассманна* при содействии Хута настолько успешно справлялся с поставленными задачами, что в 1938 году получил в свое ведение контролируемый Немецким исследовательским обществом «Центральный архив немецких народных сказаний».

В 1938 году по совету Вюста к Аненербе присоединился этнограф из Кёнигсберга Генрих Гармянц, 34-летний ученик Вальтера Зимерса. Он примкнул к исследовательскому обществу Гиммлера вовсе не потому, что искал средства к существованию. Он имел неплохую работу. С апреля 1937 года он трудился в Имперском министерстве воспитания и, кроме этого, руководил реализацией доро-

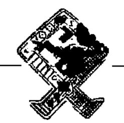
гостоящего проекта по составлению «Атласа немецкой этнографии», осуществляемого при содействии Немецкого исследовательского общества. Как видим, ему не требовалась поддержка Гиммлера, чтобы реализовать собственные планы. Тем более что осенью 1938 года он стал заведовать одной из кафедр Франкфуртского университета. Так почему же он присоединился к «Наследию предков»? Скорее всего, причина крылась в том, что он опасался А. Розенберга, которого за глаза называл Розенцвергом[1]. Гармянца всерьез испугали обещания отобрать у него выгодный и престижный проект — «Атлас немецкой этнографии». Видимо, поэтому Гармянц, как и многие другие, решил искать защиту у рейхсфюрера СС. Сейчас известно, что Генрих Гармянц не просто был лоялен новому режиму — он был убежденным нацистом, который вполне искренне симпатизировал СС. В эту организацию он вступил еще в конце 20-х годов. В 1931 году он был одним из 14 руководителей «охранных отрядов» в Кёнигсберге. После прихода к власти Гитлера Гармянц по непонятным причинам покинул ряды «черной гвардии» Гиммлера. Осенью 1938 года он вступил в СС во второй раз. Подобные действия позволяют предположить, что Гармянц был не просто ученым, а одним из видных представителей нацистского режима. Последующие события покажут, что это — не просто предположение. Но в 1938 году он видел в Аненербе всего-навсего научную организацию. Сотрудники «Наследия предков» очень хорошо отнеслись к новому коллеге. Он показался им «очень привлекательным, слегка расхлябанным и абсолютно небюрократическим типом». Сам же Гармянц с честью справился с задачей по созданию нового отдела немецкой этнографии и фольклористики, который он объединил с собственной кафедрой во Франкфурте-на-Майне. На этот процесс очень сильно повлиял Вюст, который планировал во что бы ни стало ввести Гармянца в дирекцию «сказочного» отдела Аненербе. Об уровне влияния Гармянца в «Наследии предков» говорило то, что, по мне-

[1] С немецкого переводится как «розовый гном».

нию многих сотрудников общества, именно он избавил их от «надуманных фантазий» Вирта.

Остается только задаваться вопросом, почему, стараясь приобрести научную респектабельность, исследовательское общество продолжало нанимать людей, которые по своим способностям и потенциалу были весьма далеки от нового идеала образованного эсэсовца? Они скорее походили на дилетантов из окружения Германа Вирта. Ответ кроется в том, что «Наследие предков» с самого начала не ставило перед собой сугубо академических задач, напротив, оно пыталось извлечь на свет весьма специфические темы.

В марте 1937 года в Аненербе пришел штурмбаннфюрер СС Карл Теодор Вайгель, до этого возглавлявший в Немецком исследовательском обществе Управление по изучению символики. Он представлял тип исследователя, который хотя и не имел академического образования, но успешно использовал собственную интуицию. Это помогло ему написать несколько популярных работ, доступных для рядового читателя. Вайгель даже не был аналитиком, скорее всего он был собирателем сведений — в своих полевых экспедициях он пользовался только фотоаппаратом. При грамотном научном руководстве он мог быть вполне неплохим техническим ассистентом. Для подобных людей в Аненербе всегда находилось место. Вступление Вайгеля в «Наследие предков» привело к тому, что он получил в свое ведение все архивы отдела по изучению письменности и символики, который раньше возглавлял Вирт. Вместе с Вайгелем в этот отдел были переведены также его сотрудники из Немецкого исследовательского общества. Это, конечно, не способствовало налаживанию дружеских отношений между Виртом и Вайгелем. Их отношения обострялись еще и потому, что Вайгель претендовал на место руководителя отдела. Но об этом не могло быть и речи. Даже после изгнания Вирта Вайгель занимался только фотосъемкой ландшафтов и каталогизацией имеющихся сведений. Научную обработку собранных материалов должны были осуществлять профессиональные ученые.



Примерно так же дела обстояли с Карлом Конрадом Руппелем, исследователем, не имевшим образования. Он занимался изучением домашних, семейных и родовых гербов. Руппель стал сотрудником Аненербе летом 1937 года. В основном собирал и упорядочивал различные германские родовые гербы. Учитывая стремление рейхсфюрера снабдить каждого эсэсовца собственным гербом, этой работе придавалось особое значение. С этого времени он и три его сотрудника занимались исключительно сбором символики германских земель, а после аншлюса Австрии — и австрийских гербов. Осенью 1938 года Вюст как Президент общества обратился к общественности, призывая ее подключиться к этой деятельности. Осенью 1937 года Руппель, став начальником отдела геральдики и родовых эмблем, даже претендовал на степень доктора наук. В 1938 году он был назначен также «редактором» исследовательского проекта «Лес и дерево», целью которого было привлечь квалифицированных ученых. Если посмотреть на финансовую сторону этого предприятия, то можно было заметить, что к этому времени большинство организаций рейха должны были всячески способствовать реализации грандиозных планов, которые осуществлялись под научным руководством «Наследия предков». Так, например, книги из проекта «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре» издавались в 1937 году Имперским лесничеством. А вообще грандиозное финансирование этого проекта (250 тысяч рейхсмарок) должно было быть представлено в течение трех лет следующими структурами: Имперским лесничеством, Имперским продовольственным кабинетом и Имперским исследовательским советом.

Подобное сотрудничество казалось вполне оправданным. Герман Геринг, как глава Имперского лесничества, отвечал не только за хозяйственные, но и за культурные аспекты охраны лесов. Свои воззрения на лесные угодья Геринг свел к мысли, что «лес снова должен стать собственностью всего народа, как и во времена наших германских предков». Слова о *«германских предках»* позволили

Гиммлеру предположить, что Геринг был компетентен в вопросах истории и проявлял интерес к деятельности «Наследия предков». В Имперском продовольственном кабинете придерживались несколько других взглядов относительно лесных угодий Германии. В главном управлении II F Имперского руководителя крестьян леса рассматривались лишь с точки зрения их аграрно-хозяйственного использования. Но что это за третья структура, помогавшая в осуществлении этого проекта?

В марте 1937 года генерал Карл Бекер создал Имперский исследовательский совет, ставший одним из подразделений Немецкого исследовательского общества. Руководителем Специального отдела по изучению лесов и деревьев стал профессор Эбертс. В декабре 1937 года Эбертс докладывал Бекеру, что в будущем году готов выделить на реализацию проекта 20 тысяч рейхсмарок.

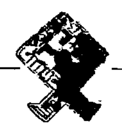
Почему Аненербе пошло на такое сотрудничество? Все очень просто — исследовательскому обществу, как всегда, не хватало собственных средств. Кроме этого, воплощение в жизнь проекта «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре» позволяло Аненербе привлечь новых сотрудников. Специальная комиссия, состоявшая из Зиверса, Вюста и представителей заинтересованных организаций, должна была отобрать из ста семидесяти пяти человек четыре десятка, которые бы заняли незначительные должности в «Наследии предков». Но не надо полагать, что это были дилетанты. Среди отобранных оказались такие корифеи, как специалист по истории права Карл Август Экхардт (тема — «Лес и деревья: коллекция источников»). Ежемесячная зарплата этих сотрудников была разной и колебалась между 50 и 600 рейхсмарками. Было решено, что тематические исследования, вылившиеся в указанную выше серию книг, должны были быть строго научными, но общедоступными и базирующимися на документах. Коллекция Экхардта также должна была быть понятной для всех. Благодаря подобному сотрудничеству Аненербе планировало избежать лишних финансовых трат.

Одновременно с этим «Наследие предков» предприняло попытку создать 50-томный «Словарь германоведения», который должен был объяснить такие понятия, как «оружие», «керамика», «домашнее искусство» и даже «сексуальные проблемы мужчин и женщин». Этот проект стал отражением тех крайностей, в которые кидало исследовательское общество Гиммлера. С одной стороны, предполагалось привлечь по обозначенным темам лучших специалистов, но, с другой стороны, Гиммлер полагал, что все они не должны были излагать своего мнения, а ориентироваться на мировоззренческие установки. Если к такой мутной концепции добавить отсутствие финансирования, то станет понятно, почему многие сотрудники «Наследия предков» начинали подумывать о специальной поддержке Немецкого исследовательского общества. Кое-кто был готов уйти в сомнительную с научной точки зрения «Немецкую академию защиты немецкого народа». А некоторые собирались перейти на должности обыкновенных библиотекарей и архивариусов. В итоге работа по созданию словаря началась под руководством знатока немецких диалектов и лингвиста Бруно Швайцера, чей отдел германской филологии и фольклора располагался в Детмольде.

Дальнейшее приобретение научного авторитета в ученом мире Аненербе связывало с организацией экспедиций и исследовательских поездок за рубеж. Первый шаг был сделан в 1935 — 1936 годах, когда Вирт выезжал в Скандинавию, но итоги этих поездок оказались весьма спорными. До начала войны организация подобных экспедиций была проблематичной. На то было две причины: во-первых, отсутствие необходимых специалистов, а во-вторых, все та же финансовая проблема. Из-за этого рухнули планы экспедиций в Гренландию и Африку. Исследовательская поездка лингвиста Швайцера в Исландию осталась только на бумаге, а экспедиция Грёнхагена в Финляндию не принесла никаких значительных результатов. Поездки профессора Альтхейма на Ближний Восток, где ученый пытался найти доказательства конфликтов германских, иллирийских и иранских народностей с семитскими племенами, опла-

чивались из личной кассы рейхсфюрера СС. Эти поездки сделали Альтхейма, известного в то время всего лишь благодаря серии «Лес и деревья», звездой Аненербе.

В этот период Аненербе гораздо больше повезло с проведением эсэсовских раскопок. Здесь все оказалось организованным на высшем уровне. Уже в 1934 году Гиммлер как Председатель правления «Учреждения Экстернштайн» начал помогать мюнстерскому профессору Юлиусу Андрее, который в 1935 году начал раскопки в местечке Бенсберг близ Кёльна. Впоследствии он в течение долгого времени раскапывал Альткрисбург в Восточной Пруссии, где, по словам Гиммлера, извлек на свет пять готических и раннегерманских культурных слоев. В конце 1936 года историк из Тюбингенского университета Густав Рик начал раскопки южногерманских курганов близ местечка Зигмаринген; в мае 1937 года он рапортовал Гиммлеру, что стадия совершения находок завершена. В августе того же года рейхсфюрер СС обратил свое внимание на раскопки профессора Шмидта в окрестностях города Ингольштадт. Кроме этого, нелегально вели раскопки и австрийские эсэсовцы. Их работы курировал Рольф Хёне. В начале 1937 года Р. Хёне перешел из РуСХА в Личный штаб Гиммлера. Здесь он получил задание организовать изучение окрестностей замка Кведлинбург с целью найти пропавшие останки Генриха I. Его предприятие увенчалось успехом, так как он отыскал скелет, который предположительно принадлежал легендарному королю. Для рейхсфюрера не было важно, был ли это Генрих I или кто-то другой. 2 июля 1937 года он был намерен провести погребение останков. Совесть у Хёне явно была нечиста. По меньшей мере, об этом говорило несколько фактов. У РуСХА имелся штат собственных антропологов, но Хёне не передал им для изучения череп предполагаемого короля. Вместо этого он пригласил маститого медиевиста Карла Эрдманна, который в 1941 году опубликовал обширный отчет о своих исследованиях. В этом отчете ученый говорил о подлинности останков, а стало



быть, и «святости» захоронения. Хёне между тем продолжал свои раскопки.

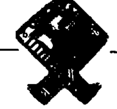
Сейчас можно с определенным скепсисом относиться к этим проектам. Но тем не менее этот археологический опыт пригодился СС при изучении раннесредневекового торгового центра Хайтхабу, который лежал на границе с Данией, чуть южнее города Шлезвиг. Руководителем этого блестящего (не побоюсь этого слова) проекта был друг Александра Лангсдорфа, приват-доцент из Кильского университета Герберт Янкун. Он еще в 1930 году просил у Берлинского археологического института разрешение начать раскопки, но получил его только четыре года спустя. Тогда Ганс Рейнерт пытался взять их осуществление под собственный контроль. Янкун поначалу не сопротивлялся — сказывался недостаток финансов. Но когда Янкун понял, что рискует потерять плоды своих трудов, он решил принять покровительство Гиммлера. В результате в 1937 году он получил не только мощнейший козырь в общении с государственными органами, но и достаточное финансирование. В конце 1937 года Гиммлер заявил, что необходимо расширить территорию раскопок, в основном за счет соседних крестьянских угодий, и поставить работы в Хайтхабу на более широкую базу. Чтобы это стало возможным, глава СС оказал серьезное давление на Имперское министерство воспитания.

В 1938 году исследования Аненербе вышли на принципиально новый уровень. Гиммлер распорядился, что все эсэсовские раскопки должны осуществляться в рамках деятельности исследовательского общества. Герберт Янкун, ставший к этому времени известным ученым, возлагал на «Наследие предков» очень большие надежды. В свою очередь Зиверс в своем письме Матильде Мерк, до сих пор продолжавшей оказывать помощь Аненербе, сообщал, что в первую очередь необходимо продолжать раскопки в Хайтхабу. Руководство Аненербе настаивало на некоторых кадровых перестановках. Например, Р. Хёне, начальник отдела раскопок при штабе Гиммлера, не устраивал Зиверса и Вюста. Как позже свидетельство-

вали сотрудники «Наследия» на Нюрнбергском процессе, их смущало то, что Хёне был сторонником непрофессиональной науки, склонным к авантюрным выводам а-ля Вирт. Его пребывание в академическом окружении не могло продлиться долго. В мае 1938 года Хёне был вынужден оставить свой пост. Его преемником стал профессор, служащий Личного штаба рейхсфюрера СС Ганс Шляйф.

Благодаря его стараниям и авторитету Янкуна отдел раскопок в Аненербе превратился в мощную и хорошо организованную структуру. Позднее к сотрудничеству удалось привлечь многих именитых ученых, которые должны были помочь обработать результаты раскопок. Среди них был Эрнст Шютрумпф, который должен был провести микроанализ находок. Эти сотрудники подчинялись непосредственно Асину Бомерсу и Гансу Шляйфу, руководившим отделом раскопок. Шляйф тем временем задумывал уже новый грандиозный археологический проект — раскопки так называемого «трона Кримхильды»[1]. Сам Янкун, который хотя и был отныне служащим штаба Гиммлера, пытался сохранить в своей деятельности профессиональную этику и наднациональность. К раскопкам в

[1]Находящийся недалеко от г. Майнца старый римский каменный карьер получил условное наименование «трон Кримхильды». Здесь в период с 190 по 240 год располагался 22-й римский легион. Историков этот объект привлек тем, что на его стены было нанесено 37 изображений символов и 14 надписей. Стоит сразу же заметить, что изображения выполнены на низком художественном уровне, а надписи содержали орфографические ошибки (очевидно, их оставили те римские солдаты, которые работали в карьере). Особый интерес Аненербе и нацистов «трон» привлек просто по одной причине — на его стенах, кроме всего прочего, были изображены две свастики. Руководство СС хотело видеть в этом каменном карьере культовый объект германцев и обустроить его как одно из мест «национал-социалистического» паломничества. Исходя их того, что, кроме свастик, здесь имелись другие многочисленные солярные символы, был сделан скороспешный вывод о том, что «трон Кримхильды» был центром поклонения солнцу. Не смея оспаривать тот факт, что карьер все-таки был создан римлянами, была принята гипотеза, что культовый центр германцев здесь существовал задолго до прихода римлян. Римские же солдаты во время своего многолетнего пребывания здесь наблюдали за обрядами германцев и в результате нанесли изображения на скалы. Кроме этого, на стенах карьера были обнаружены изображения мужских и женских половых органов, что позволило нацистам говорить также о процветавшем здесь культе плодородия. Изучение этого памятника началось в 1884 году, но наиболее активно пошло именно в период нацистской диктатуры.



Хайтхабу он привлекал не только немецких и датских, но и шведских, и финских специалистов. Свое решение он, как ученый старой формации, объяснял тем, что в Хайтхабу пересекались интересы многих скандинавских стран. Эти специалисты привлекались в основном для локализации и описи позднегерманских могильников. Примечательно, что датировку местной «святыни» — «кургана кёнинга» — проводил шведский специалист Арбман. С давних пор этот курган считался у местных жителей мистическим местом, своего рода средоточием темной силы. О важности работ в Хайтхабу говорил тот факт, что только в 1938 году на их осуществление исследовательское общество выделило 25 тысяч рейхсмарок (38% всех средств, ассигнованных на проведение раскопок). Но даже если «Наследие предков» занималось научной деятельностью, которая была вписана в историю археологии, то не стоило забывать, что главные задачи общества продолжали носить сугубо политический характер. В 1938 году рейхсфюрер СС начал ориентировать исследовательское общество на цели, носившие военный характер. Приближалось 1 сентября 1939 года.

По мере того как росли успехи отдела раскопок, усиливалась его децентрализация: эсэсовские археологи работали во всех уголках рейха. Первоначально Имперское руководство общества и отдел по изучению письменности и символики располагались в Берлине. Это должно было создать нормальные условия для развития Аненербе — в Берлине, как известно, располагалась не только столица Германии, но и резиденция рейхсфюрера СС. Но логичная структура общества сломалась, когда в 1936 году Вюст создал в Мюнхене отдел индогерманской лингвистики и культурологии, и к Аненербе присоединилась организация Тойдта, занимавшаяся Экстернштайном. После этого остановить центробежный процесс было уже нельзя. Теперь «Наследие предков» можно сравнить с гигантским пауком, чье тело находилось в Берлине, а оторванные друг от друга лапы раскинулись над всей Германией. Казалось, что функционеры Аненербе поделили между собой всю страну: Баварию курировал

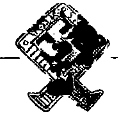
Вюст, Франконию — Асин Бомерс, Вестфалию — Бруно Швайцер, Франкфурт-на-Майне — Генрих Гармянц, Киль — Герберт Янкун и т.д. Подобная разрозненность весьма негативно сказалась на работе общества — начальники отделов просто-напросто утеряли контакт с Имперским руководством общества.

Но тем не менее агрессивность, с которой в нацистской Германии шла «борьба компетенций», требовала, чтобы Гиммлер опережал своих соперников. Он должен был неуклонно усиливать свое влияние на местах. Основным инструментом в осуществлении этого мировоззренческого контроля, естественно, были эсэсовские структуры, и Аненербе в том числе. После аншлюса Австрии, происшедшем в 1938 году, Гиммлер заявил, что Аненербе необходимо как можно быстрее наладить работу в «остмарке»[1]. Рейхсфюрер нередко подменял организационные интересы «Наследия предков» собственными амбициями. Поначалу представителем Аненербе в Австрии был профессор Отто Хёфлер. Но по ряду причин (преклонный возраст и работа на севере Германии) он попросил в апреле 1938 года освободить его от занимаемой должности. Разыскивая достойного преемника, Имперское руководство общества столкнулось с венским художником и профессором искусствоведения Эмирихом Шафраном. Его работа о верхнеиталийских лангобардах была даже издана Аненербе, что демонстрировало неподдельный интерес к нему. Создание в Австрии новых подразделений общества привело не только к существенному пересмотру финансовых планов, но и к тому, что Аненербе окончательно утеряло четкую внутреннюю структуру.

В мае 1938 года Гиммлер выделил для нового юго-восточного филиала «Наследия предков» 250 тысяч рейхсмарок, которые большей частью были позаимствованы из средств закрытого нацистами Зальцбургского объединения университетов. Но несколько позже

---

[1] Остмарка — так нацисты нередко именовали территорию присоединенной к рейху Австрии.



Шафран покинул свой пост, а Исследовательский центр немецкого искусства, открытый им при Аненербе, был ликвидирован. Что же произошло?

Во-первых, Шафран попал в опалу из-за некоторых хозяйственно-финансовых вольностей. Так, например, выделенные для «Наследия предков» деньги он прокрутил в католических организациях, что для Гиммлера было тяжким проступком. Во-вторых, после войны вдова Шафрана вспоминала, что между ее супругом и руководством Аненербе существовали определенные научные противоречия. Они выявились при обсуждении исследования Шафрана «Раннее христианство как германское явление», которое по ряду моментов не соответствовало воззрениям Зиверса и Вюста. В этой работе исследователь не скрывал своих симпатий к христианству, что для служащего СС было неприемлемым. Кроме этого, руководство исследовательского общества рассматривало его как второстепенного, не очень одаренного ученого. Но самым важным оказалось то, что Шафран был замешан в мошенничестве, а этого было вполне достаточно для его дискредитации.

Уже в июле 1938 года Зиверс начал узнавать мнение австрийских ученых о директоре Института охраны культурно-исторических памятников профессоре Карле Гинхарте. Его планировалось поставить во главе исследований по теме «Германство и христианство», сделав упор на кельтских регионах. Но Гинхарт так и не стал руководителем отдела в Аненербе. Казалось, работа «Наследия предков» в «остмарке» ограничивалась несколькими незначительными моментами. Стабильно действовало только отделение в Зальцбурге. Здесь представитель Имперского руководства исследовательского общества Рихард Вольфрам создал с благословения Зиверса отдел германской этнографии, став фактическим руководителем Юго-Восточного филиала. В этой работе ему помогал бенедиктинский священник Ромуальд Пламбергер, который в своем приходе святого Ламбрехта собрал гигантскую коллекцию фольклорного и этнографического материала.

К этому времени стало очевидно, что Аненербе будет расширять свою деятельность не только территориально, но и тематически. Наиболее ярко это показала деятельность австрийского филиала Аненербе. Поначалу филиал действовал в традиционном для «Наследия предков» культурно-историческом направлении Но ему была уготована судьба стать центром естественнонаучных исследований. К этой области знаний Гиммлер начал проявлять интерес уже в 1937 году. К 1938 году необходимость естественнонаучных изысканий стала очевидной. В новой редакции Устава было записано, что Аненербе «изучает *космос*, дух, достижения и наследие индогерманского мира». По мнению рейхсфюрера, расширение задач исследовательского общества и создание абсолютно новых структур отнюдь не мешало достижению первоначальной цели. Создание новых исследовательских отделов показывало, что глава СС при необходимости достаточно вольно интерпретировал изначальные целевые установки. После того как приближение мировой войны стало политической реальностью, для многих основной задачей являлось решение проблемы новых технологий В этом свете дух древних германцев выглядел, мягко говоря, малоактуальным.

Увеличение естественнонаучных структур «Наследия предков» привело не только к существенному изменению структуры исследовательского общества, но и к снижению научного уровня исследований. После изгнания Вирта проблема дилетантов в гуманитарном секторе была фактически решена. Но в новых отделах вновь стали возникать сомнительные фигуры, пытавшиеся реализовать свои авантюрные планы. В 1938 году «Наследие предков» с точки зрения квалифицированности сотрудников вновь приобрело неоднозначный характер.

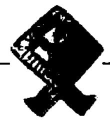
Причину этого стоило бы искать в самой природе нацистского режима. Третий рейх, как и любой тоталитарный режим, ставил естественные науки в более привилегированное положение, нежели гуманитарные. В гитлеровской империи это было верно еще и потому, что, начав тайную милитаризацию, режим остро нуждался в уче-

ных-технарях. Естественные науки приобретали политическое значение, так как они должны были обеспечить необходимую для ведения войны автаркию[1] Германии. Существует расхожее мнение, что национал-социалисты способствовали полной деградации науки. Это не соответствовало действительности. Об ученых, занимавшихся вопросами новых технологий, заботились и государство, и университеты, и многочисленные исследовательские организации. В результате им предоставлялись щедрые исследовательские стипендии и прочие значительные финансовые средства. Если политические взгляды ученого не совпадали с линией партии, то на это просто закрывали глаза — было достаточно того, чтобы его способности помогали решить конкретные военно-политические задачи. В качестве примера подобного отношения можно привести молодого ученого-ракетостроителя Вернера фон Брауна.

Ситуация вокруг ученых, занимавшихся естественными науками, выгодно отличалась еще и тем, что гуманитарии были обязаны примыкать к одной из многочисленных партийных организаций. И тут возникает вопрос: что могло предложить Аненербе молодым ученым естественнонаучного профиля, если они и без того получали поддержку и политический иммунитет в военной индустрии, университетах и авторитетном Берлинском обществе кайзера Вильгельма? Высококвалифицированные ученые-гуманитарии попадали в «Наследие предков», так как они опасались за собственную безопасность или рисковали оказаться в полной изоляции. Не стоило забывать, что зарплата в Аненербе была гораздо ниже, чем в индустрии. Все это вело к тому, что глава СС смог привлечь к себе малоизвестных исследователей, чья компетентность граничила с шарлатанством, тех, кто не имел никаких шансов на профессиональную карьеру. Их воодушевляли фантастические амбиции рейхсфюрера, а потому они были готовы поддерживать любое его

---

[1]Автаркия (от греч. *«самоудовлетворение»*) — создание замкнутого хозяйства, независимого от внешних источников, в рамках отдельно взятого государства.



начинание. Здесь, как и среди гуманитариев, можно было выделить две категории исследователей: одни продолжали свои исследования, начатые задолго до этого; другие сотрудничали с СС из соображений личной безопасности, престижа и пр.

Наиболее широкое хождение псевдонаучные исследования получили в берлинском отделе метеорологии. В 1938 году в Аненербе был сформирован новый отдел — отдел астрономии, созданный на основе Грюнвальдской обсерватории. Его возглавлял Филипп Фаут. Как и ранее, Фаут и Скультетус, глава отдела метеорологии, должны были находить для рейхсфюрера подтверждения истинности «учения о мировом льде». Также в их цели входили: наблюдения за солнцем, на основании которых они должны были строить долгосрочные прогнозы; испытание модели «народного телескопа»; объяснение причин техногенных катастроф, например пожара на дирижабле «Гинденбург».

Но Зиверс и Вюст совершенно не разбирались в этой области знаний, а потому Гиммлеру требовался помощник, который мог бы курировать эту сферу. Его взгляд остановился на сыне создателя «ледяной теории» Гансе Гёрбигере. Рейхсфюрер предложил ему создать собственный отдел, который бы занимался исключительно изучением льдов. От идеи создания нового отдела Гёрбигер отказался, но в июле 1937 года согласился возглавить на пару со Скультетусом отдел метеорологии. Его отношения с сотрудниками оказались достаточно натянутыми, а потому в апреле 1938 года он оставил свой пост и отправился в родную Вену. Тем не менее влияние теории Гёрбигера на Аненербе было очевидным. Об этом говорили следующие факты. Летом 1938 года официальная «Астрономическая газета» опубликовала положительную рецензию на книгу Ф. Фаута, в которой нашли отражение полубредовые взгляды рейхсфюрера. Осенью того же года во многих научных изданиях стали появляться статьи, намекающие на то, что лед может существовать в свободном мировом пространстве, а потому метеорология должна принимать в расчет это условие.

В 1938 году Гиммлер заявил, что отныне любые научные эсэсовские исследования должны будут контролироваться Аненербе. Это позволило еще больше расширить деятельность исследовательского общества. С одной стороны, это не могло не радовать Вюста и Зиверса. Но, с другой стороны, они видели очевидные симптомы того, что «Наследие предков» вновь превращалось в прибежище проходимцев и шарлатанов. В 1937 году Гиммлер вообще предложил устроить для всех сотрудников Аненербе экзамен, целью которого было — выявить паранормальные способности. В качестве простейшего задания предлагалось найти подземные источники при помощи лозы. Из тех, кто проявил какие-то способности, планировалось создать особый отдел (подобное случилось только в годы войны).

В том же 1938 году Гиммлер нашел себе новую любимую «игрушку» — минералогию. В марте 1938 года он поручил Скультетусу изучить австрийские залежи меди и дать обоснование с точки зрения «учения о мировом льде». Следуя этому заданию, в мае 1938 года Хёне вывел из своего подразделения раскопок новую структуру — отдел геологии и минералогии. В нем числились всего лишь два человека, которые занимались в основном изучением средневековой алхимии и методов производства золота. Кроме этого, в первой половине 1938 года в ходе реорганизации РуСХА Аненербе были переданы отделы обработки земли и разработки природных ресурсов. Из них в Зальцбурге был создан новый отдел, которым руководил Штайнхаузер. Новое подразделение занималось многими проблемами. Один их список мог внушить уважение: общая теория карстов[1], общая геология, военная геология, историческая ретроспектива добычи ископаемых, палеонтология, антропология, топологические исследования. То, что интересы нового отдела сталкивались с компетенцией других отделов, нисколько не волновало Гиммлера. Его

---

[1]Карст — явления, связанные с растворением подводными водами горных пород (гипс, каменная соль и др.). Карсты характеризуются комплексом подземных и поверхностных форм рельефа.

больше заботило то, чтобы отделов «Наследия предков» было как можно больше и они занимались самыми различными вопросами. В том же году двоюродный брат жены рейхсфюрера, ботаник Филипп Фрайхер отправил из Бразилии сообщение Гиммлеру о том, что согласился бы возглавить ботаническую структуру Аненербе при условии ежемесячного оклада в 600 рейхсмарок. Идея воплотилась в появлении отдела зоогеографии и зооистории, который, правда, остался только на бумаге.

Расширение сферы деятельности «Наследия предков» вряд ли можно считать запланированным. Собственно говоря, оно началось, когда Гиммлер принял в Италии внезапное решение об изучении античности. Несмотря на то что рейхсфюрер хотел преследовать только далеко идущие цели, поставленные им задачи носили бессистемный, а нередко и случайный характер. Гиммлер не мог никому объяснить, почему он принял то или иное решение.

С другой стороны, удивляло, с каким рвением Гиммлер хотел приобрести признание в научном мире. Нередко он сосредотачивался на столь незначительных моментах, которые нормальному человеку вряд ли могли показаться имеющими политическое значение. Многие из его окружения рассказывали о его пунктуальности, граничащей с паранойей: при решении важного дела мог отвлечься от его сути и погрузиться во второстепенные детали, давая точные указания. В Аненербе шеф СС проявлял наибольший интерес к двум структурам: отделу метеорологии Скультетуса и Экстернштайну. В остальном он с удивительной наивностью мог посвятить время подбору готического шрифта, которым должны были печататься некоторые издания. При этом он утверждал, что готический шрифт был изобретен евреями, чем ставил в тупик знатоков средневековых литер.

Необходимо заметить, что руководство Аненербе прекрасно осознавало свое двойственное положение: кроме «Наследия предков» при Личном штабе Гиммлера существовало еще несколько структур, которые выполняли поручения рейхсфюрера в сфере

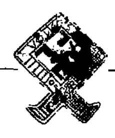
культуры. Закрепить собственную монополию не удалось даже тогда, когда Зиверс и Вюст по собственной инициативе переименовали Аненербе из «исследовательского общества» в «исследовательское общество СС». Кто же составлял им конкуренцию? Прежде всего, структура (позднее «Управление — Мюнхен») под руководством штурмбаннфюрера СС профессора Дибитча. Она занималась экономическими проектами в сфере культуры и искусства, изготовлением эскизов и образцов продукции для эсэсовских фабрик. Референт Гиммлера Александр Лансгдорф возглавлял собственный отдел. «Общество содействия охране немецких памятников культуры» занималось попечительством над различными памятниками зодчества, которые заинтересовали главу СС. К таковым, естественно, относился замок Вевельсбург под Падеборном (позднее он превратился в самостоятельную структуру), Заксенхайн при Вердене, «дом Гландорпа» в Любеке (Фиш-штрассе, 34), Бергхаус СС в Верхней Баварии. Даже раскопки Хайтхабу вначале опекались именно этим обществом. «Учреждение Экстернштайн», попавшее в сферу деятельности Аненербе в 1936 году, до этого было тоже самостоятельной структурой при штабе Гиммлера. Отдельная структура штаба занималась «могилой короля Генриха Первого» в Кведлинбургском храме.

1939 год Аненербе встретило, находясь в аморфном состоянии. Каждый понимал под «Наследием предков» что-то собственное. Шанс превратить общество в монолитное учреждение был упущен.

Начало Второй мировой войны в корне поменяло характер деятельности «Наследия предков». На время боевых действий оказалась замороженной деятельность большинства гуманитарных отделов. На повестке дня стояли только военные успехи рейха, а потому любые исследовательские организации должны были заниматься только тем, что должно было способствовать победе во Второй мировой войне. В этих условиях почти все естественнонаучные отделы автоматически становились «военно-значимыми».

Но не прошло и двух лет, как «Наследие предков» смогло извлечь максимальную пользу из провозглашенной правоведом Паулем Риттербаумом программы «Военного использования гуманитарных наук». Идея состояла в том, чтобы способствовать борьбе с духовными ценностями противника. Именно в это время в «Наследии предков» появляются новые отделы. Один из них возглавил музыковед Антон Квельмальц. В свое время он был сотрудником Берлинского государственного института немецких музыкальных исследований. После того как он был назначен сотрудником аппарата имперского комиссара по укреплению немецкого народа, Вюст сделал ему предложение стать сотрудником «Наследия предков». Вюст планировал, что после войны в Аненербе будет создан отдел по изучению индогерманской музыки. Уже в 1942 году Зиверс начал зондировать почву, чтобы сделать музыкальные исследования задачей, пригодной для военной политики. В июне 1943 года он еще раз подчеркнул значимость музыкальных исследований Квельмальца — отдел народной музыки (так он именовал структуру, которую надо было создать) должен был решить ряд задач, поставленных Гиммлером в роли имперского комиссара. Среди них Зиверс особо выделял следующие: обработка материалов, доставленных с оккупированных территорий; формирование фонотеки народной музыки всех германских и немецких народностей, в которой особый акцент делался на немцев, находившихся за пределами Германии. В том же 1943 году Квельмальц был формально провозглашен начальником нового отдела Аненербе, а его группа по изучению индогерманской культурной истории была включена в деятельность программы «Военного использования гуманитарных наук». Годовой бюджет нового отдела составлял 20 тысяч рейхсмарок. Поначалу Квельмальц совмещал работу в «Наследии предков» и преподавание в Берлинском университете, но это длилось недолго — вскоре он был переселен в лагерь Вайшенфельд, где жил и работал вплоть до весны 1945 года.

Осенью 1942 года Вальтер Вюст с определенной опаской создал еще один новый отдел — прикладной лингвистической социоло-



гии. Задание, которое должен был выполнять персонал этого отдела, не носило научного характера. Эсэсовцам вменялось в обязанность разработать практические мероприятия в сфере «новой народной политики». Итогом этой работы стала идея создания под патронажем Имперского комиссариата по укреплению немецкого народа «тайных политическо-лингвистических управлений». Но уже тогда ни у кого не вызывала сомнений подозрительность новой «научной» дисциплины. Видимо, под «лингвистической социологией» понималась непосредственная функциональная связь между языком, народом и политикой. Зиверс в узком кругу не раз сетовал на псевдонаучность лингвистической социологии.

Начальником нового отдела был назначен человек, известный в определенных кругах под несколькими именами. Сам он с 1930 года именовал себя Георгом Шмидтом-Рором. Эта фамилия в 1937 году стала его официальным именем. Этот человек родился в 1890 году. Его отец носил имя Рихард Шмидт. Вторую часть фамилии Георг позаимствовал у своей жены, Рут Рор, с которой сочетался браком в 1919 году. Сам Георг с юности проявлял интерес к общественной жизни. В 1907 году он становится активным участником молодежного почвеннического движения «Перелетные птицы» («Вандерфогель»). В этой организации он даже стал руководителем среднего звена. Его опыт работы с молодежью пригодился в годы Веймарской республики, когда Георг Шмидт был приглашен в правительство в качестве консультанта по вопросам молодежных организаций. Но своей известностью он был обязан совершенно другим обстоятельствам. Один из молодых ветеранов мировой войны, он был одержим идеями переустройства мира. Вместе со своим однополчанином Георг пишет в 1917 году научно-пропагандистскую работу, предназначенную для русских оккупированных территорий. Эта работа носила весьма пророческое название: «Что надо делать, чтобы предотвратить наступающую революцию?» В ней молодой автор предполагал использовать лингвистику в практических политических целях. Общественная активность и новаторские наработки не

позволили ему сгинуть в круговороте событий Веймарской республики. В начале 20-х годов Георг Шмидт-Рор принимал активное участие в деятельности Прусского министерства по делам образования и религии. В 1926 году он внес свой вклад в учреждение Немецкой педагогической академии. В 1932 году он опубликовал свою монографию «Язык как изобразительное средство нации». Но после прихода нацистов к власти тон и акценты в этой работе пришлось очень сильно изменить. Теперь эта работа называлась просто «Родной язык». Но подобный оппортунизм не принес Георгу Шмидту-Рору успеха. Книга подверглась ожесточенной критике со стороны нацистов. Не спасло Георга даже заступничество Карла Хаусхофера и Гуго Брукмана, людей, которые во многом содействовали нацизму на стадии его зарождения. Почти десять лет Георг жил в безвестности. В этой связи шаг, который предпринял Гиммлер, назначив в 1943 году Шмидта-Рора начальником одного из отделов «Наследия предков», более чем удивителен. Жизнь его оборвалась в 1945 году во время уличных боев, в которых Шмидт-Рор принимал участие в качестве начальника одного из подразделений «фольксштурма» — народного ополчения, создаваемого в последние дни Третьего рейха.

До нас дошло несколько документов, посвященных деятельности отдела прикладной лингвистической социологии. В чем же состояла идея этой новой науки? Какие задачи надлежало выполнить Шмидту-Рору в рамках эсэсовского «Наследия предков»?

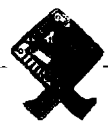
Сам этот исследователь предполагал, что язык и письменность являлись не менее эффективным оружием, чем танки и пушки. Просто воздействие этих лингвистических факторов было более опосредованным, неявным. Немецкий язык представлялся ему важным средством для укрепления «Новой Европейской империи». Для него немецкий язык являлся средством коммуникации между представителями различных национальностей, которые встали под знамена Гитлера. Именно немецкий язык должен был связать воедино добровольцев из Голландии, Украины, Латвии, способствуя формиро-

ванию нового европейского пространства. Использование немецкого языка на оккупированных территориях как основного средства общения должно было подорвать сопротивление недовольных. Более того, в «германских странах» (Фландрии, Норвегии, Бельгии, Голландии) он должен был спаять воедино народы этих местностей. Постепенно положение немецкого языка как главенствующего должно было автоматически привести к складыванию новой народной общности.

Если обратиться к примеру, близкому для нас, — лингвистической политике на оккупированных российских территориях, — то Шмидт-Рор предлагал целый ряд мер, начиная от выработки специального германизированного шрифта и алфавита и заканчивая установлением специфической языковой морфологии. Или другой пример. Английскому языку, как всемирному политическому фактору, предполагалось объявить форменную войну. Победа в этой лингвистической войне должна способствовать закату и крушению Британской империи.

Руководство этим глобальным процессом должны были осуществлять уже упоминавшиеся «тайные политическо-лингвистические управления». В недрах этих учреждений должна была разрабатываться тактика «лингвистических боев». Но если кому-то из читателей показалось, что вся деятельность отдела прикладной лингвистической социологии сводилась исключительно к языковедческим задачам, то это неверно. Утверждение немецкого языка на просторах Европы было всего лишь средством для изменения менталитета, сущности европейских народов. Если выражаться современным языком, то отдел Георга Шмидта-Рора должен был осуществлять некое подобие политического нейро-лингвистического программирования (НЛП), обращенного на территорию всей Европы.

Решением других, не менее важных политических задач занимался офицер СС Курт Вессели, который в феврале 1942 года возглавил в Аненербе сектор по изучению «военных границ». Эти работы были обусловлены идеей Гиммлера о создании военных

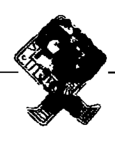


крестьянских поселений, которые должны были защищать «среднеевропейское немецкое жизненное пространство». Вессели как знаток пограничной политики должен был подобрать необходимые исторические параллели. В качестве объекта для изучения он взял два русских примера: казачьи поселения и идею Аракчеева[1] о военных поселениях, где бы жители занимались и военным обучением, и сельскохозяйственными работами. Это был ярчайший пример того, как в СС понимали прикладные исторические исследования. На свои исследования Вессели ежемесячно получал 150 рейхсмарок (скажем честно, сумма весьма небольшая).

Очевидно, что необходимость проведения вышеупомянутых исследований определял лично рейхсфюрер СС, а стало быть, от них нельзя было просто отмахнуться. Также очевидно, что научная ценность этих работ падала прямопропорционально тому, насколько они были важны для военной политики. Но для «Наследия предков» это не было новшеством. В годы войны стала господствовать тенденция, которая проявилась еще до 1939 года, — отдавать предпочтение практическим исследованиям, отодвигая на второй план их чисто научный аспект.

В годы Второй мировой войны «Наследие предков» придавало немалое значение расовым исследованиям, которые в рамках СС стали отдельной наукой — «расоведением». Гиммлер давно увлекался вопросами расовой политики — теперь такую необходимость ему диктовал пост Имперского комиссара по укреплению немецкого народа. Поэтому нет ничего удивительного, что подобные задачи нередко ставились перед «Наследием предков»: интерес рейхсфюрера СС к биологической антропологии рос от года к году. Бывший птицевод пытался разработать и внедрить новые формы сохранения и селекции немецкой расы. Его мысли об очистке расы восходили корнями к идее об «избавлении от неарийской» (изначально ев-

[1] Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), генерал артиллерии. В 1808—1810 годах военный министр Российской империи. В 1815—1825 годах доверенное лицо императора Александра I.



рейской) крови. Селекционное объединение «Лебенсборн» было обратной стороной медали лагерей уничтожения типа Освенцима. Изначально «Лебенсборн» должен был помогать незамужним женщинам рожать и выращивать детей. Личный врач Гиммлера Керстен привел его к мысли, что «отцами-производителями» этих детей должны были быть исключительно выдающиеся и расово полноценные мужчины. Эти функции предполагалось вменить им в обязанность после окончания войны. Размножение германского человека выходило за все мыслимые рамки — моральный аспект напрочь отсутствовал в этой идее, в ней господствовал чистый биологизм. Гиммлер, сам отец двух незаконнорожденных детей, поручил разработку этого селекционно-политического проекта Аненербе. Многие обращали внимание на его порнографический акцент, который, несмотря на ханжество обывателя в Третьем рейхе, был присущ Генриху Гиммлеру. Глава СС, опираясь на генетику, даже пытался выступить теоретиком сексуальных отношений.

Задачи, которые ставил Гиммлер в этой связи, были не столько абсурдными, сколько извращенными. Он лично распорядился, чтобы Аненербе сотрудничало с «Лебенсборном» в рамках изучения темы «Правовые аспекты древнегерманских обрядов в области брака». Эта внешне безобидная тема должна была содействовать появлению незаконнорожденных детей. Сам Гиммлер наотрез отрицал традиционный взгляд, что среди незаконнорожденных равное количество талантливых и бездарных детей. Желая внедрить свой тезис в массы, он распорядился, чтобы в «Наследии предков» было подготовлено исследование с длинным и странным названием: «Жизнеописание великих людей, которым обязаны Германия и Европа, которые имели внебрачное происхождение либо были поздними детьми в многодетных семьях». Следуя за своими бредовыми идеями и субъективными симпатиями, он пытался вырастить в «Лебенсборне» тип человека, обладавшего греческим носом, а Аненербе должно было объяснить, почему у этого типа именно греческий нос и откуда он появился в Германии. Он даже предлагал рекрути-

ровать в Ваффен СС людей именно с таким профилем, что должно было упростить задачу изучения их физических и умственных характеристик.

Между тем еще в сентябре 1942 года Гиммлер распорядился, чтобы «Наследие предков» установило тесные связи с ***цыганами***! Да-да, с цыганами, которых загоняли тысячами в концентрационные лагеря. Тогда Гиммлера осенила новая «гениальная» мысль — цыгане являлись прямыми потомками древнего индогерманского этноса (эту мысль как-то высказал Вюст)! Но тут рейхсфюрер делил цыган на индогерманских потомков и асоциальных цыганских гибридов, которые подлежали, согласно его воззрениям, полнейшему искоренению в немецкой среде. Он полагал, что положительные, «арийские» цыгане должны были быть оседлыми. Чтобы подтвердить это более чем сомнительное предположение, востоковед из «Наследия предков» должен был изучить язык и обычаи цыган. Но Кристиан тогда упорно работал над своей диссертацией, а потому поручил провести все необходимые работы своему ассистенту Кноблоху. В лагерях в беседах с цыганами Кноблох столкнулся с непреодолимыми трудностями (самой легкой из них было нежелание оных общаться с эсэсовцами по поводу своих религиозных представлений). В итоге работа застопорилась и потихоньку сошла на нет.

Так же обстояло дело с изучением фигурок «полных Венер» из Вистерница и Виллендорфа[1]. Осенью 1941 года Гиммлер обнаружил в одном из итальянских изданий изображения этих фигур. Символизируя женскую сущность, они были изображены с крупными бедрами и ягодицами, явными признаками беременности. Ознако-

---

[1] «Виллендорфская Венера» — женская статуэтка из плотного тонкозернистого известняка, 11 см, ориньяк. Найдена в Австрии, в местечке Виллендорф на левом берегу Дуная в 1908 году. Хранится в Венском музее естественной истории. Эта фигурка еще очень далека от реального сходства с человеческим телом. Всем «палеолитическим Венерам» присущи общие черты: увеличенные бедра, живот и груди, отсутствие ступней ног. Первобытных скульпторов не интересовали даже черты лица. Задача первых скульпторов заключалась в создании обобщенного образа женщины-матери, символа плодородия и хранительницы домашнего очага, чего они с успехом и добивались.

мившись с изображением первобытных Венер, рейхсфюрер СС тут же предположил, что поскольку у различных народов существовал схожий идеал женщины, то наверняка между первобытными племенами существовала определенная связь. Он поручил Аненербе создать карту, где были бы обозначены места находок палеолитических Венер. Здесь им двигал вовсе не археологический интерес. Обнаружив схожие изделия у ряда африканских племен, он хотел доказать, что они не всегда обитали на черном континенте, а были вытеснены из Европы какими-либо обстоятельствами. В качестве таковых он предполагал изменение климата, натиск «арийских» кроманьонцев (!!!) либо других северных племен. Идея Гиммлера была проста: он надеялся получить доказательства того, что негроидная раса в древности жила на более северных широтах, но в ходе «борьбы за существование» была оттеснена на юг нордической расой. Это должно было показать явное превосходство расы северных господ над темнокожими племенами. Он настолько увлекся этой мыслью, что даже полагал, что появление его идеи станет исторической вехой в деле расовых исследований. Комментарии функционеров Аненербе оказались более сдержанными и менее оптимистичными. Отто Хут почти сразу же сообщил, что фигуры Венер являются идеалами, а вовсе не отражением натуралистичных представлений о человеке, а стало быть, не могли указывать на пышнотелость североафриканских женщин. Но чтобы как-то поддержать идею Гиммлера, он сообщил, что, согласно выводам, сделанным в 1937 году Леонардом Францем, в период неолита могло существовать некое культурное родство между племенами Юго-Восточной Европы и племенами Передней Азии. Ответ доктора А. Бомерса, который лично раскапывал стоянку Нижний Вистерниц, был еще более сдержанным. Он подчеркнул, что не видел между фигурками из Вистерница и остальными первобытными Венерами никакой обусловленной связи. Вюст в январе 1942 года решил сделать банальную отписку, в которой сообщал, что поскольку в годы войны полевые работы в Африке провести невозможно, то он бы предпочел за-

няться этим вопросом после ее окончания. В качестве альтернативы он предлагал проводить в лагерях для военнопленных антропологические исследования, которые могли бы подтвердить подлинность тезиса Гиммлера.

Только одному человеку своим отзывом удалось вселить надежду в рейхсфюрера СС. Им оказался этнограф Бруно Бегер, который не только согласился с тем, что фигурки Венер необходимо использовать для воссоздания подлинной картины древнего мира, но даже установил на основании их «изучения» родственные связи между евреями и африканскими племенами! Этот вывод затмил собственно самих Венер. «Связь между готтентотами, североафриканскими и ближневосточными племенами несомненна», — писал Бегер в своем отзыве. «Среди евреек часто встречается сильное развитие ягодичной мышцы, что напоминает нам телесную конституцию готтентотов и бушменов. Можно предположить, что, кроме восточной и переднеазиатской расы, в евреях отразились и негроиды». Бегер не ограничивался просто «научными» выводами, он полагал, что было бы целесообразно изучать телесное сложение евреек, которые находились в концентрационных лагерях и гетто.

Именно энергичный Бегер продвинул вперед расовые исследования, которые никак не могли начать в «Наследии предков». Свою деятельность этот исследователь начал в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений, где он развивал идеи, которые затем изложил в отзыве Гиммлеру. В ходе реорганизации РуСХА, которая прошла в 1937 году, он был переведен и Личный штаб рейхсфюрера. В 1938 — 1939 годах он участвовал в тибетской экспедиции Эрнста Шефера. В качестве студента-антрополога он отвечал в ходе ее за сбор и обработку этнографического материала. Подобно Шеферу, в 1940 году он окончательно перешел в Аненербе. Здесь, в отличие от многих сотрудников естественнонаучных отделов, его выгодно выделяло давнишнее знакомство с Генрихом Гиммлером. Работая в отделе Центральной Азии и экспедиций, созданном лично Шефером, он занимался обработкой тибетских находок, за что был

приписан к ваффен СС и получил бронь, спасавшую его от фронта. Параллельно с этим он защитил в Берлине этнографическую диссертацию, которую написал под руководством видного ученого Людвига Фердинанда Клаусса.

Но в Аненербе реализовал себя не как этнограф, а как антрополог. Еще в 1942 году в Штабе верховного командования берлинским профессором Вольфгангом Абелем был разработан «Поступательный план нейтрализации русской расы». Согласно этому плану, население северной России было необходимо германизировать, а остальных выселить в Сибирь. В 1943 году после обследования 7 тысяч советских военнопленных по просьбе Шефера его доработкой должен был заняться Бруно Бегер. Имперский руководитель исследовательского общества Зиверс поддержал это предложение (по-видимому, он надеялся перевести в состав Аненербе исследовательский комплекс Абеля). Сам он был свято убежден, что большинство русских были результатом воздействия европейского компонента на монголоидов. Но с другой стороны, он соглашался, что отдельные из русских сохранили несомненное родство со староевропейской группой. Подобные разъяснения были нужны не только для того, чтобы придать им наукоемкость, но и для того, чтобы после победы Германии использовать часть населения России в качестве рабочей силы.

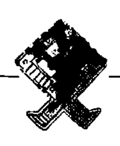
Но прежде чем приступить к реализации «русского» проекта, он нуждался во множестве исследований, прежде всего медицинских. В то время на Аненербе работал страсбургский профессор анатомии Август Хирт (именно по его просьбе с анатомическими целями в Освенциме было уничтожено 150 евреев). В мае 1943 года Зиверс писал референту Гиммлера Брандту, что, по сообщению оберштурмбаннфюрера Эйхмана, в Освенциме имелся «подходящий материал, который позволял провести соответствующие антропологические исследования». 6 июня 1943 года Бруно Бегер отправился в концлагерь, чтобы осуществить антропологические замеры. Одновременно он использовал свое присутствие в лагере, чтобы заняться дру-

гим делом: изучением советских азиатов, как он назвал их, «монголов» (в Освенциме он нашел только четверых). После войны он показал, что его как одного из немногих эсэсовских специалистов «поразило антропологическое разнообразие евреев», с которыми он впервые столкнулся в Освенциме.

Бегеру удалось совершить прорыв — он стал основным экспертом Аненербе по вопросам расовых и антропологических исследований. Осенью 1943 года он пытался вновь осуществить свой старый проект — исследовать «чуждые» расы в военных условиях. Он сам предложил Гиммлеру послать своего бывшего научного руководителя Л.Ф. Клаусса на фронт, чтобы он изучил, как различные расы проявляли себя в боевых условиях. В перспективе эти выводы планировалось учитывать при планировании военных операций.

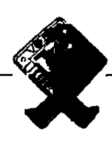
То, что ученик собирался послать своего учителя на Восточный фронт, было следствием одной щекотливой ситуации, из которой пытался выкрутиться Бегер. Участь Клаусса была уготовлена всем общественным деятелям, которые наивно полагали, что в одиночку, без поддержки и согласования с партией, могли бы подправить господствующую идеологию. Клаусс, затравленный догматиком Розенбергом за свои неортодоксальные взгляды в вопросах антропологии, был вынужден покинуть Берлинский университет; его сочинения больше не издавались — более того, он даже был исключен из НСДАП. Не надо забывать, что он при этом оставался весьма известным человеком, который продолжал придерживаться расовой идеологии. В 1921 году, в возрасте 29 лет, он опубликовал перевод Эдды, который затем часто цитировался в многочисленных националистических и нацистских произведениях. В 1932 году он обратил на себя внимание, издав книгу «Северная душа. Введение в расовую психологию».

Внешне казалось, что эта книга тиражировала общепринятые для нацистов воззрения о «нордическом превосходстве». Действительно, в этой книге можно было прочитать о «северном сверхчеловеке», но идеи, изложенные в ней, оказались несколько иными, не-



жели те, которые были заложены в основу идеологии национал-социализма. Во-первых, автор приписывал малопонятному термину «душа» гораздо большее биологическое значение, чем это позволяли себе нацисты. Во-вторых, он трактовал понятие «нордическое» весьма фигурально. «Нордическое» было для него синонимом прекрасного, возвышенного и благородного: он даже не исключал возможности встречи «нордического типа» на южных широтах. В своей книге он делал еретический для нацистов вывод — он причислил к «нордическому типу» не только арабов, но и вообще всю семитскую группу. В следующей книге «Раса и душа», увидевшей свет в 1934 году, он исследовал национальную и интернациональную психологию. Клаусс повторял свою манихейскую игру тени и света. Он вновь не распространял пресловутый нордизм исключительно на германский мир. Проживший долгое время на Востоке среди бедуинов, Клаусс описывал свою встречу с марокканскими евреями, которые, по его мнению, «путешествуя к вечности, приобрели нордический стиль». Позволю себе привести небольшой отрывок из этой книги: «Есть три заблуждения, с помощью которых каждый раз пытаются вбить клин между нами и нашими соседями. Во-первых, создается впечатление, будто немецкая расовая теория дает оценку каждой расе, как учитель ученикам, т. е. выстраивает расы по ранжиру, отводя первое место нордической расе... Второе заблуждение: с точки зрения немецкой науки одна раса якобы отличается от другой тем, что одна раса имеет одни качества, а другая — другие... Третье заблуждение — в отождествлении немецкого народа с нордической расой. ***Но немецкий народ — результат смешения нескольких рас***».

Не удивительно, что подобные взгляды были наотрез отвергнуты руководством НСДАП и «нордическими пророками». За несоответствие его личных взглядов партийной доктрине Клаусс был исключен из НСДАП. Произошло это 28 марта 1941 года во время диспута с Розенбергом во Франкфурте. С этого времени жизнь Клаусса была в опасности, обычно Розенберг не прощал подобных вольно-

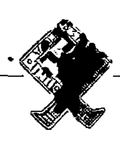


стей в сфере идеологии. У Клаусса был только один видимый выход: раскаяться и перейти на сторону рейхсляйтера-догматика.

В этой ситуации Гиммлер пошел на рискованный шаг. Он написал письмо Мартину Борману, в котором встал на сторону Клаусса и обрушился с критикой на партийных плебеев. Его основной аргумент заключался в том, что, несмотря на некие расхождения воззрений Клаусса с доктриной НСДАП, его, как научно состоявшегося человека, никак нельзя зачислять в стан врагов партии. Оказавшемуся между молотом и наковальней Клауссу было лучше отправиться на фронт, где Бегер предлагал ему заняться изучением боевых качеств различных рас. В начале 1944 года оба — и учитель и ученик — поступили в распоряжение штандартенфюрера СС Курта Эггера. Но оказалось, что в условиях, когда Красная Армия развивала победоносное наступление на Запад, изучение русских солдат более чем проблематично и небезопасно. Поэтому было принято решение отправить исследователей на Юго-Восточный фронт, чтобы на Балканах изучать партизан Тито. Итогом этих разработок должны были стать «Правила эксплуатации чуждых народов». В них планировалось ответить на несколько принципиальных вопросов: как видят чужеземцы немцев и что они думают о них? Как видят сами немцы чужеземцев?

Можно смело сказать, что расовая психология не была какой-то новой отраслью науки. Скорее, это было повторение старых нацистских предрассудков. Об этом хотя бы говорили сделанные выводы. Жителей Балкан Бегер и Клаусс отнесли к типу людей, которые несли на себе восточный отпечаток. Поэтому, утверждали они, власть в этом регионе надо устанавливать твердо и даже жестко, как это раньше делали турки.

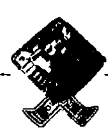
Вернувшись с Балкан, Бегер вновь занялся изучением советских военнопленных из Средней Азии. В данном случае антропологические замеры осуществлял уже не он сам — это было поручено антропологу Рудольфу Трояну. В июне 1944 года эта деятельность была продолжена в женском концлагере Хефтлинг и азиатских



формированиях СС. Подводя итог расовым исследованиям Аненербе, необходимо сказать, что они не имели не только никакого научного значения, но и не дали никаких практических результатов.

Этнографы сегодня утверждают, что прикладные расовые исследования Бегера, Клаусса и Трояна никогда не могли дать ценных результатов, так как сами по себе являлись нацистской псевдонаукой. Постоянное использование заимствованных из идеологии понятий «раса», «еврейский», «арийский», «народный», «расовая душа» в известной мере приводили к ослеплению, жертвами которого пали антропологи и этнографы Аненербе. Их исследования были тесно связаны с деятельностью Эрнста Шефера. Вернувшись с Тибета, он начал получать в «Наследии предков» все больший и больший контроль над естественнонаучными исследованиями. До сих пор среди историков идут дискуссии по вопросу: находились ли «точные науки» в вакууме расовых заблуждений и предрассудков или же ученым Аненербе удалось достигнуть в этой сфере достаточно интересных результатов? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам надо повнимательнее посмотреть на деятельность Шефера.

В августе 1939 года Шефер был назначен ответственным за выполнение особых поручений Гиммлера. Он должен был вместе со своей командой проникнуть через СССР в Афганистан и сделать все возможное, чтобы вытеснить англичан из их традиционного «бастиона»! Затем место Афганистана занял Тибет. Но этому рискованному плану так и не было суждено сбыться. Чтобы как-то успокоить честолюбивого Шефера, Гиммлер выдвинул его на пост руководителя отдела Центральной Азии и экспедиций в «Наследии предков». Новая структура занимала весь третий этаж мюнхенской резиденции Аненербе на Видмемайер-штрассе. Шефер был доволен, так как несколько месяцев до этого он безуспешно пытался организовать в каком-нибудь музее или университете выставку, посвященную его экспедиции на Тибет. Со временем он привлек в свой отдел старых товарищей по экспедиции: Бегера, географа Карла Винерта, кинооператора Краузе и многих других. После войны они вспоминали,



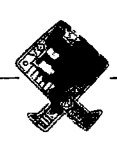
что в Аненербе их привлекали не только высокие оклады или бронь от призыва на фронт, но и атмосфера сердечного товарищества, которую смог создать в отделе экспедиций сорвиголова Шефер. Собственно научная работа Шефера началась только тогда, когда он смог установить тесные связи с профессором Тратцом, который ловко представил свой зальцбургский «Дом природы» как военно-значимую структуру.

С 1943 года честолюбивый Шефер безуспешно пытался расширить свои полномочия и сферу деятельности. Для этого он пытался привлечь на свою сторону именитых ученых: лейпцигского тибетолога Йоханнеса Шуберта и специалиста по лесной зоологии Германа Эйдманна. Настоящий успех его ждал, когда он смог благодаря сотрудничеству со всемирно известным исследователем Свеном Хедином выйти за узкие рамки отдела и создать собственный Имперский институт. Институт Центральной Азии и экспедиций был открыт с большой помпой в день 470-летия Мюнхенского университета, 16 января 1943 года. Свен Хедин[1] стал не только одним из учредителей новой структуры, но и получил в нем должность почетного доктора. Новый Имперский институт стоял как бы на трех основах: во-первых, Аненербе, из отдела которого он вырос, во-вторых, Мюнхенский университет, в-третьих, Имперское министерство воспитания, которое снабжало институт бюджетными средствами. Институт стал единственной за всю историю «Наследия предков» организацией-аномалией, которая настолько запутала Шефера, что после войны он даже заявил, что она не имела никакого отношения к Аненербе!

Желая подчеркнуть свою значимость, в феврале 1943 года Шефер совместно с Тратцом открыл в «Доме природы» тибетскую экспозицию, часть которой он представил как результаты собственных экспедиций. В августе 1943 года Шефер получил под свой институт

---

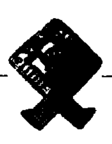
[1] Свен Хедин — шведский археолог, специалист по Азии, бывший большим поклонником Гитлера



средневековый замок Миттерзиль в Пинцгау, который был восстановлен после пожара 1938 года. Хедин был принципиально против переезда в отдаленный замок, а потому решил формально не присоединяться к эсэсовский научной империи, хотя и остался в числе сотрудников Имперского института. Тем временем в нем появились талантливые новички: тибетолог Гельмут Хоффманн, зоолог Баманн, ботаник Фолькмер Вареши. Примечательно, что в институте работали «Свидетели Иеговы» (в Германии они назывались «Толкователи Библии»), которых Шефер набрал в каторжной тюрьме Бернау и в близлежащих концентрационных лагерях. Удивительно, но, несмотря на свои убеждения, представители этой религиозной группы без всяких колебаний согласились перейти на службу в СС. Благодаря бюджетной подпитке, поддержке множества академических организаций Имперский институт Центральной Азии стал воистину крупнейшей структурой Аненербе.

Когда Шефер пытался по-домашнему устроиться в Миттерзиле, его вновь побеспокоили. Инициатива вновь обратиться к молодому специалисту была продиктована на этот раз отнюдь не личными симпатиями Гиммлера, а военной обстановкой на фронтах. На вершине военного успеха нацистов, в начале 1942 года, Шеферу было поручено новое «специальное задание». Сразу же после того как немецкие войска захватили нефтяные месторождения под Майкопом, Гиммлер отдал «Наследию предков» приказ об «основательном исследовании Кавказа». Специальная эсэсовская экспедиция, созданная по образцу тибетской, должна была изучить Кавказский регион с самых различных точек зрения: антропологической, геофизической, зоологической, сельскохозяйственной. Поскольку в это время на знамя был поднят лозунг «военного использования гуманитарных наук», планировалось также, что в экспедиции примут участие этнографы и лингвисты.

Вся вторая половина августа 1942 года прошла в Аненербе под знаком подготовки военно-научной экспедиции на Кавказ. Проработка «Операции К» превосходила в то время по своим масштабам



все планируемые мероприятия. 18 августа Шефер направил запрос Зиверсу относительно научного снаряжения экспедиции, количества фото- и кинокамер, боеприпасов и многого другого. Список только одних транспортных средств, которые он запрашивал, был более чем внушительным: для 150 человек (преимущественно сопровождающего персонала) он просил 17 грузовиков и 14 «Фольксвагенов» PKW.

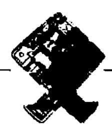
Силы, привлеченные к этому титаническому проекту, были, несомненно, проявлением научного честолюбия Гиммлера; он хотел извлечь личную выгоду из военных успехов, а потому посылал в этот регион своего любимца. Сам Шефер, изучавший биологию Кавказа, хотел доказать, что она является мостом между европейской и азиатской флорой и фауной. Приказ рейхсфюрера отвечал его личным интересам — он рвался побыстрее начать экспедицию.

Зиверса и Шефера не смущало постоянно ухудшавшееся положение немецких войск на Кавказе. Они использовали любой повод, чтобы приблизить начало работы «Зондеркоманды К» (так в документах обозначалась планируемая экспедиция). Но Сталинградская битва разрушила их надежды. После капитуляции генерал-фельдмаршала Паулюса Гиммлер отдал приказ прекратить подготовку экспедиции. В качестве утешения он сообщил Шеферу, что списочный состав «Зондеркоманды К» будет иметься в виду для будущих предприятий. Шефер отнесся к этим словам серьезно, и только в конце 1944 года ему стало окончательно ясно, что его «Зондеркоманда» никогда не приступит к деятельности.

В это время Шефер занимался не только подготовкой кавказской экспедиции. В целом он и его люди были ответственны за реализацию в рамках «Наследия предков» трех следующих задач. Планировалось, во-первых, завершить создание Имперского института Центральной Азии в Миттерзиле, где они должны были сосредоточиться на обработке тибетских материалов. Во-вторых, перед Шефером стояла задача — сделать институт единственным центром по организации экспедиций в Азию (подобная позиция была официаль-

но обозначена Гиммлером). В эсэсовских кругах все чаще и чаще начали говорить о замке Миттерзиль как об учебном центре, где проходила подготовка участников всевозможных экспедиций. Планировалось даже выкупить земли, окружающие замок, чтобы создать на них специальный учебный лагерь. И, наконец, на Шефера была возложена функция общего контроля за ходом всех естественнонаучных исследований Аненербе, так как Вальтер Вюст был не только перегружен работой, но и мало разбирался в этой области знаний. 16 мая 1943 года было решено, что Вюст, оставаясь куратором Аненербе, будет заниматься только гуманитарной сферой, а Шефер, формально являясь подчиненным Вюста, контролировать свой сектор. Но фактически Шефер был независим и вел всю работу самостоятельно.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что в последние годы Третьего рейха общие задачи перед Аненербе ставил лично Гиммлер. Он исходил из того, что в борьбе за выживание немецкого народа надо придерживаться автаркической (самодостаточной) политики, а потому всеми средствами надо было преодолеть слабость сельского хозяйства и текстильной промышленности. И вновь в нем заговорил бывший фермер: Шеферу предлагалось создать отдел, который бы занимался комплексом вопросов использования животных и растительных ресурсов. Одна идея давно не давала покоя главе СС — он хотел во что бы то ни стало восстановить древнегерманский обычай медоварения. В 1941 году он поставил задачу перед Освальдом Полем — изготовить «новогерманский мед». Тот почти сразу же заметил, что медоварение в годы войны может столкнуться с рядом серьезных трудностей (мед был остро необходим для больных и раненых). Взамен он предложил идею «хрустящих хлебцев», которая была несправедливо забыта. Но Гиммлер пропустил это замечание мимо ушей (судя по тому, что говорят нынешние диетологи, совершенно зря). Его привлекла другая мысль: он решил превратить лошадь не только в транспортное средство, но и в пропитание. Увлекшись личностью Чингисхана,



Гиммлер обнаружил, что монголы использовали в качестве пищи не только лошадиное молоко, которое они консервировали и возили в седельных сумках, но и употребляли в качестве провианта вяленую конину.

На этом поток «гениальных» идей рейхсфюрера СС не иссяк. Памятуя о печальных последствих русских морозов, он распорядился создать при концлагерях фермы ангорских кроликов, из шерсти которых должно было производиться теплое белье для солдат (в 1943 году таких ферм было аж 31!). Как большой поклонник здорового образа жизни, он приказал выделить в Дахау 10 гектар, где заключенные священники могли разводить разного рода пряности: тмин, базилик и т.д.

Весь этот комплекс вопросов являлся предметом исследований Эрнста Шефера. Но тогда его больше интересовало только одно — разобрать и систематизировать свои тибетские материалы. Чтобы освободить себе руки, 1 ноября 1941 года он убедил руководство Аненербе создать в Ланнахе (близ Граза) отдел, который бы занимался генетикой растений. Возглавил его Хайнц Брюхер. Здесь занимались не только растительным ассортиментом Тибета, но и выведением новых сортов злаковых, которые бы могли насытить Германию и обеспечить ей автаркию. Но, пожалуй, самым стратегическим намерением этого отдела были исследования растительного масла. В феврале 1942 года возник отдел препарирования растений, возглавляемый ботаником профессором Пфолем. В тесном контакте с медиками, которые проводили эксперименты над людьми, находился отдел ботаники. Глава этой структуры штандартенфюрер Фрайер и доктора Рашер, Бломе, Хольц совместными усилиями пытались найти лекарство от рака. Основным направлением этих работ было изучение воздействия растительных ядов на процесс роста раковых опухолей.

А что же Шефер? После провала кавказских планов он всецело посвятил себя селекции животных. Гиммлера в первую очередь интересовали тибетские псы. Он хотел, чтобы проводились экспери-

менты по скрещиванию старых кобелей и молодых сук и наоборот. Подобные опыты мало привлекали Шефера, и он поручил их проведение своему помощнику доктору Петерсу из Штутгарта. Сам же Шефер предпочел заняться лошадьми. Еще в 1940 году Гиммлер отзывался о Шефере как о лучшем эсэсовском специалисте в этой области. В мае 1940 года Гиммлер писал из личного поезда своему любимцу о том, что в северных сказках он читал о красном коне с белой гривой, который обладал невиданной силой. В Польше, где тогда пребывал рейхсфюрер, его поразил каурый конь с белой гривой. Он просил выяснить Шефера, могла ли существовать связь между сказками и реальностью. Шефер вряд ли мог помочь в этом своему шефу, так как во время экспедиций не видел ничего подобного.

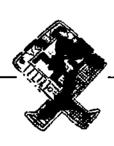
Но Гиммлер не успокоился, впоследствии он пришел к выводу, что для военных и гражданских целей могла бы пригодиться степная лошадь. Осенью 1943 года он поручил Шеферу создать на широкой генетической базе восточных и западноазиатских лошадей «суперконя», который был бы не только морозоустойчивым и неприхотливым, но и идеально подходил для солдат и поселенцев.

Затем он советовал скрестить лошадь Пржевальского с дикой лесной лошадью-тарпаном. Как заметил штурмабаннфюрер РСХА Вильгельм Хёттль, рейхсфюрер планировал вывести не только ездовую и вьючную лошадь, но и забойный скот. Но это дело, даже несмотря на энергичность Шефера, затянулось не на один месяц. Лошадей, которые были пригодны для селекции, нашли только в сентябре 1944 года, и то в Норвегии. Тратц и Шефер тут же начали готовиться к весьма неуместной в то время поездке в Скандинавию, чтобы получить необходимых лошадей. В то же время в Познань прибыл эшелон с восточноевропейскими лошадьми. Но селекции не было суждено совершиться — конвой транспорта был перебит партизанами, и лошади разбежались. Очредная «важная» военная задача закончилась прахом.

Гиммлер всегда проявлял интерес к политике вооружений, и это в определенный момент отразилось на деятельности Аненербе

Если говорить о военной политике Третьего рейха в целом, то складывается впечатление, что у Гитлера не было никакого четкого плана, которого бы он придерживался. На стадии «блицкрига», которая длилась с сентября 1939 года по декабрь 1942 года, сельское хозяйство и немецкая промышленность оказались не готовыми к затяжным военным действиям. Это, конечно, не значило, что экономические ресурсы были исчерпаны, но тогда в Германии жили под лозунгом «и пушки, и масло». Изменения наступили только в феврале 1942 года, когда Имперским министром вооружений стал Альберт Шпеер. Он попытался поставить немецкую промышленность на рациональную основу и создать наконец-то «военное хозяйство». Отныне вся добывающая и тяжелая промышленность работали только на военные цели: Германия готовилась к затяжной войне. Осенью 1942 года в Берлине решили воспользоваться концепцией «качественного превосходства»: если советская сторона ставила на количество, то нацисты планировали восполнить урон качественной военно-промышленной программой. Этот принцип был вновь введен, когда осенью 1944 года наметилось крушение немецкого хозяйства.

Гитлеровский лозунг о «качественном превосходстве» относился в первую очередь к производству отдельных видов оружия. Но немецкий атомный проект, который действовал в Германии с 1942 года, не привлекал рейхсфюрера СС. Принимая участие в конференции Имперского исследовательского совета, которая проходила 26 февраля 1942 года в берлинском «Доме немецкой науки», он язвительно заметил в адрес физика Эриха Шумана, что его выводы о ядерной физике как оружии являются чистой теорией, не имеющей никакого отношения к практике. Его больше привлекали самолеты. Постепенно СС оказались втянутыми в организацию производства этого вида оружия, а летом 1943 года даже получили под свої контроль разработку «тайного оружия». Здесь Гиммлер применил свою старую тактику постепенного проникновения во все сферы жизни — теперь дело дошло до военной индустрии. Но процесс средо-



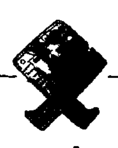
точия власти в руках рейхсфюрера проходил не так легко, как он на то надеялся. Вермахт все еще продолжал контролировать ракетостроение, а ключевая фигура в этой области, профессор фон Браун, хотя и стал эсэсовцем, но сохранил верность армии. Окончательный контроль над ракетостроением Гиммлер смог получить лишь после провала покушения на Гитлера, которое было организовано армейскими чинами 20 июля 1944 года. В сентябре того же года техническое и военное руководство над ракетными группами «Юг» и «Север» получил обергруппенфюрер Каммлер.

«Чудо-оружие» должно было вселить надежды в весь немецкий народ. После того как норвежские саботажники в феврале 1943 года повредили котел тяжелой воды, а год спустя был потоплен транспорт «Гидра», который вез оборудование для ядерных исследований, полагаться на немецкую атомную бомбу не приходилось. Выход пытались найти в ракетах. «Фау-1» была применена против Англии 13 июня 1944 года, более сложная и эффективная «Фау-2» стартовала в сентябре. Но ракеты опоздали: после того как на немецких железных дорогах было потеряно 10 тысяч летающих снарядов, стало ясно — война проиграна. Немецкое супероружие не справилось со своей задачей устроить воздушный террор. Оно не толкнуло союзников к роковому, возможно, вторжению в Европу через пролив Па-де-Кале. Но тем не менее в некоторых кругах все еще надеялись, что «добрый дядя Генрих еще устроит фейерверк». 2 апреля 1945 года Мартин Борман писал своей жене, что он надеется, что проект Каммлера (производство реактивных истребителей) будет иметь необходимый эффект.

Но не только оружие и нефть интересовали в те дни шефа «Черного ордена». Его привлекало золото, которое с началом «эры Шпеера», как и все цветные металлы, было отнесено к разряду стратегического сырья. В «золотом проекте» Гиммлера смешались воедино и фанатизм алхимиков, и безумие «золотой лихорадки», и цинизм эсэсовских дантистов, орудовавших над убитыми. 14 апреля 1942 года Гиммлер тайно информировал руководство Аненербе:

«Фюрер недавно снова заговорил о том, что в Германии должны иметься большие запасы золота, например в районе реки Инн, которые он выводил от «золота Рейна». Я также добавляю к сказанному, что мы должны изучить возможность наличия золотых запасов у реки Изар». Теперь эксперты Аненербе должны были стать старателями. Зиверс распорядился, чтобы этим вопросом непосредственно занялся Карл Винерт. С научной точки зрения подобное задание было просто нелепым, но Винерт подошел к нему со всей серьезностью. Проведя разведку, он ответил Гиммлеру, что добыча золота в этих местах будет окупаться в случае, если будет вырабатываться от 0,5 до 0,75 грамма на тонну грунта. Воодушевленный этим ответом, рейхсфюрер обратился в Баварское горное управление, где ему сообщили, что добыча золота в Баварии не велась уже около века. Последняя попытка вести разработку была неудачно предпринята накануне Первой мировой войны. К этому времени метод намывания золота был неэффективным, в имеющихся в рейхе золотодобывающих предприятиях (одно в Шлезвиге и пять в Австрии) добыча золота происходила в штольнях и шахтах. Когда Винерт понял, что чересчур затянул выполнение стратегического задания, он сообщил, что необходимых залежей золота нет.

В поисках золота принимал участие и профессор Йозеф Виммер, руководитель отдела прикладной геологии. Одновременно с этим он занимался в СС разработкой методики поиска воды под землей. Эти работы привлекли внимание Гиммлера, который в 1942 году решил, что тот при помощи лозы должен отыскать взрывчатку, заложенную в краковской синагоге. До 1942 года Виммер сотрудничал главным образом с Баварским министерством по делам культов. Рейхсфюрер приложил все усилия, чтобы использовать эту неординарную личность в собственных интересах. Когда Гиммлер принял решение создать эсэсовскую бригаду лозоискателей, он думал не о воде, а о золоте. Члены этой бригады после учебы и проверки способностей должны были исследовать недра. Пока Винерт искал золото в речушках Баварии, Виммер готовил на территории



сада лечебных трав в Дахау лозоискателей, набранных из состава Ваффен СС. Первый учебный курс был закончен 13 октября 1942 года. Надо полагать, что выпускники произвели должное впечатление, так как посетивший Дахау куратор Вюст высказался за то, чтобы продолжить дальнейшее обучение. Это высказывание интересно уже тем, что он не одобрял подобных ненаучных вещей. В декабре 1942 года было решено — каждая военно-геологическая группа СС должна иметь в своем составе лозоискателя. В дивизию Ваффен СС, которая находилась в Белграде, сразу же были высланы трое из выпускников. В марте 1943 года в Дахау были организованы двойные курсы: на одних готовили собственно лозоискателей, на вторых инструкторов по обучению лозоискательству. Удовлетворенный результатами Гиммлер решил обратиться к Виммеру с одной из своих многочисленных идей. Ему предлагалось заняться поисками легендарных сокровищ горы Хохенгёвен. В течение ноября 1943 года Виммер облазил всю гору с лозой, но поиски не дали никаких результатов.

То, что не удалось сделать Виммеру и Винерту поодиночке, они не смогли сделать и в союзе, совместными усилиями, — золота не было. В 1945 году они решили больше не подогревать интерес Гиммлера к этой теме, тем более что его в это время интересовали совершенно другие проблемы — после крушения рейха ему вряд ли потребовалось бы золото.

Во время войны не любая естественнонаучная структура Аненербе была полезной. Это показывал пример отдела геофизики. С самого начала сотрудники этого отдела должны были находить для рейхсфюрера подтверждения истинности «учения о мировом льде» — фантастической теории, выдвинутой австрийцем Гансом Гёрбигером. Для этого было необходимо вести наблюдения за солнцем. Благодаря «ледяному учению» предполагалось строить не только долгосрочные прогнозы, но и объяснять причины техногенных катастроф, например, пожара на дирижабле «Гинденбург». Но ни Зиверс, ни Вюст совершенно не разбирались в этой области зна-

ний, а потому Гиммлеру требовался помощник, который мог бы курировать эту сферу. Его взгляд остановился на сыне создателя «ледяной теории» Гансе Гёрбигере. Рейхсфюрер даже предложил ему создать собственный отдел, который бы занимался исключительно изучением льдов. От идеи создания нового отдела Гёрбигер отказался. Но в июле 1937 года порекомендовал эсэсовскому руководству некого Скультетуса.

С началом войны исследования Скультетуса относительно долгосрочных прогнозов погоды были прекращены. Ученый перешел на службу в метеослужбу Люфтваффе. Там он фактически воссоздал свой старый отдел, переманив сотрудников в ведомство Германа Геринга. Но подобное сотрудничество не могло длиться долго — специалисты Геринга не доверяли последователям «учения мирового льда». Мировой лед не имел никакой практической ценности для ведения войны.

С началом «тотальной войны» эсэсовские ученые ощутили явный недостаток высокообразованных специалистов в области математики, физики и химии. Кадры, подготовленные до войны, оказались на фронтах. Увидев такую проблему, Гиммлер 25 мая 1944 года издал приказ о сотрудничестве Аненербе и РСХА по созданию в концентрационных лагерях исследовательских структур, в которые должны были привлекаться еврейские и неблагонадежные ученые, находившиеся там. Эта структура получила название «Отдел М[атематики]» и занималась в основном расчетом формул, необходимых для ракетостроения. Странно, но непосредственно курировало его не Аненербе, а Институт прикладной математики при Политехническом университете Дортмунда. В декабре 1944 года в Заксенхаузене были собраны 18 ученых. Но к этому времени техническая война была проиграна: 935 союзных бомбардировщиков уничтожили почти все запасы сырья. Планам «качественного превосходства» был положен конец.

Впрочем, кроме именитых ученых на «Наследие предков» работали и очень странные люди. Среди них был и полковник

Шрёдер-Штранц. Этот полковник Люфтваффе безуспешно пытался внедрить в немецкой авиации свой «радиоактивный аппарат». Когда затея провалилась, он пытался заручиться поддержкой рейхсфюрера СС. Гиммлер не мог не знать, что Гитлер с подачи Шпеера запретил в мае 1944 года разработку любых новых видов оружия. Гиммлер решил подать «радиоактивный аппарат» не как оружие, а как средство возможного боевого воздействия. В те времена для многих слово «радиация» было понятием скорее священным, убивающим, парализующим, нежели физическим. Более того, этот чудо-прибор должен был позволить проводить поиск ископаемых месторождений (Гиммлер планировал применить его для поиска нефти). Он не мог отказаться от заманчивой идеи самому добыть нефть, тем более когда после 1943 года ее катастрофически не хватало! В июне 1944 года полковник Шрёдер-Штранц перешел в СС и стал разрабатывать свой аппарат в недрах «Наследия предков». Порученный ему поиск горячих сланцев при помощи его изобретения, естественно, не увенчался успехом. Повторные испытания аппарата были проведены в Штапельбурге. Вольфрам Зиверс, изначально не доверявший полковнику, привлек к себе компетентных специалистов, которые считали, что «радиация Шрёдера-Штранца» является мистификацией. Сам же Имперский руководитель «Наследия предков» решил от греха подальше не убеждать Гиммлера в сомнительности данного предприятия. Лишь 21 февраля 1945 года он дал понять, что пора прекращать эту комедию. Но сделал так вовсе не потому, что не доверял Шрёдеру-Штранцу, а потому, что катастрофическое положение на фронтах делало испытания совершенно бессмысленными.

Глава седьмая

Незримая битва за Ирминсул

— Наверняка работа хитрианцев или фардонийцев, — задумчиво проговорила Мэгина. — Они до сих пор придерживаются язычества. Я слышала, что даже сейчас члены Лиги чародеев в Гринхарборе медитируют над неким осколком магической скалы в какой-то пещере в ожидании, что харшини снова заговорят с ними.

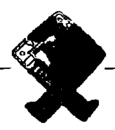
Дженнифер Фаллон «Медалон»

Попав в Тевтобургский лес — так называется покрытая чащей гряда Везерских гор, расположенная в земле Северный Рейн-Вестфалия, — можно увидеть красивейший пейзаж. Возвышаясь на несколько десятков метров над землей, эффектно вырисовываясь на фоне неба, перед нами предстают пять неровных песчаных колонн, испещренных укромными гротами и переходами. Живописные скалы, напоминающие картинку из детской книги сказок, лишь добавляют очарования здешним местам. Расположенные на территории, изобилующей древними священными постройками, они окутаны мистикой и легендами: согласно народным преданиям, эти камни были воздвигнуты за одну ночь, а затем оплавлены дьяволом.

21 июня, скоро пять часов утра по среднеевропейскому летнему времени. Над песчаными скалами местечка Экстернштайн, спрятавшимися в Тевтобургском лесу, повис туман. Достаточно прохладно. Вершины мегалитов возвышаются над долиной, которая после вой-

ны была запружена и в настоящее время превратилась в форменное озеро. Через несколько минут взойдет солнце, и самая короткая ночь в году закончится. За этим астрономическим явлением здесь наблюдали еще в древности. Но сейчас скалы Экстернштайна являются местом паломничества для неоязычников, молодых националистов, поборников «тайных наук». Экстернштайн лежит рядом с Детмольдом, городком, соседствующим с университетским центром Билефельд, где я в свою бытность завершал написание диссертации. По российским меркам и вовсе под боком. Этот памятник является крупнейшей святыней для солнцепоклонников, уступая пальму первенства лишь английскому Стоунхенджу. В период нацистской диктатуры ему уделялось самое пристальное внимание.

Накануне прихода к власти нацистов в научный мир стало проникать все больше и больше мечтателей, оккультистов и «ясновидцев». Исследование этого мегалитического комплекса в первую очередь связывают не столько с работами серьезных историков, сколько с деятельностью популяризатора в стиле «фёлькише» — Вильгельма Тойдта. В научном мире Тойдта и его последователей именовали не иначе как «пагубными фантастами». Этот исследователь родился в 1860 году в семье евангелического священника. Сначала Вильгельм решил пойти по стопам своего отца. Карьера молодого священника была очень стремительной. Он стал одной из виднейшей фигур в городе Шаумбург. В 1895 году, в возрасте 35 лет, он занимал пост руководителя Евангелического объединения внутренней миссии во Франкфурте-на-Майне. Со временем он начал менять свои взгляды на жизнь. Это привело к тому, что в 1908 году он покинул лоно церкви, вступив в «Союз познания природы», который еще иногда именовался «кеплеровским союзом». Это была очень странная организация. Ее руководство надеялось соединить религиозную этику и естественнонаучные воззрения, что должно было стать залогом складывания нового мировосприятия. Вместе с тем члены «Союза познания природы» намеревались всеми силами бороться против академической серьезности, царившей в немецких универ-

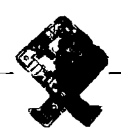


ситетах. Тойдт оказался на переднем фланге этой борьбы. Он сращивал свои религиозные представления с генетикой, что сделало его очень популярным в кругах «фёлькише»-движения. В 1917 году он написал книгу, которая укрепила его положение в националистическом лагере. Новое произведение Вильгельма Тойдта называлось «Немецкая деловитость и мировая война». Автор книги, активный участник мировой войны на Западном фронте, буквально несколькими мазками рисовал политическую систему того времени. Международные договоры фактически уничтожают естественное право более сильного и умного. Германии же противостоит сонм враждебных народов, которые полны презрения и страха в отношении немецкого народа. Эти низкие качества остального человечества можно было бы преодолеть, если бы немецкий образ мышления был распространен по всему миру. Это привело бы к появлению новых (истинных) ценностей и культурному подъему многих стран. Немецкая империя, которая в момент написания книги все еще являлась супердержавой, виделась Тойдту идеалом политического уклада. Но вместе с тем в этой работе звучали и угрожающие ноты. Во-первых, Тойдт настаивал, чтобы Германия проводила более жесткую политику в отношении инородцев, проживавших на ее территории. Это касалось прежде всего евреев. Во-вторых, он отчетливо проводил антидемократическую линию. Это выражалось в его мысли о том, что отказ от трехклассовой системы выборов мог иметь для страны пагубные последствия.

После поражения в мировой войне и заключения позорного Версальского мира политические установки Тойдта стали еще более радикальными. После того как французские и бельгийские войска в 1920 году оккупировали рейнскую область Германии, Вильгельм Тойдт был вынужден сменить место жительства и переехать в небольшой вестфальский городок Детмольд. Почему выбор пал на это местечко, до сих пор непонятно. Может быть, чистой воды случайность. По крайней мере, можно смело утверждать, что в тот момент В. Тойдт не проявлял никакого интереса к скалам Экстерн-

штайна. Скорее всего, Тойдта привлек политический климат в этих местах. В первые годы Веймарской республики в Детмольде базировалось множество националистических, парамилитаристских и «фёлькише»-организаций. Разочарованный и озлобленный, В. Тойдт принимает активное участие в деятельности почти всех этих союзов. В какой-то момент он даже становится руководителем местного отделения «Стального шлема». В 1925 году, сославшись на предельную занятость, он вынужден покинуть этот пост. В 1925 году он вновь возвращается к писательскому труду. На этот раз он решил сосредоточить свое внимание на так называемом «германоведческом» направлении. В рамках этой деятельности он начинает активно изучать древнюю историю Германии. Все это предопределяет его контакты с многочисленным националистическими союзами по всей Германии, деятельность которых приобретает все более и более выраженный расистский характер.

Исследования германских древностей заставляют обратиться бывшего священника к археологии. Он знакомится в работами Якоба Фризена. Среди прочитанных книг было и «Введение в историю первобытности на территории нижней Саксонии», написанное в 1931 году. Во время штудирования этого труда Тойдт впервые открыл для себя особенности первобытных религиозных культов. В 1928 году он создал «Объединение друзей германской праистории», радуясь быстрому приросту членов своей организации. В 1929 году в Йене он издал книгу «Священные германские идеи», которая являлась отражением его воззрений на прошлое Германии. Его выводы не были оригинальными — часть из них он позаимствовал у ряда «фёлькише»-исследователей. Тойдт решил сразу же приобрести общегерманское признание у общественности. Это ему удалось лишь в начале 30-х годов. В этом ему помогали его пророческий энтузиазм и личная харизма, сдобренные видимой таинственностью «Посвященного». Ему даже удалось наладить выпуск журнала «Германия», который превратился в рупор его идей.



Но идеи престарелого Тойдта не пользовались особой популярностью в научном мире. Один из современников как-то заметил: «Тойдт не являлся научным светилом. Он строил свои идеи на вере и интуиции, которым отдавал большее предпочтение, нежели доказательствам и историческим свидетельствам. Едва ли можно сказать, что он располагал обширными знаниями в области истории. Он был плохо знаком с научной литературой... Для него были характерны непостоянство и капризность». Это мнение во многом разделяли и некоторые члены «Объединения друзей». В годы нацистской диктатуры местные чины НСДАП давали схожую характеристику: импульсивный, невыдержанный, не обладающий достаточными деловыми качествами и политическим чутьем. Видимо, только такое качество, как «отсутствие политического чутья», объясняло, почему В. Тойдт вступил в НСДАП лишь в 1935 году, хотя симпатизировал Гитлеру начиная с середины 20-х годов. Но вернемся обратно во времена Веймарской республики.

После того как Тойдт опубликовал свое учение о германских святынях, которые лежали на неких сакральных линиях, к нему пришла общегерманская известность. Именно в этот момент он становится членом «Германского союза», пангерманской организации, созданной в 1894 году в Берлине преподавателем Фридрихом Ланге. Цели этого союза не отличались особой оригинальностью: распространение немецкого образа мышления, восстановление германской самобытности, пропаганда немецкого образа жизни, немецкого поведения, формирование народного сообщества. В основе всей этой деятельности лежало специфическое немецкое мышление. Именно это отличало «Германский союз» от многочисленных антисемитских и националистических организаций. Его члены не выпускали антисемитских агиток, хотя в § 24 Устава «Германского союза» значилось, что любые отношения с евреями ведут к автоматическому исключению из организации. В союзе в основном числились офицеры, коммерсанты и служащие. Вильгельм Тойдт был среди них «белой вороной». Не исключено, что именно по ини-

циативе руководства «Германского союза» Тойдт создал «Объединение друзей германской праистории», которое должно было стать дочерней организацией союза. На эту мысль наводит дата создания «Объединения» — 1928 год, то есть время, когда Тойдт проявлял рвение неофита, только что оказавшегося в «Германском союзе». Эту версию подтверждал тот факт, что почти все руководство «Объединения друзей» было членами «Германского союза». Так же участники этих групп обращались друг к другу совершенно одинаково — «брат», хотя и не использовали это обращение при переписке. Позже нацисты признали «Германский союз» старейшей «фёлькише»-группировкой, что привело к фактическому слиянию. Кстати, если мы посмотрим на правление «Объединения друзей», то обнаружим там интересные фигуры. Оказывается, там аж с 1930 года состоял Карл Мария Виллигут!

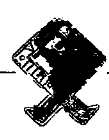
В конце 20-х годов начинает формироваться особый культ Экстернштайна, к созданию которого приложил руку В. Тойдт. Следствием этого стал крупный конфликт, который разразился между сторонниками Тойдта и последователями академической науки. Культ стартовал с того, что Тойдт начал едва ли не проводить собственные раскопки в окрестностях детмольдских скал. Этому авантюрному начинанию способствовала болезнь директора местного ведомства, которое занималось охраной исторических памятников. В итоге ни Тойдт, ни его теории не получили достойного отпора. Сама система охраны памятников, существовавшая уже более 100 лет в этой местности, была поставлена под вопрос. Не стоит забывать, что официальная наука не уделяла Экстернштайну достойного внимания. Как известно, свято место пусто не бывает. Эту нишу тут же заполнили «пагубные фантасты».

Вильгельм Тойдт громогласно заявил на весь мир, что открыл «немецкий Стоунхендж». После прочтения обильной литературы, касавшийся Экстернштайна, Тойдт вынес только один тезис — скалы в свое время были крупнейшим в Германии центром поклонения солнцу. Действительно, в некоторых скалах имелись ниши, позво-

ляющие говорить о том, что в древности там велись астрономические наблюдения. Но само сравнение Стоунхенджа и Экстернштайна свидетельствовало о том, что Тойдт собирался создать всеобъемлющую теорию, которая бы объясняла предназначение этих скал. Мысль о существовании близ Детмольда крупного языческого центра не была новой. Ее можно обнаружить еще в рукописи 1564 года, которая приписывается Герману Гамельманну. В ней автор говорил об Экстернштайне как о месте отправления языческого культа. В 1923 году эту мысль развил Отто фон Беннигсен, который предположил, что именно в Экстернштайне располагалась главная языческая святыня саксов — идол Ирминсул, в свое время разрушенный Карлом Великим.

Тойдт якобы обнаружил, что Экстернштайн лежит на пересечении «священных линий», найденных им на севере Германии. Он считал, что эти линии, примерно совпадающие с линиями, открытыми другими исследователями, связывали Экстернштайн с остальными древними религиозными сооружениями, в том числе с каменным кругом в соседнем Бад-Майнберге. Над молельней, как считал Тойдт, некогда располагались деревянные постройки, использовавшиеся для наблюдения за движением Солнца, Луны и звезд. Он предположил, что Экстернштайн являлся центром отправления древнего арийского культа. Находки подтвердили его гипотезу, в соответствии с которой отсутствие крыши и разрушения в молельне-обсерватории — результат намеренного вандализма цистерцианских монахов. Он доказал, что 50-тонная плита у подножия скалы-колонны была прежде боковой стеной молельни. Монахи разрушили святилище, чтобы очистить его от языческой предыстории и сделать пригодным для проведения христианских богослужений.

В скалах Экстернштайна сама природа сотворила множество пещер и проходов, более поздние обитатели этих мест только расширяли их. И хотя назначение одних пещер не вызывает сомнений — это были молельни, для каких целей использовались другие — все еще загадка: есть здесь и ступени, ведущие в никуда, и непонятные



платформы и ниши, и высеченная в скале гробница, и просверленные в скалах мелкие и крупные отверстия.

Наиболее примечательное место во всем Экстернштайне — небольшая молельня, которая высечена возле самой вершины одной из скалистых колонн. Попасть туда нелегко: добраться до нее можно лишь по выбитым в камне ступеням и шаткому пешеходному мостику. Крыши у молельни нет, а на ее восточной стороне находится куполообразная ниша с алтарем в форме колонны, не вписывающимся ни в один из привычных стилей церковной архитектуры. Непосредственно над алтарем расположено круглое окно шириной 50 см. Европейские исследователи древностей в XIX веке заметили, что оно направлено одновременно на точку летнего восхода Солнца и самую северную точку восхода Луны — две важные астрономические координаты, отмечаемые во многих каменных кругах и аналогичных сооружениях доисторической эпохи. По-видимому, молельня была построена так высоко над землей для того, чтобы удобно было наблюдать восход Солнца и Луны. Более того, исследователи установили, что Экстернштайн лежит приблизительно на той же широте, что и Стоунхендж, факт, который доказывал важность этого астрономического ориентира как для древних европейских астрономов, так и для жрецов.

Во время расцвета германского романтизма об Экстернштайне писали как о проявлении народных верований, характерных для дохристианской эпохи. Этому мнению противостояла другая точка зрения, которая предполагала, что Экстернштайн был тесно связан с христианской традицией. В «магический» центр Германии он превратился гораздо позже, в эпоху крестовых походов, став своего рода отражением Иерусалима, перенесенного на берега Рейна. Националистическая трактовка истории, присущая крупному немецкому историку Густаву Коссинне, опиралась на первую трактовку мегалитов. «Фёлькише»-исследователи, поклоняясь этим скалам, создали определенный древнегерманский культ, который после Первой мировой войны приобрел невероятные размеры. Он бази-

ровался на самых различных мотивах: романтизме, национализме, расовых идеях, немецком идеализме.

Как уже говорилось выше, по одной версии, здесь располагался основной центр культовых церемоний каменного века; по другой — начало его использования в религиозных целях относится к XII веку, а сам Экстернштайн — просто имитация святых мест Иерусалима, память о котором хранилась со времен возвращения крестоносцев. Когда примерно в 722 году на смену язычеству в Германии пришло христианство, места культовых отправлений были унаследованы новой религией. В средневековые времена Экстернштайн служил убежищем христианским отшельникам.

Для германских языческих племен Северной Европы мир не делился на землю, «рай» и «ад». По их представлениям, это была сложная цепь взаимосвязанных миров, которые, согласно «Эдде», возникли, когда Муспелльхейм, Огня на Юге, столкнулась с Вселенной Нильфхейм в Великой пустоте Гиннунгапап. От этого союза родились великан Имир и корова Аудумла. Слизывая лед, Аудумла создала человека, Бури. От Бури возникли Борр и жена его, Бестла, породившие Водена-Одина, Вилли и Ве. Дети Борра убили Имира и из тела его создали Девять Миров и Мировое Древо, поддерживающее Вселенную, за пределами коей находится Уттард, «то, что вне пространства»: Мировое Древо, растущее из Истоков Мира, на котором покоятся сочетающиеся Миры, у различных народов имело разные названия: Иггдрасиль — у скандинавов, Эйрменсулл — у англичан, Ирминсул — у германцев.

Вторгшись в 772 году в Саксонию, Карл Великий разрушил крепость Эресбург и низверг языческую святыню, находившуюся в Экстернштайне. Ирминсул. «Победа моя была бы неполная, если бы мне не удалось уничтожить этого идола!» — сказал Карл Великий во время разрушения языческой святыни. Некоторые называют саксонский Ирминсул universalis columna, quasi sustinens omnia — мировой столб, как бы поддерживающий все. Скандинавские лапландцы заимствовали это понятие от древних германцев: Полярную звезду

они называли «Столпом Неба» или «Мировым Столпом». Ирминсул сравнивали даже с колоннами Юпитера. Подобные идеи сохранились до сих пор в фольклоре Юго-Восточной Европы — например, Coloana Cerîului у румын.

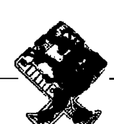
Примерно в 1120 году цистерианскими монахами из монастыря в Падерборне был высечен барельеф «Снятие с Креста». Выбитые в камне гроты служили молельнями. Примечательной деталью барельефа является земной столп, поддерживающий, по языческим верованиям, Вселенную. Чтобы показать превосходство христианства над язычеством, он на изображении символически согнут в дугу, как бы служа опорой для ног Никодима. Последний, согласно библейскому сюжету, участвовал в снятии с Креста тела Иисуса. Примечательно и то, что ноги Никодима намеренно отбиты — местные жители объясняли, что это «увечье» было нанесено изображению язычниками, мстившими христианам за надругательство над их святыней Ирминсулом.

Впрочем, поначалу Тойдт ничего не говорил об Ирминсуле. Эту мысль он высказал уже в 1929 году во время беседы с Густавом Коссинной. Тойдт пытался привлечь этого всемирно известного ученого на свою сторону. В конце 20-х годов общественность буквально была одержима идеей немецкого Стоунхенджа. Сам кайзер Вильгельм II, находившийся в то время в эмиграции, держал в своей голландской библиотеке несколько работ Тойдта, которые были едва ли не настольными книгами. Ученому-любителю срочно требовалось научное обоснование своих взглядов. После того как с ним отказался сотрудничать Густав Коссинна, Тойдт обратился к именитому археологу Карлу Шухтардту. Но тот тоже не высказал бурной радости по поводу подобного сотрудничества. В итоге научность воззрений Тойда взялся доказывать никому не известный швейцарец Отто Хаузер. Неизвестность этого исследователя не помешала Тойдту провозгласить его самым талантливым немецким антропологом. Но подобные научные союзы не принесли Тойдту того успе-

ха, который в одночасье был обеспечен политическим развитием страны.

Преследования со стороны земельного правительства, возглавляемого социал-демократами, стали прекрасным поводом для того, чтобы группа Тойдта усиленно нападала на Веймарскую республику. В итоге «Объединению друзей» было запрещено работать в Экстернштайне. Это не осталось незамеченным руководством гитлеровской партии. Нацисты решили использовать образ Экстернштайна в своих пропагандистских целях. На одном из предвыборных плакатов скалы Экстернштайна были изображены в сиянии свастики. Нацистские пропагандисты, не уставая, говорили во время выборов в местный ландтаг о «германской святыне», которая являлась символом грядущего национального возрождения. Но вместе с тем нельзя не отметить, что идеологи нацизма пока не уделяли Экстернштайну особого значения. Для них это всего лишь удобный повод, чтобы оживить свою пропаганду. О каком-то серьезном восприятии идеи Тойдта не могло быть и речи.

Ситуация в корне изменилась после 30 января 1933 года, дня, когда нацисты пришли к власти в Германии. С этого момента между различными научными и околонаучными группировками начинается активная борьба за то, чтобы снискать расположение новой власти. Особо ожесточенно она шла между академическими кругами и учеными-дилетантами, проповедовавшими идеи «фёлькише». Именно в начале 1933 года устанавливаются первые связи между «Объединением друзей» и «Союзом борьбы за немецкую культуру», который курировал главный идеолог гитлеровской партии Альфред Розенберг. Это приводит к тому, что Экстернштайну стали уделять большее внимание, а в мае 1934 года у «сакральных» скал даже начали проводиться археологические раскопки. Это было очень странное время, когда воедино переплеталось множество сложных общественных процессов. Попробуем выделить их отдельно, провести некую периодизацию.



1. Январь — апрель 1933 года. Период, когда все заинтересованные группы пытались заручиться поддержкой национал-социалистов.

2. В мае 1933 года при трех партийных структурах существовало три различных проекта, которые были посвящены изучению древней истории и предусматривали, в том числе, раскопки в Экстернштайне.

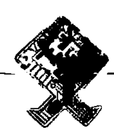
3. Летом 1933 года все группировки, участвующие в борьбе за древнюю историю, ожидали реакции новых властей. В это время Вильгельм Тойдт пошел на сближение с рядом серьезных ученых и получил явное преимущество перед своими противниками. Его позиции были укреплены, когда во время «Нордического тинга», проходившего в бременском кафедральном соборе, было предложено участвовать с новыми организациями, занимавшимися охраной памятников.

4. Осенью 1934 года «Союз борьбы за немецкую культуру», в то время возглавляемый Гансом Рейнертом, перестает быть союзником Тойдта. Самому Рейнерту вынесено дисциплинарное взыскание, а возглавляемая им организация находится на грани раскола.

5. Весной 1934 года «главный идеолог» НСДАП предпринимает безуспешную попытку унифицировать «Объединение друзей», то есть влить эту организацию в состав своего ведомства.

Подобная периодизация и сами события 1933 — начала 1934 годов указывают, что в стране не было какого-то единого процесса. Каждый пытался закрепиться в структуре новой власти, делая для этого все возможное. Попытаемся разобраться в этом непростом процессе, который положил начало превращению Экстернштайна в одну из главнейших нацистских и эсэсовских святынь.

Не вызывает никаких сомнений, что Вильгельм Тойдт был за приход к власти Гитлера, что называется, «двумя руками». Это был прекрасный повод для того, чтобы продолжить политизацию Экстернштайна, которую в свое время начали Тойдт и его сподвижники. После того как Гитлер был провозглашен рейхсканцлером Гер-



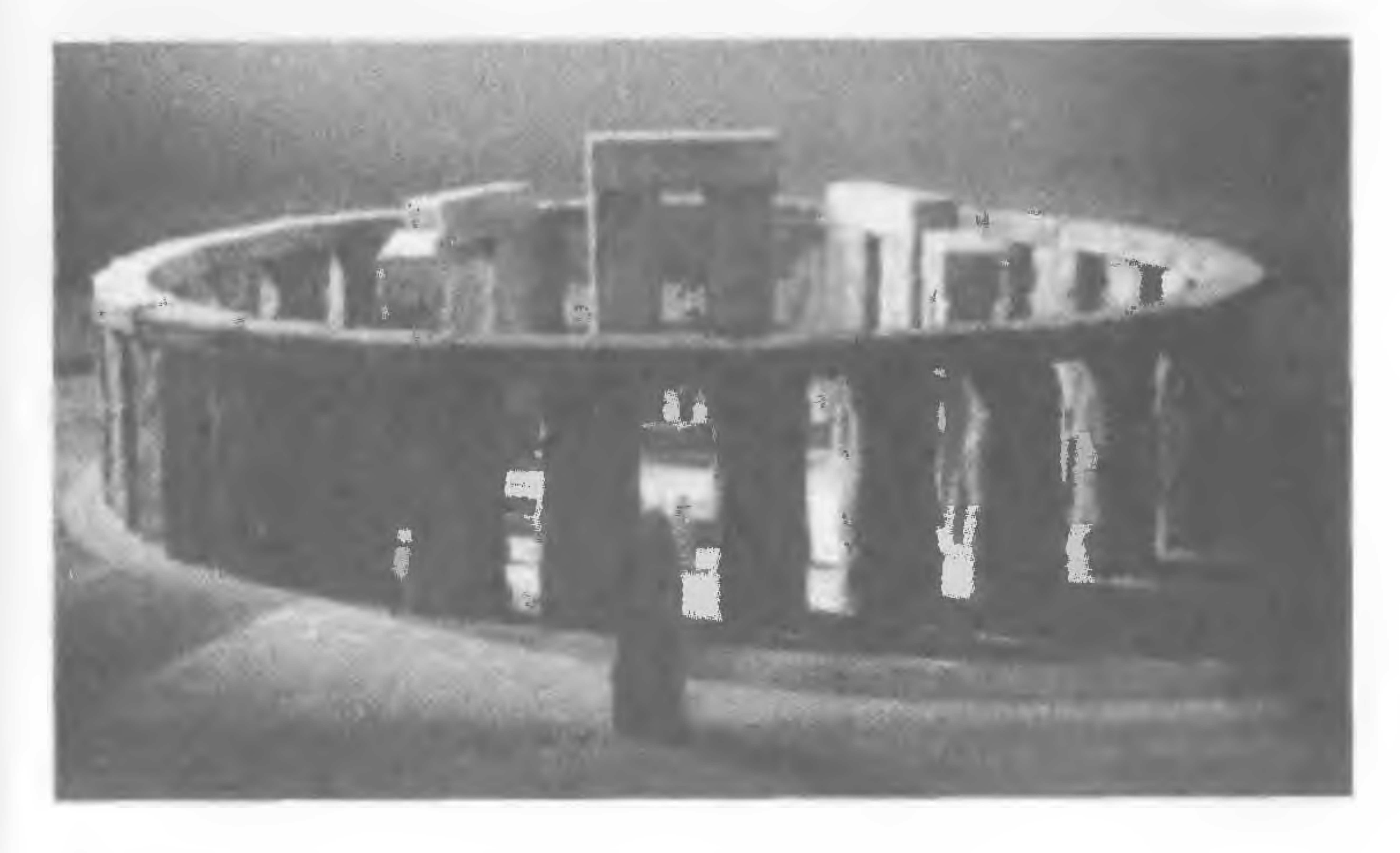
мании, «Объединение друзей» тут же стало активно использовать в своих целях изменившийся политический климат. Как можно установить из документальных источников, организация Тойдта едва ли не в первые дни нацистской диктатуры стала искать пути использования финансового и политического потенциала, которым обладало Прусское министерство по делам образования и религии. Была даже выработана специальная стратегия, которая утверждалась на специальном заседании правления «Объединения друзей германской праистории». 1 марта Тойдт писал одному из братьев по «Германскому союзу»: «Надо всячески способствовать вашей инициативе по популяризации наших начинаний среди нынешних властителей наших идей, но при этом надо избегать излишней назойливости. То, что касается местных условий, то здесь мы можем быть спокойными... Еще в воскресенье был у Бр. Шпельге, с которым мы много беседовали». Следуя намеченному плану, Тойдт в начале марта 1933 года обратился к земельному правительству с просьбой придать Экстернштайну статус культового сооружения прошлого.

После того как Тойдт привлек на свою сторону местных партийных функционеров, его сторонники стали планомерно привлекать к себе внимание нацистов более «высокого полета». Тойдт начинает рассылать всем Имперским министрам экземпляры своей книги и отдельные выпуски журнала «Германия». Первыми подобные «подношения» получили министр пропаганды Йозеф Геббельс и имперский министр воспитания Бернхардт Руст. В каждом случае В. Тойдт прилагал письмо, в котором как человек, не лишенный дипломатических способностей, делал акцент на служебной деятельности того или иного министра. Так, например, Русту он писал о необходимости изучения древнейшей немецкой истории в школе, а Геббельсу сообщал о его огромном значении в деле сплачивания народа. Тойдт и его сподвижники всеми силами пытались продемонстрировать, что у «Объединения друзей» и НСДАП общие интересы. Со временем Тойдт пошел гораздо дальше, он пригласил крупные по-

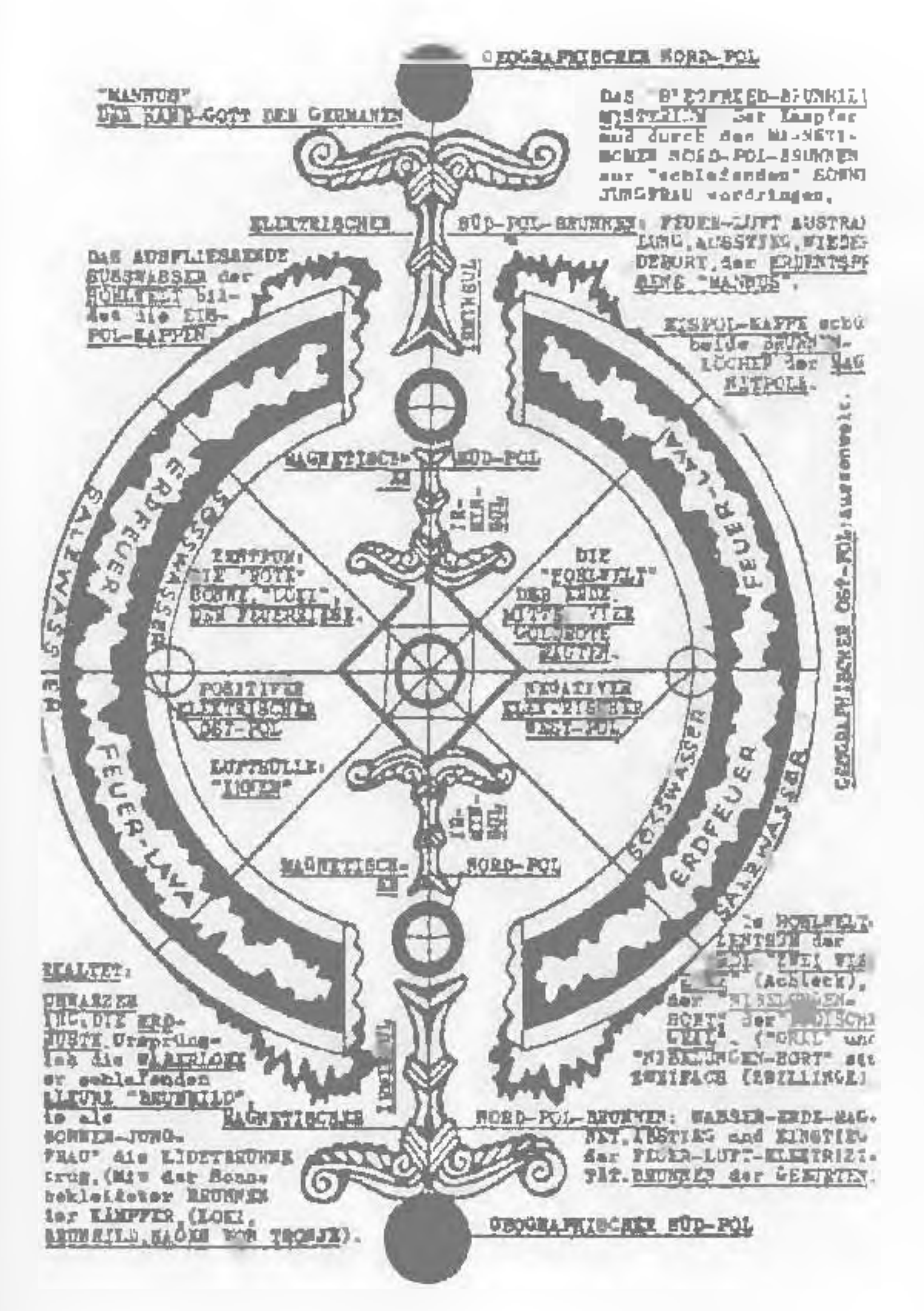
литические фигуры на юбилейное отчетное заседание своего объединения, которое должно было состояться в июне 1933 года на одном из немецких курортов. Чтобы добраться до самых верхов, Тойдт решил сотрудничать с «Союзом борьбы за немецкую культуру». В один из весенних дней у него состоялся личный разговор с функционером этого союза — Генрихом Гласмайером. Казалось, что тактика, применяемая Тойдтом, начала приносить плоды. В мае 1933 года исследователь Экстернштайна узнает, что Руст будто бы заявил, что необходимо использовать «Объединение друзей» при реорганизации системы образования в рейхе. Как же было велико разочарование Тойдта, когда на торжественном заседании не появился ни один представитель Имперского министерства воспитания.

По сути, замысел В.Тойдта потерпел крах. Нацистские бонзы уделяли куда большее внимания «Исследовательскому институту духовной истории древности» Германа Вирта либо же «Обществу германской истории первобытного общества и предыстории», которое возглавлял друг Вирта Иоганн фон Лeeрс. Последний уделял особое внимание расовой политике, нежели собственно истории. Ассоциируя себя с самой сутью нового режима, Леерс насыпал в свои работы многочисленные грубые антисемитские пассажи. Допустим, в журнале «Нордический мир» он мог потребовать выкинуть евреев вон с университетских кафедр, где преподавалась немецкая история. Вильгельм Тойдт вполне обоснованно считал, что этот человек дискредитирует саму идею «фёлькише»-исследований в области древней истории. Не мог не расстраивать Тойдта и другой факт. Теперь многочисленные исследователи стали проявлять интерес к Экстернштайну, отбирая у него пальму первенства. И уж отнюдь его не устраивала затея превратить в «место паломничества немецкой нации» памятник Арминусу (Герману), а не Экстернштайн. Не стоит забывать, что до сих пор не был исчерпан конфликт с официальной наукой, которая наотрез отказывалась рассматривать идеи Тойдта. Но в начале 1933 года эта проблема ушла на задний

Идеалистическое изображение Генриха «Птицелова» времен Третьего рейха.



Кадр из фильма «Германцы против фараонов».



Строение Земли с точки зрения эсэсовской мистики. Ось заменяет Ирминсул (гравюра В. фон Шемма).

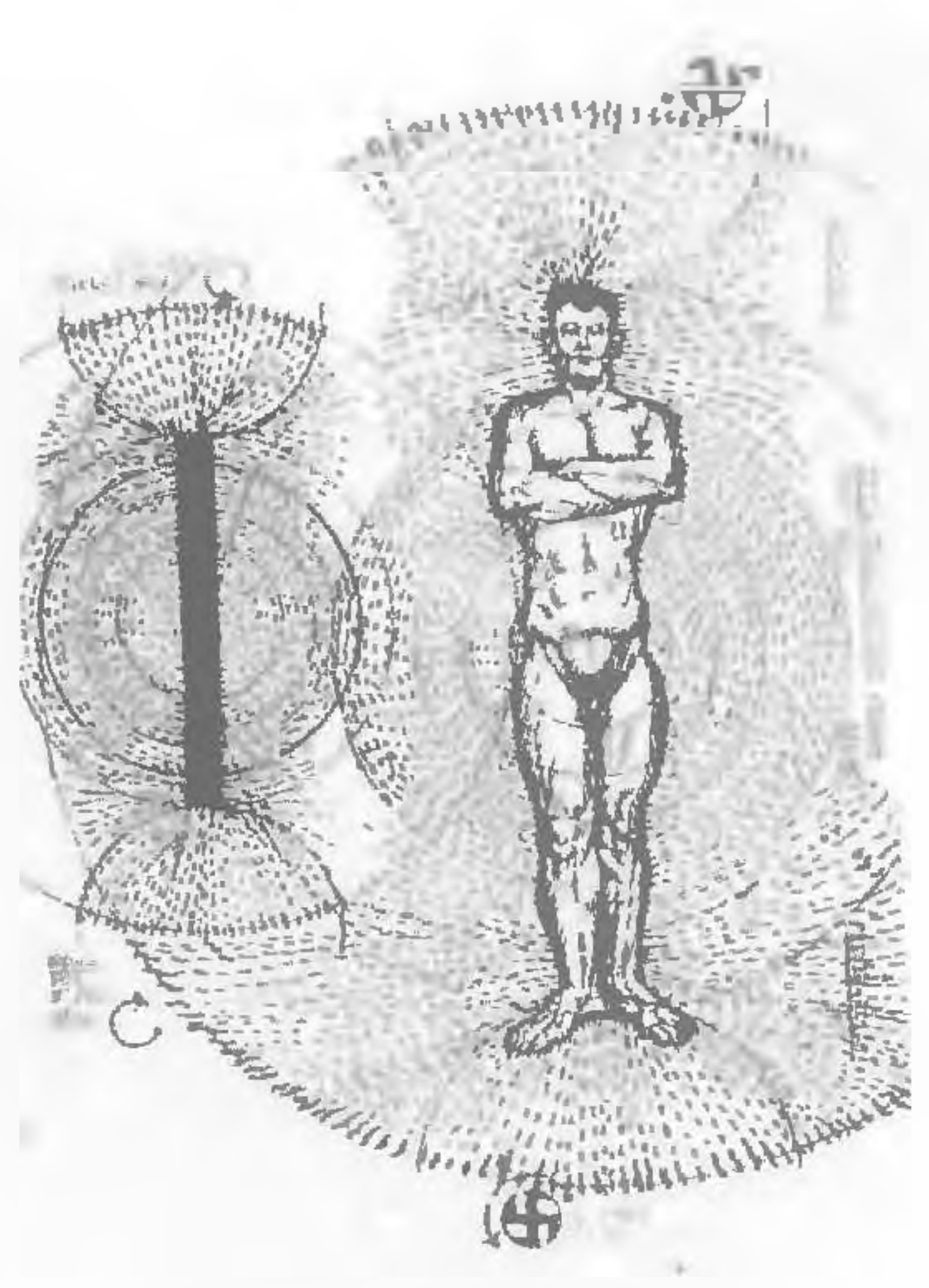
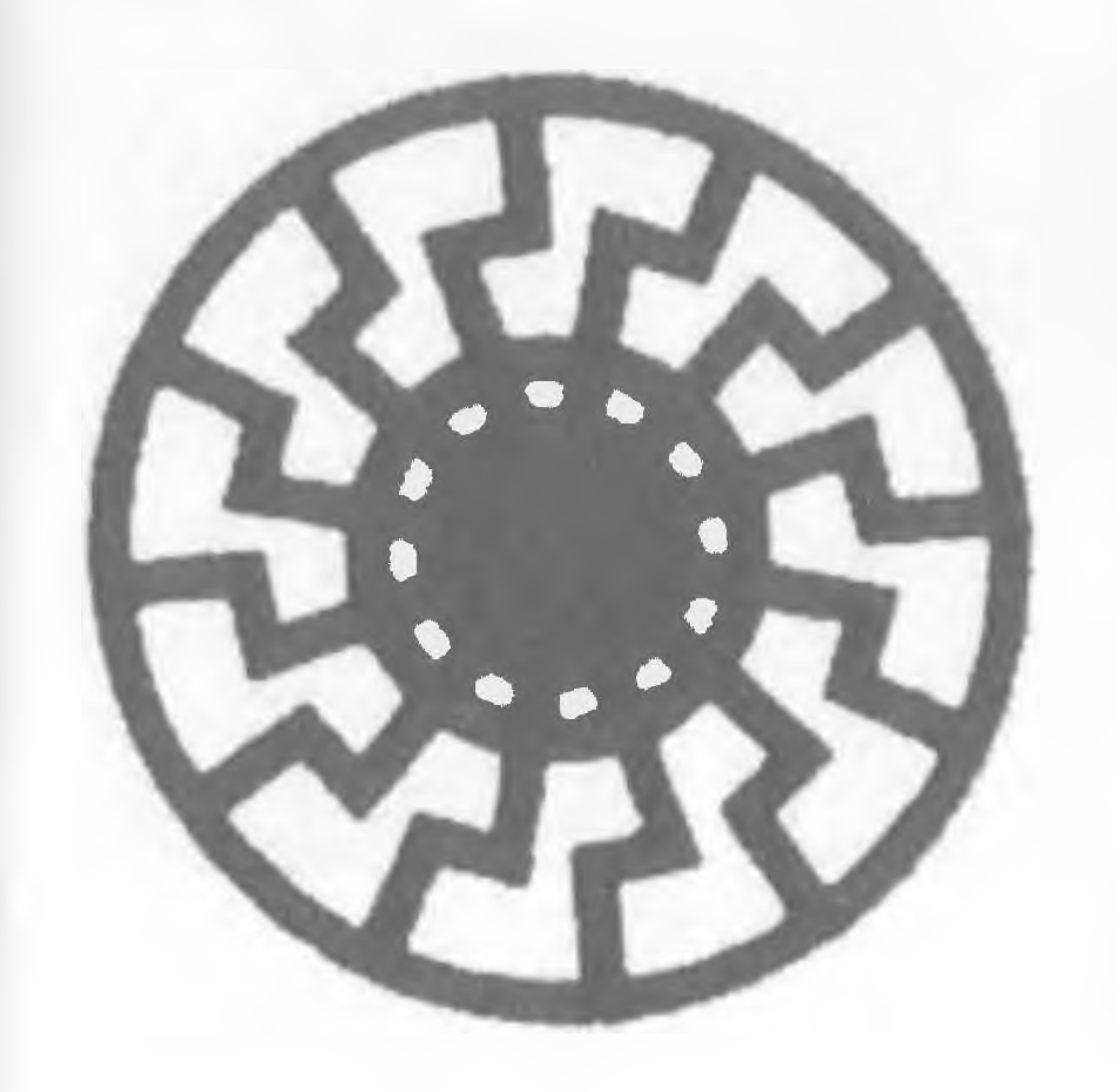
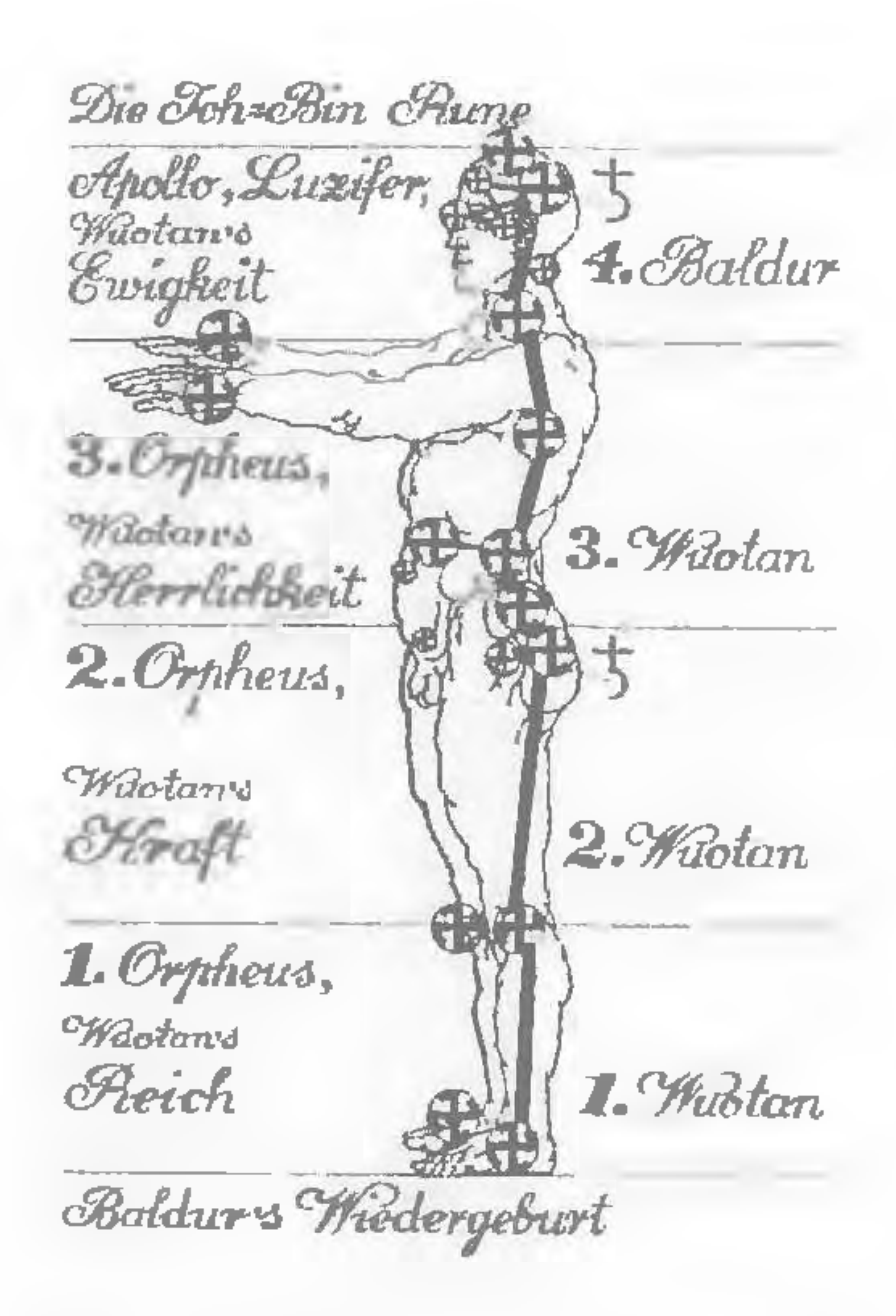


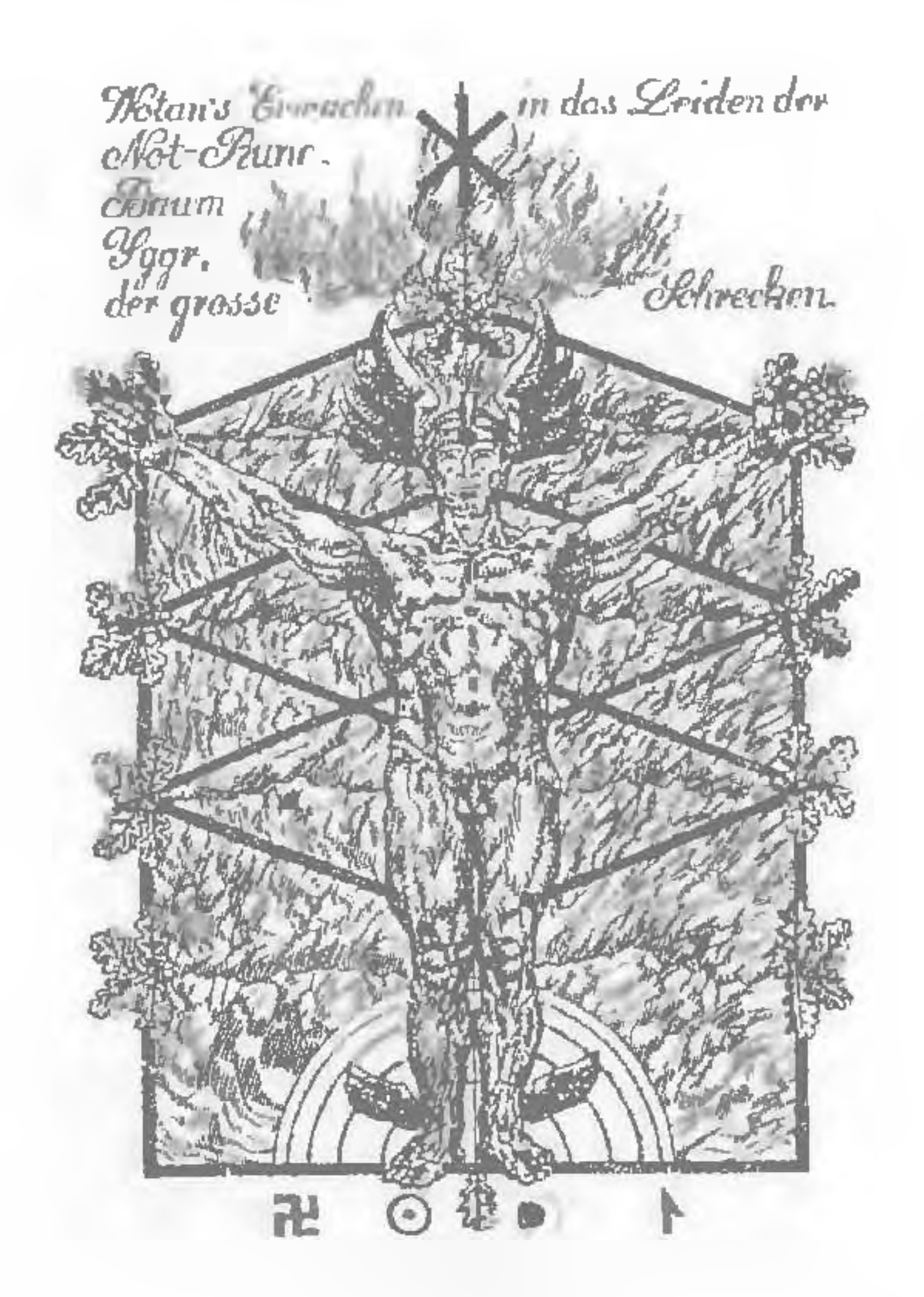
Рисунок фон Шемма, изображающий силу Од, исходящую от человека.



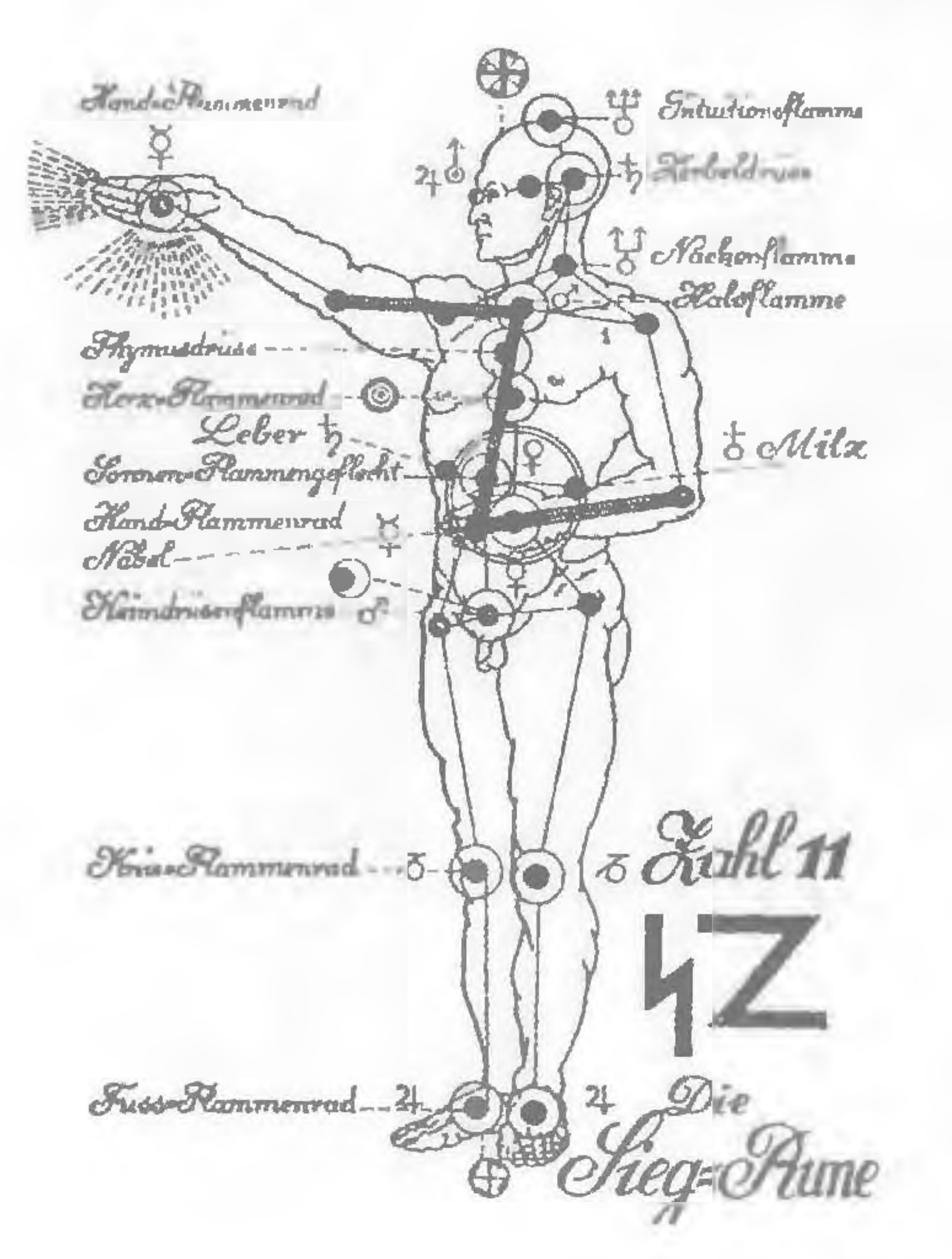
Символ «черного солнца».



Гравюра фон Шемма, изображающая обряд возрождения Бальдра.

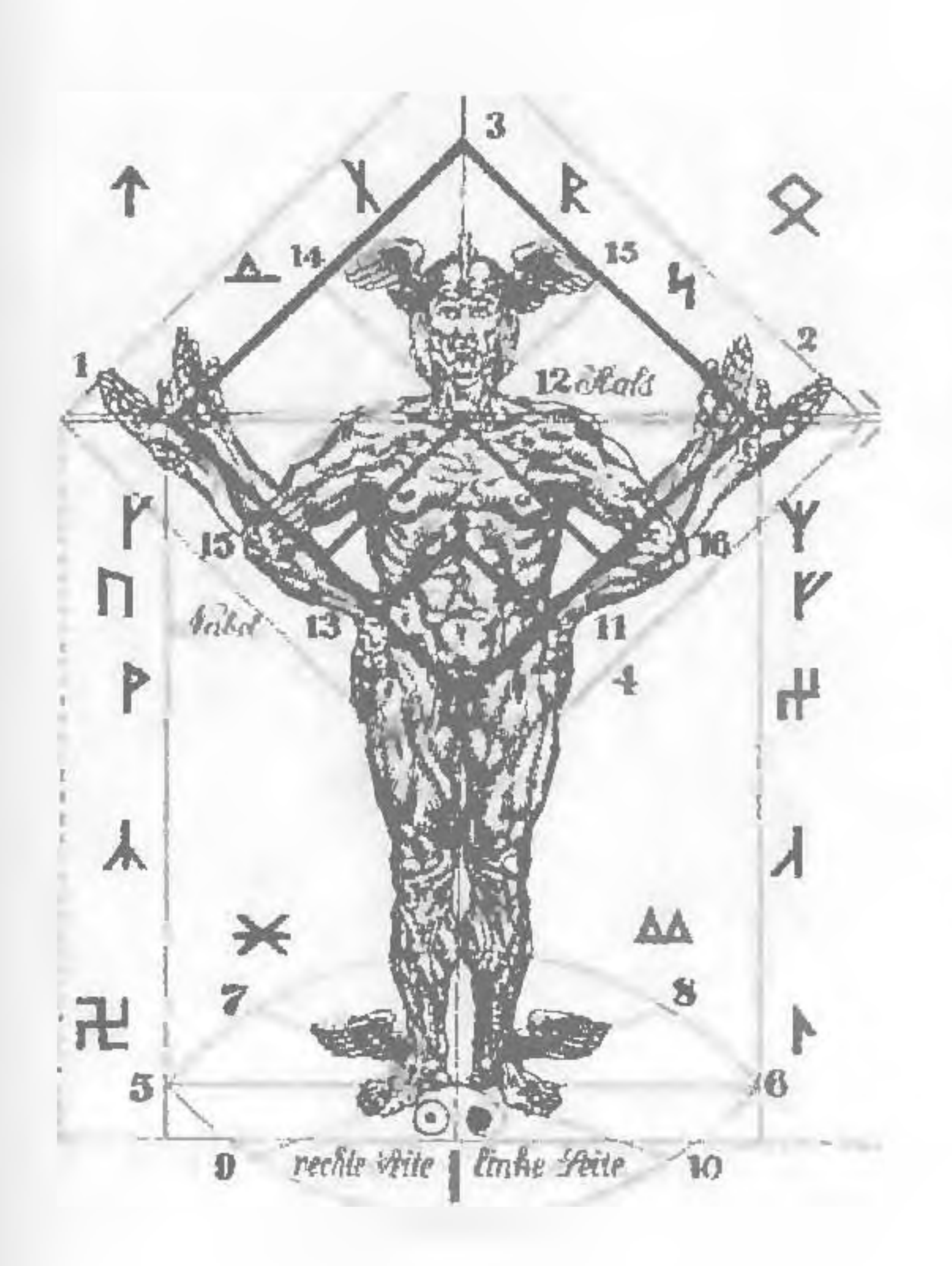


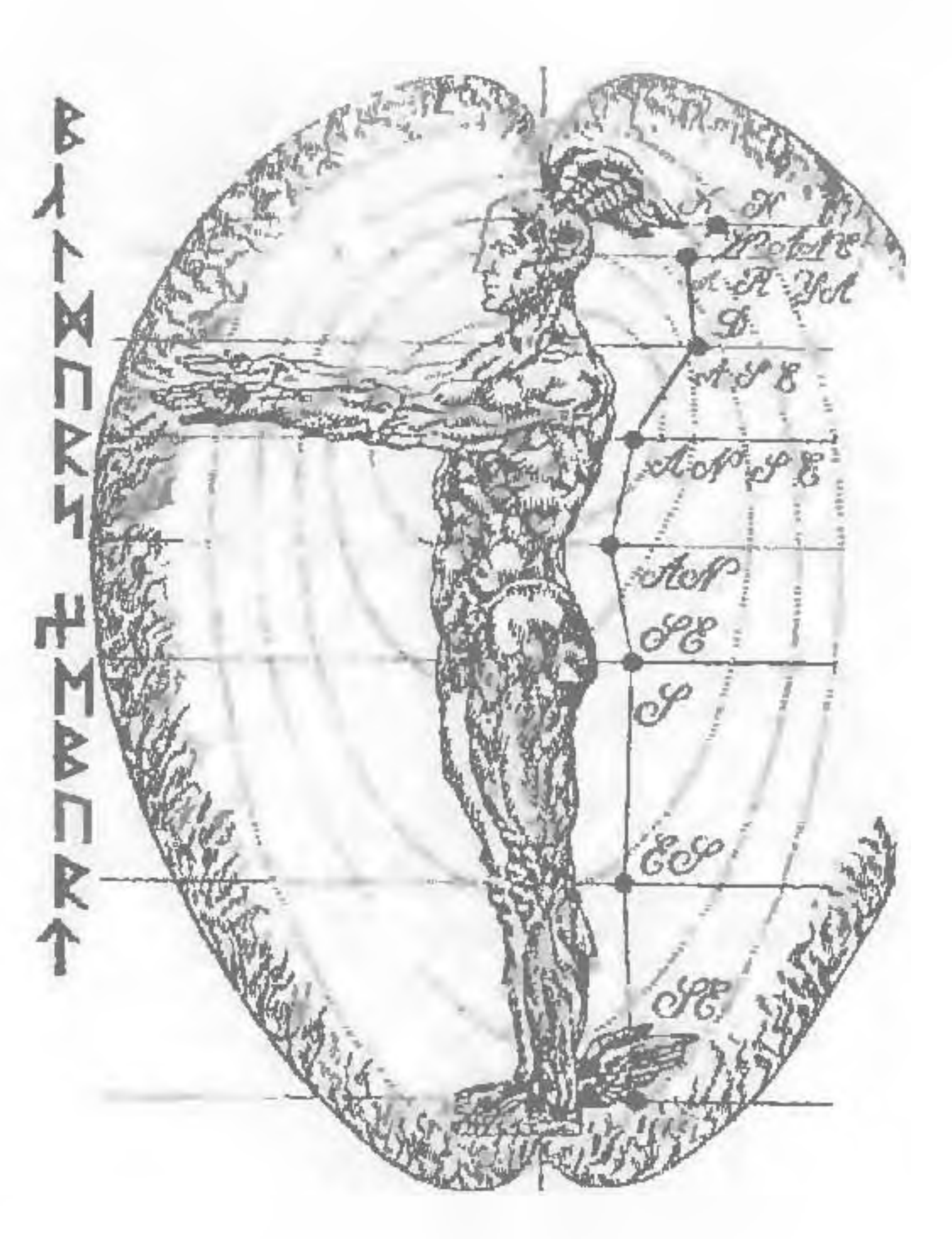
Гравюра фон Шемма, изображающая постижение истины через ужас и страдания.

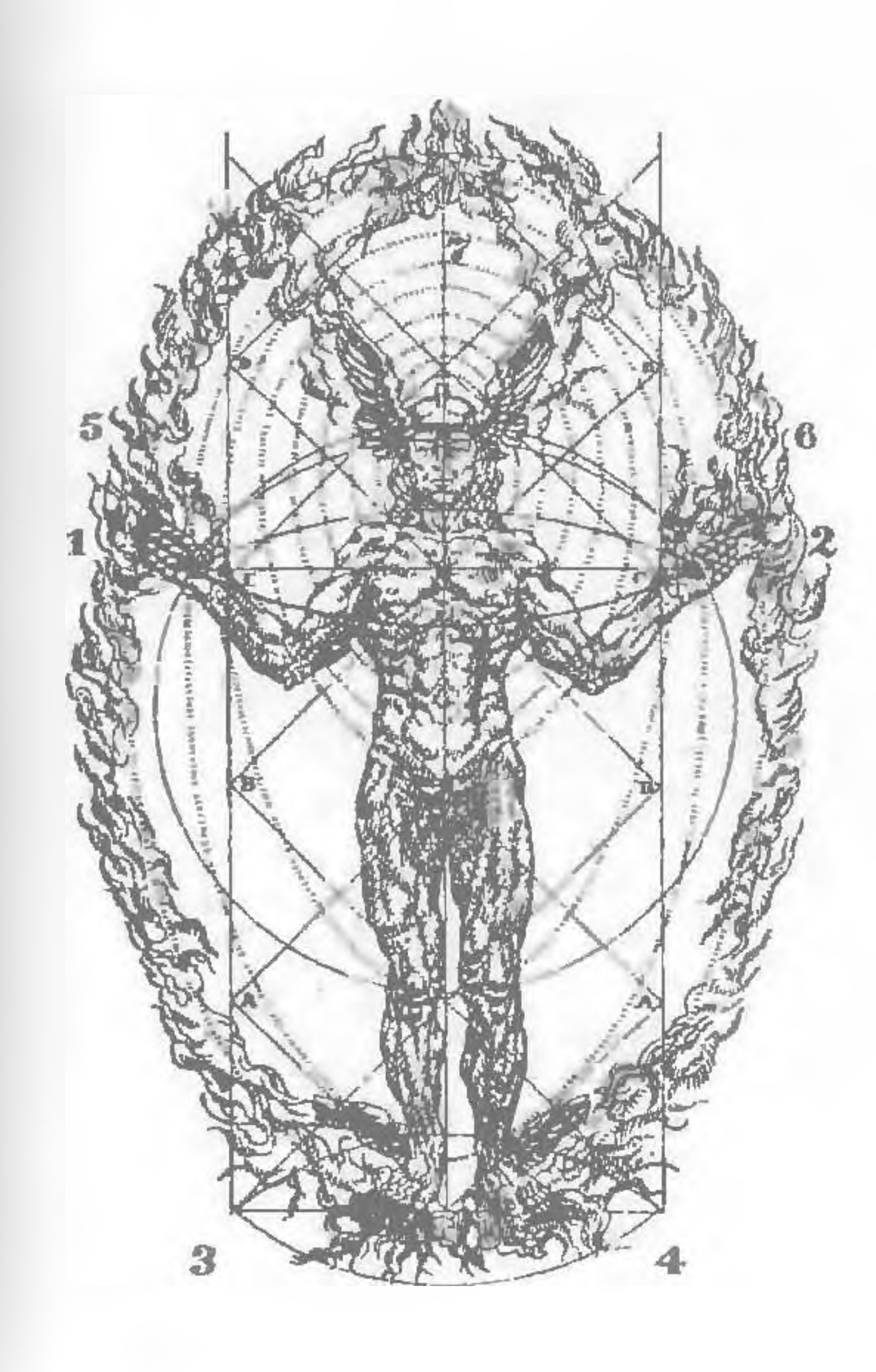


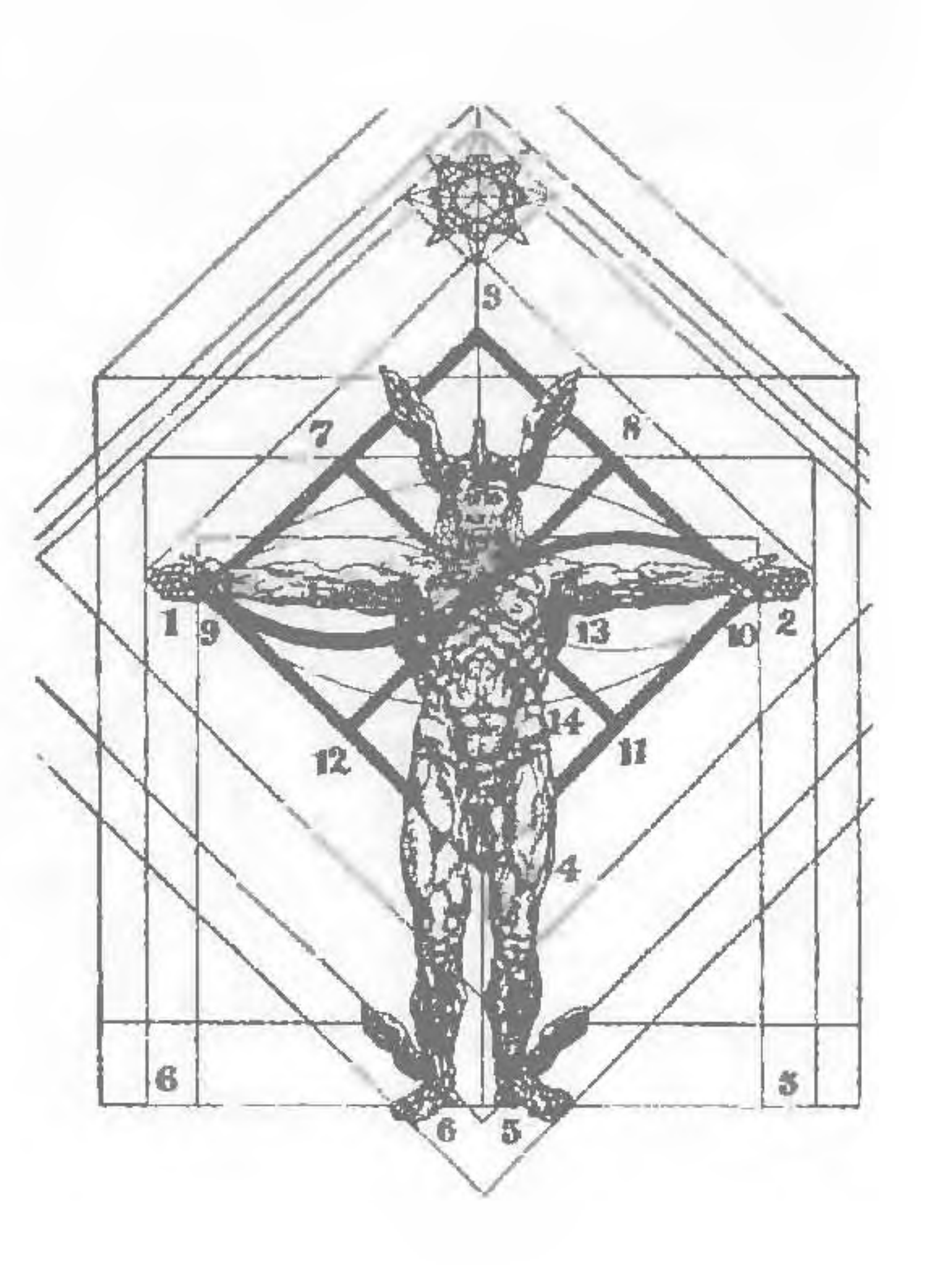
Гравюра фон Шемма, изображающая постижение руны Зиг.

Гравюры Вольфганга фон Шемма.









Magengrube
Wille, Vernunft
Intuition, Atem
Kupfer
VENUS
Wille
Geistiges
Element
Erde,
Trockenheit
Erbanlage
WOTAN: HÄNDE, FINGER
Das ist der Daumen

Das Ahnenerbe

München, den 29. September 1940.

An den

Reichsgeschäftsführer des "Ahnenerbes",

Berlin - Dahlem

Pücklerstrasse 16.

Mit Schreiben vom 26. September 1940 hat sich Professor Dr. Julius Andree an mich gewandt und u.a. die Anfrage gestellt, ob eine Mitarbeit seinerseits beim "Ahnenerbe" möglich oder erwünscht wäre und unter welchen Bedingungen er eventuell Mitglied des "Ahnenerbes" werden könnte. Da ich mich dunkel entsinne, dass das "Ahnenerbe", ich glaube bei den Externsteinen, schon einmal mit Professor Andree zu tun gehabt hat, bitte ich um ausführliche Stellungnahme.

Heil Hitler!

[illegible]

Ich füge den hier befindlichen Vorgang in Sachen Prof. Andree zur Durchsicht und Kenntnisnahme bei. Die daraus ersichtlichen Feststellungen genügen meiner Ansicht nach schon, um den Wünschen von Prof. A. nicht entsprechen zu können. Vorgänge über die Tätigkeit von Prof. A. an den Externsteinen [illegible] stehen mir nicht zur Verfügung. Die Entfernung Prof. A. von der Grabung Externsteine geschah m.W. auf ausdrückliche Anordnung des Reichsführer-SS. Es müsste deshalb auf jeden Fall der Reichsführer-SS zu dem Antrag Prof. A. befragt werden, falls er in einem positiven Sinne behandelt werden soll.

F.d.R.

SS-Hauptsturmführer

Письмо из недр Аненербе, в котором рассматриваются ритуальные перспективы Экстернштайна.

Письмо Гастона де Менгеля, адресованное Вилигуту, в котором речь идет о «черном центре».

Berlin SW 11, den [illegible] April 1935.

Prinz-Albrecht-Str. 8.

...sf-Adjutantur

...-Nr. A/ 2916

An

SS-Obersturmführer von K n o b e l s d o r f f,

Reichsführer-Schule-SS,

Burg W e w e l s b u r g i/W.

Mit besten Dank bestätige ich den mir durch Oberführer W e i t h o r übersandten Bericht des Herrn F r i c k e über Externsteine vom 31.März 1935.

Da ich selbst auf der Tagung in Detmold und vorher genau über den Gang der Ereignisse unterrichtet war, sind die Befürchtungen des Herrn Fricke gegenstandslos. Es ist schon seit längerem Vorsorge getroffen, daß den Gegnern unseres Vorhabens an den Externsteinen kein Erfolg beschieden sein konnte. Ich bin aber trotzdem sehr dankbar, daß allerseits ein wachsames Auge auf diese Dinge gerichtet wurde. Das ist jedenfalls besser, als wenn etwas vergessen wird.

Heil Hitler

Zu den Akten

Письмо, направленное эсэсовским чином в замок Вевельсбург относительно мистической значимости Экстерништайна.

Der Reichsführer SS

Tgb.Nr. [illegible]
Brs/[illegible]

Berlin SW 11 den [illegible] 1.1937

An das
Deutsche Ahnenerbe e.V.
SS-Untersturmführer S i e v e r s

B e r l i n C 2
Brüderstr.29

Von Ihrem Schreiben vom 18.12.36 sowie von der beigelegten Abschrift des Briefes des Prof. Reinerth an Herrn Fricke vom 11.12. habe ich Kenntnis genommen.

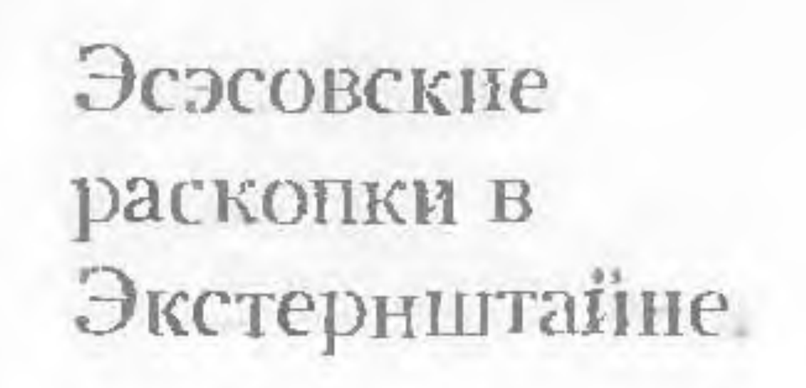
Ich bitte, Herrn Fricke mitzuteilen, er möchte Herrn Prof. Reinerth antworten, dass ich vorläufig jede öffentliche Diskussion über die Externsteine verboten habe, bis eine sachliche Sichtung des vorhandenen Materials und wohl Monate, vielleicht Jahre beanspruchende Arbeiten wie Flurnamenforschung in der Umgebung, Sagenforschung und Ähnliches durchgeführt sind.

H e i l H i t l e r !

Deutsches [illegible] erbe Eingang
Nr. [illegible] 14 Jan [illegible]
Anlage

Письмо Гиммлера, направленное в Аненербе, в котором предлагается изучить перспективы сотрудничества с Вильгельмом Тойдтом.

Вход в эсэсовский комплекс «Экстерн-штайн». Над воротами висит табличка «Соблюдайте тишину в святыне предков».



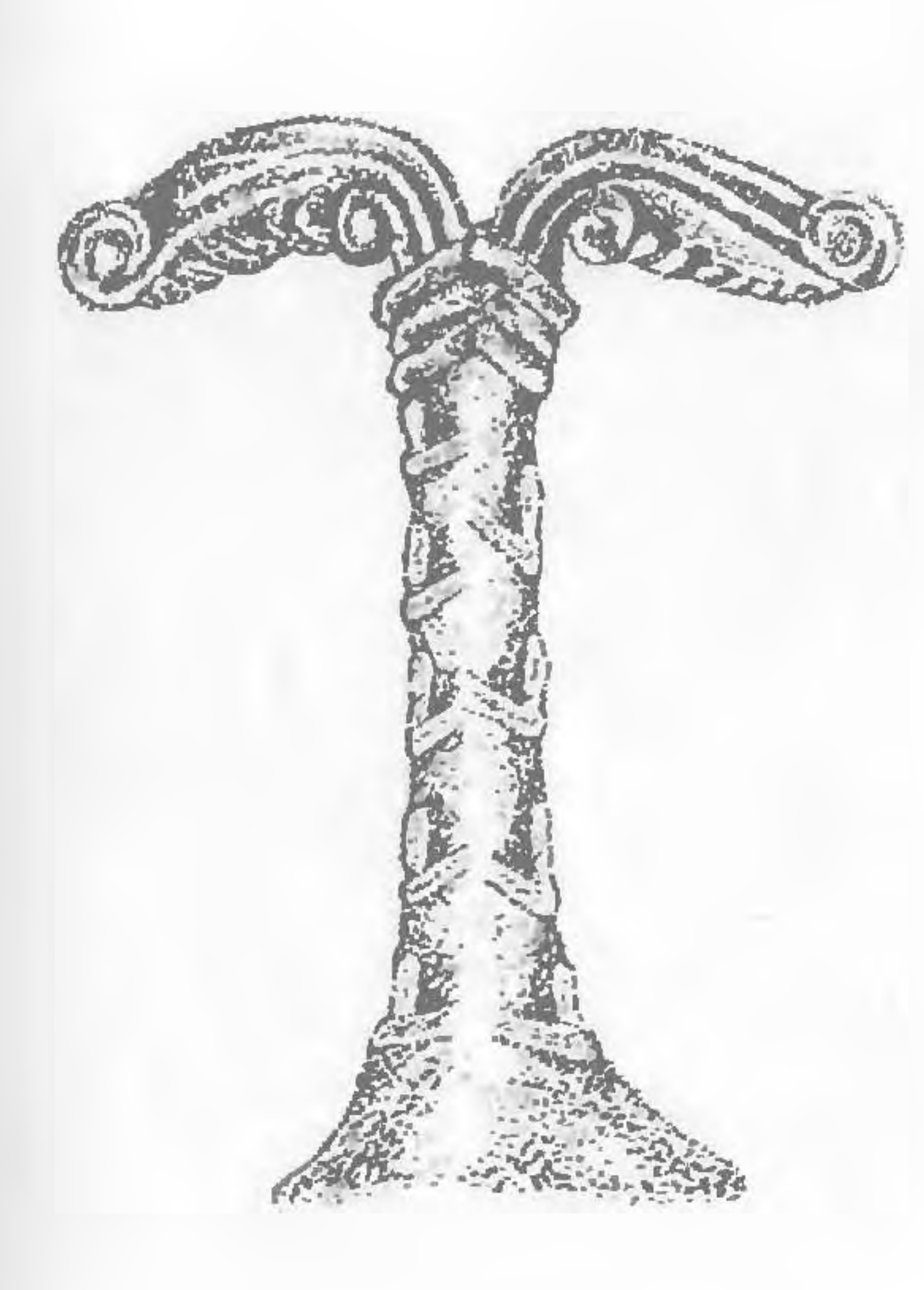
Эсэсовские раскопки в Экстернштайне.

Вильгельм Тойдт, открывший Германии Экстернштайн.

Оскар Зуферт, один из сподвижников Вильгельма Тойдта.

Министр обороны Бломберг во время посещения Экстернштайна.

Замок Миттерзилль, в котором руководство «Наследия предков» расположило Институт Центральной Азии и экспедиций.



Ирминсул, древняя германская святыня, являвшаяся неким символом ирминизма, позже ставшая символом Аненербе.

Нагрудный значок сотрудников Аненербе, выполненный в виде Ирминсула.

Ниша с алтарем, расположенная на вершине Экстернштайна.

Геомантическая схема, иллюстрирующая исключительную важность Экстернштайна.

Стела в виде Ирминсула, установленная нацистами в 1938 году у подножия Экстернштайна.

Бегер делает маску с лица тибетца.

Общий вид Экстерн-штайна.

Ночной ритуал в Экстернштайне. На вершине скал отчетливо видны три таинственных огня.

Эрнст Шефер во время восхождения на Тибет.

Эрнст Шефер и кинооператор Краузе снимают тибетские ритуалы.

Бруно Бегер делает замеры в Тибете.

Афиша фильма «Тайны Тибета».

Фотоснимок тибетского ламы, сделанный Э. Шефером во время тибетской экспедиции 1938 года.

Бруно Бегер замеряет черепа у тибетцев. Кадры из фильма «Тайны Тибета»

Открытка с изображением ритуального мемориала Танненберг.

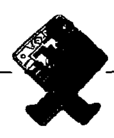
Эрнст Шефер во время тибетской экспедиции.

Свен Хедин, один из руководителей Института Центральной Азии и экспедиций, существовавшего в рамках Аненербе.

Медальон с «черным солнцем», очень популярный в настоящее время у правых европейских эзотериков.

Мигель Серрано, создатель эзотерического гитлеризма.

Парижская штаб-квартира общества «Полярис».



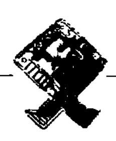
план. «Объединение друзей» оказалось оттертым от правительственной кормушки более покладистыми и агрессивными исследователями-дилетантами. Впрочем, Тойдт был благодарен новой власти хотя бы за то, что она начала расправляться с его старыми противниками, «окопавшимися» в академической среде.

После того как руководство «Объединения друзей германской праистории» убедилось, что ему не приходится рассчитывать на значительное финансирование от новой власти, был предпринят очень хитрый шаг. Вильгельм Тойдт учредил фонд «Экстернштайн». Произошло это событие 1 апреля 1934 года. Появление фонда фактически уравнивало в правах различные официальные структуры и их функционеров. В составе попечительского совета оказались и местный гауляйтер Майер, который был «избран» почетным Председателем, и представитель земельного правительства — Опперманн, и бургомистр Детмольда — Хёрн. Примечательно, что ни в составе правления фонда, ни в составе попечительского Совета не оказалась ни одного представителя конкурирующих «фёлькише» объединений, также претендовавших на изучение Экстернштайна.

Не было на учредительном собрании фонда и представителей структур, курируемых Розенбергом. Видимо, он просто не проявил интереса к новой структуре. Зато в правлении фонда «Экстернштайн» оказался Генрих Гиммлер. Рейхсфюрер СС не просто заинтересовался организацией Тойдта, но даже лично прибыл на учредительное собрание. Долгое время оставалось непонятным, по какой причине Тойдт пригласил его в состав правления. Может быть, он хотел приобрести могущественнейшего покровителя, который оберегал бы его от нападок ученых-профессионалов? Но Гиммлер тогда не обладал властью, которая пришла к нему после «ночи длинных ножей». Может быть, Тойдт руководствовался и другими соображениями? Имеется машинописный экземпляр Устава фонда «Экстернштайн», который датирован 31 марта 1934 года. Так вот, в этом документе имеется рукописная вставка, которая говорит о вхождении рейхсфюрера СС в правление фонда. Но тогда возникает

новый вопрос: почему фигура общегерманской величины оказалась в окружении деятелей регионального масштаба? Может быть, региональные нацистские функционеры, видевшие в Гиммлере руководителя элитарной организации, который имел прямой выход на Гитлера, хотели решить через рейхсфюрера какие-то свои проблемы? Ответ на этот вопрос скорее всего так и остался бы загадкой, если бы не нашлись документы, которые описывали визит Гиммлера в Детмольд, который проходил весной 1934 года. В ходе визита, как и полагается в соответствующих случаях, была подготовлена определенная культурная программа. Она предусматривала, в том числе, посещение Экстернштайна. Во время осмотра скал рейхсфюрера СС ознакомили с наработками Вильгельма Тойдта. Гиммлер тут же проявил к ним повышенный интерес. Он высказал намерение помочь Тойдту в реализации его планов. Именно после этого события в уставе фонда «Экстернштайн» появилась рукописная дописка, согласно которой рейхсфюрер СС был введен в правление этой организации. Ни сам Тойдт, ни местные власти поначалу даже и предположить не могли, что такая значимая фигура заинтересуется их начинаниями. Впрочем, Вильгельм Тойдт сразу же оценил выгоду от этого знакомства. Не прошло и нескольких дней, как в личном штабе рейхсфюрера СС появились все выпуски журнала «Германия» и книги Тойдта с дарственной надписью. Говорят, Гиммлер изучил их от корки до корки.

Собственно говоря, на учредительном собрании фонда «Экстернштайн» Гиммлер был «свадебным генералом», но даже это скромное событие не прошло мимо Розенберга, который очень ревниво относился к вопросам древней истории, считая их исключительно своей компетенцией. Появление Гиммлера в правлении фонда существенно затрудняло попытки Розенберга и Ганса Рейнерта унифицировать «Объединение друзей германской праистории». Наличие Гиммлера в правлении фонда позволяло ему не только вмешиваться в деятельность организации, но и в определенной мере контролировать сами изыскания, связанные с Экстернштай-



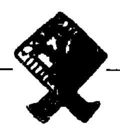
ном. 15 месяцев спустя Гиммлер присутствовал при рождении другой организации — «Наследия предков» (Аненербе). Впоследствии судьба тесно свяжет Тойдта именно с «Наследием предков».

О том, что присутствие Гиммлера в руководстве фонда было очевидным выигрышным шагом, Тойдт понял несколько недель спустя, когда рейхсфюрер СС стал шефом прусской полиции и гестапо, а служебные функции СС были значительно расширены. Становилось ясно, что покровительство над Экстернштайном взял не просто какой-то партийный бонза, а один из самых влиятельнейших людей в Третьем рейхе. В этой ситуации Розенберг и его доверенное лицо Рейнерт решили перейти к более активным действиям. Они направили руководству «Объединения друзей» сообщение о том, что ему надлежало подумать о ближайших планах сотрудничества. Тойдт, который долгое время не мог найти поддержки у властей, естественно, обрадовался такому предложению. Он полагал, что Розенберг осуществлял волю фюрера. Тойдту было невдомек, что за кулисами Третьего рейха шла активная возня, более известная как «борьба компетенций».

Радость, недолгое время царившая в руководстве «Объединения друзей», вскоре сменилась разочарованием. Рейнерт предпочитал контачить с профессором Юлиусом Андрее, тем человеком, который возглавил небольшие археологические раскопки в Экстернштайне, перейдя дорогу Тойдту. Со временем многие члены кружка Тойдта стали воспринимать Рейнерта не просто как представителя новой власти, а как академического ученого, который ни при каких условиях не мог быть дружественным «Объединению друзей германской праистории». Настороженное отношение сменилось оправданными опасениями, что «Объединение друзей» может вообще исчезнуть. Рейнерт откровенно требовал от Тойдта, чтобы все члены его организации вступили в «Союз борьбы за немецкую культуру». Но подобный шаг мог значить только одно — Тойдт не только терял своих сторонников, которые растворялись в общей массе, но и не мог высказывать свои идеи, так как должен был подчиняться

партийной дисциплине. Раздражение стало расти, когда в дело вступил Розенберг, который начал оказывать давление на Тойдта по партийной линии. Гауляйтер Майер открытым текстом требовал от ученого-дилетанта смириться с возможной унификацией. И тут сыграла свою роль «политическая недальновидность» Тойдта. Он всячески противился унификации. «Объединение друзей» оказалось не такой простой добычей, как сначала казалось Рейнерту и Розенбергу. Рейнерт, поднаторевший во внутрипартийных интригах, нередко прибегал к откровенным доносам. В числе пострадавших от подобных доносов оказался и профессор Андрее, в лице которого Тойдт нашел неожиданного союзника. Ни Тойдт, ни Андрее не горели желанием быть рядовыми исполнителями в «Союзе борьбы за немецкую культуру». К тому же их сблизило то, что поначалу поссорило — интерес к Экстернштайну.

Наверное, и Тойдт, и Андрее оказались бы подчиненными Рейнерту, если бы в дело не вступил Генрих Гиммлер. Он всегда недолюбливал догматика Розенберга и его ставленников. К тому же в планы рейхсфюрера, просто одержимого мистикой и древней историей, никак не входила перспектива утерять контроль над Экстернштайном. Если верить источникам, он взял патронаж над этими окутанными легендами скалами едва ли не с 1934 года. Но к раскопкам, проходившим в тот год в Экстернштайне, он почти не имел отношения. Это не мешало проявлять ему едва ли не отцовскую заботу. Не удивительно, что первые археологические находки профессор Андрее отнес не Рейнерту, а штурмфюреру СС Кнобельсдорфу. Этот эсэсовский чин тут же отрапортовал адъютанту Гиммлера: «Поскольку средства земельного правительства почти исчерпаны, то существует опасность, что в высшей степени интересные раскопки в Экстернштайне могут быть приостановлены». Гиммлер дал указание найти необходимые средства для изучения Экстернштайна. Удивительный факт: в тот же день Гиммлер направил еще одно письмо, в котором предлагал передать в собственность СС замок Вевельсбург. Случайность или закономерность? Не-



известно, но в сентябре 1934 года Гиммлер ясно дал понять, что проявляет повышенный интерес к Экстернштайну и Вевельсбургу — объектам, которым было суждено стать главными эсэсовскими святынями.

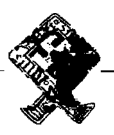
Подробности помощи, оказанной Гиммлером в деле изучения Экстернштайна, приводились в одной из детмольдских газет. Там была опубликована заметка «Гиммлер в Экстернштайне. Осмотр исторического места вместе с профессором Андрее». В заметке сообщалось, что местные власти придавали визиту рейхсфюрера СС огромное значение. Один из партийных бонз, находившийся в это время в больнице, даже специально покинул палату, дабы лично приветствовать главу «охранных отрядов». В итоге Гиммлер распорядился передать в распоряжение археологов два шторма из состава 72-го штандарта СС. Сам же Гиммлер с нескрываемым интересом осмотрел гроты Экстернштайна и раскопы, располагавшиеся рядом со скалами. Всего же рейхсфюрер провел в Эсктернштайне около 4 часов. А вот один забавный факт. Об археологических находках Гиммлеру рассказывал один из соратников Тойдта, а вовсе не академический ученый. Кстати, дата визита Гиммлера в Экстернштайн (22 сентября) была тоже далеко не случайной. По местной традиции здесь проводилось поминовение экипажа подводной лодки U-9, вступившей в неравный бой с английским флотом в самом начале Первой мировой войны. Это указывает на то, что немцы уже в первые годы нацистской диктатуры воспринимали скалы Экстернштайна как некое культовое сооружение.

1935 год для «Объединения друзей германской праистории» начался с мрачных новостей. Стало известно, что земля Липе будет включена в состав Вестфалии. Затем пришло сообщение, что прусский министр культуры и образования назначил ответственным за охрану природных памятников Августа Штирена. Это никак не входило в планы Тойдта, который надеялся, что на этом посту окажется профессор Андрее. Судьба Экстернштайна стала заложницей преобразований, проходивших в стране. К этому добавлялись не-

приятности, доставляемые Гансом Рейнертом, который посредством Министерства воспитания всячески мешал планам Тойдта.

Помощь, оказанная Гиммлером, оказалась фактически бесполезной зимой 1934 — 1935 года, так как раскопки были временно законсервированы. Но в Детмольд приходили не только мрачные слухи. В частности, молва говорила, что позиции Рейнерта сильно покачнулись и что в ближайшее время Имперское министерство воспитания станет союзником Гиммлера. Но самым обнадеживающим слухом было сообщение о том, что Имперский министр воспитания собирался передать раскопки всех доисторических памятников ведомству Гиммлера. Все это подталкивало Вильгельма Тойдта искать личные контакты с Гиммлером. Эта встреча состоялась в конце февраля 1935 года. Беседа была в основном посвящена перспективам создания в Детмольде специального эсэсовского учреждения, которое бы занималось изучением древней историей. Но тематика этого недолгого разговора не ограничивалась обсуждением служебных перспектив. Тойдту удалось обсудить значение Экстернштайна. Гиммлера откровенно порадовало, что Тойдт не возражает против сотрудничества с СС. Но при этом рейхсфюрер СС сделал одно очень важное замечание. Он подчеркнул, что в его личном штабе ***недопустимо пагубное влияние идей Гвидо фон Листа.*** На прощание он ободрил Вильгельма Тойдта, заявив, что в будущем национал-социалистическое государство уделит Экстернштайну самое пристальное внимание.

Поначалу участие СС в деле изучения Экстернштайна было незаметным. Например, приверженец идеи Тойдта, Фриц Фике, работавший гидом по гротам скал, суммировал свои наблюдения и отсылал их наверх. Получателем этой информации был не кто иной, как Карл Мария Виллигут! Виллигут обрабатывал полученные сведения и отсылал их обратно в Детмольд унтерштурмфюреру Прехту. У самого Тойдта явно не хватало специалистов, чтобы начать планомерную работу. Привлекать их из академических кругов было рискованно. Ученые-профессионалы могли не оставить камня на



камне от его построений. Кстати, с подобной проблемой сталкивался и Рейнерт. Но последний начал сдавать позиции: он явно не выдерживал войны на два фронта, против серьезных ученых, с одной стороны, и дилетантов, поддерживаемых СС, с другой.

В апреле 1935 года Рейнерта ждал неприятный сюрприз. Ученые из Немецкого археологического института и так называемой «Римско-германской комиссии» вместе с эсэсовцами начали активную кампанию по его дискредитации. Под сомнение ставились любые наработки, начатые Рейнертом в деле изучения Экстернштайна. Конфликт вышел на общеимперский уровень. По мере того как от Рейнерта отворачивались его коллеги и сотрудники, СС все активнее закреплялись в сфере доисторических исследований. Весной 1935 года Александру Лангсдорфу, советнику Гиммлера по вопросам древней истории, удалось наладить контакты со многими немецкими учеными. После соответствующей беседы с Гиммлером Лангсдорф начал налаживать отношения с учеными из рейнской области, к которой примыкал Детмольд. Он обещал им всевозможную поддержку со стороны СС. Несколько дней спустя Гиммлер подтвердил свои намерения относительно участия СС в доисторических изысканиях. При этом он достаточно ясно дал понять, что его ведомство интересует не столько сама древняя история, сколько культовые сооружения древности. Но это, по словам рейхсфюрера СС, не должно было уменьшать научной значимости предполагаемых исследовательских проектов. Для обсуждения будущих планов Гиммлер встретился с немецкими учеными-историками. В беседе он дал понять, что каждое историческое направление будет курироваться специальным эсэсовским подразделением. Рейхсфюрер СС не скрывал, что при помощи научных методов, присущих археологии и этнографии, он намерен создать специальную топографическую карту, на которой были бы отмечены особые культовые места. Гиммлеру удалось создать мощный блок, который противостоял Розенбергу и Рейнерту. В него входили не только соратники Тойдта, но и серьезные ученые, представители местных властей

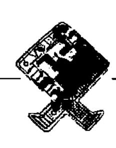
и Министерства воспитания. Планировать всю культовую и доисторическую работу пока было поручено Александру Лангсдорфу. Последнему удалось договориться, что многие специалисты по древней истории войдут в состав Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Первым эсэсовским ученым стал Вернер Буттлер, который в июле 1935 года проводил археологические раскопки близ городка Эрденбург.

Розенберга и Рейнерта подобное развитие событий никак не устраивало. Они решили прибегнуть к своей излюбленной тактике доносов. В многочисленных письмах, направленных в партийную канцелярию и другие структуры, они жаловались, что Розенберг, уполномоченный лично фюрером заниматься мировоззренческой работой, подвергается травле группкой интеллигентов, которые смогли закрепиться в СС. В некоторых из пасквилей звучали и вовсе смешные обвинений: де, вся научная работа, которую планировали вести СС, на самом деле руководилась либерально-католической реакцией! Используя собственные газеты, Розенберг яростно нападал на союзников Гиммлера, заявляя, что в науку проникли не немецкие элементы, которые высказывают идеи, подрывающие единство народного сообщества.

Впрочем, Гиммлера мало интересовали подобные нападки. Он четко осуществлял заранее намеченный план, и летом 1935 года было создано общество «Наследие предков». С этого момента древняя история неуклонно входит в компетенцию деятельности «Черного ордена». Поначалу Аненербе осуществляло свою деятельность по изучению Экстернштайна совместно с отделом RAIIIb Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Именно с лета 1935 года Экстернштайн превращается в место общенационального паломничества. Скалы буквально в одночасье превратились из исторического памятника в культовое сооружение. Интересный факт. К скалам Экстернштайна строго-настрого запрещалось подпускать евреев. Это мотивировалось тем, что они не могли осознать их значения для немецкого народа. Сами же скалы оказались обнесены

специальным забором, на дверях которого висела вывеска. «Соблюдайте тишину в святыне наших предков». Вся эта обстановка должна была подводить посетителей к мысли о том, что они принимали участие не просто в исторической экскурсии, а были причастны к некой религиозной церемонии. Кстати, когда стало ясно, что Экстернштайн окончательно перешел под контроль СС, недовольный Рейнерт стал использовать тактику, никак не преставшую ученому. Он начал направлять анонимки, в которых сообщалось, что Александр Лангсдорф — еврей. В ответ Лангсдорф обратился в эсэсовский суд чести и потребовал вызвать Рейнерта на его заседание. Ситуацию удалось замять, но самому Лангсдорфу пришлось от греха подальше отказаться от затеи курировать «мистические скалы». В итоге Тойдт наконец-то достиг долгожданного результата. С разрешения Гиммлера он мог проводить в Экстернштайне астрономические наблюдения, которые больше напоминали религиозный ритуал, а также справлять празднества летнего и зимнего солнцестояния.

Дальнейшее врастание кружка Вильгельма Тойдта в структуру СС произошло после того, как он передал «Наследию предков» права на выпуск учрежденного им журнала «Германия». Дело в том, что в 1935 году Аненербе не имело ни одного собственного печатного органа. Но для деятельности исследовательского общества газета была просто необходима. Более целесообразно было бы получить в свое распоряжение уже существующий печатный орган, который имел собственный круг читателей. После неудачных переговоров с издателями журнала «Нордический мир» руководство «Наследия предков» решило остановиться на ежемесячнике «Германия». В то время это издание фактически подчинялось Вильгельму Тойдту, популяризируя деятельность «Объединения друзей германской праистории», и освещало вопросы, касавшиеся Экстернштайна. Надо подчеркнуть, что в нем уже появлялись работы Г. Вирта и Й. Плассманна. Это обстоятельство было весьма важным для руководства Аненербе. «Германия» стала печатным органом «Наследия предков»,



так как находилась в крайне тяжелом финансовом положении. В декабре 1935 года был подписан договор, в котором значилось, что журнал издается совместно «Объединением друзей» и обществом «Наследие предков». Было назначено даже два редактора: главным редактором был Йозеф Плассманн, живший в Берлине, а вторым — Отто Зиффет, один из последователей В. Тойдта.

Первый номер «Германии», подготовленный двумя структурами, увидел свет в марте 1936 года. Несмотря на заверения Плассманна, что генеральная линия журнала не претерпит изменений, содержание журнала стало быстро преображаться. Однако «Германия» была и осталась рупором наивных исследователей в стиле архаичных «фёлькише». Одновременно с этим Аненербе пыталось превратить ряд местных «боевых листков» в общегерманские издания. Аненербе всячески превозносило националистический характер этих листков. Они должны были способствовать тому, чтобы представители «республики ученых» превратились в «национальных исследователей», своего рода прототип «народного товарища» национал-социалистического образца. То, что Аненербе стало ассоциироваться с журналом «Германия», объяснял дикий коктейль из примитивных представлений Гиммлера и мечтательности Вирта, выплеснутый на страницы этого издания. Вирт смог перетащить в Аненербе свою «свиту» дилетантов из числа читателей этого журнала, в котором он еще в 1928 году заявил о необходимости поддержки любительской науки.

Именно поэтому Плассманн был вынужден превратить «Германию» в образец национал-социалистической научной газеты, которая была бы интересна профессионалам и понятна любителям. Но подобный синтез вряд ли был возможен, так как профессионализм, как правило, исключал популярность. В результате «Германия» публиковала статьи непрофессионалов, которые были посвящены Генриху «Птицелову», германским князьям и немецким обычаям. Эти статьи говорили о необходимости приобретения всеми эсэсовцами юльских светильников, освещали деятельность эсэсовской фабри-

ки в Аллахе. Показательно, что если в журнале и публиковались специалисты, то малоизвестные.

Следующий шаг был просто неизбежен. На свое 75-летие Вильгельм Тойдт получил приглашение возглавить один из отделов «Наследия предков». После недолгого раздумья Тойдт дал положительный ответ. 18 января 1936 года он был назначен начальником учебно-исследовательского отдела германистики. Но подобное назначение было медалью, у которой была оборотная сторона. С одной стороны, Тойдт получил признание в обществе. Он даже получил должность профессора. Но с другой стороны, он был вынужден подчиняться эсэсовской дисциплине. Это выразилось хотя бы в том, что он должен был передать пост главы «Объединения друзей германской праистории» Вольфраму Зиверсу, организационному руководителю Аненербе. Кроме этого, он не мог выпускать никаких книг и статей, касающихся Экстернштайна, не согласовав их со своим начальством. Подобные строгости касались не только Тойдта. К примеру, в 1936 году рейхсфюрер СС строго-настрого запретил осуществлять несанкционированные исследования и публикации, посвященные Экстернштайну. Надзирать за этим, бесспорно, должно было Аненербе. Со временем «Наследие предков» выпустило несколько книг о «магических скалах». Некоторые из них напоминали учебник. Все эти книги одобрялись лично Гиммлером. Подобными «учебниками» снабжались едва ли не все эсэсовцы. Для них эти книги служили специфическим путеводителем (со временем посещение Экстернштӑйна, как и приобретение юльских светильников, было почти обязательным для офицеров СС).

Но эсэсовское руководство очень тонко учло психологию честолюбивого Тойдта. Ему было сделано несколько показательных реверансов. Мало того, что он был назначен начальником одного из отделов Аненербе, Гиммлер решил сменить символ этой организации. Начиная с 1936 года эмблемой «Наследия предков» становится белое изображение Ирминсула, размещенное на черном щите. Со

временем Ирминсул стал символом эсэсовского мистицизма. Остановимся на этом образе поподробнее.

Как уже говорилось выше, Мировое Дерево германских народов называлось Ирминсулом и оно, подобно Иггдрасилю, возносило свой верх высоко в эфир. Однако название Ирминсул относится лишь к стволу дерева и означает колонны Вселенной, которые поддерживают Всё. Три или четыре большие пути расходились от подножия Ирминсула в главные стороны света, напоминая корни Иггдрасиля. Есть версия, что название Ирминсул носили статуи богов, воздвигнутые на этих деревянных столбах. В доказательство этой версии Гримм цитирует древнего писателя:

> На ирменсуле стоял огромный идол,
> Его они называли своим торговцем.

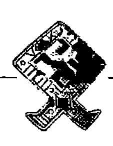
Иди другой отрывок:

> На ирменсул он взобрался,
> И весь земной народ ему поклонялся.

Это означало, что некоему индивидууму поклонялись как богу и, возможно, древние тевтоны поклонялись богу по имени Ирмин. Эта версия очень подробно развита в «Ирмин-саге» Карла Марии Виллигута. Сам же Гримм связывал идею выбора и святого дерева-ствола, а не столба, высеченного рукой человека, и говорил, что как образ переходит в понятие дерева, так и дерево переходит в этот образ. Подобный деревянный столб мы находим и в мифологии Древнего Египта. Каждый город или деревня этой загадочной страны поклонялись своему божеству, и эти божества проявлялись в форме некоего объекта, в котором они якобы обитали. Одним из них был бог города Деду, Осирис, которого представляли в виде деревянного столба, который таким образом стал отождествляться с ним. Сперва это был просто ствол дерева, лишенный листьев. Есть описание праздника, изображенного в Фиванской гробнице. Это был праздник возведения колонны Дед. Фараон начал праздник с предложе-

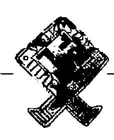
ния жертвы Осирису, «богу вечности», который был представлен в виде мумифицированной фигуры с колонной Дед на голове. Затем фараон при помощи родственников и жрецов устанавливал столб в вертикальное положение, что символизировало момент воскресения Осириса, и его позвоночник, века спустя представленный Дедом, опять стоял прямо. Позже этот столб стал символизировать четыре столба, поддерживающие небеса. В гробницах правителей часто находят объекты, напоминающие миниатюрные столбы с четырьмя горизонтальными балками наверху, зеленого, красного и синего цвета. Эти маленькие фигуры, известные как символы «дед», вешались на шею умерших, чтобы обеспечить им спокойный переход в иной мир и чтобы наделить их жизнью и силой. Эта святая эмблема Осириса Деду впоследствии использовалась в архитектуре и при изготовлении талисманов и амулетов. Дед и Ирминсул, кажется, были «объектами» того же рода, что и Амерах. Омахи Северной Америки имели «святой столб», который отождествлял Космическое Древо и был известен как таинственное дерево. Оно было центром четырех ветров и домом Громовой птицы.

Но вернемся к германцам. Виллигут однозначно указывал на то, что бог саксов Ирмин был связан с Мировым Столпом Ирминсул. Более того, согласно одной из халгарит Вайстора, именно на столпе был в свое время Бальдр Крестос. Согласно Виллигуту, общая концепция этого символа тесно связана и с ирминизмом, и с христианством. Для Вайстора мистерия Криста — это Архетип Пригвожденного Бога, Бога Умирающего и Возрождающегося, Бога Года, распятого на Оси-Ирминсуле. Так что для Гиммлера Экстернштайн и Ирминсул не были какими-то забавными историческими объектами. Это была полноправная часть его религиозного замысла, которая по сути сводилась к восстановлению ирминизма. Это не просто голословная версия. Если мы посмотрим на культовые места СС: Экстернштайн (Детмольд), Вевельсбург (Падеборн), гора Брюкен (Хамельн), Заксанхайн (Ферден-на-Аллере), место распятия Крестоса (Гослар), то обнаружим, что все они располагались на достаточно



небольшой территории. Именно той территории, которую Виллигут описывал как древний оплот ирминизма. Более того, выбор некоторых культовых мест был не случаен. В Германии существует множество замков, но Гиммлер остановился именно на Вевельсбурге. Есть версия, что этот замок был выбран именно потому, что он располагался на территории «ирминистского ареала».

Но вернемся к Вильгельму Тойдту. Все начало 1937 года прошло у него под знаком бесконечных споров и склок с руководством «Наследия предков». Упрямый старик никак не хотел подчиняться требованиям, предъявляемым к эсэсовцам. Эти разногласия подогревались гауляйтером Вестфалии Альфредом Майером, который настойчиво предлагал Тойдту возглавить исторические исследования в Детмольде. Вильгельм Тойдт не стеснялся в критике. Он дошел даже до того, что стал критиковать само устройство Третьего рейха. Как-то он заявил: «Фюрер-принцип хорош для почты или для армии, но отнюдь не для других дел. Имеется слишком много руководителей, которые ориентируются на фюрера, большей частью не решая никаких дел». В «Наследии предков» поначалу сквозь пальцы смотрели на причуды старика Но рано или поздно терпению Зиверса должен был прийти конец. Тойдт подвергал риску всю деятельность Аненербе, его одернули. В ответ Тойдт стал угрожать, что оставит пост руководителя отдела в «Наследии предков» и перейдет работать к Рейнерту. Конфликт чуть было не вышел наружу. Тойдт принял решение о вступлении «Объединения друзей германской праистории» в состав «Имперского союза древней истории», который возглавлял Рейнерт. Дело дошло до того, что брауншвейгский министр-президент Клагесс, являвшийся членом СС, вызвал к себе Рейнерта и в решительной форме потребовал прекратить попытки перетянуть к себе в структуру специалистов из «Наследия предков». 18 февраля 1937 года Вольфрам Зиверс решился на откровенную беседу с Вильгельмом Тойдтом. В ее ходе организационному руководителю Аненербе удалось убедить 77-летнего старика в неразумности его шагов. Зиверс в красках рисовал мрачные пер-



спективы пребывания Тойдта в организации Рейнерта. В данной ситуации Зиверсу не приходилось выбирать. «Объединение друзей» к началу 1937 года насчитывало более 1100 членов и могло стать самым сильным союзником Рейнерта. Выход объединения из состава «Имперского союза» наносил мощнейший удар по старому противнику Аненербе. Вольфрам Зиверс и Бруно Гальке решили напрямую обратиться к Гиммлеру, дабы ускорить процесс разрыва отношений Тойдта и Рейнерта. Но рейхсфюрер СС высказал противоположное мнение. Он предложил не спешить с решительными шагами. Возможно, он рассчитывал присоединить к «Наследию предков» весь «Имперский союз древней истории», а может быть, он не хотел терять своих агентов влияния в составе этой организации, которые регулярно доносили ему о планах Рейнерта.

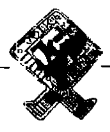
Тем временем Экстернштайн перестал быть исключительной компетенцией «Наследия предков». В начале 1937 года организация Рейнерта выпустила памятное издание «5000 лет Германии», в котором Экстернштайн изображался «святыми местами Новой Германии». Тойдт был польщен. Наконец-то его идеи были озвучены на всю страну.

Но Гиммлер не бездействовал. Он не хотел терять контроль над Экстернштайном. Пока шли аппаратные игры, рейхсфюрер СС предпринял несколько шагов. Переписка между Зиверсом и Гиммлером наглядно демонстрировала, что глава «Черного ордена» проявлял в это время самый повышенный интерес к «магическим скалам». Он даже отложил некоторые служебные дела, дабы лично контролировать некоторые свои начинания.

Одно из таких начинаний стартовало осенью 1937 года. Под контролем «Наследия предков» с 20 по 22 ноября 1937 года в Экстерншштайне работала группа специалистов из Минералогического института, осуществлявшего свою работу при Франкфуртском университете. Ученые, исследовавшие остатки рубил и резцов, произвели самое благоприятное впечатление на Зиверса. Во время осмотра Экстернштайна один из ученых обратил внимание на следы копоти,

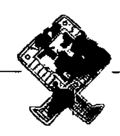
располагавшиеся во многих местах «священных скал». После этого исследователи из Франкфурта направили руководству СС письмо с просьбой сделать дополнительные пробы в местах, где наличествовала древняя копоть. Эти исследования могли позволить точно датировать дату ее появления. Без этих проб ученые были не в состоянии определить, появилась ли она в бронзовый или железный век. Комплексное изучение Экстернштайна могло позволить объяснить и предназначение рисунков и знаков, выцарапанных внутри некоторых скальных гротов. Они даже высказывали предположение, что рисунки были нанесены не традиционными кремневыми рубилами, а металлическими изделиями, которые могли служить первыми монетами.

Подобная перспектива приободрила Гиммлера. Рейхсфюрер СС дал Вольфраму Зиверсу поручение связаться с Немецким хранилищем золота и серебра, дабы то полностью профинансировало проведение исследовательских работ. Основанием для подобного шага были предположения, что ученые могли сделать новые революционные открытия в области немецкой нумизматики. Не меньший интерес Гиммлер, всегда увлекавшийся минералогией, проявил и к пятнам копоти. В начале декабря 1937 года он пишет письмо Зиверсу, в котором сообщает: «Я согласен с тем, чтобы в Экстернштайне были предприняты комплексные исследования... Появление копоти на скалах может иметь двоякую трактовку. Во-первых, это следы разрушения, которые остались на известняке. Вторую версию предложил бригадефюрер СС Вайстор. Уже давно утверждал, что огонь в определенной степени служил астрономическим целям. Он помогал отслеживать солнечные циклы, месяцы, а может быть, и дни». Гиммлер вспоминал также о своем посещении Экстернштайна осенью 1934 года. Тогда рейхсфюрер СС нашел место, которое очень напоминало очаг. Из этого наблюдения Гиммлер делал вывод, что скалы, возможно, были обитаемы еще с первобытности. Этим исследованиям было суждено начаться лишь в апреле 1938 года, когда руководство Аненербе окончательно смогло «обезопасить» Тойдта.



Вторым шагом, который предпринял Гиммлер, был временный переезд руководства «Наследия предков» из Берлина в Детмольд. Для осуществления этого проекта Гиммлер лично встретился с гауляйтером Майером. Соглашение было достигнуто почти моментально, после чего Освальд Поль, ведавший всеми хозяйственными делами в СС, отдал приказ о переселении Аненербе из Берлина в Детмольд. Все хозяйственные вопросы были решены едва ли не со скоростью света. В течение пары недель в Детмольде для «Наследия предков» было изыскано более 60 помещений общей площадью около 10 тысяч квадратных метров. Это были не только помещения библиотек и служебных кабинетов, но и мастерские, и даже выставочные помещения.

7 февраля 1938 года в Мюнхене состоялось заседание, на котором обсуждались проблемы Экстернштайна. В ходе беседы между партийными и эсэсовскими функционерами было высказано крайнее недовольство стилем работы Вильгельма Тойдта. Генрих Гиммлер принял к сведению высказанную критику, но не решился избавиться от престарелого исследователя. Судьба Тойдта была решена 20 февраля. В тот день на стол Гиммлера попало досье, собранное гестапо. Последней каплей, переполнившей чашу терпения рейхсфюрера, стали сведения относительно поведения Тойдта во время контактов с голландской «фёлькише»-группой «Вадерен Эрфдеель», которая активно сотрудничала с «Наследием предков» в деле изучения Экстернштайна. Оказалось, что и при личных встречах, и при переписке Тойдт высказывал резкую критику в адрес эсэсовского руководства. 25 февраля 1938 года Вильгельм Тойдт был исключен из «Наследия предков», вслед за ним последовал Вильгельм Кинкелин, член Президиума Аненербе. Но самая трагическая судьба ждала гида, осуществлявшего экскурсии по Экстернштайну. Несмотря на то что в течение многих лет Фриц Фрике был осведомителем СС, он был не просто лишен всех постов, но направлен в концентрационный лагерь. В самом Аненербе от наследия Тойдта все предпочли тут же откреститься. Такая ситуация наблюдалась и в



случае с Германом Виртом. Можно говорить, что именно с 25 февраля 1938 года Экстернштайн перешел под полный контроль СС. Впрочем, Тойдту было позволено проводить по скалам небольшие экскурсии и работать фотографом, снимая всех желающих на фоне «немецкой святыни». Начало Второй мировой войны привело к тому, что Экстернштайн был официально закрыт для публики. Появляться в скалах могли только сотрудники «Наследия предков». В годы войны в Экстернштайне даже перестали проводить праздники зимнего солнцестояния, которые проходили здесь каждый сезон, начиная с 1935 года.

Дальнейшее развитие Экстернштайна планировалось начать после окончания Второй мировой войны. В планах Гиммлера было открыть здесь гигантский музейный комплекс, где были бы и гостиницы, и рестораны, и несколько музеев. В музеях должны были выставляться предметы старины. Гостиницы и места питания должны были быть оформлены в стиле раннего Средневековья. Каждый поселившийся в гостинице должен был получать буклет об Экстернштайне, который мог служить проходным билетом к скалам. Но не стоит полагать, что глава «Черного ордена» собирался превратить Экстернштайн в какой-то развлекательный комплекс. Скорее наоборот, доступ в эти места предполагалось существенно ограничить. Списки посетителей предварительно согласовывались с эсэсовским руководством. Вероятно, тут предполагалось устроить после войны крупную культовую площадку ирминистской религии. На эту мысль наводит намерение Гиммлера поставить перед скалами гигантское изваяние, которое должно было быть возрожденным Ирминсулом (просьба не путать с небольшой стелой, установленной в 1938 году). Итоги мировой войны внесли свои коррективы в планы Гиммлера. Впрочем, часть из них все-таки сбылась: Экстернштайн до сих пор является местом собрания мистиков, язычников и немецких националистов.

Глава восьмая

Эсэсовские медиумы и алхимики

Как вижу группу, прославляющую синархию, — даю ей политическую оценку. Но плохо то, что стоит углубиться в материал, натыкаешься, например, на следующее. Примерно в 1929 году некие Вивиан Постэль дю Мае и Жанна Канудо основывают группу «Полярис», которая вдохновляется мифом о Царе Мира, а затем предлагают синархический прожект: социальные службы против капиталистической прибыли, изжитие классовой борьбы при помощи кооперативного движения... Это кажется социализмом фабианского толка, нереволюционная социалистическая теория в духе лейбористских убеждений. И действительно, и «Полярис», и фабианс обвиняются в том, что они эмиссары синархического заговора.

Умберто Эко «Маятник Фуко»

Известно, что Гиммлер интересовался спиритизмом. Причем этот интерес не ограничивался чисто теоретическими познаниями. Доподлинно известно, что в 1925 году будущий рейхсфюрер СС досконально проштудировал практическое руководство для медиумов, написанное Генрихом Юргеном. Это пособие в вопросах «Практика вращения и магия маятника» было издано в качестве руководства для выявления болезней, определения пола и других характерных человеческих черт при помощи сидерической силы. Дело в том, что в своей книге Генрих Юрген предположил, что мно-

гие знаменитые лекари, в том числе и Парацельс, обладали специфическим сложением головы, которая состояла из двух частей. Одна часть была сидерической, а другая элементальной. Этим частям соответствовало смешение различных стихий. В данном случае воздуха и огня (сидерическая часть), воды и земли (элементальная часть). Интерес Гиммлера к этой теории можно понять, если прочесть в подзаголовке пособия, что оно способствовало не столько развитию медицинских способностей, сколько «беседе с потусторонними силами». Гиммлер всегда мечтал найти контакт с царством мертвых и духов. Книга Юргена могла «помочь» в этом начинании, так как была снабжена множеством таблиц и спиритических шаблонов, с помощью которых можно было беседовать с духами. В этих таблицах содержались основополагающие понятия и слова: да, нет. слева, справа, злой, добрый, живой, мертвый и т. д. Фактически это был популярный самоучитель спиритизма.

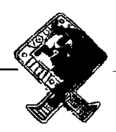
Но система Юргена несколько отличалась от общепринятого спиритизма. Дело в том, что в ней центральным атрибутом было не вращение блюдца, а раскачивание маятника, который приводился в действие таинственной силой — «Од»[1]. Видимо, именно эта сила способствовала переходу духа в материю, души в тело. Впервые это понятие в употребление ввел немецкий химик барон Карл Людвиг фон Райхенбах. Сила «Од» была неким новым средством передачи информации. Этот человек стал в свое время наглядным примером того, как можно воедино увязать естествознание и спиритизм. Он был химиком, который изобрел креозот и парафин. Однако это не помешало ему в 1841 году заняться изучением силы «Од». Предполагалось, что название ей он дал от имени скандинавского бога Одина. Более того, он предположил, что «Од» обладал двумя полюсами. Автор «Практики вращения и магии маятника» весьма охотно ссылался на эпигонов Райхенбаха. Возьмем хотя бы одну цитату: «Мы знаем о

---

[1]Не этот ли сюжет оказался скрытым от читателя в парамасонском романе У. Эко «Маятник Фуко»?

существовании электричества, а потому можем обсудить: имеются ли в тканях организма такие места, в которых может накапливаться большое количество этой энергии? Может ли эта электрическая энергия превращаться в механическое действие, то есть при помощи импульсов, исходящих из мозга, приводить в движение мышцы? Но ничего подобного мы не найдем в человеческом теле... Моторные функции организма осуществляются без какого-либо электрического вмешательства. Не могут этого осуществить и химические реакции... С определенной уверенностью мы можем говорить, что организм подчиняется особенной, пока еще не известной официальной физике силе. По мнению автора этой работы, это — Од. Это особая субстанция, которая, как утверждает Райхенбах, позволяет людям с особой психической восприимчивостью обладать особым зрением, осязанием и другими чувствами. Од исходит из человеческого тела преимущественно от кончиков пальцев, а также из ушей, глаз и рта. Для условного обозначения излучение, исходящее от правой ладони, получает синий цвет, а от левой — красный. Райхенбах считает, что человеческое тело обладает такой же полярностью, как и земной шар». Или еще цитата из Юргена: «Французский исследователь Дурфилле установил, что магнетизм является источником Ода, а точнее говоря, его излучений. Венский врач Фридрих Феров выяснил, что все нервы человеческого тела являются полыми и могут являться проводниками Ода. Фриц Кваде высказал в своей работе «Одик» рабочую гипотезу, согласно которой Од может состоять из «ур-атомов». Эти полярные «ур-атомы» содержатся не только в Оде, но и во всех химических веществах».

Затем Юрген вновь цитирует Ферова, который воспринял античную концепцию об изучении взглядом. В частности, он писал: «Взгляд также обладает одическим воздействием — окинутый взглядом буквально облучается Одом. Свет человеческого Ода сильнее любых магнитов и кристаллов... Чувствительным людям в темноте человеческое тело видится полностью освещенным. Оно



словно укутано одической оболочкой, которая увеличивает его размеры и придает призрачную необычность».

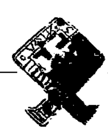
В этих научных выкладках теоретиков Ода мы можем легко узнать гностические идеи о метафизическом свете. Вспомним хотя бы того же Альфреда Шулера, который как-то сказал: «Представьте себе дрожащий комплекс света, который состоит из бесчисленного количества активных и пассивных электронов. Флюидов, находящихся в непрерывном движении, из которых состоит. Именно эти флюиды образуют нимб — ореол творческой силы, которая окружает каждую сущность». О том, что идея Ода имеет непосредственное отношение к гностицизму, становится понятно после заключительных слов Юргена: «Если дух Бога сначала проснулся только в нас, то нам возможно передать его и подняться на более высокий уровень, подключившись к космической энергии, без участия которой ничто не появляется и ничто не исчезает. Которая выводит нас из бессознательной сферы к осмысленному обозрению высших миров. Которая делает нас сияющими людьми, даруя высшее сознание страны просветленных». То есть Бог находится в самом человеке, его надо лишь пробудить, сделать себя более возвышенным. Фактическое повторение гностической доктрины о том, что божественные искры были заронены в царство материи. Надо только лишь найти источник, откуда истекает космическая сила, снова вернуться в плерому, Светлое изобилие, «Царство просветленных».

В 1942 году Гиммлер заявил своему массажисту Феликсу Керстену: «Мы начали лишь для того, чтобы объявить, что чистая германская кровь является предпосылкой для высших умственных и психических качеств. Нас порадует, если эта мысль овладеет широкими массами. Однако здесь видна только биологическая сторона дела. Вместе с тем чистая кровь является условием, чтобы светлые силы, родственные нам, воплотились в германском человеке. А это уже религиозная проблема».

О том, как Од попадает в тело, автор «Практики движения» давал достаточно четкий ответ: «В организме находится два важней-

ших источника Ода — это беспламенное сгорание питательных веществ в легких и тканях и фиксация Ода через дыхание. Чем больше перерабатывается питательных веществ, тем больше становится Ода. При 37 или более низкой температуре в тканях вырабатывается больше ур-атомов, или эфирной материи. Но не все люди способны извлекать одинаковое количество Ода из воздуха. Одом является то, что индийские йоги называют прамой».

Кстати, весьма интересна мысль относительно низких температур, при которых в теле вырабатывается больше эфирной материи. В годы войны в «Наследии предков» проводились многочисленные опыты по переохлаждению людей. Доктор Зигмунд Рашер лично подбирал людей для подобных экспериментов. Он писал Гиммлеру, что опыты по переохлаждению можно было бы начать в июле 1942 года. Но этот план приобрел конкретные очертания только после того, как Рашер лично переговорил с Генрихом Гиммлером. Гиммлер подчеркнул, что эти опыты имеют большое значение для СС. Когда в Аненербе в качестве одного из подразделений исследовательского общества был создан Научный институт целевых военных исследований, Рашер стал руководить в нем одним из секторов. 15 августа 1942 года в Дахау началось проведение опытов по переохлаждению человека. В своем первом отчете от 10 сентября 1942 года Рашер описывал рейхсфюреру СС процесс пребывания заключенных, облаченных в полную летную форму, в ледяной воде. Как только температура тела достигала 28 °С, наступала смерть подопытного, несмотря на все попытки реанимировать его В опытах по воздействию влажного холода подопытных погружали в ледяную воду либо обнаженными, либо одетыми в комбинезоны, и спасательный круг не давал им утонуть. Первая мысль, которая приходит в голову после ознакомления с документацией о ходе этих бесчеловечных экспериментов, что они проводились по заказу моряков или летчиков, которые хотели освоить новые возможности борьбы с переохлаждением. Но в 1942 году и у Вермахта, и у Люфтваффе были весьма неплохие методики. К тому же возникает вопрос, поче-



му эти эксперименты (со слов Гиммлера) имели большое значение для СС? Не потому ли, что их истинной целью была попытка изучить процесс активизации в человеческом теле силы «Од»?

Но вернемся обратно в 20-е годы. Юрген ставил Од и эфир на одну плоскость с такими элементами, как огонь, вода, земля, воздух, фактически приравнивая эфир к «пятой эссенции». Вообще понятие эфир, или, точнее, светлый эфир, было изобретено в XIX веке для того, чтобы заполнить Вселенную каким-нибудь веществом, по которому могли бы передаваться световые волны, излучение, тепло, магнетизм. Кроме этого, эфир оказался напрямую связанным с теорией четвертого измерения. В 1876 году увидела свет книга «Невидимая», написанная англичанами Бальфором Стюартом и Петером Гутри Тайтом. Они описывали существование неведомой Вселенной по ту сторону мира, который принято назвать Вселенной научного восприятия. «Невидимая» произвела гигантское впечатление на Елену Блаватскую. В первой части своей книги «Разоблаченная Изида» она опубликовала тезисы, позаимствованные у Тайта и Стюарта. Она использовала идею о том, что эфир выступает в роли некой энергетической памяти Вселенной, для формирования собственной доктрины. Блаватская полагала, что эфир, или, как она назвала его, астральный свет, оставлял визуальные впечатления, как бы формируя некую «картинную галерею». Образ астрального света (эфира) сокрыт в мистических местах: Гималаях, Тибете, подземельях Индии.

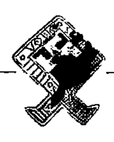
Но какую практическую пользу можно было почерпнуть из знаний о силе Од или существования эфира? Юрген давал ответ и на этот вопрос: «Например, если ученику йога удается определенным способом управлять своими легкими и направлять дыхательный поток, концентрируя при этом свою умственную волю на тонком эфирном слое, то он получает такие силы, которые и не снились обыкновенному человеку. Так, он может обходиться долгое время без еды. Он получает фактически неограниченную власть над своим телом и разумом» Сама же высшая цель постижения силы Од со-

стояла в том, чтобы овладеть истинной магией, которая являлась «властью души и духа» над «тонкой и грубой материей».

Об эфире в своей серии докладов «О сущности Вечного города» говорил и Альфред Шулер. «Я обращаю свой взгляд вовнутрь вибрирующего светлого изобилия, вспыхивающих в наслаждении бесчисленных флюидов, которые справляют бесконечную свадьбу в эфире».

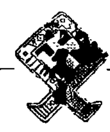
Нам неизвестно, в какой степени эти идеи воспринял Гитлер и пользовался ли он ими. Но можно смело утверждать: Генрих Гиммлер был знаком с магией маятника. Он был прекрасно осведомлен о силе Од и эфире. Феликс Керстен, личный массажист рейхсфюрера СС, как-то сообщил о том, что «Гиммлер был твердо убежден в том, что мог заклинать духов и вступать в контакт с ними. Разумеется, он заявлял, что для этого надо иметь специальные способности. Он заявлял, что мог призвать духов людей, которые умерли более чем 100 лет назад... Когда он лежал в полусне, то к нему часто являлся дух короля Генриха, давая при этом ценные советы. Перед принятием каких-то важных решений Гиммлер приглашал одного из своих астрологов, дабы тот составил специальный гороскоп... Гиммлер часто любил говаривать, что астрологи сходятся во мнении — Германия могла выздороветь и воспрянуть только при условии искоренения всех евреев».

Но одержимого мистикой Генриха Гиммлера интересовали не только беседы с давно умершими людьми и советы короля Генриха I. Ему не давали покоя возможности развития телепатии и ясновидения. В 1923 году он всерьез занялся тем, что стал развивать в себе способность к ясновидению. То самое качество, которое в Шотландии называли «вторым зрением», а в Вестфалии «представлением призраков». Более того, Гиммлер намеревался добиться того, чтобы фиксировать будущее при помощи фотографических и звукозаписывающих приборов. В том же 1923 году Гиммлер познакомился со статьей Фридриха Бонзена. Автор статьи упоминал случай, описанный окулистом Йоханом Генрихом Юнг-Штиллингом, который,



кстати, являлся учеником Франца Месмера и Эмануэля Сведеборга, оккультистов XVIII века. Так вот, в статье повествовалось следующее: «Случай подобного рода был рассказан благородным Гёте, который высоко почитал Юнга-Штиллинга. Последнему случилось быть в одном маркграфстве. Там «пророк» открыл протестантскому священнику из местной общины, что он вскоре будет сопровождать из своего дома труп. Так как жена священника была очень слаба здоровьем, то им овладели ужас и негодование, и тот прогнал Юнга-Штиллинга. Согласно традиции священник как хозяин дома должен был идти за гробом перед родственниками умершей. Дабы нарушить предсказание, он попросил свою жену занять это место. В тот момент как траурная процессия тронулась с места, жена священника без сил упала на землю. Испуганный служитель тут же занял положенное место в процессии и стал сопровождать тело».

Бонзен не собирался трактовать эту историю как случайное совпадение. Он предпринимал попытки дать современное объяснение ясновидению, для чего прибегал к теории Карла ду Преля. «Ду Прель, главный представитель дарвинистской школы духовидчества в Германии, стремится объяснить эти явления тем, что в человеке действует второе трансцендентное «Я», которое придает людям уверенности в себе. Чем больше подавляется чувственное сознание, тем сильнее выдвигается вперед «второе Я»... В 1840 году эти способности попытался объяснить вестфальский врач Себрегонди. Он исходил из того, что существует некое «общее ощущение», которое он называл не иначе как шестое чувство. Оно (это общее ощущение) предназначено для того, чтобы предвидеть во времени и пространстве вещи, которые могут потребоваться в будущем: «Исток бескрайней скрытой силы». Для обычного восприятия вещей требуется некий посредник, так, например, для зрения необходим свет. Но эта исходящая нервная энергия куда тоньше и быстрее света. Это так называемый органический эфир, тот самый мнимый нервный поток (Од), о существовании которого говорит спиритизм... Чтобы объяснять видения, надо признать, что душа воспри-



нимает вещи при помощи «общей эмоции» и органического эфира. А значит, наши знания лежат вне познаваемой области, нарушая все барьеры конечности, пространства и времени».

Впрочем, Фридрих Бонзен нередко скептически относился к подобным утверждениям: «Предположение о переносе мысли при помощи эфирных волн столь же смело, как и бездоказательно». Но в его статье есть интересные мысли, которые нам очень пригодятся. А именно слова, написанные (подчеркиваю еще раз) в начале 20-х годов XX века: «В наше время в Вестфалии очень распространена вера в то, что вторым зрением можно проникать в другие места». После прочтения этой статьи Гиммлер сделал следующую запись: «Это исчерпывающий реферат о неизвестных и поразительных сферах. Маленькая часть бескрайной terra incognita, всего трансцендентного, чем в настоящий момент являются астрология, гипноз, спиритизм, телепатия. Предпринята попытка научного изложения и понятной трактовки этих явлений».

Так во что же верил Генрих Гиммлер? Ответ на этот непростой вопрос могут дать лишь люди, которые лично знали рейхсфюрера СС. Так, уже не раз упоминавшийся нами массажист Феликс Керстен утверждал: «Я, например, знал, что Гиммлер был крайне суеверным. Он верил в добрых и злых духов. Когда он сомневался, то прибегал к помощи астрологии, консультируясь как минимум с двумя астрологами. Если он был переполнен скепсиса, то взвешивал каждое высказывание». Чтобы разобраться с природой этой мистической веры Гиммлера, нам придется вернуться в XIX век.

В 1866 году в семье мелкого железнодорожного служащего из Западной Пруссии Ханиша родился сын Отто. Вскоре семья Ханишей переехала в Америку. Там Отто Ханиш создал новую религиозную организацию. Произошло это в 1899 году в Чикаго. В этом городе под именем Оттоман Зар-Адушты Ханиша он создал движение маздаистов. Уже из самих названий и ритуальных имен видно, что Ханиш пытался опереться на персидскую традицию, где существовал светлый бог Ахурамазда. Дела у новой организации шли неплo-

хо. На добровольные пожертвования даже началось строительство маздаистского храма. Но новая идея опиралась не только на персидскую религию, в ней обнаруживались дальневосточные вкрапления, как, например, отказ или ограничение на употребление мяса, алкоголя, табака. Кроме этого, типично восточные учения о реинкарнации и карме оказались интегрированными в современное на тот момент эволюционное учение. К этому прибавлялись дыхательные упражнения, которые должны были стать основой для физического и умственного развития человека.

Постепенно Ханишу становилось тесно в США, и он вспомнил о своей родине. Миссионерскую деятельность на германской земле было поручено вести маздаистскому «послу» Дэвиду Амману, который начинал свою работу с основания в 1907 году в Лейпциге «Общества Заратустры». С этого момента Лейпциг становится главнейшим центром маздаизма в Европе и вторым (после Чикаго) по значению в мире. К 1912 году вся Германия оказалась разделенной на 33 округа. Всего же среди немцев насчитывалось несколько тысяч маздаистов. В основном это были представители интеллигенции, или, как было принято тогда говорить, «высшего общества» (деятели искусств, писатели, музыканты, профессора). В 1913 году в Германии стало известно о настоящем происхождении Ханиша, который до этого момента представлялся сыном русского генерального консула в Тегеране и иранской принцессы. Все это выяснилось во время суда, на котором Ханиш был осужден за распространение в Германии «развратных произведений». Развертыванию скандала вокруг чикагского «пророка» всячески способствовал издатель антисемитского вестника «Молот» Теодор Фрич. Фрич сам был членом нескольких расистских гностических организаций. Но он не был намерен терпеть конкуренцию заокеанского движения, а потому приложил все силы, чтобы изобразить движение маздаистов как опасного «американского паразита». Амман подвергся общественной травле, в результате чего был вынужден перебраться в Швейцарию. Здесь неподалеку от Цюриха он основал Международный

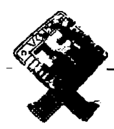
маздаистский колледж. Сама история маздаистского движения оказалось недолгой. В Германии оно почти сразу же исчезло после прихода к власти нацистов. В США оно пришло в упадок после того, как Отто Ханиш скончался в 1936 году. Казалось бы, в этой истории можно было поставить точку. Но тут возникает вопрос: а при чем здесь Гиммлер и СС?

Дело в том, что в библиотеке Гиммлера в 20-е годы можно было обнаружить книгу Карла Хайну, вышедшую в 1919 году в Базеле. Она называлась «Сотрудничество масонов и мировая война. История мировой войны и понимание истинного масонства». Автор этой небольшой книжицы был членом «Общества Гвидо фон Листа». В этом факте не было ничего удивительного, сам Гитлер в свою бытность зачитывался расистскими работами фон Листа. Интересно то, что Карл Хайнц был руководителем цюрихских маздаистов. В своей книге, снабженной обильными антисемитскими пассажами, он пытался доказать, что мировое масонство инспирировало мировую войну. Подобные идеи Карл Хайнц стал пропагандировать в коммуне «Ариана», которую создал вместе со своим братом Генрихом.

В 1921 году Хайнц опубликовал следующий опус — «Оккультные ложи». В нем он развивал свои прежние идеи. «Факт остается фактом: вся военная политика была результатом тайного влияния определенных оккультных лож». Мировосприятие Хайнца знало только два цвета: белый и черный. Глава злобных оккультистов, следовавших «путем левой руки», боролся против хороших оккультистов, которые придерживались «пути правой руки». Именно этот постулат был положен в основу объяснения, почему Франция вновь и вновь будет нападать на Германию. «Чтобы правильно понять сложившуюся ситуацию, мы вновь и вновь должны вспоминать о «войнах темного командира». Тех «братьев сумрака», которые живут на протяжении сотен лет с «братьями света» и стремятся перечеркнуть крест-накрест то, что последние сделали на благо человечества». В этой схеме Хайнц следует за классическим дуализмом манихейской доктрины. Он даже открыто ссылался на него. «В действитель-

ности манихейство сознательно смешалось с дохристианскими и христианскими мистериями. И уже под темным оккультным господством превратилось в «церковь», которая непреклонно преследовала и искореняла то, что потом назовут розенкрейцерством... В IX веке церковь полагала, что выкорчевала «ересь». Но позже стали возникать общества катаров, альбигойцев, иоаннитов, тамплиеров, которые перенесли истинное манихейство вовнутрь современного масонства». Концепция Карла Хайнца несколько отличалась от традиционных представлений о жидо-масонском заговоре. Хайнц полагал, что лишь часть масонов оказалась под властью темных оккультистов. «Множество удивительных открытий мы сможем сделать из обыденных вещей. В масонских документах мы находим подтверждение этому. Но их засыпало пылью веков. Как-нибудь «брат-интуит» приоткроет крышку сундука и обнаружит чудо... Но большинство «посвященных», которые сами связаны с оккультными практиками, увидят лишь пустоту. Но мы знаем, что большинство политиков раскинувшейся на полмира Британской империи являются оккультистами, исповедующими отнюдь не «путь правой руки». Если верить Хайнцу, эти политики следовали опасным путем темного гностицизма, поддерживая контакты с черными махатмами и духами умерших. Именно мертвые указывали оккультистам «левой руки» путь к мировой гегемонии. «Настоящие ложи (но отнюдь не псевдоорганизации, которых пруд пруди) в любое время знают, что необходимо сделать в мире, так как они духовно связаны с мистическим миром «Стола короля Артура». Мысль о короле Артуре, как мы помним, не раз посещала Гиммлера, когда тот создавал Вевельсбург. Можно, конечно, проявить скепсис. Мол, мало ли что есть у человека в библиотеке. Но в библиотеке у Гиммлера были только книги, которые он действительно считал необходимыми для себя!

Вообще Гиммлер никогда не был пассивным потребителем оккультной литературы, он всегда пытался применить на практике то, что узнал из нее Об этом говорит хотя бы письмо, написанное в 1925 году после досконального изучения «Практики движения и



магии маятника». Не скрываясь под псевдонимом; Гиммлер пытался присоединиться к активной группе оккультистов. Вот текст этого письма:

«Господину профессору Хайльмайеру

Мюнхен, Райтмор-штрассе, 26/ IV

Глубокоуважаемый господин профессор!

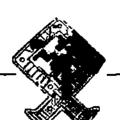
Разрешите обратиться к Вам с вопросом. Не могли бы Вы рассказать мне о «Союзе благих» и его намерениях? Им (этим союзом) руководит человек, который подписывается псевдонимом Вайсхар (Мудрые волосы)... Если Вы ничего не знаете об этом союзе, то я готов выслать опубликованные им брошюры. Буду рад встретиться в Мюнхене с Вами и Вашим другом Пфаффенцеллером.. Думаю, что смогу помочь Вашему другу, когда тот вновь надумает избираться в ландтаг.

Заранее благодарен за ответ.

С истинно немецким приветом, признательный Вам *Г.Г.*»

В конце письма Гиммлер просил составить гороскопы на основе трех дат. Ответ не заставил себя ждать. Он пришел восемь дней спустя. Но, скорее всего, он оставил Гиммлера недовольным. Хайльмайер ничего не смог сообщить о «Союзе благих». Более того, само название вызвало у профессора неприятные ассоциации, и тот сравнил эту организацию с сектой. Составить гороскопы профессор также отказался, сославшись на предельную занятость. Если сопоставить приведенные в письме даты и места рождения, можно установить, что Гиммлер хотел получше узнать своих ближайших сотрудников по только что сформированным СС.

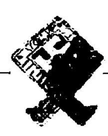
Несмотря на неведение профессора, все-таки есть необходимость сказать пару слов об упомянутом в письме «Союзе благих» и его руководителе. Под псевдонимом Вайсхар скрывался Курт Пельке, автор нескольких мистико-расистских работ: «Светловолосая раса» (1921), «Страшный суд» (1932), «Послание благих вождей»



(1933). Сам же «Союз благих» был одной из многочисленных ариософских организаций, которые действовали на территории Восточной Пруссии. В основном все доктрины Пельке были позаимствованы у Гвидо фон Листа. Но почему этой группой заинтересовался Гиммлер? Не просто заинтересовался, но даже собирал их брошюры. Скорее всего, Гиммлера привлек тот факт, что эта группа смешивала ариософию и астрологию.

Стоит заметить, что «Союз благих» был далеко не единственной группой, с которой пытался установить связи молодой будущий рейхсфюрер СС. 13 августа 1926 года он перечислил небольшую сумму «Обществу Эдды», руководимому Рудольфом Горслебеном. Именно тем самым Горслебеном, который сначала заинтересовался Виллигутом, а затем попал под его мистическое влияние. Но, к сожалению, подробности общения Гиммлера и Горслебена так и остались покрыты мраком. Куда больше документов сохранилось о связях Генриха Гиммлера с астрологом Вильгельмом Вульфом.

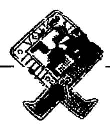
Отношение к астрологии в Третьем рейхе не было одинаковым. Вначале на нее официально не обращали внимания. Ситуация изменилась после полета Рудольфа Гесса в Англию. Как известно, Гесс верил в гороскопы. После этого события фактически все известные астрологи Германии были арестованы и направлены в концентрационные лагеря. Но Вульф остался на свободе, точнее, был выпущен на свободу после недолгого пребывания в концлагере. В своих мемуарах Вильгельм Вульф сделал несколько сенсационных заявлений. В частности, он сообщил, что внутри СС существовала закрытая группа «SP» (немецкая аббревиатура для обозначения сидерического маятника). Со временем нечто подобное было создано при командовании военно-морскими силами рейха. «В марте 1942 года, то есть полгода спустя после моего освобождения из концентрационного лагеря Фюльбюттель, мне было предложено стать сотрудником в совершенно неизвестном мне берлинском институте. Это предложение поступило по протекции нюрнбергского астронома и астролога доктора Вильгельма Гартманна, который был моим дру-



гом. Я ехал в Берлин и представлял себя работающим в научно-исследовательском институте при командовании ВМФ... Этим подразделением руководил какой-то морской капитан. Деятельность научно-исследовательского института была строго засекречена. Но его работники сформировали очень странное сообщество. Там собрались люди, занимавшиеся спиритизмом, и психитивы — так называли тех, кто был наиболее восприимчив к психическим воздействиям. Имелись специалисты, которые работали с сидерическим маятником. Можно было увидеть исследователей Таттвы (приверженцев индийского способа работы с маятником), астрологов, астрономов, баллистиков и математиков. Институт должен был выслеживать по заданию командования военного морского флота конвои противника. Для того чтобы помочь подводным лодкам более успешно торпедировать их, применялись маятники и другие трансцендентные практики. Изо дня в день они сидели над картами с вытянутой рукой, в которой держали маятник».

Но этим задачи, поставленные Вульфу, не ограничивались. В середине 1943 года он должен был помочь «выследить» Муссолини, которого свергли в Италии. «Я был представлен правительственному советнику Лоббесу, а затем начальнику криминальной полиции Артуру Небе, который открыл мне, что я по приказу Гиммлера должен отыскать Муссолини, арестованного маршалом Бадольо... Вернувшись в Берлин, я получил от Небе задание проработать даты рождения 25 высокопоставленных нацистов, которые подозревались в коррупции. Когда я начал работать над ними, то произошел конфликт с адъютантом Гиммлера Суханеком, который считал, что дела шли не слишком быстро. Суханек заявил мне: «Рейхсфюрер сказал мне, что Вы должны работать быстрее и проявлять большее рвение. В противном случае Вы можете присоединиться к алхимику Таузенду, который будет находиться в концентрационном лагере до тех пор, пока не получит золото».

Если верить Вульфу, то Гиммлер не был простым получателем информации. Рейхсфюрер СС оказался человеком сведущим в во-



просах астрологии. «Гиммлер объяснил мне в нескольких словах свое принципиальное восприятие астрологии и смежных с ней областей. Он рассказывал это очень сухо и неинтересно. Его речь указала, что он был хорошо знаком с этой почти запрещенной наукой... Без каких-либо эмоций он сообщил мне о своих переживаниях и жизненных наблюдениях при определенных фазах Луны. Он начинал собственные большие акции только при специальном положении Луны». А вот еще: «Он использовал астрологическую терминологию, которую не знал даже я. Он говорил об аспектах Тригона, двойных физических знаках и элевации планет». О запрете астрологии в Третьем рейхе Гиммлер заметил следующее: «Мы вынуждены строго-настрого запретить астрологию. Тот, кто нарушает это решение, может рассчитывать лишь на то, что до конца войны пробудет в концентрационном лагере. Мы не можем допустить, чтобы, кроме нас, кто-то занимался астрологией. В национал-социалистическом государстве астрология должна стать привилегией, недоступной для широких масс». В отношении оккультистов и мистиков нацистское руководство заняло очень лицемерную позицию. Оно запрещало их деятельность вовсе не потому, что она была иррациональной, а так как боялось конкуренции. Под запретом оказался основоположник ариософии Гвидо фон Лист. Так что нет ничего удивительно, что Гиммлер представлял Вильгельма Вульфа не как астролога, а как специалиста по Индии и языку санскрит.

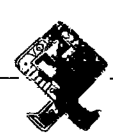
Это событие не было зафиксировано в нацистских хрониках. О нем не писали в газетах. Произошло это летом 1937 года. Именно тогда в небольшом берлинском уличном кафе встретились двое людей. Одного звали Генрих Гиммлер, который к этому моменту стал одним из могущественнейших людей Третьего рейха. Ему подчинялась не только полиция, но и собственная армия — СС. По мановению пальца он мог уничтожить любого недовольного или неугодного. Кроме того, рейхсфюрер СС к этому времени был назначен Имперским комиссаром по укреплению немецкого народа. Эта

должность должна была помочь ему после начала мировой войны установить новый расовый порядок в Европе. Вторым человеком оказался 60-летний частный исследователь, прибывший в Берлин прямо из Парижа. Его звали Гастон де Менгель. Тот самый де Менгель, который курировал французскую группу «Полярис» и к деятельности которого проявляли повышенный интерес Отто Ран и Карл Мария Виллигут. Эта встреча была отнюдь не визитом вежливости. На ней рассматривались очень серьезные мистические вопросы. Поскольку Гастон де Менгель оказал огромное влияние на формирование эсэсовской мистики, познакомимся с ним поближе.

В 1913 году Гастон де Менгель публикует свою первую статью. Это был небольшой библиографический обзор, посвященный проблеме трансмутации (слово, которое традиционно употребляют для обозначения превращения обычных металлов в благородные — золото или серебро). Этот материал был опубликован в журнале Лондонского алхимического общества. Интересно, что в 20-е годы Гастон де Менгель подписывал статьи то фамилией «де Менгель», то слитно «Деменгель». А в 1931 году, опубликовав статью об Атлантиде и индуистском понятии «шакти», он подписал ее вовсе «де Мангель». Впрочем, это всего лишь забавное наблюдение — не более того. В 1935 году де Менгель публикует в «Меркурии Франции» материал о «вероломности масонов», где выступил под псевдонимом «Интурбидис», что с латинского переводилось как «спокойный». В целом же литературное и научное наследие де Менгеля оказалось невелико: всего лишь дюжина статей по крайне актуальным и даже взрывоопасным темам. Но речь в них шла вовсе не о тайных организациях французских офицеров, не о новых вооружениях. Их тематика, казалось, была страшно далека от политики. Де Менгель рассказывал читателю об индийских способах врачевания, вопросах эзотерики в музыкальных произведениях[1], о тамплиерах.

---

[1]Не исключено, что именно под влиянием Гастона де Менгеля Гиммлер решил создать в «Наследии предков» отдел, который бы занимался изучением индогерманской музыки.



Но вернемся в Берлин. Точно не известно, о чем беседовали французский мистик и рейхсфюрер СС. Судя по всему, оба остались довольны этой встречей. Об этом говорил хотя бы один факт. После этой беседы с де Менгелем связались подчиненные Гиммлера. Они скопировали все материалы француза, после чего эти бумаги стали храниться в особом бронированном сейфе! О чем же говорилось в этих бумагах?

Де Менгель, подобно многим эсэсовским исследователям, проявлял повышенный интерес к гностицизму. Его статья «Элементы традиционного гностицизма» получила высокую оценку у руководства СС. Аналогично многим нацистам, де Менгель разделял антиеврейское восприятие гностических школ. Он не раз подчеркивал, что гностики размещали творца сущего, Демурга, в самом низу космической иерархии. Вне всякого сомнения, де Менгель питал глубокое отвращение к иудаизму и ветхозаветному богу евреев. В Ветхом Завете он находил лишь подтверждения его мстительности, недальновидности и кровожадности. Хотя вместе с тем он подчеркивал, что тайное учение, Каббала, очень сильно повлияло на складывание гностических систем, прежде всего подразумевая учение Маркуса.

Чтобы лучше понять внутренний мир этого французского эзотерика, нет необходимости анализировать все его работы. Достаточно обратить внимание на три из них, самые важные. Первая статья де Менгеля была посвящена вопросу бессмертия человека. Вторая вращалась вокруг специфического индуистского понятия «шакти». В третьей статье он обращался к проблеме масонства. Но обо всем по порядку.

В 1933 году де Менгель опубликовал в одном международном религиоведческом вестнике статью, которая называлась «Мудрость и бессмертие» («Knowledge and Immortality»). В этой небольшой работе автор рассматривал проблему связи между реальностью, которая доступна сознанию, и реальностью, которая уклонилась от чувственного восприятия. Вывод делался весьма неожиданный.

Ссылаясь на учение Платона и гностические школы, де Менгель провозглашал возможность бессмертия человека.

Чтобы осознать эту возможность, требовалось подключить сверхчеловеческие знания. Вслед за Кантом и Декартом де Менгель указывал на то, что мы, люди, создаем абстрактные схемы на основании визуальных наблюдений за теми или иными объектами. Наше зрение превращается в какую-то идею. То есть, казалось бы, восприятие контролирует сознание. Но что делать, если тот или иной предмет не имеет физической формы или вовсе является духовным понятием? Физиология начала XX века оказывалась в тупике. Электрохимические процессы в глазу происходили благодаря сигналам из внешнего мира, но эти сигналы передавались в некий центр, где превращались в «мыслительное впечатление», некий умственный отпечаток увиденного. Но это было допущением, за рамки которого физиология не решалась шагнуть. И уж подавно не могла дать точного ответа, что происходило в этом «центре». Разочарованный наукой де Менгель решил обратиться к классическим аристотелевским схемам. Он позаимствовал у этого философа мысль, что все сущее является смешением двух основополагающих принципов: субстанции (материи) и эссенции (сущности), нередко называемой формой. Для того чтобы сделать свою мысль более наглядной, де Менгель сравнивал влияние формы на материю с воздействием магнитного поля. Если бы форму воспринимаемого объекта можно было увидеть при помощи какого-то аппарата, то она обязательно отпечаталась бы в мозгу. Форма — это душа предмета. Но человек в состоянии воспринимать формы без какого-либо соприкосновения с материей. В качестве иллюстрации приводился другой пример: при помощи воска можно получить отпечаток любой монеты, хотя при этом он не будет иметь никакого отношения ни к золоту, ни к серебру. Де Менгель тут же указывал на одну из школ йоги, адепты которой утверждали, что объекты познания, даже не активные, могли как магнит притягивать к себе души и модифицировать их форму.

Но, несмотря на ссылки на индуизм, де Менгель все-таки брал за основу аристотелевскую модель. Об этом говорит хотя бы его четверичное деление принципов Вселенной:

1) causa materialis. Все возникает из какой-то материи.

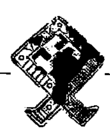
2) causa formalis. Все возникает в какой-то форме. Например, стакан (по форме) состоит из кварцевого песка (материя).

3) causa finalis. Все возникает с какой-то определенной целью. В данной ситуации из стакана надо пить.

4) causa movens. Все возникает в результате какого-то процесса. Для возникновения стакана надо обработать кварцевый песок.

Видимый мир в любом случае состоит из материи. Форма, не облаченная в материю, является Божеством. Но, в отличие от Аристотеля, де Менгель наряду с материей и формой вводил еще третий принцип — лишение (Privation). Когда думаешь о свете, нельзя не вспомнить темноту. Следовательно, в начале процесса возникновения наряду с материей и формой существует некое отрицание настоящей формы — ее относительное несуществование.

Активно используя мысли античных философов: Платона, Аристотеля, Дионисия Псевдо-Ареапагита — де Менгель приходит к выводу, что сверхчеловеческое знание не может достигаться при помощи каких-то интеллектуальных усилий, этого можно достигнуть лишь при помощи интуиции. Именно развитие внутренних возможностей позволяет стать подобным ангелам. В этом отношении очень показательной оказалась роль концентрации в йоге. Магическая сила находится в самом человеке, ее надо лишь разбудить (тезис, традиционный для гностицизма). Именно эта разбуженная сила позволит людям избежать смерти. Де Менгель указывает на историческое развитие церковной теории относительно телесного бессмертия, которое вовсе не имело никакого отношения к природе бессмертной души, а было лишь божьей милостью. Сам же французский оккультист смотрел на этот вопрос с гностической точки зрения, а потому ему виделись совершенно другие перспективы. Он считал, ссылаясь на азиатскую традицию, что ангелы имели вполне

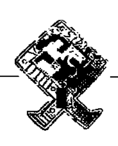


человеческое происхождение. Начав с природы материи, де Менгель заканчивал свою статью выводом, что бессмертие — вопрос личного духовного познания. В случае, если человек осуществляет это познание, он превращается в сверхчеловеческое существо — ангела.

Если говорить об индуистском понятии «шакти», то де Менгель осветил этот вопрос в статье, опубликованной в 1931 году во французском эзотерическом журнале «Покрывало Изис». В этой работе он поставил знак равенства между индуистским «шакти» и иудейским «шекинах». Эти понятия неизменно употреблялись в сочетании с «сияющим блаженством» Анананда (индуизм), «бинах» (иудаизм), «высшей матерью» (каббализм), «Нашей дамой от Святого Духа» (гностицизм). Подобные следы можно было отыскать даже в тантризме. Здесь вновь звучит знакомая тема формы и материи. Но в этот раз де Менгель проводил некое половое их разделение. Указывая, что соединение начал имело определенное половое значение, что четко видно в идеях о сексуальной энергии в тантрической йоге. Вообще в этой статье де Менгель пытался найти внешние схожие признаки у различных религий. Или, говоря другими словами, он занялся поисками элементов изначальной проторелигии.

Накануне своей встречи с Гиммлером де Менгель опубликовал в «Меркурии Франции» статью «Вероломство масонов». Не исключено, что Гиммлер не без интереса изучил ее. Рейхсфюрер СС всегда проявлял интерес к масонской тематике. Этот интерес вряд ли можно было объяснить чисто служебной деятельностью полиции и СС, которые преследовали масонов сначала на территории Германии, а затем и оккупированной Европы. Стоит хотя бы вспомнить десятки тысяч томов, реквизированных из масонских библиотек. Все они оказались собраны в специальном эсэсовском хранилище. Но вернемся обратно к де Менгелю.

Де Менгель несколько дистанцировался от традиционных обвинений в адрес масонов. По большому счету его статья была посвящена проблеме инициации в тайных обществах. «Очевидно, что в



понятие инициации (посвящения) мы вкладываем другое значение, нежели это общепринято сегодня на Западе. Относительно смысла, в котором мы его употребляем, в котором этот термин употреблялся в древние времена в Европе и до сих пор бытует на Востоке, мы не нашли лучшего определения, чем приведенное мадам Александрой Дэвид-Ниль в своей книге «Инициация ламаизма». «Принципиальная идея, — говорит она, — которую мы связываем с понятием инициации, состоит в открытии тайного учения, допущения до участия в тайных мистериях, во время которых происходит передача силы... Человек, проводящий посвящение, не обязательно должен быть «посвященным» или святым, в определенных условиях он может быть даже слабоумным или мошенником». По мнению же де Менгля, масонство сошло с правильного пути. В качестве лекарства от этой болезни он предлагал изгнание из лож 80% ее членов, в том числе обладающих высоким градусом посвяшения, после чего надлежало сформировать новую герметичную организацию, куда бы вошли оставшиеся «вольные каменщики». Но где гарантия, что новая организация пойдет по «правильному пути»? На этот вопрос ответить оказалось непросто. Традиция каменщиков была закреплена веками. Их уничтожение было, по мнению де Менгеля, неосуществимой задачей. Но приговор масонам был вынесен. Ложи состояли из людей, которые только играли в тайные общества. На самом деле за их спиной находились те, кто уводил масонство с «правильного пути». В этом отношении каменщики, подобно иудаизму, не были самостоятельной силой, а всего лишь слепыми инструментами. Затронув болезненный вопрос о взаимопроникновении масонства и еврейства, де Менгель опять давал отнюдь не привычный ответ. «Многие полагают, что масонство — творение рук евреев. В действительности все по-другому. Использование еврейских терминов во время масонских ритуалов вовсе не указывает на еврейское происхождение. С таким же успехом можно говорить, что христианские службы, во время которых зачитываются отрывки из Ветхого Завета, являются еврейским порождением. Спекулятивное масон-

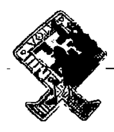
ство, возникшее в 1717 году, бесспо́рно, было вдохновлено протестантизмом. Если оно и пересекалось с евреями, то это произошло гораздо раньше, как это сделали розенкрейцеры, либо состоялось при посредничестве особых оккультных групп. О существовании этих групп известно только очень маленькому количеству индивидуумов. Среди них можно выделить Рене Генона, который больше известен благодаря своим работам, посвященным учению индуизма. В своей работе «Теософия — история псевдорелигии» он рассказывает о нескольких подобных закрытых группах, когда перечисляет «лжепророков». Он пишет: «Различия (между этими эзотерическими группами) очень незначительны и поверхностны, во всех случаях у них общий фундамент и тенденции развития, что позволяет говорить о реализации какого-то неповторимого плана. Не верится, что теософы, оккультисты и спиритуалисты обладают достаточными силами, чтобы успешно осуществить такое начинание. Однако не скрывается ли за всеми этими движениями какая-то ужасная вещь, о которой не подозревают и сами руководители? Не являются ли эти организации всего лишь чьими-то слепыми орудиями?» Де Менгель делал интересный вывод. Инструментами невидимой зловещей силы являлись едва ли не все организации: масоны, евреи, теософы, политические движения различного масштаба. Ими манипулируют во имя осуществления тайного замысла.

Что же могло привлечь Гиммлера в этой статье? Только одно — намерение создать новую организацию, которая пойдет по «правильному пути» утраченной традиции. Естественно, рейхсфюрер даже не сомневался, что такой организаций станут его «охранные отряды», «Черный орден».

Как же удалось организовать встречу могущественного нацистского бонзы и французского мистика, чьи работы были известны лишь узкому кругу специалистов? Впервые в Германию его пригласил сотрудник «Наследия предков» Ирье фон Грёнхаген. 19 февраля 1937 года Карл Мария Виллигут написал в Личный штаб рейхс-

фюрера СС письмо, адресованное лично Карлу Вольфу. В нем он сообщал следующее: «Хотел бы рапортовать о беседах (с господами де Менгелем и фон Грёнхагеном), которые состоялись 16 и 18 февраля 1937 года. Рейхсфюреру СС стало известно от господина фон Грёнхагена, что де Менгель в настоящее время задерживается в Берлине. Инициатива и предложения об организации этих двух встреч исходили от господина фон Грёнхагена, причем он имел краткий обзор работ, исследований и дальнейших перспектив (де Менгеля). По сообщению того же фон Грёнхагена, он обладает обширной выборкой литературы, которая является в своем роде редкостью. Господин де Менгель ознакомил меня с частью этих работ. Его исследования касаются дохристианских, индийских, персидских и частично китайских манускриптов, посвящены различным вопросам религии и духовной истории; среди прочего он уделяет повышенное внимание Эдде, Кабале и Ведам. Особо тщательно он занимается математическими расчетами структуры пирамид, выявлением тайного смысла средневековых зданий... По моему приглашению в одной из этих бесед принял участие оберштурмфюрер СС Отто Ран, так как он не только свободно говорит по-французски, но и занимается схожей проблематикой. Во время своих ранних поездок Отто Ран смог сделать собственные наблюдения относительно выводов, изложенных господином де Менгелем, и убедиться в их истинности».

Затем Виллигут предлагал поручить переводы работ де Менгеля Отто Рану и Ирьо фон Грёнхагену. А для перевода математической части произведений прикрепить к ним людей, обладающих астрономическими и астрологическими знаниями. В качестве таковых Карл Мария Виллигут называл штурмбаннфюрера СС Френцольфа Шмида и специалиста по музыке доктора Бёзе. Пару слов об этих людях. Коренной берлинец Фриц Бёзе был сотрудником «Наследия предков», где занимался изучением проблем нордической музыки, изготавливая точные копии старинных инструментов. Френцольф



Шмидт был автором вышедшей в 1931 году книги «Подлинники первого Божественного откровения — Древняя Библия Атлантиды».

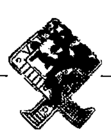
9 марта 1937 года из штаба рейхсфюрера СС поступил ответ. На де Менгеля обратили внимание. «Рейхсфюрер СС ознакомился с Вашим письмом от 19 февраля 1937 года. Желательно сначала сделать фотокопию с работ господина де Менгеля, а уж затем их переводить. Рейхсфюрер не возражает против бесед с господином де Менгелем. Возможно, в ближайшее время он сам присоединится к ним». 21 марта 1937 года в штаб Гиммлера приходит заключение, сделанное Шмидтом относительно математической части работ де Менгеля. В заключении говорилось, что «магические расчеты господина де Менгеля, основанные на древних данных, выполнены безукоризненно. Но, к сожалению, их постижение недоступно современной науке». В свете этого он предлагал «создать академическую кафедру арийской мудрости, которая должна была вести духовную борьбу против либеральной науки». В этом отношении работы де Менгеля, осознанно или неосознанно, способствовали объединению всех арийских народов.

26 апреля 1937 год Гиммлер получает от секретаря отдела Аненербе, занимающегося индогерманскими и финскими культурными связями, краткий обзор всех работ де Менгеля, где, в том числе, приводились оглавления увидевших свет работ. О произведении де Менгеля «Традиционный дух Европы в его прошлом и будущем» говорилось следующее: «Автор указывает на превосходство Средневековья и дегенеративное воздействие эпохи Возрождения. Он рассматривает фазы традиционной европейской цивилизации: бардов, миннезингеров, трубадуров, рыцарских орденов, тамплиеров и их наследников, розенкрейцеров. Он указывает на истинные причины проклятия руководителей тамплиеров, которое прозвучало похоронным колоколом для западной цивилизации».

4 мая 1937 года Карлу Вольфу пришло сообщение, что де Менгель остался без наличных средств. Предлагалось выделить ему небольшую сумму, достаточную для возвращения из Берлина в Па-

риж, после того как он вернется из Хельсинки, где он гостил у господина фон Грёнхагена, финна по национальности. В то же время какой-то из эсэсовских чинов сообщал Вольфу: «Я заявил ему (де Менгелю), что рейхсфюрер СС ознакомился с его работами и заинтересовался ими, выразив желание лично побеседовать с господином де Менгелем». Из путешествия по Финляндии де Менгель вернулся 22 мая 1937 года. Примечательно, что эта поездка оплачивалась из средств «Наследия предков». Но еще более интересен тот факт, что визит в Финляндию был не просто поездкой, а научно-исследовательской экспедицией Аненербе! Сам Грёнхаген занимался в рамках «Наследия предков» тем, что пытался обнаружить общие корни немцев и финнов. Более того, по заданию Гиммлера он должен был доказать, что финны, имевшие монголоидную внешность, также были германцами по происхождению! Вовлечение финнов в научную сферу деятельности «Наследия предков» было дипломатическим шагом, который мог позволить найти еще одних союзников в предстоящей борьбе с «семитами»

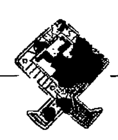
Визит де Менгеля в Финляндию вдвойне интересен тем, что француз до своего появления в Берлине никогда не занимался проблемами этой скандинавской страны. Вне всякого сомнения, подобный интерес проснулся в нем (или был навязан) лишь во время пребывания в Германии. Но все-таки мы так и не ответили на вопрос: что побудило де Менгеля приехать в Берлин? Приоткрыть завесу над этой тайной могут служебные документы «Наследия предков». 25 мая 1937 года секретарь отдела индогерманских и финских культурных связей фройляйн Гертраут Шларб направила письмо оберштурмфюреру СС Лахнеру, служившему в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений. В этом послании были такие строки: «Глубокоуважаемый господин Лахнер! Согласно Вашей просьбе я пересылаю Вам сообщение о различных тайных организациях. Господин де Менгель сделал лишь несколько замечаний. Однако обещал связать со своим другом, который знает гораздо больше. После того как эти сообщения попадут ко мне, я переправлю Вам копию».



Очень интересное письмо. Что же получается? Работы де Менгеля финансировались Гиммлером, этот француз участвует в экспедициях «Наследия предков», а самое главное — информирует СС о французских тайных организациях. Не исключено, что информация касалась не только Франции, но и относилась к Англии. У де Менгеля были неплохие связи с Великобританией. Как мы помним, он еще в 1913 году завязал контакты с Лондонским алхимическим обществом. Вывод можно сделать только один. Де Менгель действовал как агент СС. Но куда как интереснее, о каких организациях он сообщал руководству «Черного ордена».

В конце 80-х годов во Франции вышла книга Жерара де Седее, в которой упоминался Гастон де Менгель. Само же это произведение было посвящено легендам, витавшим вокруг деревушки Рене-ре-Шато. Спектр легенд был самый разнообразный, начиная от тамплиеров, заканчивая явлением Богоматери в Фатиме. Сама эта деревушка располагалась в Южной Франции, в 40 километрах от города Каркассона. Но самое большое внимание в этой книге было уделено внезапному обогащению местного сельского священника. Де Менгель же упоминался один раз. «В 1924 году Жорж Монти вместе с Гастоном де Менгелем основывал «Западную группу по изучению эзотерики», которая располагалась в Париже на Авеню Вилерс, 16». Об этой организации было также известно, что она имела женское отделение, которое называлось «Ложей Изис», а ее члены назывались «дамами», «феями» и «волшебницами».

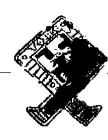
Группа, созданная Монти и де Менгелем, приняла своего рода манифест, в котором призывала примирить все церкви и «центры посвящения». Сделать это было необходимо для того, чтобы новое братство было известно по всему земному шару, а оно не насчитывало каких-то 80 человек. Цель новой организации — религиозное обновление Европы и длительный мир во всем западном обществе. Монти писал: «Наши действия всегда будут дискретными по своей природе, наши ложи будут закрыты для непосвященных, наше учение будет недоступно для любопытных и пустомель, наши церемо-



нии будут сокрыты. Осуществление синтеза смутного прогресса может произойти только в духе иерархии. Вследствие этого необходимо охватить все элитарные сущности, дабы остановить процессы декаданса и цивилизации». Итак, новая организация должна была дать новый миропорядок Европе. Новый миропорядок собирались установить и СС.

Строки, извлеченные из переписки Лахера с Личным штабом рейхсфюрера СС, могут удивить многих. «От фройляйн Шларб стало известно, что де Менгель с радостью принял бы несколько письменных строк благодарности от рейхсфюрера СС, в которых он благодарит его (де Менгеля) за предоставленные в распоряжение СС письменные работы, а также выражает надежду, что де Менгель покинет Германию с убеждением, что наша страна намерена и в дальнейшем способствовать укреплению европейской культуры и общеевропейского мира. Само собой разумеется, любые слова благодарности могут быть написаны на усмотрение рейхсфюрера СС». Это предложение де Менгеля выглядело по меньшей мере странным. Зачем ученому и мистику какие-то пошлые письменные благодарности и заверения об укреплении европейской культуры? Если бы эти слова были адресованы конкретному лицу, то это было бы пустой формальностью. Однако если де Менгель действовал в интересах какой-то группы людей, то это письмо могло стать подтверждением налаживания связи лично с рейхсфюрером СС. Более того, строки, о которых просил де Менгель, очень сильно напоминали призывы «Западной группы по изучению эзотерики». Настало время поближе познакомиться с Жоржем Монти, который вместе с де Менгелем создал эту организацию.

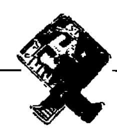
Найти в литературе сведения об этом персонаже оказалось делом не из легких. Известно было, что Монти нередко называл себя графом, а иногда даже представлялся графом Израэлом Монти. Носил инициатическое имя — Маркус Фелла. Сведения, по большому счету, ничего не говорящие. А вот уже более интересны факты. Накануне Первой и Второй мировых войн Монти работал на немецкую



разведку! Вращаясь среди высокопоставленных особ, он мог доставать ценные сведения. Но немцев, судя по всему, интересовало не это. Иначе как объяснить, что Монти сначала стал масоном, смею заметить, достигнув очень высокого градуса шотландского обряда, а затем принял иудаизм и стал членом еврейского ордена «Бнай Брит»? Можно предположить, что Монти был разоблачен. На это указывает его внезапная кончина 21 октября 1936 года. Вскрытие показало, что он был отравлен.

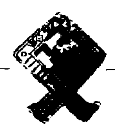
Кто же вы, граф Монти? Он родился в Тулузе в 1880 году. После рождения он был усыновлен итальянской парой. Приемные родители отдали его на воспитание в иезуитскую школу. Со временем Монти завел множество знакомств. В 24 года он активно вращается в оккультной среде, что не мешает ему преподавать каноническое право в Парижском университете. Со временем в его окружении появляются очень известные мистики: реноватор мартинизма — Папюс, основательница каббалистического розенкрейцерства — Пеладина, один из основателей теософии — Эдуард Шюр. Кроме этого, его видят в компании Леону Додета, сына Альфонса Додета, человека, который вместе с Шарлем Моррасом создал ультранационалистическое движение «Аксьон францез». В 1906 году Жорж Монти вступает в Орден мартинистов и очень быстро поднимается вверх по его иерархической лестнице. В 1908 году он по заданию Папюса едет в Египет. В 1909 году он примыкает к баварским розенкрейцерам. Но это еще не все. Он лично знакомится с губернатором Алжира и попадает в его окружение. Теперь он часто колесит по Европе: Рим, Париж, Берлин. В столице Германии он пробует себя в роли актера и зарабатывает небольшое состояние. Это одна версия жизни Жоржа Монти.

Но во французской оккультной литературе встречается и другая версия. Так, например, в своих мемуарах Анне Осмон писала следующее: «Мое последнее приключение было намного серьезнее. Это произошло в 1922 году. Как-то я получила письмо на желтой блестящей бумаге, такие обычно мне посылала Пеладина. Оно начиналось



со слов: Моя возлюбленная сестра во Христе. Под этим письмом стояла незнакомая мне подпись — Маркус Велла. Во время чтения письма я пришла к выводу, что Маркус Вела — это псевдоним Жоржа Монти, бывшего секретаря Пеладин. Он хотел встретиться со мной... Он говорил, что нуждается в моей поддержке во имя обновления ордена тамплиеров. Что он уполномочен тремя очень влиятельными немецкими ложами и пользуется большой поддержкой в Великобритании... пока он говорил, у меня складывалось совершенно новое впечатление о масонстве. До этого я знала лишь «вольных каменщиков» невысокого уровня, и они казались смешными. Они встречались в храмах, символики которых не понимали. Но теперь я поняла, что речь шла о грандиозном плане разрушения всего, что мне было дорого в формировании новой структуры, которая должна была вызвать катастрофы и апокалипсис. Чтобы наглядно продемонстрировать мне влияние новой структуры, которую он называл О.Т.О., он называл мне имена тех, кто руководил этим орденом в прошлом и кто руководил в тот момент. Но больше всего он восторгался знаниями гроссмейстера ордена — Алистера Кроули. Он говорил, что по сравнению с Кроули Жиль де Ре (французский серийный убийца) был просто агнецом. Кроули был практикующим сатанистом, а точнее говоря, дьяволом в человеческом обличье». И тут возникает мысль, зачем Монти создавать вместе с де Менгелем «Западную группу», если он был активным сторонником О.Т.О. (Ордена восточных тамплиеров)? И сам собой напрашивается другой вопрос: нет ли связи между скоропостижной смертью Монти и последовавшим за этим визитом де Менгеля в Берлин? Кто расправился с Монти, наверное, так и останется неразгаданной загадкой. Но кому во Франции де Менгель собирался продемонстрировать благодарность Гиммлера? Для ответа на этот вопрос нам придется еще раз обратиться к биографии де Менгеля.

В 1929 году де Менгель опубликовал в одном парижском издательстве свою работу «Эзотерика музыки». Там часто печатались многочисленные мистические изыскания, а их авторы нередко мог-



ли познакомиться друг с другом. Подобная ситуация наблюдалась во многих эзотерических журналах. В одном из таких журналов «Покрывало Изис» де Менгель знакомится с автором статьи «Символизм триединства» маркизом Жаном Риверой. Сразу же заметим, что позже Ривера вступил добровольцем в одно из эсэсовских формирований. Но еще больше связей де Менгель завел в журнале, издаваемом «Институтом прикладной психофизики» (И.П.А). Там он встретился с Луи Гастином и Марселем Виардом. Очень примечательные люди.

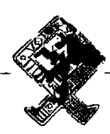
Луи Гастин был учредителем журнала «Сфинкс». На его страницах редакция пыталась провести синтез философии, науки и социологии. Кроме этого, Гастин был автором предисловий к книгам Папюса. Его мало привлекала сухая наука. Гастин всегда тяготел к мистике. Он тяготел к мартинистам. Это не удивительно, ведь именно Папюс оживил Орден мартинистов, фактически изобрел его. Марсель Виард был еше более колоритной личностью. Его всегда интересовала война, а точнее, причины возникновения войн. В своей книге «Натуризм войны» он приводил следующие аргументы, которые, по его замыслу, должны были оправдать войны всех времен. «Минералы поглощаются минералами, растения вытесняют другие растения, животные убивают животных. Так почему бы людям не уничтожать людей?» Война для него была совершенно нормальной естественной вещью. Он сравнивал войны с болезнями. Солдаты (лимфоциты общества) зажигали пожар, который сигнализировал, что государство не в порядке. Но для де Менгеля были важны отнюдь не философские выкройки этих людей. Они сыграли решающую роль в его жизни, так как познакомили с группой «Полярис». Той самой группой, которая опекала Отто Рана и помогала в его изысканиях. Кстати, его знаменитая статья «О символизме триединства» была изначально опубликована именно в вестнике «Поляриса». Вполне возможно, хотя и не факт, что в СС о де Менгеле узнали от Отто Рана. Но это всего лишь догадка.

В одной из глав я уже коротко упоминал о «Полярисе». Теперь пришло время познакомиться с этой группой более подробно. «По-

лярис», или «Полярное братство», изначально был группой эзотериков, которая хотела установить духовную связь с Тибетом, дабы опробовать новый тип оракула. Оракул должен был выдавать пророчества благодаря математическим действиям, которые переводили цифры в буквенное значение. То есть это было некое подобие математической машины. Если верить легенде, то именно таким образом было сформулировано название одной из главных книг «Поляриса», изданной в 1929 году, — «Мистическая Азия». Эта книга составлялась несколькими людьми, но всем творческим процессом руководил итальянец Зам Ботива. В написании книги участвовали в том числе Морис Мегре, тот самый человек, который подсказал Отто Рану идею о поиске Грааля в замке Монсегюр, маркиз Жан Ривера, который позже занимал очень ответственные посты в оккупированной нацистами Франции и был консультантом у гестапо, которое занималось преследованием и ликвидацией тайных обществ.

Изложенные в «Мистической Азии» идеи были отнюдь не новы. Еще в 1886 году часть из них появилась в работе Сэнт-Ив д'Альвейдра «Миссия Индии в Европе — Миссия Европы в Азии». В этой книге содержались высказывания о неком оккультном центре, Агарте, существовавшем в Азии. Но в ней друзья маркиза сообщали, что Сэнт-Ив д'Альвейдр не просто сообщал об Агарте, а нашел ее. Более того, он установил с ней астральную связь. По поводу «астральных прогулок» Джеймс Вебб сообщал буквально следующее: «Согласно некоторым оккультистам, астральной прогулкой назывался процесс, который позволял выйти из тела физического и путешествовать в теле астральном». Маркиз локализовал Агарту в Гималаях, естественно, добавляя при этом, что она «бесследно исчезла». Но исчезла не как факт, она продолжала существовать под землей, где почти 4 миллиона жителей возводили огромные города. Доступ туда имели «двенадцать мастеров высшего посвящения». Кроме этого, понтифик Агарты имел на земле своих суверенов.

Далее Сэнт-Ив д'Альвейдр долго и путано переходил к сущности эфира: «Неописуемая субстанция, святой элемент, который ве-



дет к вечности и ее божественным факультетам, звучит на санскрите как акаса, а в наших языках называется эфиром. Я указываю здесь читателю на все то, что писал в «Миссии евреев». Эфир — живой элемент, который очаровывает неизъяснимым способом и ведет к священному опьянению (исключительно духовному), при котором интеллект еще в состоянии сохранять контроль над личным сознанием».

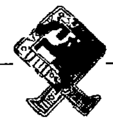
В 1924 году Фердинанд Оссендовский фактически совершил плагиат, когда частично от собственного лица изложил некоторые идеи Сэнт-Ив д'Альвейдра в книге, которая называлась «И звери, и люди, и боги». Как и д'Альвейдр, так и Оссендовский использовались «полярными» в качестве шаблонов для написания «Мистической Азии». Действительно свежей идеей у «полярных» было утверждение о нахождении надежного средства связи с оккультными властями Азии. У литературных предшественников такой идеи не было. Для постижения истины им приходилось совершать долгие утомительные путешествия. Суть этого оракула наверняка и осталась бы сокрытой, если бы Гастон де Менгель не основал бюллетень, где публиковал итоги исследований «полярных». В том же оракуле он сообщал о возникновении звездного оракула и его пророчествах. Каково же было удивление Гиммлера во время встречи с де Менгелем в 1937 году, когда он узнал, что на него самого и «полярных» гигантское влияние оказала одна и та же книга «И звери, и люди, и боги». С произведением Оссендовского Гиммлер познакомился сразу же после ее выхода в 1924 году. По ее поводу он сделал несколько письменных заметок: «История американца и его бегство из Сибири на Восток через Тибет и Монголию — Ужас большевизма, а затем великие мистерии и тайны Монголии — Далее о бароне фон Унгерне-Штернберге». Интересно, что Гиммлер любил оставлять многочисленные критические заметки по поводу прочитанных им книг. В случае с Оссендовским этого не произошло. Напротив, его заинтересовали «великие мистерии Монголии», и он даже сделал несколько выписок. Какие же фрагменты привлекли будущего

рейхсфюрера СС? Вот один из этих фрагментов: «Старики, живущие на Амыле, рассказывали мне древнюю легенду о том, как некое монгольское племя, спасаясь от ига Чингисхана, скрылось в подземную страну. Потом неподалеку от озера Ноган-Куль один сойот показал мне закоптелые ворота, ведущие, по его словам, в то самое царство Агарти. Когда-то давным-давно некий охотник проник через них в царство, а вернувшись, стал рассказывать всем об увиденных чудесах. И тогда ламы отрезали ему язык, чтобы он никому более не смог поведать о Тайне тайн. Состарившись, охотник вновь пришел ко входу в пещеру, чтобы теперь уже навсегда скрыться в подземном царстве, воспоминания о котором долгие годы согревали и радовали сердце кочевника.

Еще более обильные сведения получил я от хутухты Джелиба Джамсрапа из Нарабанчи, поведавшего мне таинственную историю прихода на землю могущественного Царя Мира, властелина подземного царства; хутухта описал внешность гостя, чудеса, творимые им, и изреченные пророчества. Тогда-то и оценил я, что за этой легендой, бытовавшей скорее в форме повального гипноза, скрывается не только некая тайна, но вполне реальная и властная сила, способная влиять на политическую жизнь Азии. С тех пор я стал жадно собирать любую информацию по этому вопросу.

Гэлун-лама — любимец князя Чултуна Бейли — дал мне общее представление о подземном царстве.

— В нашем бренном мире, — сказал гэлун, — непрерывно меняется все — народы, науки, религии, законы и обычаи. Сколько величайших империй кануло в небытие, какие культуры угасли! Лишь Зло — орудие злых духов — пребывает неизменным. Более шестидесяти тысяч лет тому назад некий святой скрылся со своим племенем под землей и никто их больше не видел. В подземном царстве побывали многие — среди них Шакья-Муни, Ундур-гэгэн, Паспа, султан Бабер и другие. Ныне же никто не знает, где находится это царство. Кто говорит — в Афганистане, кто — в Индии. Люди там не ведают зла, в царстве не бывает преступлений. Там мирно развиваются нау-

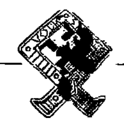


ки, и погибель ничему не грозит. Подземный народ достиг необыкновенных высот знания. Теперь это большое царство с многомиллионным населением, которым мудро управляет Царь Мира. Ему ведомы все скрытые пружины мироздания, он постигает душу каждого человеческого существа и читает великую книгу судеб. Он тайно управляет поведением восьмисот миллионов человек на земле, все они исполняют его волю...

К сказанному князь Чултун Бейли добавил от себя:

— Это царство называется Агарти. Оно тянется под землей по всей планете. Я сам слышал, как просвещенный китайский лама рассказывал богдохану, что в пещерах Америки живет древний народ, укрывшийся в свое время под землей. И сейчас на земле обнаруживают следы их былого среди нас существования. Правители этих народов ныне подчиняются Царю Мира, который является владыкой всех подземных пространств. Ничего необыкновенного здесь нет. Известно, что на месте двух великих океанов — восточного и западного — прежде располагались два континента Они опустились под воду, но люди успели уйти в подземное царство. В глубоких пещерах существует особое свечение, позволяющее даже выращивать овощи и злаки, люди живут там долго и не знают болезней. В подземном царстве обитает множество разных народов и племен». Какие идеи из книги Оссендовского привлекали «полярных», остается неясным.

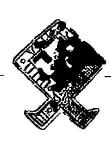
Но вернемся к «полярному» оракулу. Зам Ботива в «Мистической Азии» указывал, что идея оракула была ему открыта в небольшом городке, лежащем к северу от Рима, где жил таинственный отшельник, которого местные жители называли Отец Жульен. Отец Жульен доверил Ботиве «оракул звездных сил». Из описания отшельника было ясно, что он сам не был чужд оккультных занятий. На грубой шерстяной одежде он носил изображение розы и креста. В 1909 году Отец Жульен куда-то пропал. Зам Ботива утверждал, что он направился в монастырь, который располагался в Гималаях. Ботива якобы получил от него несколько посланий посредством оракула. Но некоторые послания были «подписаны» совсем незнакомыми



ему людьми. Сам оракул стал для Зама Ботивы новой «полярной звездой», которая светила во мраке, указывая свет к истине. Возможно, именно из этого сравнения родилось название «Полярного братства» («Поляриса»). В 1929 году, если верить преданию, «полярные» осознали тайну оракула, после чего и создали свое тайное общество.

Морис Мегре, парижский приятель Отто Рана, писал в своей главе в «Мистической Азии», что способ связи с «мастерами» мог показаться современнику абсурдным, несерьезным и даже легкомысленным. Он подчеркивал, что все новое, не имеющее четких доказательств, высмеивалось. И все равно настаивал на своей мысли. Предложенная коммуникация не имела никакого научного объяснения. Мегре вообще сообщал читателю, взявшему в руки «Мистическую Азию», что для ее прочтения требовалось немножко стихийной веры. Ему самому не казалось чем-то чрезвычайным и исключительным, что «полярным» удалось установить связь с людьми, живущими в Гималаях, откуда члены братства получали советы относительно познания мира, некоторые предсказания. Сами буквенно-цифровые пророчества не были для «полярных» чем-то особенным. Для них было само собой разумеющимся, что где-то в Тибете располагалась уединенная общность людей, находящихся на более высокой стадии эволюции. Впрочем, в это верили не только «полярные».

Мегре не ограничивал свою писательскую деятельность составлением «Мистической Азии». В 1935 году он издал книгу «Ключ к тайным вещам», которая вышла в свет в оккультном издательстве «Библиотека плотника». В этой работе он обобщал фактически все эзотерическое наследие последних десятилетий. В частности, о свастике он написал следующее: «Свастика стоит за силой времени и в качестве таковой является чисто буддийском символом, означающим круговорот жизни, в котором находится человек и от которого он может избавиться только благодаря очищению. В наши дни ее смысл достаточно сильно изменился, став символом поднимаю-



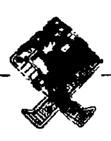
щих голову в Германии расовой ненависти и насилия». «Имеются различные интерпретации свастики. Бурноф видит в нем огненный символ. Макс Мюллер — символ солнца. Д'Альвилла — луны. Мадам Блаватская считает его знаком центра освященного мира. Рене Генон видит в свастике символ полюса». Упоминание «полярными» Рене Генона, классика традиционализма, далеко не случайно. В одной из самых известных работ «Царь мира» этот философ писал: «Мы хотим обратить особое внимание на следующий факт: центр, о котором идет речь, представляет собой неподвижную точку, которая во всех традициях символически обозначается как «Полюс», так как именно вокруг него происходит вращение мира, которое в основном представлено знаком колеса как у кельтов, так и у халдеев и индусов. Таким является истинное значение свастики, знака, который распространен повсюду, как на Дальнем Востоке, так и на Дальнем Западе, и который по сути своей является «знаком Полюса». Его истинное значение фактически впервые представлено современной Европе».

Но вернемся к книге Мегре, в которой он описывал центр посвящения: «Самой невероятной гипотезой является та, которая пытается подтвердить божественное происхождение мудрости. Некоторые оккультисты утверждают, что мудрецы ушли далеко от нас в развитии и населяют Венеру, откуда были присланы на Землю, чтобы дать людям знания Эти посланники дали указания своим ученикам, а те в свою очередь передают их остальным. Весь мир узнал от Оссендовского об Агарте... Сэнт-Ив д'Альвейдр подтвердил, что Агарта реально существует и даже, находясь под землей, является активной... Рене Генон стремится доказать, что Агарта — «земля бессмертия» — не всегда будет невидимой. Агарту нельзя узреть (до поры до времени), так как мы живем в эпоху тьмы — Кали Юги. Однако придет время, и Посвященные вновь явят себя миру».

Традиция, которая говорила об Агарте, на самом деле являлась историей Атлантиды, острова, поглощенного пучиной после великой космической катастрофы. Но далеко не все атланты погибли.

Часть из них спаслась на вершинах Гималаев, дабы хранить моральное наследие человечества. Оттуда они иногда возвращались в варварский мир. Маги халдеев, греческие сторонники культа Орфея, ессеи Палестины, пифагорейцы, египетские терапевты, галльские друиды — все они были проявлениями одного и того же ордена. Согласно этим представлениям, друиды пришли на самом деле не из центра Ирландии, а из Азии. В качестве подтверждения этого тезиса указывалось на сходство построения организаций друидов и лам. Впрочем, Ирландия тоже сыграла свою роль. Еще в 1220 году на этом острове существовал тайный центр, в котором горел «вечный огонь». Его существование поддерживали молодые девушки, которых называли «дочерьми огня». Угасание этого огня совпало по времени с крестовыми походами против катаров. Очевидно, что «полярные» увязывали воедино и традицию друидов, и представления альбигойцев. Более того, они утверждали тесную взаимосвязь европейских еретических учений с Гималаями. В орфической поэзии можно было найти стихи, которые почти слово в слово повторяли гимны Вед. В XI — XII веках биография Будды имела хождение в Европе в виде христианизированного романа о Варлааме. Буддистские и манихейские идеи попали в Европу через Византию. По крайней мере так считал Мегре. То есть он говорил о косвенном восприятии катаризмом буддизма. Определенные пассажи, действительно, могли навести на подобную мысль. Например, постулат о бессмертии души, которая множество раз возрождается, совершая некий жизненный круговорот.

В главе, посвященной Святому Граалю, Мегре не постеснялся упомянуть о своем знакомом Отто Ране — «молодом талантливом немецком писателе». Вместе с тем Мегре критически отзывался о нем, там как Ран не смог установить связи между буддизмом и катарами. Хотя о книге «Крестовый поход против Грааля» Мегре все равно отзывался с огромной симпатией, повторяя в своей работе даже некоторые отрывки из нее. Например, предположение Рана, что Грааль находится в одном из гротов Орнольяка.



В целом «полярные» оказали гигантское воздействие на оккультную среду Европы. Задать вопрос их оракулу приезжали очень многие, которые считали себе истинными посвященными. С оракулом общались и известные философы: традиционалист Рене Генон и Юлиус Эвола, воспевавший языческий империализм. В те дни в голосе «полярных» еще никто не слышал угрожающих ноток. Но у некоторых уже начал позвякивать металл. Маркиз Ривера описал в своем романе «В тени тибетского монастыря» буддиста, который попал в Париж тех дней. «По сравнению с ним во мне все было сомнительно, шатко и безнадежно. Я перепробовал все наши философии, все наши религиозные системы. все наши секты. Но нашел лишь профанизм и всеобщую незначительность... Наш Запад вообще профаничен... Я проникал в закрытые ложи, окунался в эзотерическую среду, знакомился с отцами оккультизма. Но все, что я слушал, было пустыми напыщенными фразами... Я не верю, что звезда инициации осветит небо Запада». Этот пессимизм с началом Второй мировой войны превратился в призыв к действию. Во время оккупации Франции «полярные» оказали еще большее влияние на оккультистов, когда пачками выдавали их в руки гестапо. На этом сюжете, пожалуй, стоит остановиться подробнее.

Главную роль в преследовании французских тайных обществ во время оккупации Франции сыграл Жан Маркиз Ривера. Если принять во внимание оценку, которую он давал тайным обществам Запада, то в его поведении не было ничего парадоксального. Он жаждал их искоренения как организации, которая порочила высокие идеи. После того как Третий рейх оккупировал север Франции, было создано специальное подразделение, которое должно было выявлять масонов и членов других тайных обществ. Оно начало свою деятельность 12 декабря 1941 года как на оккупированных территориях, так и во французских провинциях, контролируемых марионеточным режимом Виши. К 1944 году в штате этой службы, действовавшей на всей территории Франции, насчитывалось более 300 сотрудников. Сама эта организация называлась «Служба тайных

обществ» и имела очень показательную аббревиатуру — ССС. Жан Маркиз Ривера охотно вызвался возглавить деятельность ССС на севере страны. Он как никто лучше подходил для организации поисков тайных обществ. По сути, ССС превратилась во вторую тайную полицию. Центр своего ведомства Маркиз Ривера расположил в очень символичном здании по адресу Париж, бульвар Рапп, 4 — там в свое время располагалась резиденция теософского общества. Деятельность ССС курировала СД, а именно оберштурмфюрер Мориц. Впрочем, это был чисто идеологический контроль. Непосредственная деятельность «Службы тайных обществ» была связана с гестапо. Иногда задания Маркизу Ривере приходили прямо из Берлина. Так было с поручением выявить и ликвидировать французские Ротари-клубы. Но больше всего немцев интересовали масонские архивы. Их вывозили из Франции вагонами и передавали СД. Кстати, в наших средствах массовой информации постоянно всплывают сведения о том, что масонские архивы реквизировало «Наследие предков». Это заблуждение. Все архивы попадали в руки специалистов эсэсовской службы безопасности, которые сидели в здании, ранее принадлежавшем Берлинской масонской ложе. За несколько лет своей деятельности ССС смогла составить гигантский список французских масонов, в который попало более 60 тысяч персон. Часть из них оказалась в концлагере, часть была депортирована, часть казнена на месте. Из всех тайных обществ мистики Маркиз Ривера более всего ненавидел и презирал масонов. После освобождения Франции союзниками большинство сотрудников ССС было схвачено. В 1946 году над ними прошел суд. Жан Маркиз Ривера был приговорен к смерти. Остается только гадать, какие тайны он унес с собой в могилу?

Но вернемся из военной поры обратно в 1937 год, когда состоялась пресловутая встреча Гастона де Менгеля и Генриха Гиммлера. Изучая отдельные аспекты этого, казалось бы, незначительного эпизода в истории Европы, невольно задаешься вопросом: а собственно, кто на кого влиял? «Полярные» на руководство СС? Или руко-

водство СС на «Полярис»? Обратимся еще раз к сведениям, которые мы вскользь упоминали в предыдущих главах. Как мы помним, в июле 1937 года бригадефюрер СС Карл Мария Виллигут получил письмо от Гастона де Менгеля. По этому поводу он сообщал шефу личного штаба рейхсфюрера СС: «Мне был доставлен 23 июня 1937 года из Хельсинки в высшей степени таинственный диск, а затем господин Гастон де Менгель прислал мне не менее странное сообщение. В частности, он писал следующее: «Очень сильно работает ось, которая лежит северо-восточнее Парижа. Однако ось не проходит ни рядом с Берлином, ни около Хельсинки. Я смог определить исходный пункт сил из разреза. Он лежит в Мурме[1] (Лапландия) около 35 градусов восточной долготы и 68 градусов северной широты в окрестностях российского Ловозера. Я так же определил место расположения большого «Черного центра». Он лежит в пределах большого треугольника, который образовывается в западной Монголии городами Кобдо, Урумчи и Бакул». Я привожу это письмо к сведению, так как Гастон де Менгель спрашивал меня, что я думаю по этому поводу. Я счел эту информацию достаточно ценной и прошу уделить ей соответствующее внимание. Моя версия: в результате переговоров русских с Францией и Англией там могут создаваться авиационные базы. Что касается моего предположения, то его изучением могла бы заняться СД». Письмо имело гриф «Секретно!».

Как видим, в СС уделяли большое внимание геомантическим исследованиям. В 1934 году Виллигут знакомится с Гюнтером Кирхофф (1892 — 1975), который также проявлял повышенный интерес к древнейшей истории Германии. Кирхгофф высказал мысль о существовании неких геодезических энерголиний, которые проходили сквозь все континенты. Сегодня это эзотерическое учение получило название геомантика. Виллигут стал ярым приверженцем этой тайной науки. За год до визита де Менгеля в Берлин он совер-

[1]Судя по всему, Гастон де Менгель подразумевал Мурманск.

шил геомантическую экспедицию. Подводя ее итоги, он писал: «При сравнении выводов господина *Кирхгоффа* и найденных мною (на основании ирминистской веры) локационных систем выяснилось, что найденная мною система отклоняется на два градуса на восток от нулевого меридиана. Господин Кирхгофф на основании многочисленных наличествующих культовых мест и т. п. пришел к выводу, что его локационная система простирается в Европе от нулевого до 46-го меридиана; после обследования старых культовых мест можно заключить, что земная ось неоднократно менялась». Кроме этого, Виллигут был восхищен геомантическими выкладками Вильгельма Тойдта, который доказывал, что Экстернштайн являлся едва ли не главным «энергетическим» центром Европы. Таким образом, письмо де Менгеля уже не выглядит набором несвязанных слов, которые написал, казалось бы, не совсем нормальный человек. Очевидно, что де Менгель активно практиковал геомантику.

2 июля 1937 года к Виллигуту пришло еще одно письмо от Гастона де Менгеля. Французский мистик писал в нем, что получил от своего старого русского друга документы, которые рассказывали о том, что происходит в так называемых «Буддийских центрах», раскиданных по всему миру. Де Менгель пытался резюмировать суть этих документов, сделав для Виллигута некое подобие справки. В ней говорилось, что ранее тайными центрами всего буддийского мира являлись «Государство отшельников» и «Буддийский центр Чан Чен Коб». Но они оказались разгромленными в результате политических беспорядков. С этого момента «Государство отшельников» является «кочующим». В настоящее время оно пребывает в Тибете. За разгромом тайного центра стоит глава «Черного центра» Оунг Монг, известный так же как Хульктуку Ши, Черенский. Он выдавал себя за новое воплощение Будды, «нового наставника мира». Его учение охотно поддержано многими тайными обществами Европы и эзотерическими кругами. Более того, адепты «Черного центра» выдавали себя за посланников «Великого центра Света» (Агарты).

Даже пролив свет на странные письма де Менгеля, читателю вряд ли станет понятным, что это за Оунг Монг и «Черный центр»? Как ни странно, но речь шла о нашем соотечественнике, А. Керенском. Вряд ли стоит пересказывать его биографию. По мнению европейских мистиков, именно Керенский был «серым кардиналом» еврейской ложи «Бнай Брит». В 1926 году антисемитский писатель Карл Хайнц выпустил книгу «Оккультная логика», в которой подробно развил эти мысли. Гиммлер не без удовольствия прочитал ее, отметив в дневнике: «Очень серьезная работа, которая многое объясняет и позволяет прогнозировать события. Принцип добра и зла, который распространяется и на человеческое общество». Сознание рейхсфюрера СС было мифологизировано еще задолго до прихода нацистов к власти. В любом событии он видел результаты борьбы белых и черных магов, которые сражались за обладание этим миром.

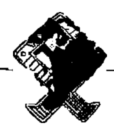
Как в СС прореагировали на откровения де Менгеля? Унтерштурмфюрер Курт Руппман, служивший в Личном штабе рейхсфюрера СС, сказал Гертрауте Шларб, секретарше Грёнхагена, следующее: «Мое частное мнение, но это написал напыщенный воображала. Видимо, он считает рейхсфюрера круглым идиотом, сбивая его с толку подобными глупостями. Де Менгель чересчур склонен к мистицизму, наверняка его факты перемешаны с личными фантазиями. Кроме того, у него может быть маразм — ему ведь 60 лет. Да и кстати... Если поверить, что организация хочет действовать втайне, как это описано здесь, то почему она светится на каждом собрании и конгрессе, где ее могут заметить сотни детективов?.. Для СД его сведения не имеют никакой ценности, в них не за что зацепиться». Но придворный маг Гиммлера не разделял такого скептицизма. Видимо, это во многом и предрешило его судьбу. В СС очень многие были недовольны тем, что вокруг рейхсфюрера вьются странные люди. Эсэсовских технократов вовсе не прельщало соседство с безумными мистиками. Не удивительно, что закат звезды Виллигута начался именно после того, как де Менгель уехал обратно в Париж.

Третье отступление

Восхождение Черного Солнца

> Боги вступают в борьбу со странной Силой, исказившей доисторическую чистоту, рискуя загрязнить свою огненную кровь, воплощая здесь свои формы, материализуя их, заключая их в неволю «концентрационной и повторяющейся Вселенной».
>
> *Мигель Серрано. «Воскрешение героя»*

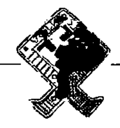
Ужасающие, смертоносные представления нацистов о мировом господстве вряд ли могли быть возможны, если бы они не питались мифически преображенной идеологией, которая изображала нордическую расу самой древней и могущественной из существовавших когда-либо на Земле. Политическая трактовка мифов, символов, сакральных и культовых мест всеобъемлюще помогала в том, чтобы создать особый «арийско-германский» народ, который должен был стать носителем высшей культуры и который должен оплодотворить другие европейские цивилизации и культуры. Многие лидеры Третьего рейха вынесли подобные установки из ранней юности, когда они ознакомились с концепциями и работами отдельных идеологов «фёлькише»-группировок. После наступления национал-социалистической эры подобные мифы были навязаны всему немецкому населению при помощи пропаганды и институтов воспитания. Сакральная солнечная символика «древних арийцев» полноправно заняла свое место в повседневности Третьего рейха. Солярные знаки и руны не просто служили элементами интерьера, они ориентировали на возрождение тысячелетней нордической религиозной традиции. В эсэсовском «Наследии предков» ученые мужи подводили под этот миф научное обоснование, организуя экспедиции и проводя археологические раскопки. Гиммлер, всегда интересовавшийся древними германцами, пытался создать для своего «Черного ордена» специальную религию. Гитлер вместе с Альбер-



том Шпеером участвовал в проектировании титанических сооружений столицы Третьего рейха, которая со временем должна была превратиться в центр всего мира. Посещая эти мегапостройки, немцы должны были вспоминать об особой миссии, которая была наследована «тысячелетним рейхом» из глубины веков.

Идея о нордической расе как носительнице света проявлялась почти в каждом массовом спектакле, устраиваемом режимом Третьего рейха. Это были и «Соборы света», возникавшие в Нюрнберге, и костры празднеств, посвященных солнцестоянию, и огненные свастики, составленные из сотен факелов, которые словно должны были выдернуть Германию из «иудо-большевистского мрака». Мифические герои доисторического времени, наподобие Зигфрида и Арминуса, будоражили фантазию молодежи, которая видела в них образец истинного расового героя — голубоглазого спасителя отечества. И наконец, начавшаяся мировая война была «легитимной» с точки зрения расширения жизненного пространства для нордической расы. Для рядового немца, оказавшегося во власти мифа, это была вовсе не агрессия. Эта была необходимая оборона, которая позволяла спасти древнейшую цивилизацию в истории человечества от славянского варварства и разлагающего влияния еврейства. Надуманные мифы стали причиной того, что в мясорубке Второй мировой войны погибли миллионы людей, а сама Германия стала восприниматься не носительницей света, а прибежищем мрака и зла.

Главные создатели «арийского мифа» не предстали перед Нюрнбергским трибуналом. Кто-то из них сумел скрыться, кто-то покончил с собой. Да и сам процесс над военными преступниками отказался от духовного анализа идеологии, господствовавшей в Третьем рейхе. Обвинители предпочли сосредоточить свое внимание на практике зверств и количестве жертв. Английский обвинитель как-то проговорился, почему союзники не стали обращать внимания на «духовную» сторону национал-социализма: «Если бы мы заговорили об этих вещах в зале судебных заседаний, то это, вне



всякого сомнения, могло быть использовано защитой для того, чтобы изобразить своих подопечных как душевнобольных. В итоге военные преступники могли оказаться на свободе как невменяемые».

Древние мифы о Туле, арийцах, Атлантиде, модернистское учение Гёрбигера о «мировом льде», странные исследования Германа Вирта, мистическая символика нацизма и его культовые места не попали в сферу разбирательств Нюрнбергского трибунала. Не говорилось о них в первых послевоенных работах, где авторы пытались разобраться, как и почему в Германии возник национал-социализм. Вероятно, шок от наступившего прозрения был слишком силен, чтобы попытаться при помощи строгой рациональности осознать абсолютно иррациональные компоненты национал-социалистической идеологии. Политические установки того времени были слишком узки для того, чтобы в полной мере понять мифически-фантастические построения идеологов «тысячелетнего рейха».

Между тем прошло почти 60 лет с тех пор, как те или иные сюжеты стали замалчиваться по каким-то причинам. Этот немалый срок позволяет лучше разглядеть, что произошло с Германией в 30-е годы. Но с другой стороны, за эти десятилетия нашлось немало подтверждений тому, что миф, помноженный на политическую идеологию, может вызвать к жизни страшные разрушительные силы. Этот урок должен быть очень важным, когда вновь в передовицах газет появляются сообщения о геноциде, религиозном фанатизме и безумных предводителях сект, готовых послать своих приверженцев на смерть во имя умозрительной идеи. История состоит не только из сухих цифр и проверенных фактов, она изобилует идеями, фантазиями, мистическими представлениями, которые нельзя попробовать на зуб, нельзя измерить или сосчитать. Но именно эти факторы являются мощнейшим импульсом, который способен подвинуть людей на безумные поступки. Исходя из этого, нужно признать, что мифологический фон, царивший в Третьем рейхе, после окончания Второй мировой войны никуда не исчез. Союзники, побоявшиеся касаться мифов, позволили существовать ему

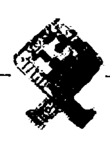
в латентном виде, постепенно превращаясь из идеологии в «подпольные представления». Со временем они стали выходить из подполья. В настоящее время страницы множества журналов и книг наполняют легенды, повествующие о «высшей арийской культуре», особые трактовки рун и солярных символов, рассказы о нордической протографии. Нынешняя Германия не является исключением. Более того, бывшие эсэсовские святыни, такие как Вевельсбург и Экстернштайн, вновь стали местами паломничества для неоязычников, правых эзотериков, неонацистов. Они посещают их вновь и вновь, возвращая этим местам их прежнюю ауру. Многочисленные интернет-сайты предлагают любому желающему специализированные туристические туры, в ходе которых рассказывается о «Черном ордене» СС и его мистериях. Многочисленные музыкальные группы весьма охотно тиражируют мистическую символику, связанную с мистическими представлениями Гиммлера.

Но это внешняя сторона дела. Находятся и те, кто всерьез пытаются возродить эсэсовскую религию. Несколько лет назад группа неизвестных проникла ночью в Вевельсбург. В крипте, на полу которой изображено «Черное солнце», был проведен специальный ритуал. О его сути мало что известно. Утром смотрители музея обнаружили, что постаменты двенадцати колонн были обернуты в белые полотнища, на которых были нарисованы черные рунические символы. «Черное солнце», изображенное на полу эсэсовского Камелота, уже давно заняло свое место в молодежной среде. Оно стало своего рода гербом правой эзотерической музыкальной сцены. Его можно увидеть на булавках, заколках, майках, наручных часах, обложках журналов и лазерных дисков. Оно стало символом компьютерной сети «Туле», при помощи которой европейские националисты обмениваются информацией. «Черное солнце» встречается везде, где начинают говорить «об исследовании индоевропейской культуры». Его поднимают на свое знамя и новые правые, и язычники — все, кто активно выступает за возрождение Европы и борется против «принесения в жертву европейских народов на алтарь муль-

тирасовой культуры». «Черное солнце» встречается на эмблемах оппозиционных издательств, например «Sol invictus» и многих других. С начала 90-х годов все активнее и активнее раздаются голоса, которые провозглашают, что «темнота не поглотила детей света и вновь начинает борьбу с силами холода и мрака». «Черное солнце» стало символом нового мифологического сознания.

Скорее всего, понятие «Черное солнце» впервые в оборот ввела Елена Блаватская, которая в своей работе «Тайная доктрина» упоминала «центральное солнце». Под этим словосочетанием она подразумевала незримый центр Вселенной, вокруг которого вращались все звезды и планеты. Это была некая причина и исходный пункт всего бытия, то, что в гностицизме называлось «творческим светом», а у поздних оккультистов «центром универсального электричества жизни». В современной физике ему соответствует понятие «большой взрыв». Есть оно и в традиционных религиозных практиках. Это некий творческий мрак, находящийся в начале всех вещей. В индунстской космологии невидимая «мировая душа» делает дыхание, и из этого порыва постепенно возникает материальный космос. В еврейской кабалистике мы можем найти «черный свет». Но у Блаватской «черный свет» был отличительной чертой исключительно тайного арийского учения, которое было вынесено с далекого Севера. Мистерия «центрального солнца» увязывалась ею с так называемой «гиперборейской расой» —легендарным древним народом, якобы обитавшим за Полярным кругом.

Вслед за мадам Еленой последовали многие немецкие расисты. В 1910 году Гвидо фон Лист писал о невидимом «первоогне», который являлся у арио-германцев синонимом Бога, так как «первоогонь» находился в начале всего космического развития. Так произвольно индуистские понятия были наложены на европейскую культуру. Оккультист Перит Шоу называл «центральное солнце» «Ядром эволюции», которое состояло из чистого духовного света. В своих воззрениях Шоу являлся полной противоположностью Канту и Лапасу, которые с чисто материалистических позиций представляли



мир развившимся из небольшого газового скопления. В своем произведении с программным заголовком «Будущее Германии с точки зрения космологического развития» Шоу увязывал мистерию «центрального солнца» с астрологической теорией эпох, которые проходили под определенными знаками Зодиака. Он был убежден, что не только наша Земля крутится вокруг Солнца, но и все планетарные системы вращаются вокруг незримого космического центра. Причем этот гигантский цикл составляет 26 тысяч лет. В 1923 году Перит Шоу провозгласил курс на подготовку к завершению очередного космического цикла и вступлению в «Эпоху Водолея» (эти идеи сейчас активно развиваются сторонниками теории «Нью Эйдж»). Наступление новой эпохи должно было сопровождаться повышенной чувствительностью людей к лучам «темного первосолнца». Он подчеркивал, что люди произошли от богов, а не от обезьян. При этом добавлял, что в Германии, стране, где наличествовала древнейшая цивилизация, это облучение приведет к неким революционным действиям. Не был чужд Шоу и антисемитизма. В своей работе он высказывал мысль, что евреи укрыли древние эзотерические знания, поставив на службу материальному достатку.

В Третьем рейхе «Черное солнце» появилось благодаря Карлу Виллигуту. Эмиль Рюдигер и Рудольф Мунд, самые преданные ученики Вайстора, трактовали этот символ как выражение «первосолнца», которое 230 тысяч лет назад освещало Северный полюс и находившуюся там Гиперборею. Именно лучи «Черного солнца» придали нордической расе особые способности. В качества иллюстрации они приводили выдержки из Гомера, который упоминал «гиперион», и германскую мифологию, которая упоминала бога молний Фарбаутра. Со временем небесное тело, именуемое «Черным солнцем», потеряло свою силу и стало невидимым. Узреть его в состоянии лишь особо духовные личности, но даже им для этого необходимо прибегать к особым ритуальным практикам (медитации, массажу зобной железы и т. д.). Случайные люди, увидевшие «Черное солнце», становились безумцами. Мы помним, какую роль Виллигут

играл при дворе рейхсфюрера СС. Но до сих пор неизвестно, воспринял ли Гиммлер идеи относительно «Черного солнца». Действительно, оно стало центральным символом Вевельсбурга. Но не исключено, что там оно играло исключительно декоративную роль, подобно тому как во времена Меровингов такое же значение имели витражи, на которых были изображены схожие символы. Не исключено, что колесо с двенадцатью рунами-спицами было всего лишь отражением идеи движения Солнца и звезд.

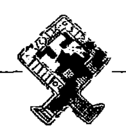
Вновь «Черное солнце» всплыло в 50-е годы в Вене. Именно там бывшие эсэсовцы и ученики Виллигута Рудофльф Мунд и Вильгельм Ландиг решили рассказать подрастающему поколению немецких оккультистов о специфической идеологии СС. Рудольф Мунд рассказывает (впервые!) в своих статьях о Карле Марии Виллигуте и Йорге Ланце фон Либенфельсе. Почти сразу же после этого он пишет небольшую работу, посвященную мифу о «Черном солнце». Ландиг помещает «Черное солнце» в центр своей монументальной трилогии. Она состояла из следующих романов: «Идолы против Туле» (1971), «Время волка в Туле» (1980), «Мятежники из Туле» (1991). В этих книгах, которые должны были воодушевлять молодую националистически настроенную публику, он излагал мифологические воззрения руководства СС. Самое «Черное солнце» он описывал как исходный пункт всего арийского, первоисточник арийского духа, тайный символ Туле, луч величия и светлый источник мудрости.

Основное значение «Черного солнца», по мнению Ландига, было в свое время вытеснено из германской души еврейско-христианской религией. Оно же на самом деле состояло в «древних знаниях» о «рождении нордической души из света звезды» и пришествии германцев из далекой «полуночной горы», где когда-то восседал Люцифер. Последний, в духе Отто Рана, провозглашался светлым подателем, который был низринут в вечную темноту ада. В итоге вся мировая история являла собой неутихающую борьбу между «Туле» и «Иудой». Германская и еврейская религиозность находились на раз-

личных полюсах. В ходе этого противостояния «Черное солнце» превратилось в символ нордического сопротивления. В германской религиозности отдельный человек продвигается вперед к богу, дабы погрузиться в божественное бытие. В еврейской традиции существует «персонифицированный бог», который снизошел к одному племени, ставшему избранным.

По мнению Ландига, дольмены и каменные круги, находящиеся в Передней Азии, указывали на то, что в свое время этот регион был заселен индогерманцами. Однако в 1250 году до нашей эры эти страны были захвачены евреями, которые начали массовые убийства, «санкционированные» их божеством. Ландиг охотно ссылается на Библию, особенно на Ветхий Завет, где в изобилии встречаются указания на массовые расправы, творимые «богоизбранным народом». В трилогии о Туле красной нитью проводится мысль, что самонадеянность и кровожадность евреев стала причиной «легитимности» их страданий в XX веке.

Наиболее наглядные иллюстрации Ландиг приводит в связи с войной царя Давида против аммонитян. Акцент на этом сюжете далеко не случаен. Процитирую Библию: «Народ же бывший во взятых городах вывели. Клали под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросали в обжигательные печи» (II Цар. XII, 29,31). То есть Ландиг не больше не меньше создавал историческое оправдание холокоста. Вообще для Ландига весь Ветхий Завет был сплошным доказательством жестокости и кровожадности еврейского народа. Избранность в глазах Яхве, по мнению бывшего эсэсовца, привела к тому, что уже в ветхозаветные времена евреи стали задумываться над мировым господством. В свой трилогии он на многих страницах разоблачал мировой еврейский заговор. Начиная от Ротшильдов и Рокфеллеров и заканчивая ООН, которая должна была создать «мировое правительство». Последнее должно было устранить все этнические различия между людьми, повсеместно ввести генную инженерию и системы компьютерного контроля.

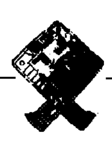


«Черное солнце» на страницах романов Ландига превращалось в символ сопротивления Европы, которая не хотела мириться с еврейско-американским капитализмом и мультикультурными утопиями. В романе «Мятежники из Туле» автор вывел на страницах своего произведения персонаж — харизматического преподавателя, «высокого мужчину с седыми, коротко подстриженными волосами». Перед учениками из класса, объявленного вне закона, этот учитель делает специфические доклады, которые по своему содержанию и структуре очень напоминают исследования, проводимые в недрах «Наследия предков». Он рассказывает им о мегалитах, Атлантиде, древнейшей мифологии. Вместе с тем он требует от «новых мятежников», чтобы те восстали против пустого общества всеобщего благоденствия, в котором господствуют материализм, сила. Вместе с тем он клеймит современное понимание истории, так как ученые специально замалчивают сведения о глубоком германском прошлом. Вполне очевидно, кому адресовал свои романы Ландиг — молодежи, которая должна изыскивать «древние идеалы». И вновь знакомые пассажи. Осознание культуры мегалитов, распространившейся по древней Европе, является ключом к истинному мистическому преображению, постижению тайн Туле, где когда-то тысячелетия назад жила истинная раса, приближенная к богу. В этих романах немец изображается как мечтатель, которым он всегда и оставался. Только германец в состоянии чувствовать колебания Вселенной. Только германец может рождать метафизические и идеалистические мысли. Современный мир представляется Ландигу холодным, бездушным, разрушающим природу. Этот мир диаметрально противоположен подлинным ценностям доисторического времени. Книги Ландига очень умело использовали страхи тех молодых людей, которые не принимают современного материализма. Не удивительно, что на правой рок-сцене они сразу же стали культовыми.

Похожую гремучую смесь из мифов, антисемитизма и оправдания Третьего рейха мы можем найти и у других писателей, утвер-

ждающих, что они посвящены в тайные науки. Но в отличие от Ландига они не скрывают своих намерений, не маскируются — в их работах Гитлер является не просто политическим деятелем, а «божественным воплощением». Я говорю о бывшем чилийском дипломате и экзальтированном писателе Мигеле Серрано и француженке, принявшей индуистское имя — Савитри Дэви. В то время как Ландиг не решался провозглашать Гитлера исключительной фигурой, а уж подавно Великим Посвященным, Серрано и Дэви видели в фюрере «аватару». Это словечко было заимствовано из индуизма как символ человеческого воплощения бога Вишну, который возрождался в великих деятелях в смутные времена, как бы спеша человечеству на помощь.

Савитри Дэви «в миру» изначально звали Максимиани Портас. Она родилась в 1905 году в Лионе. Именно первой из всех многочисленных поклонниц Гитлера стала прославлять фюрера в эзотерическом духе. Ее оккультные разработки до сих пор пользуются большой популярностью у неофашистов всего мира. Если верить Николасу Гудрик-Кларку, который написал не только всемирно знаменитую книгу «Оккультные корни нацизма», но и менее известную работу — «Гитлеровская жрица», Савитри Дэви прожила странную жизнь. Уже в раннем детстве у нее наблюдались специфические черты характера. Позже этот зародыш превратился в странное мировоззрение, где каждому историческому и политическому событию находилась своя мистическая трактовка. Уже с юности она питала устойчивое отвращение к идеалам Французской революции (свобода, равенство, братство). Она видела в них искажение и извращение самой человеческой сущности. В школе она не раз наказывалась за неприличные жесты, которые делала перед памятной доской, на которой излагались права человека. В то же время она пылала страстной любовью к животным и не могла видеть их страдания. Для сельской местности Франции забой скота — явление самое что ни на есть обыкновенное. Ее противоречивые взгляды, помноженные на презрение к людям, рано или поздно должны были поставить под



сомнение истинность западных гуманистических идей, которые делали основной ценностью бытия человеческую жизнь.

Попав как-то на древнегреческие развалины, она была околдована античными мифами. В ее взглядах все чаще и чаще стала проявляться тоска по исчезнувшим языческим культурам. В них она не видела лицемерия и ханжества, присущих западному христианству. Постепенно ее интерес переключился на арийцев. Она не раз задавалась вопросом: кем были эти кочевые северные народы, которые обрушились на Индию 4 тысячи лет назад, создав там в итоге высокоразвитую культуру? Не прибыли ли они из Европы, где была распространена древняя арийская культура, воплощавшая в себе совершенно иные ценности, которые поднимались на щит иудео-христианством? Визит в Палестину разжег в ней первые искры антисемитизма. Одинокая, она бродила по кварталам старой части Иерусалима, где сталкивалась с непривычным экзотическим миром, который испугал Максимиани. Непривычные обычаи и одежда, чуждые лица и голоса, черные шляпы, пейсы и длинные бороды, загадочные и непонятные ритуалы, молитвы перед Стеной Плача — все вызывало у нее неприязнь. Максимиани стала отвратительной сама мысль, что евреи могут быть богоизбранным народом. Она не верила больше Библии, которая говорила об этом. Увлечение древними цивилизациями рисует ей картину огромной и монолитной языческой Европы, чьи последние следы стоит искать в Индии. После этого экзальтированная француженка принимает индуизм и новое имя.

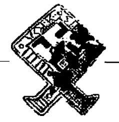
Весной 1932 года, когда Максимиани было всего лишь 27 лет, она заканчивает университет. Это событие она решает отметить, оказавшись на крупном празднике, где воспевались подвиги Рамы, одного из главных героев индийского эпоса «Рамаяна». Словно опьяненная, она созерцала богатство красок, роскошь костюмов, изысканность запахов и благозвучие музыки. Украшенные слоны перемещали символическую беседку, в которой восседали Рама и Сила. За слонами шествовали прекрасные юноши, которые несли в руках

факелы, а восторженные зрители, выражая почтение к предкам, заваливали процессию букетами прекрасных цветов. Преклонение темнокожего населения, живущего в основном на Юге Индии, перед более светлой парой, ехавшей на слонах, показалась француженке некой аллегорией, которая несла в себе следы прежнего арийского завоевания. Нечто подобное она уже видела в Германии, где вновь набирали силу расизм и идеология превосходства арийской расы. В старых брахманских текстах действительно шла речь о том, что дравиды, коренные жители Индии, изображались как темнокожие и носастые. Арийские завоеватели свели их до уровня рабов и обезьян. Еще больше ее поразило, что пока в Европе набирали силу социалистические, либеральные и гуманистические идеи, в Индии неизменно сохранялась кастовая система Брахманы, являвшиеся далекими предками светлокожих завоевателей, сохранили свои господствующие позиции. Потомков арийцев в Индии отличали честь, ум и сила воли. Воодушевившись этим архаичным миром, француженка приняла имя Савитри Дэви. В 1936 году она приложит все усилия, чтобы ее новая Родина оказалась спасена от влияния иудео-христианской «уравнительной философии». Как-то в одном из индийских домов она увидела фотографию Гитлера, которая была водружена на домашний алтарь. Возможно, индийцы почитали его как человека, носящего свастику, символ сохранения космического порядка. Возможно, они делали это в знак протеста против колониального владычества Англии. Но француженка, носящая индийское имя, увидела в этом факте попытку борьбы против европейского материализма. Она с головой уходит в изучение старых текстов и становится восторженной приверженкой индуистских культов. Ее восхищает, что в индуизме человек со своими творческими и деструктивными началами являлся всего лишь песчинкой во вселенских процессах. Индуизм восхитил ее, скорее всего, не как религия, а как художественное восприятие природы, сопряженное с высокоморальным отношением к ней. Сами же культы Индии виделись ей вечным танцем, где почитались как увядание, так и возрождение.

Вовлечение в индуизм привело Дэви к выводу, что в Европе необходимо насадить совершенно иную религиозную практику, принципиально отличную от христианства с его чувством вины и осуждением природы. Новый культ должен был строиться на проникновении в красоту космических процессов, которые можно было постигнуть благодаря медитации, танцу, молитве. Именно в этом Савирти Дэви видит суть «арийского» миропонимания. Она всерьез полагала, что когда-то подобные культы господствовали по всей Европе.

Одержимая страхом, что ее новая Родина будет морально уничтожена западными ценностями, Дэви начинает сотрудничать с агрессивными и экстремистскими организациями индуистов. Одновременно с этим она все с большим и большим восторгом наблюдает за национал-социалистической Германией, которая кажется ей последним европейским пристанищем истинных религиозных представлений, которые могут спасти мир. И тут мы можем найти несколько очень странных совпадений. Подобно индуистам, национал-социалистические идеологи говорили о «золотом веке» как эпохе наивысшей гармонии, которая сменялась периодом постепенного упадка и дегенерации. В облике Гитлера Дэви находит несколько характерных черт — он любит животных, заботится о рабочих, матерях и детях, провозглашает идеалы здоровой и гордой молодежи. Это не что иное, как отзвук тоски о райском, золотом, доисторическом существовании арийцев. По ее мнению, миссия фюрера выходит далеко за пределы Германии, так как он поднял голос протеста против наивной веры в прогресс, против уничтожения природы. Подлинные истоки появления такой фигуры, как Гитлер, виделись Дэви в «таинственной, безошибочной и безликой мудрости лесов, океанов и космического пространства».

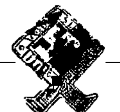
Она верила, что Гитлер воплотил в себе вечность природной мудрости, которая должна быть обращена против узости зарвавшегося интеллекта. «Мертвая голова», символика «Черного ордена СС», трактовалась ею как оправданное насилие, которое направле-



но на благо человечества, дабы то вновь вернулось в «золотой век». Череп и кости — это новый символ касты воинов — европейских кшатриев. В отдельных выдержках из «Бхагават Гиты» Дэви находит схожесть с кодексом чести СС. Это еще больше укрепляет ее в мысли, что нацистский и индийский боевой дух являются родственными. Например, очевидна схожесть, когда идет речь о действии, направленном не на личное благо, а на достижение общей цели, или презрении к боли во время битвы.

Однако «гитлеровская жрица» попала в восхитившую ее Германию только после войны. В 1953 году она посещает ФРГ, которая вызвала в ней бурные противоречивые чувства. Первые впечатления — поездка по железной дороге, которую окружают искореженные ландшафты, «исполненные болью и яростью». Несмотря на запреты, Дэви начала вести в Германии нацистскую пропаганду. Власти арестовали ее и поместили в женскую тюрьму, где она встретила бывших работниц концентрационных лагерей, которые стали для нее новыми культовыми фигурами. В Герте Элерт, санитарке из Берген-Бельзена, она увидела «классическую красоту повелительниц древней Германии». Она посвятила ей исполненные эротизма строки: «Я не могла отнять свои глаза от этих пленниц».

Во время своего паломничества в Германию Савитри Дэви посетила многие культовые постройки нацистского движения. Но особое значение она придала «гитлеровским местам», которые она со временем превратила в своеобразные «храмы для посвящения». В церкви Леондинга, месте рождения родителей Гитлера, ей привидится мать с ребенком, вступающая в храм. При этом лицо ребенка будет сиять светом безграничной любви, в нем будет гореть огонь гения. Пораженная этим видением, она придет на могилы родителей фюрера, где найдет только увядшие цветы и скромные надгробия. Часами она будет искать темные розы, дабы возложить их на могилу. При этом она натолкнется на школьных товарищей Гитлера, которые вызовут в ней рождение новой картины. Ее потрясли их слова: «Мы все любили его. Иной мир, который привел к его гибе-

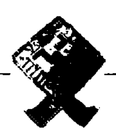


ли, также бы полюбил его, если бы только там знали, каким он был на самом деле».

В Бранау, на родине Гитлера, она садится в кондитерской лавке напротив родного дома фюрера и наблюдает за неторопливой мирной жизнью небольшого австрийского городка, за его уютными магазинами, покрашенными фасадами домов, цветущими деревьями, что стояли под окнами. Она погрузилась в мечты и размышляла о непостижимом для жителей этого городка факте — именно здесь 64 года назад неприметная пара дала жизнь «богоподобному ребенку», в котором воплотились «весь интеллект, вся сила воли и героизм, передаваемые из поколения в поколение. Именно этому ребенку предстояло дать жизнь новой цивилизации. Этот ребенок после легендарного Бальдра был первым дитем света, который мог спасти Запад».

Далее она поехала в горную резиденцию Гитлера Бергхоф, где, поднявшись на скалы, испытала новые трансовые видения. Следующую медитацию она провела в Нюрнберге на поле «Цеппелин», где проводились партийные съезды. Она буквально видела ликующие массы. Утопая в море знамен, огнях прожекторов и факелов, они маршировали перед ее внутренним взором. При этом она бросала себе горький упрек, что могла бы сражаться за Гитлера, нежели бесполезно тратить годы, проведенные в Индии. Но апогеем и мистическим финалом паломничества Савитри Дэви стало посещение Тевтобургского леса. Она бродила по его чащобам, после чего совершила шаманский ритуал в Экстернштайне. Посреди ночи она легла в каменный гроб у подножия скал и долго молилась о возрождении национал-социалистической Германии: «Я не могу сказать, как я долго находилась в состоянии смерти в этом гробу. Но это не было продолжительной темнотой».

Во время своей поездки по Германии Дэви устанавливает первые контакты с бывшими эсэсовскими офицерами и их родственниками. Она знакомится со вдовой Отто Олендорфа, который был осужден в Нюрнберге за казнь 90 тысяч человек. Вместе с новой



подругой они посетила его могилу. Здесь Савитри Дэви чтила его как «современного арийского героя», который полностью соответствовал духу «Бхагават Гиты». В конце 50-х годов она установила дружеские отношения с асом Люфтваффе Гансом Ульрихом Руделем, который познакомил ее с такими высокими эсэсовскими чинами, как Отто Скорцени и Леон Дегрель, в то время стоявшими за спиной международного неонацизма. В 1961 году вместе с Колином Джорданом, вождем английских ультраправых, она посетила Стоунхендж, где совершила ритуал в честь древнеевропейских арийских богов. Международные журналы постепенно распространяли ее эзотерическую философию по всему миру. И даже сейчас в правом движении можно заметить ее след. Неформальный предводитель ревизионистов, опровергающих «миф о холокосте», Зюндель как-то опубликовал записи многочасовых бесед с Дэви.

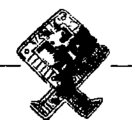
Но куда большее влияние на неонацистские круги оказывал и оказывает до сих пор бывший чилийский дипломат Мигель Серрано. Вдохновленный идеей о том, что Гитлер являлся «аватарой», этот чилиец разработал целую философию «эзотерического гитлеризма». Его книгу «Золотая лента», подобно трилогии Ландига о Туле, можно спокойно достать в Европе. Она считается эзотерическим, а не неонацистским произведением. Да и сам Серрано с трудом умещается в прокрустовом ложе представлений о неонацистах. Он получил блестящее образование, стал известен благодаря своим талантливым стихам. В свою бытность он был дружен с такими известными личностями, как Карл Густав Юнг, Герман Гессе, Индира Ганди. В основном он описывает свои внутренние переживания. Приверженцем Гитлера он стал после встречи с одним из «мастеров». Хотя первое впечатление о Гитлере у него было совершенно иное. Вид фюрера показался ему комичным: нелепые усики, странная прическа с челкой. Встреча Серрано с «посвященным», видимо, произошла во время десятилетнего пребывания в Индии, где он служил дипломатом. Именно этот человек, чье имя так и осталось неизвестным, «открыл ему глаза на истинное значение Гитлера и

глубочайший смысл Второй мировой войны». Этот анонимный мастер научил Серрано видеть Гитлера на «астральном уровне», где он представал «носителем света, пришедшим из другого мира». Его миссия заключалась в том, чтобы предотвратить катастрофу, вызванную наступлением «нового железного века». Индуизм давно развивал представления о том, что появление «аватары» связано с космическими циклами. Эта мысль была положена в основу воззрений Серрано относительно Третьего рейха. Подобно брахманам, он верит, что человечество постепенно скатывалось из «золотого века» в «железный». Новая эпоха характеризовалась разногласиями между человеком и природой, упадком традиций, появлением атеизма. Чтобы вернуться в изначальное состояние, требовался мощный сверхчеловеческий толчок. Гитлер, согласно Серрано, попытался остановить дух дегенерации. Но его попытка закончилась неудачей. Однако «последний аватара» (так Серрано называл Гитлера) завещал дух борьбы, который пока покоится для того, чтобы в один момент восстать снова. Для этого Гитлер предпочел пожертвовать собой. Для Серрано Гитлер не просто жертва — он мученик, приближенный к Богу.

В своей метафизической трактовке Третьего рейха Серрано переплюнул всех правых эзотериков и неонацистов. В одном из отступлений я уже описывал, как мифы, легенды и символы влияли на мышление многих нацистских руководителей и рядовых немцев. Но Серрано видит лишь глобальные архетипы, которые делают человека орудием в руках высших сил. Он выдвинул тезис, что во Второй мировой войне в действительности сражались не народы, не доктрины, не государства. Борьба шла между сверхъестественными, надчеловеческими силами, которые сражались друг с другом еще с доисторических времен. Божественные и демонические духи были воплощены соответственно в немецком и еврейском народах. Эти две силы уже давно вели борьбу за контроль над Землей. Этот тезис — типичный пример извращения эзотерического мышления, которое навязывает мысль о главенстве верховных сил и отсутствии

индивидуальной ответственности. С этой точки зрения даже варварство может быть оправдано как некая жизненная необходимость.

Серрано видит подобный конфликт архетипов в том, что на протяжении всей истории евреи пытались отрицать факт неравенства людей. В то же время, по Серрано, на планете всегда имелись различные расы. Одни из них были земными, другие, как, например, гиперборейцы, возникшие благодаря «Черному солнцу», небесными. В отличие от животных (земных) рас, «дети звезд» всегда стремились к высшим, благородным целям: чистоте, идеализму, мистическому переживанию, почтению Бога. Евреи осквернили эти идеалы своими содомитскими заблуждениями. В качестве доказательства этого тезиса Серрано приводит следующий пример. Он указывает на Ветхий Завет, где говорится об Исаве, который родился «весь как кожа косматый». На основании этого отрывка Серрано делает вывод, что мать Исава состояла в половой связи с низшими сущностями, что было проявлением ее низменных стремлений. Из стыда главенство над родом передается не Якову, а зверочеловеку Исаве. Для Серрано это первый акт, осуществленный евреями, в деле искажения и извращения истинной традиции. Далее для удобства евреи придумывают бога Яхве, дабы как-то компенсировать собственную ущербность и порочность. Постепенно хитрое священничество превращает «извращенный» народ в «избранный», попутно пытаясь вселить чувство вины всем другим народам и расам. Изобретение понятия «первогреха» должно было ослабить германцев, принявших христианство, так как арийская раса не знала доныне вообще понятия вины и греха. После Второй мировой войны евреи создали призрак «коллективной вины», который должен был окончательно поставить на колени арийские племена. Даже трактовка событий времен Второй мировой войны получилась обезличенной: «Мистические СС не уничтожали людей только для того, чтобы убить их. Скорее уж их бессмертные боги сражались с другими существами и божествами».



При всем этом Мигель Серрано прекрасно разбирался в нацистской мистике. Он совершал «паломничества» по следам Йорга Ланца фон Либенфельса и адептов «Ордена новых тамплиеров». Он читал в оригинале труды Ганса Гёрбигера и Отто Рана. Он даже умудрился лично познакомиться с 94-летним Германом Виртом. Но он не опирался на эти теории, он поднимал историю нацизма на космический уровень. В то время как Вирт или Ран пытались в своих трудах найти какое-то зерно правды, Серрано видел в них лишь инструмент вечных сил, за которыми люди просто вынуждены следовать. Подобную оценку в «Золотой ленте» он дает и себе: «Я — пленник мифа, полностью предопределенный мощнейшими архетипами. Должен ли я стать жертвой духовных исканий? Кто знает? Я могу прожить свою жизнь до конца, пока они не проявятся во внешнем мире, или не уничтожат меня в огне, или же не увезут меня на солнечной колеснице, чтобы я примкнул к великой армии героев». В конце книги Серрано слышатся трагические нотки. Он даже говорит о «пении миннезингера, которое нельзя прочесть, а можно лишь только всосать в себя подобно тому, как каменная чаша Грааля наполняется голубой кровью — голубой сутью Гипербореи». Мигель Серрано до последней минуты будет надеяться, что во всемирной истории все-таки произойдет решительный переворот. Хотя он уже не возлагает надежд на Германию, так как она оказалась перевоспитанной. Из Третьего рейха она превратилась в страну иллюзий, материализма. Германия стала страной без души. Серрано с надеждой взирает не на какую-то конкретную державу. Его взгляд устремлен далеко на юг, в Антарктиду. Именно там в подземных пещерах возник новый рейх, а его «последние батальоны» только ждут приказа, чтобы подняться на поверхность. Эти строки приближают нас не к мифам, а к какой-то техногенной фантастике. Впрочем, легенды о «полой земле», НЛО неплохо уживаются по соседству с «Черным солнцем» и Туле.

В 1993 году в Германии вышла книга, стотысячный тираж которой был раскуплен почти моментально. Это была книга Жана ван

Хельсинга «Тайные общества и их власть в XX веке». Не прошло и нескольких месяцев, как издание этой книги было запрещено в связи с исками двух еврейских общин. Запрет распространялся даже на ее размещение в Интернете.

С одной стороны, автор не сказал ничего нового. Книга повествовала о еврейском заговоре и тайных обществах, которые, сталкивая народы, на протяжении столетий провоцировали войны, катаклизмы, кризисы революции. Сенсацию вызвала та часть книги, где были напечатаны размытые фотографии документов, на которых под лупой можно было разглядеть свастики и руны. Эта нацистская символика сочеталась с названиями «Вриль» и «Один». Жан ван Хельсинг утверждал, что эти документы являются подлинными и он получил их от британских спецслужб, которые в свою очередь изъяли их в конце войны из эсэсовских архивов. На основе никак не доказуемых утверждений автор строил собственную теорию, в которой утверждал, что Общество «Туле» и СС в конце 40-х годов совместно разработали летающий аппарат «Черное солнце», который был оснащен антигравитационными моторами. Именно на этом летательном аппарате нацисты смогли добраться к звезде Альдебаран. В создании этих уникальных моторов якобы принимали участие Карл Хаусхофер,Рудольф фон Зеботтендорф и австрийский изобретатель Виктор Шаубергер. На эти разработки они получили принципиальное согласие от Гитлера, который, если верить ван Хельсингу, несмотря на сложное положение на фронтах, одобрил план по ускорению создания «чудо-оружия». Без каких-либо конкретных указаний и ссылок ван Хельсинг приводит сведения, которые были «открыты» еще в 1988 году австрийским оккультным обществом «Темпельхоф». Авторы ряда брошюр, числившиеся в этой структуре, утверждали, что еще в 30-е годы Зеботтендорф и Хаусхофер и две неизвестные женщины во время одной из медитаций приняли послание с Альдебарана. Послание отправили некие «Светлые белые боголюди», которые многие тысячелетия назад приходили на Землю, дабы создать некое подобие своих филиалов на материках

Туле и Атлантида. Чтобы помочь арийцам во время Второй мировой войны, эти мифические «боголюди» передали немцам высокоразвитые технологии, которые позволяли создавать особые летательные аппараты. Делалось это для того, чтобы немцы смогли вернуться на свою далекую прародину и получить там необходимую помощь. Некоторые из этих летающих тарелок после окончания войны высокопоставленные нацисты перевезли в Антарктиду, где в подземных пустотах были основаны специальные колонии, своего рода Четвертый рейх.

Помноженные на антисемитизм, подобные мифы об НЛО должны были стать некой эзотерической разгрузкой от ужасов прошлого. Подспудно внушалось, что Гитлер и СС обладали не только особыми трансцендентными способностями, но и высокими технологиями, что позволяло создать далеко не мифологического «сверхчеловека». Идеал истинного арийца теперь представал как «боголюди» с Альдебарана, которые рано или поздно должны вмешаться в земные события и победить силы тьмы. Теперь «Черное солнце» выступает уже не в роли незримого светила, а названия летательного аппарата, созданного в недрах СС. Приближение эры Водолея вновь вызывает активность «центрального солнца», а стало быть, древние мистерии о борьбе между «арийским светом» и «еврейским мраком» вновь становятся живой реальностью. В таком запутанном и почти фантастическом виде появилась новая легенда о немецком расовом превосходстве. На этот раз она комбинировала легенды и фантастику, полуправду и откровенные вымыслы. Эта фантазия не имела бы такого разрушительного влияния, если бы не опиралась на некоторую истину. Действительно, в конце войны в Германии предпринимались попытки создать летающие аппараты в виде тарелок. В 50-е годы о летающих тарелках заговорил весь мир. НЛО-мания не позволила заметить небольшие заметки в немецких журналах. В 1943 году конструктор Рудольф Шривер в Праге начал разрабатывать дисковидный аппарат, который должен был развивать скорость, в четыре раза большую, нежели у обычных истреби-

телей. Георг Кляйн, один из сотрудников Альберта Шпеера, описывал, как 14 февраля 1945 года собственными глазами видел полет этого «чуда»: «Этот опытный образец в течение трех минут мог достигать высоты 12 400 метров, при полете по прямой развивая скорость 2200 километров в час. При первом же испытательном полете была вдвое превышена скорость звука. Если учесть, что диск имеет идеальную аэродинамическую форму, то можно было ожидать, что аппарат смог бы достигнуть скорости 4 тысячи километров в час». Если верить Кляйну, то при наступлении русских все опытные образцы и уже почти готовые машины были разрушены. Однако один прототип попал в руки Красной Армии. Это произошло во Вроцлаве. По другим сведениям, он достался Штатам.

Или другая правда, которая может сбить с толку. Действительно, в 40-е годы в СС проводились опыты по преодолению гравитации. Эти опыты связаны с именем австрийского ученого Виктора Шаубергера. Его разработками заинтересовался лично Гитлер, который хотел добывать энергию прямо из воды и воздуха. Реализация этого проекта сделала бы Германию независимой от поставок нефти. Сам изобретатель был талантливым натуралистом, который пытался постичь тайны воды еще во времена, когда работал лесничим в Богемии. В первую очередь Шаубергера интересовали водонепроницаемость, способность воды передавать температуры и формы движения. Особое внимание он уделял вихрям, которые могли возникать в водяной среде. Подобные вихри могли позволять воде течь вверх, а не только стекать вниз. Если бы Шаубергер занимался архитектурой или историей, то он наверняка бы знал, что эти открытия были сделаны еще в древнем мире. Античные архитекторы использовали эти знания при строительстве римских акведуков и критских дворцов. Сам же Шаубергер был убежден, что если разработать специальные машины, которые бы использовали принцип вращения, то можно спокойно преодолеть земное тяготение. Было даже создано несколько крошечных моделей летающих дисков, которые планировалось испытать в концентрационном лагере Маут-

хаузен и венской инженерной школе СС Розенхюгель. Но «летающие диски» так и остались голой идей. Свои исследования Шаубергер продолжил после войны уже в США, где получил значительную финансовую поддержку. Но при этом оставался пленником, который плохо знал английский язык и томился в пустыне Невада. Свободу он получил лишь после того, как передал свои открытия американским корпорациям.

Как я говорил, новые мифы не оказались бы столь востребованными, если бы не опирались на полуправду. Мифы о нацистских НЛО активно замешаны на многочисленных слухах и домыслах относительно немецких колоний в Антарктике. В самом деле, в 1938—1939 годах немецкая экспедиция под руководством Альфреда Ричера побывала на Южном полюсе. Она открыла огромные незамерзающие области, которые были окрещены «новой Швабией». В своей трилогии, да и во многих интервью Вильгельм Ландиг утверждал, что там существовала немецкая колония. Именно туда после окончания войны были доставлены летающие диски. Но из-за климатических и других проблем со временем было решено эту колонию переселить в пещеры Анд. Как видим, нацистские мифы очень активно проникают в современную уфологическую среду. В одной из своих недавних книг ван Хельсинг сообщил, что на конгрессе уфологов не раз встречался с людьми, якобы имевшими контакты с инопланетянами. Но обитатели летающих объектов мало походили на классических зеленых человечков. Это были высокие, голубоглазые, светловолосые люди, говорящие по-немецки! На основе таких показаний родилось новое сенсационное произведение. Во время гипнотических сеансов Карин и Райнер Файстле вспомнили, как детьми были похищены НЛО. Во время похищения им были вставлены в голову имплантанты. «Комендант одного из НЛО», по их воспоминаниям, обладал красивыми голубыми глазами. Именно он поведал им, что на Земле должна возникнуть новая раса. «Голубоглазый пришелец» поведал также, что планета готовится к глобальной чистке. Новая книга ван Хельсинга просто переполнена какими-то

мрачными фантазиями, духовными страстями и надеждами на возникновение нового арийского человека.

Ван Хельсинг приводит свою собственную теорию возникновения человечества. Оказывается, 735 тысяч лет назад на Земле возникли первые колонии переселенцев с Альдебарана. Но у пришельцев не все прошло гладко, и для выполнения примитивных работ они вырастили «рабочего человека». Для его обозначения ван Хельсинг взял индуистское понятие, которое охотно в своих работах использовал Ланц фон Либенфельс, — чандалы (неприкасаемые, люди-животные). Но чандалы не захотели подчиняться своим творцам и стали смешиваться с другими расами, изначально существовавшими на Земле. Когда пришельцы обратили внимание на эту проблему, то было поздно — генный коктейль привел к возникновению ненависти, материализма и многочисленных войн. Чтобы хоть как-то облагородить Землю, пришельцы обратили внимание на народы, наиболее близкие собственному виду, — речь шла о германцах, населявших Туле и Атлантиду. В 30-е годы XX века внеземные существа явили немцам действительную историю человечества. Перед этим они посвятили в свои планы высокопоставленных членов общества «Туле»: Рудольфа фон Зеботтендорфа и Карла Хаусхофера. Но в мировой войне Германия потерпела крах.

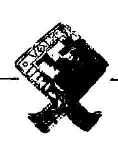
Десятилетия спустя жители Альдебарана снова пошли на контакт с немцами. Похищая людей, они заимствуют от них генный материал, который обрабатывают в лабораториях. Оказывается, где-то в нашей системе существуют лаборатории по производству «супер-детей», новой арийской расы. Эти арийские клоны смогут на все 100% использовать свой мозг, будут обладать огромной чувствительностью и телепатическими способностями. Их исключительные способности позволят им решать все земные проблемы. Но к земной жизни их станут готовить постепенно. Для начала человечество должно отказаться от насилия. Затем эти «чудо-дети» будут явлены миру, что станет самым знаменательным событием в истории планеты.

Показательно, что нынешняя «правая» эзотерика больше не опирается на вековые мифы. Она предпочитает гремучую смесь из апокалипсических страхов, расизма, арийских мифов и научной фантастики. В этом есть определенная логика. Теперь СС и эзотерические структуры наподобие общества «Туле» и «Ордена новых тамплиеров» воспринимаются скорее как посредники с другими мирами. Да и сами эсэсовские руны сейчас оказались где-то в сфере мистической уфологии. Зачем вести речь о концентрационных лагерях, если можно говорить о серебристых «летающих тарелках», в которых истинные арийцы бороздят просторы Вселенной. Ужасам войны противопоставляется новый, романтический облик Третьего рейха, чье руководство ищет пути в другую реальность и пытается спасти мир от грубого материализма. Антарктика превратилась в некий Китеж-град нацистского движения. В пещерах самого южного материка скрылись те, кто не захотел смириться с тьмой, окутавшей мир. От Туле до НЛО, оказывается, не так уж далеко...

Заключение

Сейчас на Западе вновь становится популярной теория, которая представляет национал-социализм как политическую религию. Авторы, придерживающиеся подобной точки зрения, указывают на мессианские настроения, которые смогли внушить массам национал-социалисты. Когда война подходила к концу, в немецком обществе возобладали типично апокалипсические моменты. Не удивительно, ведь на протяжении многих лет Гитлер почитался как Мессия, Спаситель не только Германии, но и всей Европы. Но политическая религия является всего лишь условным термином, который призван показать специфическую политику Третьего рейха. На самом деле Гитлер никогда не говорил массам о чисто мистических моментах. В его речах мы не найдем упоминаний о Туле или Атлантиде.

Совершенно другую картину мы наблюдаем в СС. Гиммлер никогда не стеснялся публично заявлять о подобных вещах. И тут мы сталкиваемся с первым противоречием, на которое не всегда обращают внимание исследователи. Национал-социализм как политическая религия, с присущими ей аспектами: массовым поклонением вождю, культом предков, обожествлением силы — лишь внешне напоминает мистические представления, которые развивались в СС. В ведомствах Генриха Гиммлера мистика и эзотерика не были условностями. Они наличествовали в чистом виде. Если перейти на язык оккультистов, то массовое партийное движение было внешним, профанирующим тайные знания, или, другими словами, ***экзотерическим.*** В то же время в СС формировалась неявная для всех, тайная идеология, которая претендовала на истинность — то есть была ***эзо-***



терической. Неразбериха в вопросах нацистского оккультизма как раз связана с тем, что авторы не захотели (или не смогли) провести грань между этими двумя различными явлениями. А ведь различия между ними были не такими уж маленькими. Кстати, один маленький, но очень показательный штришок — Гиммлер ни разу не приглашал Гитлера побывать ни в Вевельсбурге, ни у Экстернштайна.

Традиционно приходится слышать о том, что в Третьем рейхе возрождались языческие традиции. Тезис, казалось бы, бесспорный. Но только при условии, если не копать глубоко. Языческие элементы, используемые в массовых нацистских мероприятиях, были предназначены лишь для достижения определенных политических целей. В этом отношении нацистская власть не была религиозной. Биологизм и расчетливость национал-социалистической идеологии наводили скорее на мысль об атеизме, нежели глубокой религиозности. Возрождение язычества Гиммлеру приписывали также по привычке. Действительно, а что мог возрождать человек, который говорил о вреде христианства и требовал исследования вековых традиций, который упоминал Тора и Вотана, а своим подчиненным навязывал юльские светильники? Но тут стоило бы задуматься, зачем Гиммлеру язычество с его сложным пантеоном богов, которые частенько не ладили между собой. Никакой иерархии, столь присущей тоталитарному строю. Одновременно с этим возникал еще один вопрос: зачем человеку, возрождавшему германское язычество, интересоваться катарами, вести поиски Святого Грааля, проводить исследования в области зороастризма, посылать экспедиции на Тибет? Это не могло быть просто причудой, хобби, которым рейхсфюрер СС увлекался на досуге, отдыхая от служебных дел. Ответ прост — в рамках СС Гиммлер возрождал вовсе не язычество. Он хотел восстановить куда более древнюю религию. Эсэсовские исследователи и маги давали ей различные названия: «доеврейское христианство» (Гюнтер Кирхофф) , «индогерманская прорелигия» (Герман Вирт), «ирминизм» и «крестианство» (Карл Мария Виллигут), «южное христианство» (Отто Ран), «религия све-

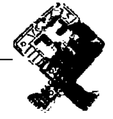
та» (Альфрад Шулер), «языческое христианство» и «арийская прарелигия» и т. д. Даже при всевозможном понимании этого явления у всех этих людей была общей одна мысль — данная религия была монотеистической. Более того, Вайстор достаточно четко указывал на то, что язычество как таковое было опасным заблуждением (вотанизм и надменность «детей света»).

Не знаю, право, какой из германских исследователей впервые употребил в отношении СС словосочетание «государство в государстве». Это была всего лишь метафора, которая должна была наглядно продемонстрировать, что СС в Третьем рейхе играли очень специфическую роль. У них была своя экономика, юрисдикция, своя армия. По мере написания книги я все чаще ловил себя на мысли, что «государство в государстве» переставало быть метафорой.

Но обо всем по порядку. Послевоенные планы Гиммлера очень сильно отличались от гитлеровских. Еще один из многочисленных парадоксов, которые на каждом шагу встречались в Третьем рейхе. Или этому можно найти логическое объяснение? Но если мы внимательно посмотрим на планы Гиммлера (создание эсэсовского культового центра в Экстернштайне, превращение Вевельсбурга в титаническую постройку и т.п.), то заметим, что после окончания войны Гиммлер действительно хотел создать государство в государстве! И не какую-то метафору, а вполне конкретное эсэсовское государство, со своими границами, законами, со своей религией. Не знаю, был ли в курсе этих планов Гитлер, но рейхсфюрер СС формировал их с немецкой тщательностью и дотошностью. Сложно сказать, где бы прошли границы нового эсэсовского государства, можно только предположить. Нанесите на карту Германии все культовые места и ритуальные постройки СС: Гослар, Экстернштайн, Вевельсбург, Заксенхайн, бесчисленные горы и мегалиты — и вы обнаружите, что все они сосредоточены на небольшой территории, диаметр которой едва ли превышал 250 километров. Все культовые места СС были сосредоточены в Вестфалии и поблизости с ней. Случайность? Или, может быть, в Баварии и Тюрингии никогда не сущест-

вовало подобных мегалитов, замков и т. п.? Отнюдь, но Гиммлер с особой тщательностью выбирал именно те места, которые располагались внутри этой неявной окружности. Почему именно здесь? Вспомните Виллигута и его тайное учение. И ответ в очередной раз станет очевидным. Именно эта территория являлась прародиной ирминизма, той самой религии, которую, как я предполагаю, собирался возродить Гиммлер.

Подобная теория, на мой взгляд, хорошо объясняет, почему Гиммлер при всем его могуществе никогда не был «наци № 2». Этот условный пост в различные времена занимали Герман Геринг, Йозеф Геббельс, Мартин Борман. Но Гиммлер, контролировавший весь карательный аппарат, обладавший широчайшими возможностями, никогда не собирался стать правой рукой Гитлера. Почему? Да потому, что ему мало льстила политическая должность, да еще со вторым номером. Рейхсфюрер СС вынашивал в своих мечтах планы о том, как он станет первосвященником возрожденного ирминизма. В этой ситуации эсэсовское государство превращалось в некий «Черный Ватикан», который лежал на северо-западе Германии. Если это предположение верно, то автоматически становится понятно, почему оказались в ссылке и Герман Вирт, и Карл Мария, и Вильгельм Тойдт. Они, сами того не подозревая, претендовали на место, которое Гиммлер уготовил себе. Неужели всерьез можно полагать, что Вирта выкинули из Аненербе из-за какой-то финансовой небрежности? Неужели можно верить, что Гиммлер отправил в отставку своего «мистического учителя» Виллигута только потому, что тот когда-то находился на принудительном лечении в психиатрической клинике? Это были лишь удобные поводы. Гиммлер, одержимый своими фантазиями, не хотел ни с кем делить свою мистико-религиозную власть. Он хорошо уяснил тезис «разделяй и властвуй». Именно поэтому, когда кто-то говорит, что именно определенная структура СС занималась мистическими или оккультными разработками («Наследие предков», РуСХА и т.д.), то он либо лжет, либо заблуждается. Подобные задачи оказались раскиданными между все-



ми структурами «Черного ордена». СД занималась ведьмами. Аненербе — историческими изысканиями, Главное управление СС по вопросам расы и поселений — расовой мистикой. Никто из них не мог претендовать на исключительность в вопросе формирования новой религии. Каждая из структур создавала лишь отдельные органы неведомого им нового мистического организма. Свести их воедино и вдохнуть в них жизнь должен был сам рейхсфюрер СС — Генрих Гиммлер. Но его планам не было суждено сбыться. Ирминсул, который должен был быть установлен у подножия Экстерништайна, так никогда и не раскинул свои ветви над Германией.

Гиммлер ушел в небытие вместе со своими планами. Кстати, по поводу его смерти остается множество открытых вопросов. Официальная историография очень охотно тиражирует подробности его самоубийства. Вкратце они выглядят так. Гиммлер вместе с несколькими приближенными офицерами СС пытался бежать в Данию, но был задержан английским патрулем. Долгое время он изображал из себя дезертировавшего солдата, но потом открыл свое истинное имя и потребовал встречи с маршалом Монтгомери. Когда ему было отказано, он проглотил ампулу с цианистым калием. Вроде бы все ясно как божий день. Но... Гиммлер действительно был задержан на севере Германии, но не английским, а советским патрулем близ городка Люнебург. Его препроводили в ближайший английский лагерь для военнопленных, где он и покончил с собой. Версия с бегством в Данию кажется полностью несостоятельной, если учесть, что несколькими днями ранее Гиммлер встречался с некоторыми офицерами СС в городке Фленсбург, который лежал непосредственно у датской границы. До Дании было рукой подать, а оттуда можно было спокойно добраться до нейтральной Швеции. Но место задержания Гиммлера указывает, что он несколько дней упорно двигался в полностью противоположную сторону — на юг. Куда он двигался, неизвестно. Можно лишь предположить. Если мы проведем прямую линию между Фленсбургом и Люнебургом (то есть попытаемся восстановить путь Гиммлера), то обнаружим, что

эта прямая приводит нас к Кведлинбургу! Гиммлер вовсе не пытался скрыться бегством — он шел к останкам Генриха I Птицелова. Зачем? Скорее всего, просить совета. Во время генриховских праздников в Кведлинбурге высокопоставленные офицеры СС могли наблюдать странную картину — рейхсфюрер спускался в крипту к останкам короля и оставался там длительное время. Лишь немногие знали, что Гиммлер был в состоянии разговаривать с духом своего давно умершего тезки. Ну, или полагал, что в состоянии разговаривать. Вспомним слова массажиста Керстена, который утверждал, что Гиммлер руководствовался советами, которые ему давал Птицелов. Теперь и в этом сюжете все встает на свои места. Гиммлер не мог попасть в Кведлинбург, а потому и раскрыл свое имя в надежде, что высшее руководство союзников увезет его из лагеря, а он за каким-нибудь поводом окажется рядом с останками. Когда этот план провалился, Гиммлер покончил с собой. Но не от отчаяния. Это было типичное ритуальное самоубийство — последний акт спектакля о возникновении эсэсовской мистики.

Я не претендую на то, что смог изучить все документы, прочитать все источники и доходчиво изложить их читателю. Моя цель состояла в другом — изучив документальную базу, попытаться по-новому взглянуть на вопрос о нацистском оккультизме, построить новую схему, как мне видится, более логичную и убедительную. Я вовсе не ставил себе задачу заваливать читателя шокирующими фактами и экзотическими доктринами. Но средства для достижения цели, надеюсь, были оправданы.

Список использованной литературы

1. Die Geschichtswissenschaft in den Planungen des Sicherheitsdienstes der SS: der SD-Historiker Hermann Löffler und seine Denkschrift «Entwicklung und Aufgaben der Geschichtswissenschaft in Deutschland» Bonn, 2001.

2. *Franz Wegener.* Alfred Schuler — der letzte deutsche Katharer Gnosis, Nationalsozialismus und mystische Blutleuchte Gladbeck Ruhrgebiet, 2003.

3. *Franz Wegner.* Heinrich Himmler. Deutscher Spirismus, französischer Okkultismus und Reichsfürer SS. Gladbeck. Ruhrgebiet, 2004.

4. *Hans-Jürgen* Lange. Otto Rahn und die Suche nach dem Gral. Arun 1999.

5. *Harald Lönnecker.* Zwischen Esoterik und Wissenschaft — die Kreise des «völkischen Germanenkundlers» Wilhelm Teudt. Frankfurt. a. M., 2004.

6. *Harald Strohm.* Die Gnosis und der Nationalsozialismus. Frankfurt, 1997.

7. *Hasler M.B.* Schwarze Sonne. Göttliches Licht der Erkanntnis. Schleswig, 2002.

8. Himmlers Hexenkartothek. Das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Bielefeled, 2000.

9. *John M. Steiner.* Über das Glaubensbekenntnis der SS // National-sozialistische Diktatur. 1933 — 1945. Bonn. Band 192.

10. *Kater, Michael H.* Das «Ahnenerbe» der SS: 1935 — 1945; ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Heidelberg, 1966

11. *Klaus Vondung.* Magie und Manipulation. Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus. Göttingen, 1971.

12. *Matthias Wenger.* Schwarze Sonneuber Midgard? Ein Beitrag zur Aufklarung der Verfalschung und Verzerrung heidnischer Spiritualitat. Berlin, 2004.

13. *Michael Ley, Julius H. Schoeps.* Der Nationalsozialismus als politische Religion. Bodenheim, 1997.

14. *Peter Kratz.* Die Götter des New Age. In Schnittpunkt von «Neuem Denken», Faschismus und Romantik. Berlin: Elefanten Press Verlag, 1994.

15. *Rolf Speckner, Christian Stamm.* Das Geheimnis der Externsteine. Bilder einer Mysterienstдtte. Stutgart, 2002.

16 *Rü*diger Sünner. Schwarze Sonne. Entfesselung und Mibrauch der Mythen in Natinonalsozialismus und rechter Esoterik. Freiburg, 1999.

17. *RudolfJ. Mund. Gerhard von Werfenstein.* Mythos Schwarye Sonne. Der Heilige Gral und das Geheimnis der Wewelsburg. Riga; Wien; Berlin, 2004.

18. *Rudolf J. Mund, Karl Maria Wiligut* Wiliguts Geheimlehre. Fragmente einwer verschollenen Religion. Deutscheherrverlag, 2002.

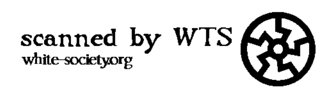
19 *Serrano, Miguel.* Das Goldene Band, Esoterischer Hitlerismus. Wetter, 1987.

20. *Stutterheim, Kerstin D.* Okkulte Weltvorstellungen im Hintergrund dokumentarischer Filme des «Dritten Reiches». Berlin, 2000.

21. Ufa Halle. «Die Externsteine sind bis auf weiters germanisch!». Prдhistorische Archдologie im Dritten Reich. Bielefeld, 2002.

22. *Ран Отто.* Крестовый поход против Грааля. М.: ACT, 2002.

Оглавление



4ндреи Васильченко

МИСТИКА СС

Ре ктор *Г Романова*
Х) ю е нныи рсдактор *С Грвздев*
Техни н актор *В К\лаги ıa*
Ком ı ютерн верст (*Птицына*
Коррект р *Г Гагарина*

ООО И дательство «Яуза
109507 Моск а Самаркандскии б р д 15

Для к рресп н енции 12"299 Москва . Клары Цеткнн. 18 к 5
Те (095) "45 58-23

Подписано в печать 01 09 2005
Формат 84х108 1 32 Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная
Бумага ип Усл печ л 23,52 Тираж 5 000 экз
Заказ № 1852.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография"
300600 г Тула, пр Ленина 109